

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

6

1 9 3 7

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

июнь 1937 г. 6

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15а

Пятнадцать лет советской прокуратуры

16 июня 1937 г. исполняется 15 лет со дня опубликования постановления 3 сессии ВЦИК IX созыва об учреждении прокуратуры.

В первый период пролетарской революции, вплоть до конца периода военного коммунизма, в советском государстве не существовало прокуратуры как особого органа государственной власти, осуществляющего надзор за соблюдением революционной законности и борьбу со всякого рода преступлениями, направленными против советского государства и интересов трудящихся.

Учреждение прокуратуры было вызвано изменением всей общественно-политической обстановки, связанным с переходом к новой экономической политике и с новой постановкой всей проблемы революционной законности и ее роли в борьбе за интересы советского государства.

О задачах и характере революционной законности этого первого периода знала товарищ Сталин специально говорил в докладе на объединенном пленуме ЦКК и ЦК ВКП(б) 7 декабря 1933 г.:

«Революционная законность первого периода знала, — говорил товарищ Сталин в этом своем докладе, — обращалась своим острым главным образом против крайностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов. Совершенно по-иному обстоит дело с революционной законностью в наше время. Революционная законность этого времени направлена своим острием

против крайностей военного коммунизма, которого давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности»¹.

В этих словах товарища Сталина содержится исчерпывающая характеристика основного содержания революционной законности первого периода новой экономической политики, т. е. того периода, когда была учреждена советская прокуратура, призванная к борьбе за дальнейшее утверждение и укрепление, развитие и успехи советской социалистической революционной законности.

Грубым извращением истории является утверждение, будто революционная законность была порождена новой экономической политикой, будто лишь с переходом к новой экономической политике стал вопрос в советском государстве о твердом и точном соблюдении законов и, следовательно, об укреплении системы органов, призванных к охране и осуществлению революционной законности.

Революционная законность с самого начала пролетарской революции всегда являлась одной из важнейших функций пролетарской диктатуры.

Еще в 1918 г. в декрете «О точном соблюдении законов» рабоче-крестьянское правительство указывало, что точное соблюдение законов РСФСР «необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в советской России».

В этом декрете мы читаем призыв от имени советского правительства ко всем гражданам республики, всем органам и всем должностным лицам советской власти «к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений».

Как бы предвидя неизбежность временных отступлений от действующих законов, вызванных исключительно обстановкой гражданской войны и сложностью обстоятельств, этот декрет установил правила, обязывающие при всяком отступлении от действующих законов в силу «экстренных условий гражданской войны и борьбы с контрреволюцией» необходимость особого оформления этих отступлений с представлением гражданских прав обжалования действий должностных лиц.

В 1919 г. в своем письме по поводу побед над Колчаком Ленин, особо говоря о революционной законности, указывал, что соблюдение строжайшего революционного порядка является условием того, чтобы «до конца уничтожить Колчака и Деникина». Ленин писал о необходимости «соблюдать свято законы и предписания советской власти и следить за их исполнением всеми».

Ленин писал: «Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка — есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся, — есть зацепка для побед Колчака и Деникина»¹.

Таким образом задолго до перехода к новой экономической политике вопросы революцион-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 509.

ной законности со всей остротой были уже поставлены нашей партией и правительством и разрешены в полном соответствии с интересами пролетарской революции. Важно подчеркнуть, что, отменяя сложность и своеобразие борьбы с классовым врагом после победы пролетариата, Ленин указывал, что «помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными», что они «только разбиты и попрятались, попритаились, переродились очень часто в «советский», «защитный» цвет... На каждом шагу подкарауливают они ошибки советской власти, слабость ее, чтобы сбросить ее...»².

Вот почему уже тогда Ленин подчеркивал необходимость уметь ловить этих врагов советского народа и карать их беспощадно. Мы знаем, что это предупреждение нашей партии было впоследствии не раз повторено. Мы знаем, что это предупреждение не раз оправдывалось, о чем свидетельствуют десятки и сотни заговоров, восстаний, всевозможных преступлений, организованных буржуазной контрреволюцией и ее агентурой в лице меньшевиков, эсеров, троцкистов, правых и т. п. нечисти.

На майской Всероссийской конференции РКП(б) (1921 г.) Ленин еще раз говорил о необходимости бороться против пролезших в наши учреждения врагов, «которые теперь интересы своего класса видят в том, чтобы нам делать гадости, мешать нам работать, которые думают, что спасут культуру, подготавливая большевиков к падению, которые знают канцелярское дело в сто раз лучше, чем мы»³.

Война с этим врагом трудна и сложна, с ним нужно воевать по всем правилам искусства, уметь находить виноватого, уметь вовремя отдавать его под суд, уметь карать его беспощадно. Так ставил вопрос Ленин, так ставит вопрос Сталин, так ставит вопрос наша партия.

Переход к новой экономической политике, допущение в известных пределах свободы торговли, введение свободного оборота создавали ряд новых и сложных обстоятельств, без учета которых нельзя было дальше успешно вести борьбу. Переход к новой экономической политике вовсе не означал развязывания мелкобуржуазной стихии. Задача заключалась в том, чтобы на основе этой новой экономической политики подготовить условия к окончательному разгрому капиталистических элементов, к окончательной победе социализма.

Здесь, конечно, было немало опасностей.

«Получается, — говорил Ленин, — на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно, закрывать глаза на это смешно. Спрашивается, необходим ли этот вопрос, можно ли оправдать этот вопрос, не опасен ли этот вопрос». И Ленин отвечал: «Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы»⁴.

Да, опасности были немалые. Но этим опасностям Ленин и наша партия противопоставили всю силу нового пролетарского государ-

ства, против этих опасностей они мобилизовали и такие органы пролетарского государства как ВЧК (ОГПУ), суд и прокуратуру.

Переход к эпохе неизбежно должен был породить новые и разнообразные преступления, возродить чаяния и надежды эксплуататоров на восстановление «потерянного рая». Классовый враг неизбежно должен был использовать в своей борьбе за утерянные позиции, за отнятое у него экономическое и политическое господство все средства и способы, как бы грязны и подлы они ни были. И враг использует все средства борьбы и «всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса...»⁵.

Учреждение прокуратуры было вызвано стремлением еще более усилить позиции советского государства в борьбе против капиталистических элементов, в борьбе против преступников, пускающих в ход спекуляцию, хищения, жульничество, всякие воровские махинации, чтобы расшатать и ослабить советскую власть и новую общественную дисциплину, чтобы попытаться разрушить новый советский строй и вернуться к старым условиям жизни, позволявшим безнаказано и в меру своих волчьих аппетитов эксплуатировать трудящихся.

Так ставился вопрос о прокуратуре как органе борьбы за советский правопорядок, за новые общественные отношения, за социализм.

Именно так стоял вопрос и на IX Всероссийском съезде советов. На этом съезде Ленин говорил о том, как наши враги, — «господа капиталисты, российские и иностранные» — своими интригами и происками пытались нас удущить и как умело эти интриги и происки отражала ВЧК, когда враги «нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу»⁶.

Ленин говорил: «Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК...»⁶.

«Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение как ВЧК. Это мы можем и всякому гарантировать. Но, вместе с тем, мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими»⁶.

Таковы были предпосылки организации прокуратуры, предпосылки, подготовленные всем ходом и развитием пролетарской революции и всеми особенностями нового этапа, в который наша революция вступила в 1921—1922 гг. Декрет об учреждении прокуратуры был подписан 28 мая 1922 г., но уже 25 августа 1921 г. совет-

¹ Ленин, т. XXVI, стр. 333.

² Ленин, т. XXII, стр. 460.

³ Ленин, т. XXVII, стр. 139.

⁴ Ленин, т. XXVII, стр. 139.

⁵ Ленин, т. XXVII, стр. 140.

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 434.

² Там же.

³ Ленин, т. XXVI, стр. 406.

ское правительство в специальном докладе поставило перед всеми органами советской власти и должностными лицами задачу осуществлять свою деятельность в строгом соответствии с законами. В этом декрете (25 августа 1921 г.) указывалось на эту задачу с тем, чтобы «советскими органами и всем населением было ясно усвоено, что проведение в жизнь начала революционной законности является одной из самых насущных потребностей советской республики (СУ 1932, № 36, ст. 424).

Это обстоятельство свидетельствует о том, что учреждение прокуратуры явилось завершением целой системы мероприятий, проводившихся в течение ряда лет в интересах укрепления у нас революционной законности. Ответ на вопрос о причинах, вызвавших к жизни советскую прокуратуру дал Ленин на IX всероссийском съезде советов, сказав: «Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватало за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло»¹.

Организация прокуратуры явилась крупнейшим событием общественно-политического значения. Вокруг вопроса об учреждении прокуратуры развернулись горячие споры, и в частности, на 3 сессии ВЦИК IX созыва. Многие члены ВЦИК высказывали сомнение в целесообразности учреждения прокуратуры, указывая, что проект об организации прокуратуры создает «нечто параллельное в виде второго юридического государства, параллельное с государством хозяйственным»².

В своем историческом письме на имя товарища Сталина для политбюро «О «двойном» подчинении и законности»³ Ленин указывал на разногласия, вызванные вопросом о прокуратуре в самой комиссии ЦК партии, назначенной для руководства работами сессии ВЦИК. Как известно, сущность этих разногласий состояла в том, что большинство комиссии возражало против того, чтобы местные представители прокуратуры назначались только центром и были подчинены только центру.

«Большинство требует, — писал в этом письме т. Ленин, — так называемого «двойного» подчинения, которое установлено вообще для всех местных работников, т. е. подчинение их, с одной стороны, центру в лице соответствующего наркомата, с другой стороны — местному губисполкому»⁴. Вокруг этого вопроса и разгорелся основной спор, спор не утихавший, по существу, до самого последнего времени, т. е. до постановления об учреждении союзного Наркомата юстиции и выделения прокура-

туры из наркоматов юстиции союзных республик с подчинением прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей только Прокурору Союза ССР.

Сторонники «двойного» подчинения изо всех сил выбивались, чтобы доказать правильность такого положения, чтобы убедить в необходимости поставить прокуратуру в организационную зависимость от местных органов власти. Одни говорили, что учреждение прокуратуры бьет в самое сердце принципу организации местной власти, что учреждение прокуратуры означает, «что функции власти у губисполкома отменяются и сосредоточиваются в руках центральной власти». Другие говорили о том, что учреждение прокуратуры — «это попытка в новой форме проводить главизм. Это есть нагромождение препятствий к проявлению инициативы на местах». Третьи говорили, что само наименование нового органа прокуратурой вызывает возбужденные настроения. Четвертые доказывали, что проектом учреждения прокуратуры «над губисполкомами хотят поставить нянек», что «этот проект доказывает неверие в силы губисполкомов» и т. д.

Все эти смехотворные утверждения резко раскритиковал на 3 сессии ВЦИК М. И. Калинин, разоблачивший грубые ошибки сторонников «двойного» подчинения.

Возражая, в частности, тем, кто высказывался против самого названия прокуратуры, М. И. Калинин говорил: «По-моему ничего страшного в названии прокурора нет. У нас слово «прокурор» связано с тем именно, что прежняя прокуратура служила старому царскому правительству, она не была самостоятельной. За это-то качество как раз и обвиняют проект... Он (проект, А. В.) именно призван для наблюдения за законностью». И дальше: «Мы, марксисты, великолепно понимаем и знаем, что юридические доктрины есть только надстройка. Когда мы сознательно творим свою жизнь, то позволяете сказать, что этой надстройкой мы стремимся двинуть, толкать и развивать человечество, приближать его к коммунистическому строю. Эта надстройка по существу добивается той же цели, что и экономическое осознание. Какой цели? Она стремится внедрить коммунистическую законность в сознание каждого гражданина советской республики, хотя бы этот гражданин был кочукий киргиз, находящийся на расстоянии десяти тысяч верст от Москвы, чтобы он был горд сознанием, что у него есть возможность отыскивать эти права. Он может идти до какой-то отдаленной Москвы, с которой он соединен федеративными узами. Не придавать значения развитию правового сознания у многомиллионного народа марксист ни в коем случае не может. Поэтому я думаю, что отказ от прокуратуры есть полное непонимание основных задач советской власти. Мы переживаем период, когда этот институт, в той или другой форме, должен быть введен»⁵.

Спор по вопросу об учреждении прокуратуры носил действительно глубоко принципиальный характер. Дело шло, в сущности говоря, о том — быть ли у нас законности не «калужской» или «казанской», а единой всероссийской и даже единой для всей федерации советских республик (Ленин).

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 193.

² Сессия ВЦИК IX созыва, бюллетень 1922, № 3.

³ Ленин, т. XXVII, стр. 298.

⁴ Ленин, т. XXVII, стр. 298. Ст. 44

Большинство комиссии встало на точку зрения так называемого «двойного» подчинения прокуратуры. Ленин и Сталин указывали на неправильность этого решения, на грубую ошибку этого решения, не учитывающего того, что «законность должна быть одна», что «основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»².

Большинство комиссий ЦИК не поняло, что единственная функция прокурора должна заключаться в том, чтобы следить за единообразным пониманием законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям, что его единственное право и единственная обязанность — бороться со всякого рода отклонениями от этого принципа, со всякого рода нарушениями и извращениями в этой области... Именно с этой точки зрения обязанность прокурора заключается в опротестовании всякого незаконного решения, в борьбе за то, чтобы «понимание законности установилось абсолютно одинаковое во всей республике».

Ленин и Сталин категорически возражали против «двойного» подчинения органов прокуратуры, настаивая на необходимости подчинения ее одному только центру. Вот почему Ленин предлагал «отвергнуть» «двойное» подчинение, установить подчинение местной прокурорской власти только центру в лице генерал-прокурора. В письме «О двойном подчинении законности» Ленин писал: «Поэтому я предлагаю ЦК отвергнуть в данном случае двойное подчинение. Установить подчинение местной прокурорской власти только центру и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местной власти с точки зрения законности этих решений или постановлений, без права приостанавливать таковые, а с исключительно правом передавать дело на решение суда»³.

Этот принцип в конечном итоге победил. Этот принцип лег в основание построения всей системы прокурорских органов. Этот принцип нашел свое окончательное завершение в постановлении об учреждении союзной прокуратуры (1933 г.) и в главе 9 новой союзной Конституции, подчеркнувшей в ст.ст. 113 и 117 независимость органов прокуратуры как органов социалистической законности от каких бы то ни было местных органов и подчинение их только Прокуратуре Союза ССР.

С момента учреждения прокуратуры прошло 15 лет. За эти 15 лет, несмотря на серьезные и все еще, к сожалению, не изжитые недостатки в своей работе, советская прокуратура превратилась в могучий и надежный орган пролетарской диктатуры. За эти 15 лет наша прокуратура прошла большой путь своего внутреннего развития, прошла громадную политическую школу. Она за это время сумела

при поддержке партии и правительства превратиться в достаточно авторитетный и политически выдержанный орган борьбы с врагами советского государства, с врагами социализма.

При учреждении прокуратуры на нее возлагалось осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений. На прокуратуру возлагалась также обязанность непосредственного наблюдения за деятельностью следственных органов и органов государственного политического управления, поддержания обвинения на суде и наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

Функции так называемого общего надзора должны были сочетаться в деятельности прокуратуры с ее функциями по наблюдению за расследованием и непосредственным участием в суде. Здесь заключается одно из коренных отличий советской прокуратуры от прокуратуры дореволюционной царской России и от прокуратуры капиталистических стран. Там основная функция прокуратуры состоит в судебной деятельности. Судебная или обвинительная функция прокуратуры поглощает в капиталистических странах, как и у нас в дореволюционное время, по существу, всю работу прокурорских органов. Эту мысль выразил в свое время один из руководителей царской прокуратуры (Муравьев), говоривший о том, что сущность прокурорской деятельности сводится «к публичному уголовному преследованию», что «деятельность эта, носящая название обвинительной, состоит из собирания данных для обвинения и самого обвинения перед судом». Об этом же говорил в свое время и Спасович, утверждавший, что «прокурор должен быть только истцом, должностью его обличительная, задача его — вчинение и производство уголовных исков». Спасович не только видел в судебной деятельности основную функцию прокуратуры, но он видел в ней единственную функцию, исключая обязанность прокуратуры по общему надзору, считая, что одно исключает другое.

«Должность прокурорская, — писал Спасович в своей работе «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством», — там, где она существует, может иметь двойное назначение: или этот прокурор есть страж закона, орган государственной инквизиции, глаз правительства, надзирающий за правильностью решения судов, или он истец по делам государства и общества». Подобная точка зрения чужда нашему советскому праву. По нашему праву, прокуратура одновременно и блюститель законности, орган, наблюдающий за тем, чтобы во всем нашем Союзе было единообразное понимание законности, была единая социалистическая законность и истец перед судом от имени интересов государства и трудящихся.

Так был поставлен вопрос о функциях прокуратуры и природе ее деятельности уже в положении о прокурорском надзоре 1922 г. Так этот вопрос был решен в положении о Прокуратуре Союза ССР (17 декабря 1933 г.). Так, наконец, этот вопрос решен и нашей великой Сталинской Конституцией.

¹ 3 сессия ВЦИК IX созыва, бюллетень 1922 г., № 3, стр. 17—18.

² Ленин, т. XXVII, стр. 299.

³ Ленин, т. XXVII, стр. 301.

Окончательная и прочная победа общественной социалистической собственности в СССР, являющаяся основой всего советского строя, расцвет социализма в нашей стране, величайший подъем материального и культурного уровня широчайших народных масс, великие принципы новой Сталинской Конституции, — все это по-новому ставит вопрос о задачах советской прокуратуры, о методах и формах ее деятельности в новых условиях. Новая Конституция, записавшая ряд положений о принципах организации советского суда, записала и ряд принципиальных положений, определяющих обязанность в новых условиях и советской прокуратуры.

Конституция СССР подчеркнула, какое исключительно почетное место занимает наша прокуратура в системе советского государства и какая ответственная роль выпадает на ее долю в дальнейшей борьбе за социализм.

В Конституции записано, что прокуратура является органом надзора за законностью, за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, отдельными должностными лицами и гражданами (ст. 113). В этой статье зафиксирован опыт пятнадцатилетнего существования советской прокуратуры, учрежденной советским государством по указанию гениев революции — Ленина и Сталина для борьбы с «тьмой беззаконий», с «рязанской» и «калужской» «законностями», за единую, всеобщую, подлинно революционную социалистическую законность.

Товарищ Сталин в беседе с Г. Д. Уэллсом говорил: «Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком»¹.

В руках социалистического государства устойчивость закона является одним из мощных средств укрепления социализма и преобразования его в коммунистическое общество. Товарищ Сталин в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов указал: «А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было».

Роль советского закона как могущественного рычага в борьбе за социализм огромна. Конституция специально говорит об этом в статьях 113 и 117, подчеркивая независимость органов прокуратуры как органов революционной, социалистической законности от каких бы то ни было местных органов и подчинение их только Прокурору Союза ССР.

По Конституции органы прокуратуры снизу доверху строятся по принципу назначения, причем обеспечивается непосредственное подчинение всех прокурорских органов Прокурору Союза ССР, который осуществляет высший надзор за законностью действий всех наркоматов и подчиненных им органов и учреждений.

Конституция полностью отражает принципиальную линию нашей партии по вопросу о роли советской прокуратуры, о ее обязанностях и правах по отношению к другим органам советской государственной системы.

До учреждения союзной прокуратуры в 1933 г. этот принцип не был достаточно полно выражен в структуре прокурорских органов.

Учреждение Прокуратуры Союза ССР (20 июня 1933 г.) сделало в этом отношении громадный шаг вперед. Положение о Прокуратуре СССР предоставило ей следующие права в отношении прокурорских органов союзных республик:

1) наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями союзной республики с правом истребования любого дела в любой стадии производства, опротестования приговоров и решений судов в вышестоящие судебные инстанции и приостановления их исполнения;

2) возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех инстанциях на территории СССР;

3) надзор за законностью и правильностью действий органов НКВД, милиции, уголовного розыска и исправительно-трудовых учреждений;

4) общее руководство деятельностью прокуратор союзных республик.

Это был действительно большой и серьезный шаг по пути укрепления организационного единства прокуратуры и обеспечения ей необходимой оперативной боеспособности.

При осуществлении этого положения были некоторые препятствия. В частности, еще существовало своеобразное «двойное подчинение» прокуроров Прокурору Союза ССР и наркомам юстиции союзных республик.

При учреждении НКЮ СССР из состава НКЮ союзных республик были выделены прокуратуры союзных республик и целиком подчинены Прокурору Союза ССР.

Сталинская Конституция исчерпывающе и последовательно разрешила этот коренной вопрос организации советской прокуратуры.

Пять коротких статей Сталинской Конституции о прокуратуре являются историческими для советской прокуратуры.

Назначение прокуроров, по новой Конституции, от республиканского до районного сосредоточивается в руках Прокурора Союза ССР (ст.ст. 114, 117). Конституцией устраняется существующий ныне порядок назначения прокуроров союзных республик по согласованию с республиканскими законодательными органами. Это еще в большей степени укрепит оперативную самостоятельность и независимость органов прокуратуры. А эта самостоятельность и независимость прокурорских органов являются важнейшим условием правильного и действительного прокурорского надзора за исполнением законов.

Новая Конституция возлагает на Прокурора Союза ССР высший надзор за точным исполнением в СССР законов учреждениями, должностными лицами, всеми гражданами СССР.

Прокурор Союза ССР назначается Верховным советом СССР сроком на семь лет. А Прокурор Союза ССР назначает республиканских, краевых и областных прокуроров, а также прокуроров автономных республик и областей сроком на пять лет.

Эти длительные сроки исполнения прокурорских обязанностей также свидетельствуют о громадной ответственности прокуроров и о громадной важности в стране советов прокурорской работы.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 611.

Советская прокуратура — это прокуратура социалистического государства рабочих и крестьян, государства победившего социализма.

Она стоит на страже интересов труда и социализма. Она вооружена беспощадным мечом революционной законности, чтобы метко, неустанно и беспощадно разить врагов народа.

В борьбе с врагами социализма советской прокуратуре принадлежит одно из важнейших мест, так как на органы прокуратуры, как и на органы НКВД, возлагается обязанность раскрывать преступные махинации врагов народа, какой бы маской они ни прикрывались, разоблачать и преследовать их в установленном законом порядке.

В СССР социализм уже осуществлен.

Товарищ Сталин сказал:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой и низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм»¹.

Но не ослабла борьба врагов с советским государством. Ведь социализм победил лишь на одной шестой земного шара. Мы находимся в капиталистическом окружении. Буржуазия всех стран, особенно фашистских, засылает к нам своих шпионов, вредителей, диверсантов и использует для этой гнусной работы все осколки и остатки разбитых внутри нашей страны классовых врагов. Троцкистско-зиновьевские негодяи, эти злейшие враги народа, и их союзники правые стали прямыми и штатными агентами японо-германского фашизма, бандой убийц и предателей. Оголенные враги социализма пытаются ослабить мощь советского государства вредительством, диверсией, шпионажем, террористическими актами против руководителей партии и советской власти.

Вот почему беспощадная борьба против злейших врагов советского народа, борьба за разоблачение и окончательное уничтожение остатков разгромленной банды убийц и шпионов, агентов японо-германского фашизма — троцкистов, правых и других контрреволюционеров и врагов советского народа является одной из важнейших задач советской прокуратуры как могучего органа защиты советского государства.

Борьба за неуклонное проведение в жизнь закона от 7 августа 1932 г., всем острием своим направленного против расхитителей общественной собственности и против мелкобуржуазных, частнособственнических предрассудков, составляющих почву для безнаказанности посягателей на общественную социалистическую собственность советского народа, является одной из важнейших задач советской прокуратуры.

Статья 131 Конституции возлагает на каждого гражданина СССР обязанность

...«беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества роди-

ны, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

Сталинская Конституция подчеркивает, что именно общественная социалистическая собственность, являющаяся основой советского строя, является источником богатства и могущества нашей родины, источником зажиточной и культурной жизни трудящихся. Вот почему процветание и укрепление общественной социалистической собственности является основой благосостояния и личного счастья каждого трудящегося СССР. Вот почему лица, покушающиеся на общественную социалистическую собственность, являются врагами народа, как говорит статья 131 новой Конституции, и подлежат самому суровому наказанию.

Борьба за общественную социалистическую собственность — это не только борьба с расхитителями и врагами народа, это борьба за советскую дисциплину, за экономию, за бережное и рачительное отношение к народному достоянию, против бесхозяйственности, расхлябанности, разгильдяйства, халатности, против всех старых привычек и пережитков старой психологии.

Величайшее отличие новой Конституции, как и Конституции предшествующего периода, от конституции самой демократической буржуазной страны заключается в реальности провозглашенных ею прав граждан. Глава 10 Сталинской Конституции поднимает права граждан в СССР на исключительную высоту. В каждом параграфе, в каждой строке Конституции отражается все величие эпохи победившего социализма.

Вся сила и мощь социалистической организации советского хозяйства и советский закон гарантируют незыблемость и неприкосновенность основных прав гражданина СССР. Закон требует также выполнения гражданином СССР его священных обязанностей перед родиной. Закон сурово карает за преступление перед родиной, беспощадно уничтожает изменников родины, предателей вражеских наемников.

Органы прокуратуры призваны зорко охранять права и интересы граждан СССР, направляя всю силу революционной законности против всякой попытки нарушить эти права и тем самым нарушить советскую Сталинскую Конституцию, которая представляет, как говорит товарищ Сталин,

«...исторический документ, трактующий просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии». «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты»¹.

Судебные функции советской прокуратуры иные, чем любой буржуазной прокуратуры. В советском суде прокурор — представитель социалистического государства рабочих и крестьян.

Советский прокурор — это прежде всего политический деятель советского государства, изболчиватель всех врагов социализма и всех

¹ Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 15, Партиздат, 1936.

¹ Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР.

преступных козней и гнусных замыслов этих врагов против трудящихся. Он — выразитель великих принципов борьбы за социализм и социалистическое строительство. От лица миллионов народных масс, навсегда покончивших с угнетением и эксплуатацией, с неравенством и бесправием, с нуждой и горем, советский прокурор избочкает преступников и их преступления. На судебной трибуне он, как на фронте гражданской войны, — боец великой армии, борющейся под знаменем коммунизма, под знаменем партии Ленина — Сталина. Судебная деятельность советской прокуратуры — это общественная деятельность в самом широком и самом высоком смысле этого слова.

Новая Конституция отводит советскому суду и прокуратуре как органам охраны социалистической законности большое место. Сталинская Конституция возлагает на нашу прокуратуру еще более ответственные обязанности, чем это было до сих пор, предъявляя к нам еще более строгие требования по охране социалистической законности и всех интересов советского государства.

Великие обязанности возлагаются нашей Конституцией на прокуратуру. Вместе с тем, на прокуратуру возлагается и великая ответственность за выполнение этих обязанностей. Законно поэтому поставить вопрос — достаточно ли сильна и крепка наша прокуратура для выполнения этих задач? Все ли сделано нами для того, чтобы обеспечить выполнение органами прокуратуры этого великого своего долга? К сожалению, на этот вопрос мы не можем дать полностью положительного ответа.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые прокуратурой за время своего существования, несмотря на то, что десятилетняя армия прокуроров и следователей честно и по-большевистски выполняет свой долг перед партией, перед революцией и перед родиной, мужественно и энергично борется с врагами социализма, верой и правдой служит своему народу и своей родной ленинско-ста-

линской партии, в работе органов прокуратуры есть еще много крупнейших недостатков, порождаемых неудовлетворительной подготовкой, слабой политической и юридической квалификацией, культурным отставанием ряда наших прокуроров и следователей. До сих пор еще среди нас имеются люди, допускающие сплошь и рядом грубейшие политические и юридические ошибки, не умеющие по-настоящему, по-большевистски, как учит нас партия Ленина — Сталина, бороться за социалистическую законность. Среди нас еще есть люди слабые и нерешительные, есть люди, не обладающие необходимой остротой политической бдительности, страдающие «идиотской болезнью беспечности». Но, что еще хуже и позорнее, в СССР находятся еще и прямые изменники и предатели, двурушники, троцкистские негодяи, агенты японо-германских разведок. Наш долг — усилить свою бдительность и политическую дальнзоркость, вскрыть и до конца разоблачить сидящих кое-где в советском аппарате и, в частности, в аппарате прокуратуры предателей и преступников, вырвать их из нашего аппарата с корнем, очиститься от всех негодяев и изменников быстро, решительно и до конца.

Наш долг — перестроить свои ряды, повысить качество нашей работы систематической и серьезной работой по политическому воспитанию своих кадров, по повышению их юридической и правовой квалификации. Наш долг повысить боеспособность нашей прокуратуры, сделать ее еще более могучей и сильной, еще более подготовленной к решению ответственных задач, к выполнению ответственных требований, предъявляемых нам партией и правительством.

15 лет существования и деятельности советской прокуратуры — большой срок. Каждый следующий год будет предъявлять к нам все новые и новые требования, и мы должны быть готовы с честью эти требования выполнить, оказаться на высоте наших великих обязанностей, нашей великой эпохи — эпохи победившего под знаменем партии Ленина — Сталина социализма.

Г. СЕ ГАЛ

Железнодорожная прокуратура в борьбе за социалистический транспорт

Железнодорожная прокуратура и железнодорожные линейные суды были организованы по постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1930 г. «в целях усиления борьбы с преступлениями, угрожающими нормальной работе транспорта, приближения разбора дел об этих преступлениях к месту их совершения и ускорения производства этих дел, а также в целях привлечения к борьбе с преступлениями на транспорте внимания широкой пролетарской общественности».

Создание железнодорожных линейных судов и железнодорожной прокуратуры совершенно не случайно совпадает с периодом развертывания борьбы партии за коллективизацию сельского хозяйства. Железнодорожный транспорт только в представлении закоренелых бюрократов являлся «полосой отчуждения», отгороженной от процессов, происходящих в стране.

Успешное проведение политики социалистической индустриализации страны, подготовленный этой политикой великий перелом в советской деревне, поворот основных масс крестьянства к новому социалистическому пути развития, к коллективизации — весь этот великий исторический процесс приводил к вытеснению остатков разбитых эксплуататорских классов в городе и к ликвидации последнего капиталистического класса — кулачества. Разворот первой социалистической пятилетки, предъявлявшей к транспорту усиленный спрос на перевозку, требовал увеличения кадров железнодорожников. Пользуясь этим спросом на кадры, разбросанностью предприятий железнодорожного транспорта на огромном протяжении нашей страны, а главным образом отсутствием революционной бдительности основных кадров транспорта и засоренностью

командного состава бюрократами и вредителями, «бывшие люди» и кулаки, вытесненные из промышленности и сельского хозяйства, «устраивались» на железных дорогах. С обострением классовой борьбы в стране активизировались саботажнические и вредительские элементы, гнездившиеся в «старых» кадрах транспорта и выполнявшие диверсионные и подрывные задания иностранных контрразведок. Усиление перевозок и густота движения на железнодорожном транспорте требовали укрепления дисциплины и четкости работы. Между тем, «деятельность» всех этих враждебных элементов, не встречавшая должного отпора на транспорте, приводила к разложению дисциплины и к росту крушений, дезорганизовавших работу железных дорог.

Все это вызывало необходимость создания специального органа диктатуры пролетариата, наносящего решительные, быстрые и меткие удары по вредителям, саботажникам и нарушителям железной дисциплины на транспорте. Таким органом и должны были явиться вновь созданные железнодорожные суды и прокуратура.

К их подсудности были отнесены все преступления, нарушающие нормальную работу транспорта, независимо от того, совершены ли эти преступления работниками транспорта или прочими гражданами. Постановление ЦИК и СНК СССР требовало от железнодорожных судов устраивать судебные заседания возможно ближе к месту совершения преступления: в железнодорожных мастерских, депо, рабочих клубах и т. д., с привлечением на заседания суда широкой рабочей общественности. Оно требовало от железнодорожной прокуратуры и судов при расследовании преступлений, совершенных на транспорте, «не только устанавливать непосредственных совершителей преступлений, но также тщательно выявлять и лиц, ответственных за общую постановку дела на данном участке транспорта, в целях применения к ним суровой репрессии».

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 января 1931 г. Положение о государственных преступлениях было дополнено ст. 17—3, устанавливавшей суровую репрессию за нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, если это нарушение повлекло или могло повлечь крушение, простой подвижного состава, нарушение планов перевозок.

Практика вскоре же показала целесообразность организации специальных железнодорожных прокуратуры и суда. Раньше борьба с преступлениями на железнодорожном транспорте являлась для общих территориальных органов суда и прокуратуры, выполнявших эту обязанность, второстепенной, побочной работой, дела тянулись долго, рассматривались большей частью без участия массы железнодорожников, причем судьи и прокуроры не разбирались в специальных вопросах работы железнодорожного транспорта и железнодорожной техники.

Создание специальных судов, разбиравших дела с участием заседателей-железнодорожников, и специальной прокуратуры привело к значительному усилению интереса широкой массы железнодорожников к судебным процессам, к заострению репрессии против врагов, разгильдяев и хулиганов, подрывавших работу транспорта. На судебных заседаниях

вскрывались и разоблачались гнилые порядки на многих участках железнодорожного транспорта, годами никем не замечавшиеся и приводившие к крушениям и авариям, к расхищению грузов и т. п.

Однако работа железнодорожной прокуратуры и судов страдала (как и продолжает страдать) рядом крупных недостатков. Слабость этих органов в первый период их существования (до середины 1933 г.) характеризуется следующим:

1) В самой их структуре была организационная незавершенность. Хотя они и были построены по линейному принципу, соответствовавшему принципу построения железных дорог, организационно они входили в состав территориальных органов суда и прокуратуры, подчиняясь лишь в оперативном отношении Верховному суду и прокуратуре Верховного суда СССР, которым, в свою очередь не были подчинены территориальные органы суда и прокуратуры. Разрыв между организационным и оперативным руководством приводил к текучести состава, к внутренней борьбе, к слабости руководства и отсутствию дисциплины и, как следствие, к слабой боеспособности. Организационная распыленность особенно отражалась на прокуратуре, которая по самой своей природе требует срочной цивилизации прокуратуры дорог, организационно не подчиненные прокуратуре Верховного суда СССР, в свою очередь не имели подчиненной им периферии — на участках работали по-прежнему районные территориальные прокуроры, получившие название «головных» прокуроров и занимавшиеся между прочим вопросами транспорта. Они входили в состав соответствующей областной или краевой прокуратуры, и дорожные прокуроры не имели почти никаких способов руководства ими.

2) Дорожные прокуроры, почти не имея следственного аппарата и связи с линией, ограничивали свою деятельность выступлениями в судебных заседаниях, подобно тому, как прокуратура Верховного суда СССР являлась исключительно судебной прокуратурой и занималась почти только дачей заключений по кассационным жалобам в Верховном суде.

3) Прокуроры и судьи только знакомились с железнодорожным хозяйством, имели крайне смутное представление о железнодорожной технике и на этой почве допускали в своей работе грубые ошибки в самых элементарных вопросах.

4) Работа прокуратуры и судов проходила оторванно от партийных и профессиональных организаций транспорта и крайне слабо ими популяризировалась.

Известные июльские решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1933 г. подвергли резкой критике работу железнодорожного транспорта. СНК и ЦК ВКП(б) сурово осудили «все еще неизжитый, окончательно обанкротившийся канцелярский-бюрократический метод руководства железными дорогами», плохую работу коммунистов и беспартийных активистов, как источник плохой работы железнодорожного транспорта, отсутствие самокритики и трусливое замазывание ошибок в работе, отсутствие классовой бдительности, политическую слепоту многих партийных организаций транспорта, не разоблачающих классовых врагов, пролезавших на железные дороги и пытающихся вести вреди-

тельскую и разлагающую работу. СНК и ЦК ВКП(б) отметили, что «против прогульщиков, летунов и прочих дезорганизаторов производства на железных дорогах не создано еще должной атмосферы всеобщего осуждения и позорного изгнания их из рядов железнодорожников».

Постановление ЦК ВКП(б) «О политотделах на железнодорожном транспорте» потребовало от них обеспечения сознательной железной дисциплины, развертывания борьбы с классово чуждыми и враждебными элементами, выявления, разоблачения и удаления их с железнодорожного транспорта, разоблачения и беспощадного изгнания из партийных и комсомольских организаций оппортунистических и социально чуждых элементов, ведущих подрывную работу под прикрытием партбилета.

В качестве одной из основных задач решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) поставили перед всеми организациями железнодорожного транспорта борьбу с крушениями и авариями и с хищениями социалистической собственности.

В июне 1933 г. ЦИК и СНК СССР утвердили «Устав о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта СССР», преследовавший цель укрепления железной дисциплины на транспорте и очищения его от чуждых и враждебных элементов.

С решениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) о железнодорожном транспорте совпадает создание Прокуратуры Союза ССР.

Все эти мероприятия партии и правительства определяют начало второго периода работы железнодорожной прокуратуры и судов.

Существовавшая прежде организационная расплывчатость была устранена. Железнодорожная прокуратура стала централизованным аппаратом, полностью подчиненным во всех отношениях Прокуратуре Союза ССР. На дорогах были созданы участковые прокуратуры со следственным аппаратом. В составе Прокуратуры Союза ССР была организована Главная транспортная прокуратура, на которую было возложено непосредственное организационное и оперативное руководство дорожными прокуратурами.

Железнодорожная прокуратура, выполнявшая ранее почти исключительно судебные функции, стала развертывать все отрасли прокурорской работы. На нее был возложен надзор за следствием в транспортных органах б. ОГПУ, чем она раньше не занималась. Вступил в действие следственный аппарат самой железнодорожной прокуратуры. Стала развертываться общенадзорная работа, основным объектом которой являлся надзор за правильностью применения дисциплинарных взысканий в соответствии с Уставом о дисциплине.

Основная работа железнодорожной прокуратуры и судов заключалась в борьбе с крушениями и с хищениями социалистической собственности.

Хищения грузов к этому времени приобрели чрезвычайно распространенный характер. Товарищ Сталин в докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. указал, что главное в «деятельности» последних остатков умирающих классов, вышибленных из колеи и расплывшихся по фабрикам, заводам, железным дорогам, колхозам, совхозам заключалось в организации массового воровства и хищения

государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности.

На железных дорогах орудовали крупные организованные шайки, занимавшиеся вскрытием вагонов, выбрасыванием грузов, ограблением железнодорожных пакгаузов. Эти шайки возглавлялись классовыми врагами, проникшими на транспорт, действовавшими совместно с кулацкими, деклассированными, преступными элементами окружающих районов и втягивавшими в свои воровские шайки неустойчивые элементы из среды железнодорожников. В ряде случаев воровские шайки возглавлялись лицами, посторонними транспорту и использовавшими преступные элементы из среды железнодорожников для разведки характера грузов, для выкрадывания документов и т. п. Крупные беспорядки в организации охраны грузов, безнадзорность и неосвещенность товарных дворов и станций, расхлябанность дисциплины кондукторских бригад способствовали работе воровских шайек. Пользуясь всем этим, хищники нагло орудовали, занимаясь прямым вредительством, разрушая подвижной состав и путь для удобства хищений.

Руководствуясь указанием товарища Сталина о том, что «революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности», железнодорожные прокуратуры и суды проделали большую работу на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. об охране общественной, социалистической собственности. Они разгромили большое количество организованных воровских шайек, осудили немалое число хозяйственников, своей беспечностью и неприятием мер к охране грузов способствовавших расхитителям социалистической собственности. Дорожные и участковые прокуроры в порядке прокурорского надзора проверяли состояние охраны грузов, добиваясь приведения в порядок товарных дворов, станций, пакгаузов и т. п. Под нашим прокурором на дорогах был проведен ряд мероприятий, способствовавших улучшению охраны социалистической собственности. Эта работа, несомненно, принесла положительные результаты.

Кадры железнодорожной прокуратуры и суда овладевали техникой железнодорожного транспорта. Расследование дел о крушениях стало более грамотным. Организация политотделов создала условия для мобилизации массы железнодорожников вокруг проводимых процессов. Судебная борьба с крушениями стала более интенсивной. И тем не менее, она не принесла результатов в смысле сокращения крушений. Причина этого заключалась в том, что решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) о перестройке работы железнодорожного транспорта выполнялись неудовлетворительно. Канцелярско-бюрократические методы руководства не были выкорчеваны. Борьба за дисциплину проводилась формально. Практика дисциплинарных взысканий страдала грубейшими бюрократическими извращениями; массовые взыскания, налагавшиеся формально, для самостраховки администраторов, без разъяснительной работы, без мобилизации общественности приводили к притуплению у железнодорожников

чувства ответственности. Политотделы, одной из основных задач которых являлась борьба с канцелярско-бюрократическими методами, сами в значительной мере заразились ими; работа их, как и всего железнодорожного транспорта в целом, подверглась резкой критике на XVII съезде ВКП(б). Само собой разумеется, что бюрократический характер работы железнодорожных организаций отнюдь не содействовал усилению революционной бдительности железнодорожных кадров и выкорчевыванию классовых врагов. Они продолжали орудовать, разлагая дисциплину, насаждая местнические антигосударственные настроения, культивируя теорию неизбежности крушений, срывая выполнение государственных планов перевозок.

Грубыми бюрократическими извращениями страдала и работа органов прокуратуры и суда на железнодорожном транспорте, в особенности в области борьбы с крушениями. Она характеризовалась самотеком, массовой судимостью, неумением вскрыть основных виновников крушений и обрушить на них тяжесть судебной репрессии. Массовая судимость неизбежно влекла за собой низкий уровень репрессии, формальное проведение процессов, отсутствие мобилизации масс.

Перелом в методах работы произошел с приходом на железнодорожный транспорт т. Л. М. Кагановича.

В первом же своем приказе от 19 марта 1935 года «О борьбе с крушениями и авариями» т. Л. М. Каганович подверг беспощадной критике применявшиеся на транспорте методы борьбы с крушениями. Этот приказ впервые в истории железнодорожного транспорта с большевистской прямотой опубликовал для сведения широчайших масс статистику крушений, воочию показав, до каких размеров дошло это позорное явление. «К крушениям привыкли, — говорил приказ, — считают их обычным делом».

«Самыми «энергичными мерами», которые принимаются в результате ознакомления начальников дорог и эксплуатационных отделений с сообщениями о крушениях и авариях, является передача дел в суд. Прокуроры обвиняют, суды судят, а число крушений растет». «Судимость на железных дорогах начинают считать таким же привычным, «неизбежным» делом, как и крушения». Приказ т. Л. М. Кагановича со всей остротой поставил вопрос о том, что «в крушениях концентрируются все недостатки в работе железных дорог», потребовал коренной большевистской перестройки всего дела борьбы с крушениями, проведения организационно-хозяйственных мероприятий, анализа крушений и установления их причин, большевистского сочетания массовой разъяснительной работы с мерами принуждения.

Вопрос о борьбе с крушениями был специально обсужден на совещании работников железнодорожного транспорта с участием товарища Сталина, руководителей партии и правительства. На этом совещании был выработан ряд практических мероприятий по обеспечению безопасности движения. Наряду с этим было указано, что суд является последним средством: Это указание требовало коренной перестройки работы органов прокуратуры и суда на транспорте. Перед ними стала задача ликвидации самотека и массовой судимости,

заострения репрессии против врагов и дезорганизаторов транспорта.

С первых же шагов своей работы на транспорте т. Л. М. Каганович разоблачил свившую себе прочное гнездо антисоветскую вредительскую «теорию предела», сковывавшую транспорт, препятствовавшую его движению вперед, превращавшую транспорт в узкое место народного хозяйства в препятствие победоносному росту социалистического строительства в нашей стране.

Большевистское руководство, разгромившее теорию предела, вскрывшее огромные резервы работы транспорта, искусственно зажимавшиеся под прикрытием этой вредительской теории, создавшее все условия для подъема масс, развития стахановско-кириловского движения, обеспечило бурный рост работы железнодорожного транспорта. Среднесуточная погрузка, равнявшаяся в 1934 г. 55 717 вагонов, поднялась в 1935 г. до 68 098 вагонов, в 1936 г. до 86 160 вагонов.

Изменилась и работа прокуратуры и судов на железнодорожном транспорте. Отказавшись от применения массовой репрессии, они обеспечили значительно более высокий уровень репрессии против дезорганизаторов транспорта и аварийщиков. Поднялось качество подготовки и проведения судебных процессов. Показательным в этом отношении был прошедший в октябре 1935 г. процесс о крушениях на станции Тихонова-Пустынь, привлечший к себе внимание буквально всей армии железнодорожников и способствовавший укреплению дисциплины на транспорте.

Новый период в работе прокуратуры и судов на железнодорожном транспорте характеризуется значительным укреплением связи с руководством НКПС и согласованности работы с ним. Усилилась оперативность прокуратуры и быстрота воздействия на нарушителей дисциплины, усилилось оперативное руководство главной прокуратуры железнодорожного транспорта.

Количество преданных суду по делам о крушениях в 1936 г., по сравнению с 1935 г., понизилось на 40%; количество осужденных по этим делам понизилось на 36,3%. Зато значительно усилилась жесткость применяемых репрессий: если в 1935 г. к мерам, не связанным с лишением свободы, было приговорено 55,2% осужденных за крушения, то в 1936 г. таким мерам было подвергнуто лишь 13,6% осужденных.

Это произошло в результате значительно более осторожного подхода прокуратуры к преданию суду и значительно более жесткого подхода судов к нарушителям железной дисциплины на транспорте.

Вместе с тем выросла быстрота воздействия на виновников крушений. Если раньше сроки следствия по делам о крушениях были чрезвычайно длительными, то в 1936 г. около 75% дел о крушениях расследовалось в 10-дневный срок. За последние месяцы 1936 г. темпы следствия по этим делам еще более усилились: 63% дел о крушениях было расследовано в срок до 5 дней и 82% — в срок до 10 дней.

Гигантский рост успехов социалистического строительства в нашей стране, рост культуры масс, улучшение их благосостояния привели к резкому сокращению преступности в

Советском союзе. Этот же процесс чрезвычайно интенсивно происходит и на железнодорожном транспорте. Чрезвычайно показательна в этом отношении динамика законченных следствием дел по кварталам 1935—1936 гг. Если принять количество законченных следствием дел в I квартале 1935 г. за 100, то во II кв. их было 76,8, в III кв. — 62,9, в IV кв. — 70,0, в I кв. 1936 г. — 65,9, во II кв. 48,9, в III кв. — 36,5 и в IV кв. — 52,5. (некоторый рост количества дел в IV квартале 1936 г. объясняется усилением борьбы с крушениями в этом квартале).

Всего в 1936 г. было закончено следствием дел на 34,4% меньше чем в 1935 г., привлечение лиц на 38,5% меньше.

Переходя к отдельным категориям дел, необходимо отметить, что в 1936 г. значительно сократилось количество дел: о хищениях на железнодорожном транспорте — на 36% (здесь необходимо, в частности, отметить проведенную прокуратурой и судами борьбу с хищениями и порчей автотормозного оборудования, приведшую к почти полной ликвидации этого явления); о должностных корыстных преступлениях — почти вдвое; о преступлениях в области рабочего снабжения на 34%; о хулиганстве на 26%.

Необходимо отметить увеличение роли транспортных следователей в расследовании дел о преступлениях на железнодорожном транспорте.

Если в 1935 г. транспортными следователями было расследовано 25,9% дел, то в 1936 г. этот процент увеличился до 29,7; при этом в 1936 г. отмечается непрерывный рост процента дел, расследованных следователями, дошедших в IV квартале до 37,9.

Приходится вместе с тем констатировать высокий процент прекращения прокуратурой и направления ею к доследованию следственных дел, крайне незначительно снизившийся в 1936 году (в 1935 г. — 20,2%, в 1936 г. — 18,4%). Это объясняется тем, что:

1) прокуроры далеко еще не устранили практики неосновательного возбуждения дел. Не давая себе труда критически проанализировать поступивший материал, прокуроры направляют его для производства расследования. В результате — частое неосновательное дергание людей, отрыв их от работы, деморализация и т. п.;

2) крайне недостаточен надзор прокуратуры в процессе расследования. Это обстоятельство является одним из крупнейших пробелов в работе нашей прокуратуры.

Вместе с тем следует отметить значительное снижение процента прекращения и направления на доследование линейным судом дел, передаваемых прокуратурой. Этот процент, равнявшийся в 1935 г. 16,4, снизился в IV квартале 1936 г. до 8,8. Снизился как процент оправдания в линейных судах (за 1936 г. — 4,2%, отдельно за IV квартал — 3,5%), так и процент прекращения и направления на доследование рассмотренных линейными судами дел транспортной коллегией Верховного суда союза ССР с 13,3 в 1935 г. до 9,2 — в 1936 г.

Улучшение подготовки судебных процессов линейными судами и усиление мобилизации масс железнодорожников вокруг этих процес-

сов выразились в росте участия представителей прокуратуры в судебных процессах. В 1935 г. представители прокуратуры поддерживали обвинение по 71,8% дел, рассмотренных линейными судами (не считая спецдел); в 1936 г. процент участия представителей прокуратуры вырос до 84,5. Однако здесь необходимо отметить недопустимо высокое количество случаев поддержания обвинения следователями: в 1935 г. следователи поддерживали обвинение по 16,9%, в 1936 г. по 14,2% дел, рассмотренных линейными судами. Это обстоятельство свидетельствует о явной недооценке прокурорами значения прокурорских выступлений на суде и вместе с тем приводит к отрыву следователей от их непосредственной работы по расследованию преступлений. Перед нами стоит задача ликвидации использования следователей в качестве обвинителей в судебных процессах.

Железнодорожная прокуратура завоевала прочное место в работе железнодорожного транспорта. Сила ее заключается в том, что она связана с производственным процессом железнодорожного конвейера и связана с людьми, работающими на транспорте.

В большей степени чем территориальная, транспортная прокуратура имеет все возможности к организации мощного актива из лучших работников транспорта — станочников, сигнализирующих ей о прорывах в работе и помогающих осуществлять надзор за законностью и разоблачать классовых врагов.

Однако, несмотря на улучшения в работе прокуратуры на железнодорожном транспорте, в ней до последнего времени имел место крупнейший политический пробел, который со всей остротой встал перед нами в свете решений пленума ЦК ВКП(б), в свете фактов, вскрытых процессов по делу антисоветского троцкистского центра. Этот пробел заключается в том, что следственные органы и прокуратура, а за ними и суды не вскрыли истинной политической сущности действий виновников ряда крупнейших крушений, не сумели из среды разгильдяев выделить сознательных врагов и диверсантов. Ряд крушений, как теперь установлено, сознательно организованных троцкистскими бандитами, был расследован и рассмотрен судами под углом зрения обычных нарушений дисциплины на железнодорожном транспорте. Диверсанты и вредители не были разоблачены и прошли перед судом в роли головоуловов и нарушителей железнодорожных правил.

Так было по делу о крушении воинского поезда на станции Шумиха Южно-Уральской железной дороги, организованном бандой диверсантов под руководством фашистского шпиона, троцкиста Князева. Хотя виновники этого крушения, за исключением самого Князева, и были приговорены к суровым мерам наказания, но они не были разоблачены как диверсанты, каковыми они в действительности являлись, и корни вредительской организации не были вскрыты.

Так было по делу о крупном крушении на станции Козырево Южно-Уральской железной дороги в мае 1936 г., по делу о взрыве топки паровоза «ФД» на перегоне Роза—Варгаши этой же дороги в январе 1936 г., по делу о крушении на перегоне Казыяк—Шамары же-

лезной дороги им. Кагановича в сентябре 1936 года и по целому ряду других дел.

Могут сказать, что во время расследования этих дел, не зная о нитях, связывающих организаторов крушений с антисоветским центром, органы расследования и прокуратура не могли вскрыть истинной природы крушений. Однако анализ ряда дел о крушениях, являющихся, как теперь полностью установлено, результатом диверсий, показывает, что уже непосредственно после крушений в распоряжении прокуратуры имелись факты, при тщательном анализе и сопоставлении которых можно и должно было выявить умышленность действий виновников крушений.

Так, например, по делу о крушении на станции Козырево в следственном материале имелись такого рода факты:

1) дежурный по станции Факеев, принимая на станцию поезд № 801, который должен был проходить станцию Козырево без остановки, сознательно задерживал отправление со станции поезда № 721 и отправил его лишь в момент подхода к станции поезда № 801, хотя оба эти поезда должны были проходить через одну и ту же стрелку;

2) встречая входивший на станцию поезд № 801, Факеев давал неясные сигналы, путавшие машиниста;

3) на следствии Факеев заявил, что сознательно нарушил правила технической эксплуатации и техническо-распорядительного акта станции, объяснял это тем, что «считал правила устаревшими и хотел это обстоятельство проверить на практике» (не указывает ли самый характер этой оговорки на умышленность крушений?);

4) при обыске у Факеева было обнаружено несколько чужих документов.

Разве недостаточно было этих фактов, чтобы с полным основанием уже тогда предъявить Факееву обвинение в сознательной организации крушения? Однако этого не было сделано. Факеев был осужден, но не как диверсант, а как нарушитель дисциплины.

Отсутствие необходимой зоркости у прокуратуры и органов расследования привело к тому, что враги и диверсанты не были своевременно разоблачены.

Столь серьезный политический пробел в работе прокуратуры можно объяснить лишь деловым подходом к следствию и аполитизмом.

Ограничиваясь выяснением внешних обстоятельств крушения, формальной его стороной, видя по следам выводов технической расследования (которое, как теперь оказалось, в ряде случаев производилось людьми, старавшимися сознательно навести следствие на ложный путь), прокуратура не делала необходимого политического анализа имевшихся в ее распоряжении фактов, не делала необходимых обобщений.

Увлеченные успехами железнодорожного транспорта, некоторыми достижениями в своей собственной работе (быстрота следствия, большая техническая его грамотность, заострение репрессии против нарушителей дисциплины) работники железнодорожной прокуратуры забыли о том, что «пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностран-

ных государств» (Сталин). Работники прокуратуры не видели того, что «современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств» (Сталин).

Новые сложные задачи стоят перед железнодорожной прокуратурой в свете решений пленума ЦК ВКП(б). Методы расследования крушений коренным образом меняются. Ответственность за установление действительных причин крушения возлагается непосредственно на прокуратуру, которая должна выполнять эту задачу совместно с органами НКВД и вновь созданным институтом ревизоров по безопасности движения.

Эта задача требует от прокуроров и следователей железнодорожной прокуратуры высокого идейно-политического уровня, подлинного овладения большевизмом, умения расшифровывать махинации врагов, как бы хитроумно они ни были бы завуалированы. Она требует от работников железнодорожной прокуратуры высокой криминалистической грамотности и знания основ железнодорожной техники. Без этих условий невозможно справиться со всей сложностью задач, стоящих перед железнодорожной прокуратурой.

У нас есть уже теперь немало прокуроров и следователей, которые выросли на работе и с точки зрения политической и с точки зрения своей специальности не плохо знают технику железнодорожного дела. Однако мы обязаны добиться серьезного поднятия уровня всего коллектива работников железнодорожной прокуратуры. В наши ряды волеется в связи с новыми задачами ряд новых работников. Они должны будут на ходу, в процессе работы, накапливать опыт и усваивать знания, необходимые для железнодорожного прокурора и железнодорожного следователя.

В работу по установлению причин крушений вовлекается армия районных территориальных прокуроров, которые должны в случае отсутствия на месте участкового железнодорожного прокурора, выезжать на крушение и руководить первоначальным составлением акта о причине крушения. Это налагает на железнодорожных прокуроров обязанность установления тесной связи с районными прокурорами и их постоянного инструктажа.

Все это требует серьезной перестройки работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Она должна устранить из своей работы бюрократизм, неповоротливость и текучку, обеспечить подлинное, большевистское, конкретное руководство работой своей периферии, живую связь с ней и повседневную практическую помощь. Она должна воспитывать прокуроров и следователей в духе политической зоркости и большевистской непримиримости, она должна оказывать им твердую поддержку в их борьбе с вредительскими махинациями врагов и с нарушениями государственной дисциплины на транспорте, невзирая на лица.

В апреле этого года прошло Всесоюзное совещание прокуроров железных дорог. На этом совещании были подвергнуты в свете истории

ческих решений пленума ЦК ВКП(б) жесткой критике благодушие и политическая слепота, проявленные работниками железнодорожной прокуратуры и самой главной прокуратуры железнодорожного транспорта по ряду дел о крушениях, недоброкачественном ремонте и т. п., которые, как теперь установлено, явились результатом подрывной деятельности троцкистских шпионов и диверсантов, бюрократизм и неповоротливость аппарата главной прокуратуры, слабая работа по изучению и воспитанию кадров, отсутствие должной проверки исполнения.

Это совещание, несомненно, дало серьезную зарядку работникам железнодорожной прокуратуры. Задача теперь заключается в том, чтобы в повседневной работе, в крупном и в мелочах обеспечить перестройку работы не на словах, а на деле и выдержать тот политический экзамен, который предстоит нам в деле выполнения решений пленума ЦК ВКП(б).

Мы не сомневаемся в том, что прокуроры и следователи железнодорожной прокуратуры, партийные и непартийные большевики, поставленные партией и правительством на острейшем участке борьбы с классовыми врагами на железнодорожном транспорте, вооруженные историческими решениями пленума ЦК ВКП(б) и указаниями товарища Сталина, сумеют на основе большевистской самокритики и упорной работы над повышением своего идейно-политического и специального уровня, оправдать доверие партии и помогут железнодорожному транспорту нашей великой родины окончательно разгромить троцкистских и всяких иных двурушников, диверсантов и шпионов, пытающихся задержать победоносное движение вперед главного нерва экономической жизни страны социализма — железнодорожного транспорта.

С. МИРОНОВ

Прокуратура водного транспорта в борьбе за социалистическую законность

До начала 1934 г. борьба с преступлениями на водном транспорте возлагалась на органы территориальной прокуратуры. В конце 1933 г. в составе главной транспортной прокуратуры организовался водный сектор. К этому времени выросли и усложнились задачи водного транспорта.

Наркомвод действовал как союзный Наркомат. Речные и морские бассейны подчинялись непосредственно Наркомводу. Образование политических отделов во всех пароходствах еще больше создавало строгую централизованную систему управления водным транспортом. В этих условиях районные, краевые, областные и республиканские прокуроры были оторваны от хозяйственного руководства и политотделов. Водный бассейн одного пароходства находился на территории нескольких краев и областей. Это создавало крайне трудную обстановку в разрешении многих вопросов в организации борьбы с нарушениями революционной законности на водном транспорте.

Надо иметь в виду, что на водный транспорт проникали в большом количестве враждебные элементы и прямые враги народа. Кроме того разгильдяи, прогульщики, удаленные с других предприятий и железнодорожного транспорта, находили себе приют нередко на разных должностях в службе пути и даже поступали на суда. Все эти элементы занимались хищениями социалистической собственности, организовывали аварии и разлагали производственную дисциплину. Для борьбы со всеми этими преступлениями неоднократно выдвигался вопрос о создании централизованной прокуратуры и суда водного транспорта по примеру железнодорожной прокуратуры, так как территориальный суд и прокуратура не смогли справиться с большой работой, требующей знания техники водного дела и непрерывной связи с органами Наркомвода.

Прокуратура водного транспорта была организована согласно постановлению ЦИК СССР и СНК СССР от 7 июня 1934 г. для борьбы с нарушениями социалистической законности, охраны социалистической собственности и укрепления дисциплины на водном транспорте.

На основе этого постановления прокуратура была создана во всех морских и речных бассейнах. На важнейших производственных и эксплуатационных пунктах была образована участковая прокуратура в составе пом. прокурора бассейна, следователя и технического работника. До апреля 1936 г. в непосредственном подчинении Прокуратуры СССР находились прокуратуры следующих бассейнов: Черноморского, Каспийского, Верхневолжского, Средневолжского, Нижневолжского, Днепровского и Аму-Дарьинского. Прокуратура остальных 17 бассейнов состояла в ведении Прокуратуры РСФСР и только 7 апреля 1936 г. прокуратура этих бассейнов постановлением ЦИК и СНК СССР была также передана в непосредственное подчинение Прокуратуры Союза.

Ввиду отдаленности и разбросанности Печерского и Ленского бассейнов, специальная прокуратура при этих пароходствах в начале 1937 г. была ликвидирована и вся работа по обслуживанию передана прокуратуре Печерского округа и Якутской АССР. В настоящее время в непосредственном подчинении Прокуратуры Союза находится прокуратура 18 водных бассейнов.

В системе водной прокуратуры, кроме прокуроров бассейнов и их заместителей по штату состоит 51 пом. прокурора бассейна, 29 старших следователей и 44 участковых следователей. Если с подбором следователей дело обстоит сравнительно благополучно, то этого нельзя сказать в отношении прокуроров. До сих пор не заполнено 18 штатных прокурорских должностей. Прокуратура Союза непре-

рывно вела борьбу за улучшение и укрепление кадров. За 1936 г. снято с работы 16 прокуроров и следователей за различные проступки и по несоответствию. За 1935 г. по тем же причинам — 14 человек и в 1937 г. освобождено от работы 9 человек. С другой стороны, эти цифры говорят о недостаточно внимательном подборе работников со стороны главной прокуратуры водного транспорта и прокуроров бассейнов. С 1935 г. по май 1937 г. подготовлено и принято на работу 35 человек.

Создан большой актив водной прокуратуры. По заданию прокуроров работают в общественном порядке свыше 1000 человек рабочих и служащих для дела укрепления социалистической законности. Работает 105 совсовместителей. По сигналам активистов прокуратуры немало было разоблачено и осуждено преступников.

1934 г. был годом формирования прокуратур бассейнов, подбирались работники, создавались формы и методы прокурорской работы на водном транспорте. Большая работа проведена по борьбе с хищениями и другими корыстными преступлениями.

В 1935 г. прокуратура допустила грубые ошибки, выразившиеся в неосновательном массовом привлечении к уголовной ответственности работников водного транспорта. Несмотря на указания Прокурора Союза, водная прокуратура в 1936 г. не добилась полностью ликвидации этих извращений. Случаи незаконного предания суду в 1936 г., хотя и в меньших размерах, продолжали иметь место.

Под руководством нашей партии и великого вождя народов товарища Сталина в нашей социалистической стране мы имеем громадный рост политической сознательности и повышение культурного и материального уровня трудящихся. В результате этого роста и на водном транспорте непрерывно уменьшается преступность, что подтверждается следующими данными: в 1936 г. поступило уголовных дел на 36,9% менее, чем в 1935 г.; привлечено лиц по оконченным делам в 1936 г. меньше на 47,4% против 1935 г.; предано суду в 1936 г. меньше на 39,9%; осуждено в 1935 г. 72,8%, а в 1936 г. 82,2% от общего количества лиц, преданных суду; улучшается качество работы.

В 1935 г. прекращено 27% оконченных расследованием дел, а в 1936 г. прекращено 22,2%, а в I квартале 1937 г. прекращено 13,3%. Правда, это снижение далеко недостаточно. Все же оно характеризует непрерывное сокращение случаев неправильного, необоснованного привлечения к уголовной ответственности работников водного транспорта.

С момента организации прокуратура вела энергичную борьбу за охрану социалистической собственности на водном транспорте, неуклонно применяя закон от 7 августа 1932 г., что повлиядо на сокращение хищений. По материалам военизированной охраны стоимость похищенного учтенного груза в 1936 г. уменьшилась в 4 раза по сравнению с 1934 г. Несмотря на это, борьба с хищениями и растратами находится в неудовлетворительном положении. По неполным сведениям Центроводторгплита растраты в органах орсов в 1935 г. составили 0,72%, а в 1936 г. — 0,43% к общему обороту. Хуже всего с растратами дело обстоит в пароходствах: Уральском 2,13% к

обороту, Селенгинском 3,40%, Куринском 2,78% и Аму-Дарьинском 1,76% к обороту. Некоторое сокращение растрат к обороту не говорит еще о благополучии на этом участке. До сих пор мы имеем большое число растрат и так называемых недостач, под которыми часто скрываются хищения социалистической собственности. Прокуроры бассейнов не выполнили решений январского совещания и не организовали учет хищений через управления пароходств, поэтому нельзя дать исчерпывающую динамику состояния преступности в области торговли.

Большие задачи закон возлагает на прокуратуру в борьбе с аварийностью флота. Мы имеем непрерывный рост аварий.

По речному транспорту в 1934 г. было 5556 аварий с убытком на 24 146 тысяч руб.; в 1935 г. — 7592 аварии с ущербом 26 486 тыс. руб. в 1936 г. — 10 835 аварий с материальным убытком на 35 042 тыс. руб.

По морскому транспорту материальный ущерб от гибели и повреждений судов в 1936 г. увеличился в два раза по сравнению с 1935 г.

Растут аварии в результате грубого нарушения трудовой дисциплины и игнорирования установленных правил плавания. Так, по этим причинам в 1935 г. произошло 3947 аварий, а в 1936 г. — 5668 аварий.

Первый месяц навигации 1937 г. также показывает дальнейший рост аварий. Наркомвод до сих пор не стал еще руководящим штабом по борьбе с аварийностью флота. Многие начальники пароходств и другие руководящие работники речных и морских бассейнов продолжают проявлять беспечность и ротозейство. На судебном процессе по делу о гибели ледколы «№ 7» было установлено, что начальник Черноморского пароходства Магон и начальник политотдела Степанов не выполняют приказ Наркомвода № 272 о борьбе с авариями, изданный в 1935 г. Они в течение 2 лет ни одного дела об аварии не разобрали с участием плавсостава и береговых работников. Поэтому водники массы в Черном море не мобилизованы на борьбу с авариями. Старшины баржей не знают правил сигнализации. Одесский порт выдумал не утвержденную никем временную сигнализацию, о которой в Черном море никто ничего не знает. Служебное расследование затягивается на несколько месяцев. К 1 мая 1937 г. в управлении Черноморского пароходства лежит без движения 76 аварийных актов. С недопустимым опозданием прокуратура черноморского бассейна приступила к расследованию и выявлению виновных всех этих преступных фактов, которые способствовали росту аварий.

В Каспийском пароходстве широко расцвела гнилая теория работы флота на износ. Положенный ремонт судам не проводился. Законные требования регистра нарушались. Выпускались в море суда с угрозой безопасности плавания. Танкер «Советская Армения» с грузом нефти затонул в 17 милях от Махач-Кала в результате грубейшего нарушения правил выпуска судов в море со стороны начальника Каспийского пароходства Меньяилова, который дал приказ отправить в рейс судно, несмотря на неисправность его корпуса. По этому делу прокуратура предает суду Меньяилова, началь-

ника-механика судовой службы Милова и начальника службы эксплуатации Гулярова.

Прокуратура Каспийского бассейна обязана была значительно раньше ударить мерами судебной репрессии по виновникам преступной эксплуатации флота, тогда была бы вероятно предотвращена гибель «Советской Армении». Прокуратура, суд и политотделы плохо освещали судебные процессы в печати.

Враги народа — японо-немецко-троцкистские и бухаринские вредители, шпионы, диверсанты используют эти крупные недостатки и беспечность в органах водного транспорта для своей подрывной контрреволюционной работы, для организации аварий. Прокуроры бассейнов не ставили со всей политической остротой вопросы борьбы с авариями. Некоторые следователи и прокуроры проявляли делячество, апатичность при расследовании дел об авариях, часто не выявляли злейших врагов народа — троцкистов-зиновьевцев и правых контрреволюционеров, которые готовили и организовывали диверсионные акты на водном транспорте.

В 1936 г. и особенно в начале навигации 1937 г. несколько ухудшилась судебная политика по делам об авариях. Лишение свободы по этим делам в 1935 г. применено к 36,4% осужденных, а в 1936 г. к лишению свободы приговорено 63,3%.

Работа по общему надзору осуществлялась главным образом в области надзора за правильностью применения устава о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта. Прокуратура вскрывала во всех пароходствах грубое нарушение дисциплинарного устава, что выражалось в массовом и очень часто неосновательном привлечении работников к ответственности и, наоборот, действительные разгильдяи и нарушители дисциплины оставались безнаказанными. Достаточно сказать, что в Черноморском пароходстве за 1936 г. подвергнуто дисциплинарным взысканиям свыше 30% всех капитанов судов. Все эти вопросы ставились перед начальниками пароходств и начальниками политотделов для принятия мер.

Прокуратура не ликвидировала волокиту в пароходствах и в Наркомводе по рассмотрению протестов и жалоб. Виновники канцелярско-бюрократических методов работы не получили решительного отпора со стороны прокуроров бассейнов. Надо признать, что за все годы существования водной прокуратуры недостаточно систематически осуществлялся надзор за законностью действий органов Наркомвода.

За 1936 г. просмотрено свыше 5000 постановлений и приказов органов Наркомвода, из них опротестовано 125 приказов. Кроме того проверено более 4000 приказов о наложении дисциплинарных взысканий, внесено по ним 377 протестов. Как правило, протесты прокуратуры на неправильное увольнение удовлетворялись хозяйственным руководством.

Работа по судебному надзору в 1936 г. улучшилась по сравнению с 1935 г. Увеличилось число выступлений в суде прокуроров. Больше опротестовывается неправильных приговоров и определений, но все же эта работа сильно отстает от поставленных задач Прокурором Союза. Нашей обязанностью является достигнуть в 1937 г. выступления прокуроров

по всем делам, которые рассматриваются в судах водных бассейнов.

В 1936 г. приговорено к лишению свободы 66% общего числа осужденных против 49,3% в 1935 г. Но по многим делам, и, особенно, в отношении аварийщиков до сих пор применяются слабые меры наказания. Это происходит потому, что прокуроры бассейнов неправильно передоверяют поддержание обвинения в суде второстепенным работникам. Надо немедленно прекратить эту вредную практику.

За истекшие 2 года и 10 месяцев работы водной прокуратуры повысился уровень политической, юридической и технической подготовки прокуроров и следователей. Ежегодно проводились в Прокуратуре Союза конференции по повышению квалификации водных следователей. Многие пом. прокуроров бассейнов занимались в юридических кружках и готовились к сдаче юрминимума.

Эти мероприятия дают возможность повысить качество следственной работы в 1937 г. и, особенно, по делам об авариях. Следовательно, мы имеем все возможности для боевого выполнения указаний Прокурора Союза о коренной перестройке нашей работы по борьбе с авариями на водном транспорте.

Священной обязанностью прокуратуры водного транспорта является борьба за железную дисциплину среди водников, борьба за строжайшее соблюдение правил, ограждающих безопасность плавания, и суровая борьба с аварийщиками.

Наряду с этим необходимо обратить внимание всех прокуроров и следователей на правильное и вдумчивое отношение к вопросу о привлечении к уголовной ответственности лиц командного состава судов, а также инженерно-технических работников; не допускать огульного и необоснованного осуждения. Наряду с этим обратить сугубое внимание на выполнение закона 1932 г. о борьбе с прогулами.

Прокуратура водного транспорта должна со всей большевистской настойчивостью и решительностью проводить работу по ликвидации последствий вредительства. Разоблаченные враги народа, сидевшие на ответственных постах в Наркомводе, и уже в управлениях пароходств немало принесли ущерба своей подрывной вредительской работой: они посылали суда в плавание в аварийном, либо в явно непригодном для данных рейсов состоянии; преступно игнорировали технические и противопожарные правила; вредительски приказывали уничтожить большое количество деревянных судов, которые могли еще работать, затачивали и консервировали капитальное строительство; тормозили перевод судов на твердое топливо.

В работе прокуратуры водного транспорта главные недостатки и грубые ошибки заключаются в том, что своевременно не была вскрыта вредительская и подрывная деятельность этих заклятых врагов народа. Осознав эти ошибки, прокуроры бассейнов, участков и все следователи обязаны пронизать всю свою работу острой революционной бдительностью; вскрывать и уничтожить все остатки, все корешки подлых мерзавцев врагов народа, притаившихся на водном транспорте.

60% всех дел о преступлениях на водном транспорте расследуются следователями прокуратуры. Расследовано в срок до 10 дней за

первое полугодие 1935 г. 28,6%, за второе полугодие 1935 г. 30,4%. В среднем в 10-дневный срок расследовалось в 1936 г. 30,5% оконченных дел. Процент дел, расследование которых продолжалось свыше одного месяца, с 37,7 в 1935 г. снизился до 32,4 в 1936 г. Это снижение явно недостаточное.

Сроки расследования продолжают оставаться позорными. По сравнению с 1934 г. произошло ничтожное улучшение. Нет никаких объективных причин для оправдания такой волокиты в расследовании. Объяснить можно только безответственным отношением к делу следователей и слабым контролем со стороны прокуроров. По предварительным данным по делам об авариях в мае 1937 г. наступил перелом в сроках расследования. Прокуроры Балтийского, Московско-Окского бассейнов по многим делам заканчивают следствие не позднее 10-дневного срока и в то же время повысилось качество следственной работы. Эти первые успехи должны стать достоянием прокуратур всех бассейнов.

К 15-летию существования советской прокуратуры специальная прокуратура водного транспорта является более окрепшей и более подготовленной к борьбе за укрепление социалистической законности на водном транспорте на основе Сталинской Конституции. Созданы прокурорско-следственные кадры, работающие над собой не только в области повышения политической и юридической квалификации, но и усваивающие технику водного транспорта, без чего немыслимо культурно и правильно работать.

Мобилизуем все силы, все возможности на большевистское выполнение исторических решений февральского пленума ЦК ВКП(б) и указаний великого вождя народов товарища Сталина. Скорее овладеем большевизмом. Шире развернем критику и самокритику наших недостатков и ошибок. Поднимем работу водной прокуратуры на новую, более высокую ступень, достойную нашей замечательной эпохи великого социалистического строительства.

С. ГОЛУНСКИЙ

Пятнадцать лет борьбы за революционную законность

«Диктатура пролетариата», — пишет товарищ Сталин, — имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства»¹.

Революционная законность есть форма политики пролетарской диктатуры и так же, как и сама диктатура пролетариата, «имеет свои периоды, свои особые формы». Оглядываясь на пройденный ею путь и намечая ее дальнейшие перспективы, необходимо отчетливо уяснить себе, в чем конкретно заключались эти «периоды» и «особые формы» революционной законности, в чем заключается сущность революционной законности как законности социалистической в первый период коммунизма, в период социалистического общества.

Сделать это в настоящий момент особенно необходимо, во-первых, потому, что новая Сталинская Конституция поднимает на невиданную высоту значение советского закона как формы регулирования социалистических общественных отношений. Сделать это необходимо, во-вто-

рых, и потому, что насаждавшиеся в течение ряда лет троцкистскими вредителями и двурушниками, вроде Пашуканиса, пренебрежительное отношение к советскому закону, отрицание принципиальной разницы между советским правом и правом буржуазным (а следовательно, и между нашей законностью и законностью буржуазии), как теперь всем ясно, являлось одной из форм классовой борьбы передового отряда международных контрреволюционных сил против победоносного строительства социализма. Это теперь ясно осознано всеми. Но мало осознать контрреволюционный характер этого культивирования пренебрежения к закону и законности, мало твердить, что наша социалистическая законность принципиально отлична от буржуазной «законности». Надо, кроме того, отчетливо уяснить, в чем это отличие заключается, какова была роль революционной законности раньше, какова эта роль на настоящем этапе.

«Ваше право, — писали, обращаясь к буржуазии Маркс и Энгельс в Коммунистическом манифесте, — есть лишь возведенная в закон воля вашего класса»².

А в чем должна была заключаться эта воля, угадать не трудно.

«Буржуазная революция, — пишет товарищ Сталин, — начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при от-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма. изд. 10, стр. 113.

² «Манифест коммунистической партии», М., 1933 г. стр. 32.

существовании готовых форм социалистического уклада»¹.

Отсюда товарищ Сталин выводит все основные различия между революцией буржуазной, задача которой заключается в том, чтобы, «захватив власть, привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой» и революцией пролетарской, задача которой заключается в том, чтобы «захватив власть, построить новую социалистическую экономику».

Из этих основных различий между революцией буржуазной и революцией пролетарской вытекает и основное различие между буржуазной законностью и революционной законностью пролетариата.

Задача буржуазного закона состоит в том, чтобы, выразив наличные общественные отношения буржуазного общества, заключающиеся в основанной на частной, буржуазной собственности эксплуатации капиталистом рабочего, увековечить эти отношения, охранить их от каких-либо изменений.

Роль буржуазного закона, когда он уже создан, преимущественно охранительная. Выражая и закрепляя в законе буржуазные общественные отношения, ради развития которых произошла революция, буржуазия хоронит революцию.

Недаром классические образы буржуазного законодательства во всех отраслях права были созданы могильщиком французской буржуазной революции — Наполеоном I.

Задача пролетарского закона, наоборот, состоит не в том, чтобы увековечивать существующие к моменту захвата пролетариатом власти буржуазные общественные отношения, а в том, действовать революционным уничтожением этих общественных отношений и созданию вновь отношений социалистических, основанных на общественной, социалистической собственности и исключающих возможность эксплуатации человека человеком.

Роль пролетарского закона — революционная. Поэтому, создавая свои законы, пролетариат развивает, углубляет и расширяет эту революцию. Законодательство диктатуры пролетариата есть прямая функция пролетарской революции.

Законность пролетарской диктатуры, рожденная пролетарской революцией, является революционной до самого конца, до тех пор, пока самое понятие законности не превратится при развернутом коммунистическом строе в нечто качественно иное. Поэтому стабильное законодательство, в основе которого лежит Сталинская Конституция, не менее революционно, чем декреты первых дней после Октября. Социалистическая по содержанию, наша законность всегда была и останется революционной законностью.

Другое существенное отличие революционной законности пролетариата от буржуазной законности заключается в том, что первая охраняет интересы громадного большинства населения. А это сказывается не только на содержании законов, но и на способах их осуществления.

«Руководство — писал товарищ Сталин — обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии на мас-

сы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству после того, как сумели убедить большинство»¹.

Поэтому осуществление революционной законности пролетариата идет вместе с массами и через массы.

«Советские законы очень хороши, — говорил Ленин на II всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., — потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину. А что — пользуются этой возможностью? Почти никто!... Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить, только если сама народная масса помогает»².

Буржуазная законность, направленная против масс, не может, естественно, осуществляться через эти массы. Метод убеждения для буржуазии неприемлем. В самом деле, возможно ли было убедить рабочих железной дороги или какого-либо казенного завода царской России в том, что «те из служащих в предприятиях, указанных в ст. 135—9⁴ (железнодорожные органы, органы связи и т. п.), кои пользуются правами государственной службы, а также служащие, хотя бы и по вольному найму (следовательно), и рабочие — С. Г.) в правительственных установлениях, виновные в самовольном, по соглашению между собою, прекращении, приостановлении или невозобновлении отправления ими служебных своих обязанностей», наказываются заключением в тюрьме до 1 года и 4 месяцев (ст. 135⁵ Уложения о наказаниях)? Или — убедить «подмастерьев» в том, что за самовольную отлучку от своего мастера на срок более 7 дней они подлежат трехнедельному аресту (ст. 1373 того же Уложения)? и т. п.

Буржуазная законность может быть осуществлена только методом принуждения и обмана масс.

Буржуазия предпочитает обставить дело так, чтобы истинная сущность применяемого ею принуждения была по возможности скрыта. Отсюда и характерная особенность буржуазной законности, форма которой приспособлена к тому, чтобы скрывать ее содержание. Отсюда целый ряд формально-правовых декораций, которые сами по себе не нужны буржуазии, но применяются ею для того, чтобы прятать за ними основное средство осуществления буржуазной законности — подавление и принуждение. Когда же эти декорации перестают выполнять свое назначение, когда рабочему классу становится ясно, что за ними скрывается, эта декорация буржуазной законности отбрасывается вовсе, и крившеся за ними классовое насилие выступает в голом виде, в виде озверелого фашизма.

Отсюда и третье существенное отличие рево-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 107.

² Ленин, т. XXVII, стр. 49.

люционной, социалистической законности пролетарской диктатуры от буржуазной законности.

Развитие буржуазного общества, обострение заложенных в нем противоречий неизбежно приводят к разложению буржуазной законности. Это разложение проявляется в одних местах в форме полного распада, например, в гитлеровской Германии, где произвол возведен в закон, где комиссар юстиции Франк в своем докладе на заседании уголовно-правового комитета Академии германского права прямо говорит, что «Националсоциалистическим называется такое право, которое нужно Адольфу Гитлеру для его государства» («Deutsches Recht» за 19 марта 1934 г. № 5, стр. 115). В других странах, сохранивших еще буржуазно-демократические формы, это разрушение законности проявляется в более или менее скрытых формах.

Но всюду административный произвол вытесняет правовые гарантии. Почему это происходит даже в такой «демократической» стране, как Англия, поясняют сами буржуазные авторы. Вот что пишет по этому поводу главный клерк **полицейского суда** в Лондоне Альберт Лик, которого никак нельзя заподозрить в желании ниспровергнуть устои буржуазного общества:

«Повсеместно имеются доказательства определенной ставки, которую человечество вообще делает на усиление рук исполнительной власти для борьбы с действительными или воображаемыми социальными опасностями.

Политические идеи большой взрывчатой силы несутся от границ Польши до Китайского моря с быстротой и эффектом, на которые, действительно, страшно смотреть. Пошатнувшийся мир представляется настолько наполненным злонамеренностью, что люди готовы поставить любую преграду против этой опасности, хотя эта преграда может стать их собственной тюрьмой» («Solicitor's Journal» за 1928 г. т. 72, стр. 803).

Наоборот, революционная законность социалистического общества, по мере его развития, растет и укрепляется. Переживаемый нами этап, когда мы уже вступили в период социализма, есть, вместе с тем, высший этап расцвета социалистического права, социалистической законности.

Непонимание этих существенных, принципиальных отличий революционной законности пролетариата от буржуазной законности привело к тому, что некоторые юристы (Архипов, Гойхбарг, Люблинский и др.) видели в поставленной Лениным при переходе к нэпу задаче усиления революционной законности просто на просто возврат к буржуазной законности, утверждая, что «Законность едина в революции и в реставрации», что советский закон, как и всякий закон, есть «основная идеологическая форма буржуазных экономических отношений» и т. п. Эти буржуазные юристы, хотевшие видеть в нэпе начало реставрации капитализма, говорили по существу то же самое, что говорили Пашуканис и его приспешники, отрицавшие возможность социалистического права и социалистической законности, двуручнически сдвигая свои реставраторские взгляды революционной фразеологией. Но они шли дальше, чем откровенно буржуазные профессора.

Из предпосылки об отмирании права при социализме они делали выводы, приводившие на практике к насаждению произвола. Люблинский и другие буржуазные профессора оставались, по крайней мере, на либеральных, буржуазно-демократических позициях. Троцкисты же, как им подобает, создавали предпосылки для таких выводов, которые нашли осуществление в странах оголтелого фашизма. Произвол, возведенный в закон,—вот тот окончательный вывод, к которому неизбежно должно было привести последовательное развитие взглядов Пашуканиса и К^о.

Но революционная законность не стоит на месте, не представляет собой чего-то неподвижного, всегда одинакового. Иначе она не была бы революционной. Ее конкретное содержание меняется в различные периоды пролетарской диктатуры. Без уяснения этого развития революционной законности нельзя правильно понять и существа ее на настоящем этапе.

В первые дни и месяцы после Октябрьской революции революционный закон был средством разъяснить массам насущные очередные задачи революции, показать им путь к окончательной победе над угнетателями.

«У нас была полоса,—говорил Ленин на XI съезде партии,—когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов» (Ленин, т. XXVII, стр. 255).

Здесь подчеркнута Владимиром Ильичем характерная черта революционной законности—осуществление ее через массы. Таковы декреты о земле, о рабочем контроле и ряд других декретов этого периода. Но не следует думать, что Ленин смотрел на советский закон только как на своего рода рекомендацию, как на совет, который каждый волен исполнять или не исполнять.

17 января 1919 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета и Всероссийского съезда профсоюзов Ленин внес от имени коммунистической фракции ВЦИК предложение по вопросу о продовольственной политике. В п. 4 этого предложения говорилось, что местные продовольственные органы «принуждают» к содействию заготавливающим организациям.

По поводу этой формулировки Ленин дал следующее, глубоко принципиальное разъяснение значения советского закона:

«Товарищи, Вас может удивить это слово, с точки зрения старых привычек, старой государственности, «принуждаются» к исполнению декрета. Вы может быть скажете, разве так плохо дело в советской республике, что к исполнению воли ВЦИК надо принуждать. Приходится, товарищи, принуждать, и это лучше сказать прямо, чем прятать голову под крыло и воображать, что все обстоит благополучно»¹.

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 467.

Для нашей задачи — изучения существа революционной законности в этих словах великого вождя пролетариата особенно важны два обстоятельства:

1) закон — это «воля ВЦИК», т. е. воля советов, органов пролетарской диктатуры, воля пролетариата, воля рабочих и крестьян, непосредственное проявление диктатуры пролетариата, и

2) к исполнению законов надо **принуждать**, значит закон есть нечто обязательное, подлежащее безусловному исполнению, а отнюдь не пожелание, исполнение которого в каждом отдельном случае ставится в зависимость от усмотрения каждого отдельного исполнителя этого закона.

Такое понимание закона дал В. И. Ленин в разгар гражданской войны, когда было гораздо больше оснований ссылаться на чрезвычайные обстоятельства, вынуждающие отступать от прямых требований закона, чем в условиях мирного времени.

Ленин не отрицал возможности таких отступлений в этих условиях гражданской войны, при той исключительной обстановке, в которой приходилось действовать в то время органам советской власти. Но и эти отступления он лишил характера личного произвола, требовал самое отступление от закона ставить в рамки закона. В этом отношении, как и вообще для характеристики революционной законности периода гражданской войны, исключительное значение имеет постановление VI Всероссийского съезда советов о революционной законности, принятое 8 ноября 1918 г. по инициативе Ленина:

«За год революционной борьбы, — говорилось в этом постановлении, — рабочий класс России выработал основы законов Российской социалистической федеративной советской республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России.

С другой стороны, непрекращающиеся попытки контрреволюционных заговоров и война, навязанная империалистами рабочим и крестьянам России, делают в некоторых случаях неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него.

Исходя из этого, Всероссийский чрезвычайный VI съезд постановил:

1) Призвать всех граждан республики, все органы и всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов Российской социалистической федеративной советской республики, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений.

2) Впредь установить, что меры, отступающие от законов Российской социалистической федеративной советской республики или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией. В каждом данном случае применение подобной меры должно сопровождаться:

а) точным формальным установлением соответствующего советского учреждения или должностного лица наличия условий, требующих выхода за пределы закона;

б) немедленным сообщением соответствующего заявления в письменной форме в Совет

народных комиссаров, с копией для местных и заинтересованных властей» (СУ РСФСР 1918 г. № 90).

Это постановление содержит богатейший материал для теоретической разработки вопроса о революционной законности пролетарской диктатуры. Основные положения, вытекающие из этого постановления, имеют и сейчас жизненный интерес, в особенности, если сравнить эти положения с разглагольствованиями троцкистско-бухаринских двурушников типа Пашукайса об отмирании права при социализме и с практикой многих, потерявших голову левацких «упростителей» среди наших работников.

Точное соблюдение законов — правило, отступление от этих законов — исключение, допустимое лишь при наличии чрезвычайных обстоятельств.

Даже в условиях гражданской войны необходимо «точное, формальное установление» таких обстоятельств, т. е. недопустим бесформенный произвол, недопустимо превращение деятельности органов власти в неподдающееся контролю усмотрение.

Как далеко отстоят эти ленинские установки от выдвинутого десять лет спустя Наркомом РСФСР лозунга «поменьше формы — побольше классового существа».

Приведенными документами отнюдь не исчерпываются все указания Ленина по вопросу о революционной законности, данные им в период гражданской войны и еще до ее возникновения. В статье «Об очередных задачах советской власти» и в первоначальном наброске этой статьи, в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» и в ряде других мест Ленин снова и снова подчеркивает значение революционной законности как средства укрепления диктатуры пролетариата, как орудия классовой борьбы в руках пролетариата.

Богатейший материал, содержащийся в законодательстве и в судебной практике периода гражданской войны, еще ждет своего исследования. Только путем тщательного и всестороннего изучения этого материала можно было бы установить во всех подробностях конкретное содержание революционной законности этого периода. Но в основном можно определить это содержание краткой формулой: обеспечение победы над вооруженной контрреволюцией на фронтах гражданской войны и в тылу. Декреты о борьбе со взяточничеством и о борьбе со спекуляцией, о набатном звоне, о красном терроре, об органах ЧК и революционных трибуналах и т. п. в основном преследовали эту цель, но этим, содержание революционной законности этого периода отнюдь не исчерпывается. К этому периоду относятся такие законодательные акты, как первый кодекс законов о труде, как декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, как декрет об отмене наследования, не ограничившийся только одной этой мерой, но заложивший основы социалистического семейного права, и ряд других важнейших законодательных актов, создававших новые гарантии прав трудящихся, проводивших революцию быта и культуры.

Выше уже было указано, что утверждения буржуазных юристов о том, что революционная законность появилась у нас лишь с переходом к нэпу, что появление ее является

следствием возникновения в связи с нэпом буржуазных рыночных отношений, объясняются непониманием (или нежеланием понять), разницы между революционной законностью пролетарской диктатуры и буржуазной законностью.

Теперь можно добавить к этому, что подобные утверждения являлись также результатом незнания (или нежелания знать) конкретного исторического материала, относящегося к периоду 1918—1921 гг.

В момент своей организации, 28 мая 1922 г., советская прокуратура оказалась не перед пустым местом, на котором надо было создавать вновь какую-то неведомую до того законность, а перед лицом уже прочно укрепившейся, уже глубоко проникшей в сознание масс новой законности, созданной пролетарской революцией и пятью годами классовой борьбы победившего пролетариата.

Другое дело, что переход к нэпу влек за собой требование «большой революционной законности» (Ленин), что содержание революционной законности на этом этапе менялось в связи с изменением форм классовой борьбы, в связи с перенесением центра тяжести этой борьбы из области военной в область экономическую.

Определить, в чем это изменение конкретно заключалось, для нас особенно важно потому, что именно восстановительный период нэпа создал почву, на которой вырос целый ряд извращений в вопросах о революционной законности. Это были, с одной стороны, буржуазные теории сменовеховского типа о том, что законность, проводимая у нас, есть самая обыкновенная буржуазная законность и что развивать ее в дальнейшем надо именно по направлению к классическим буржуазным образцам.

С другой стороны, это были открыто клеветнические троцкистские выкрики о термидоре, о перерождении советской власти и дворушнические рассуждения Пашуканиса и К^о о том, что наше право — буржуазное право, наша законность — буржуазная законность и существует у нас только постольку, поскольку нэп повел к созданию у нас капиталистических рыночных отношений. При этом умалчивалось о том, что сами товарные отношения, созданные нэпом, у нас были качественно иные, чем «чистые» капиталистические отношения буржуазного общества.

По существу оба эти вида извращений вели в конечном счете к одному и тому же — к реставрации этих «чистых» капиталистических отношений.

По вопросу о содержании революционной законности в первом периоде нэпа мы имеем классическое определение товарища Сталина, данное им на январском пленуме ЦК и ЦКК КП(б) 1933 г.

«Революционная законность первого периода нэпа обращалась своим острием главным образом против крайности военного коммунизма, против «незаконных» конфискации и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов»¹.

Эта формулировка непосредственно вытекает из самого определения нэпа, данного товарищем Сталиным на XIV съезде партии:

«нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹.

Капиталистические отношения допускаются, и поэтому задача революционной законности обеспечить «частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества».

Но капиталистические отношения допускаются, во-первых, «при наличии командных высот в руках пролетарского государства», а, во-вторых, не ради сохранения и укрепления этих капиталистических отношений, а, наоборот, ради их преодоления и замены отношениями социалистическими. Поэтому задача революционной законности заключалась не в безусловной охране имущества «частного хозяина, единоличника, капиталиста», а лишь «при условии строжайшего соблюдения ими советских законов», т. е. до тех пор, пока использование этого имущества капиталистом соответствует той основной цели построения социализма, ради которой был введен нэп.

Таким образом, революционная законность и призванная проводить ее в жизнь советская прокуратура должна была, с одной стороны, охранять «частного хозяина, единоличника, капиталиста», от «незаконных» поборов, а с другой — охранять командные высоты от капиталистических элементов, проводить политику ограничения и вытеснения этих элементов.

Эту вторую сторону вопроса упорно не замечают классовые враги пролетариата и их агентура в рядах партии и советского аппарата. Само собою разумеется, что эта вторая сторона революционной законности первого периода нэпа должна была проявляться тем ярче, чем больше были успехи в борьбе социалистических элементов с капиталистическими, чем дальше отселялись капиталистические элементы. С наибольшей яркостью эта вторая задача проявилась тогда, когда успехи социалистического строительства вплотную привели к переходу от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов к политике полной ликвидации эксплуататорских классов.

Именно тогда правые и ярче других Бухарин подняли крик о беззаконии, о ликвидации свободы торговли, недопустимости чрезвычайных мер и т. п., отражая этим недовольство гибнущих капиталистических элементов, в частности кулачества, неприятной для них политикой советской власти.

Допущенные в первой стадии нэпа капиталистические элементы выполняли свое назначение, охранять их имущество уже не было больше смысла, наоборот, такая охрана на этом этапе означала бы уже противодействие

¹ Сталин, Вопросы ленинизма изд. 10, стр. 509.

¹ Сталин, Об оппозиции, стр. 211.

дальнейшему развертыванию строительства социализма.

В глазах капиталистических элементов и их агентуры это изменение задач революционной законности было равносильно полному уничтожению всякой законности, так как они привыкли видеть в законе не что иное, как форму охраны частной собственности, охраны интересов «буржуазной личности». Раз закон обращается против капиталиста вместо того, чтобы его охранять, какой же это закон?

В действительности же это изменение задач революционной законности в период развернутого социалистического наступления по всему фронту отнюдь не означало свертывания, ликвидации законности, а наоборот, означало поднятие революционной законности на новую, высшую ступень.

Борьба с террористическими посяательствами кулачества и его агентуры против сельского актива, с кулацким саботажем выполнения государственных заданий, с вредительским уничтожением скота и другого колхозного имущества, с одной стороны, и борьба с допускаявшимися отдельными местными органами власти перегибами, с администрированием при проведении коллективизации, с незаконными конфискациями, обысками, арестами и т. д., с другой, — таковы были основные формы борьбы прокуратуры за революционную законность в период развернутого социалистического наступления.

Победоносное завершение этого наступления открыло новый этап в развитии социалистической законности.

Характерным для этого момента является ряд законодательных актов 1932 г., когда успех социалистического наступления как в городе, так и в деревне уже полностью определился, когда ленинский вопрос «кто кого?» был в основном уже решен внутри СССР.

6 мая 1932 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебобопаставок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» (СЗ СССР 1932 г. № 31, ст. 190).

10 мая — такое же постановление в отношении плана скотозаготовок и мясной торговли колхозников и единоличных трудящихся крестьян (СЗ СССР 1932 г. № 33, ст. 195).

20 мая — постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» (СЗ СССР 1932 г. № 38, ст. 233).

Точно определяя неизбежность прав колхозов, колхозников и трудящихся единоличников на их сельскохозяйственную продукцию, оставшуюся после выполнения их обязательств перед государством, гарантируя им возможность свободно продавать эту продукцию на рынке, эти законы устанавливали охрану личной собственности трудящихся, закрепленную теперь новой Сталинской Конституцией. Но в то же время те же законы вполне определенно устранили возможность использовать частную собственность в целях эксплуатации. Ст. 10 закона 20 мая 1932 г. предлагала: «Не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся наживаться за счет рабочих и крестьян».

Этим устанавливались уже новые социалистические отношения, в революционную законность вливалось новое социалистическое содержание.

Дальнейшим шагом в сторону укрепления и развития социалистической законности явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» (СЗ СССР 1932 г. № 40, ст. 298), которое отчетливо выразило все значение революционной законности в условиях победоносного развертывания социалистического строительства.

«Отмечая десятилетие прокуратуры — говорилось в этом постановлении — и достигнутые за этот период в Союзе ССР успехи в деле укрепления революционной законности, являющейся одним из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян и борьбы с классовыми врагами трудящихся (кулачеством, перекупщиками, спекулянтами, буржуазными вредителями) и их контрреволюционной политической агентурой, ЦИК и СНК Союза ССР особо указывают на наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения, особенно в деревне».

Со времени издания этого постановления прошло пять лет. За эти пять лет социалистическое строительство в Союзе ССР сделало новые, гигантские успехи. За эти пять лет неизмеримо возросла военная и хозяйственная мощь Советского союза, во много раз увеличилось благосостояние трудящихся масс, значительно вырос их культурный уровень. Но данное в этом постановлении определение содержания революционной законности доньше не утратило своего значения. Теперь так же, как и в 1932 г., мы можем сказать, что наша революционная социалистическая законность есть средство укрепления пролетарской диктатуры, средство защиты прав и интересов всех трудящихся, средство борьбы с их классовыми врагами, с фашистско-троцкистскими шпионами и диверсантами.

В целях дальнейшего укрепления революционной законности постановление 25 июня 1932 г. предлагает провести ряд мероприятий, направленных на борьбу с административным произволом, с незаконными обысками, арестами и конфискациями, с бюрократизмом и волокитой при рассмотрении жалоб трудящихся.

Само собою разумеется, что представители буржуазной юриспруденции и буржуазные публицисты не могли (или не хотели, а вернее — и не могли и не хотели) понять того, что это постановление является вполне закономерным продолжением всего предшествовавшего развития революционной законности пролетариата, что оно поднимает на новую, высшую ступень, выражает в новой, более развернутой форме те начала советской демократии, те принципы социализма, которые содержались уже в первых декретах советской власти, за которые партия, советская власть и орган этой власти — прокуратура — боролись в течение всего предшествовавшего периода.

Немецкая буржуазная газета «Neue Freie Presse» расценила это постановление, как «шаг назад» к правовому государству. «Газета Польска» приводила по поводу постановления 25

июня рассуждения, дословно повторяющие то, что буржуазные юристы говорили о революционной законности в первый период нэпа: «Декрет о свободной торговле, — писала она 30 июля 1932 г., имея ввиду упомянутый выше закон 20 мая 1932 г., — должен был повлечь за собой постановление о «революционной законности», которое обеспечивает эту свободу... Декрет о «революционной законности» имеет своей основной целью гарантирование свободы этой торговли»¹.

«Газета Польска» права в одном. Закон 20 мая о колхозной торговле и закон 25 июня о революционной законности несомненно пропущены единым духом. Оба эти закона наполнены одним содержанием. И тот и другой — камни создающегося в СССР и неизвестного доселе человечеству здания социалистического права. Но буржуазный автор цитированной статьи в своей буржуазной ограниченности, не желая знать ничего, кроме милых его сердцу условий буржуазного общества, не догадался «мелочи». Он не понял того, что торговля, о которой шла речь в законе 20 мая, совсем иного рода торговля, чем то узаконенное хищничество, которое называется торговлей при капитализме, что законность, о которой говорит закон 25 июня, совсем не та «законность», от которой стонут сотни миллионов эксплуатируемых в капиталистических странах.

Непосредственно вслед за законом 25 июня 1932 г. последовал целый ряд других законов, наполнивших наше социалистическое право все более и более богатым содержанием, принципиально отличающимся от того, чем наполнены многообразные своды законов буржуазных стран.

Среди этих законов на первом месте стоит закон 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (СЗ СССР 1932 г. № 62, ст. 360), объявивший общественную собственность священной и неприкосновенной основой советского строя. Впервые, после того, как создалось государство и стали издаваться законы, этот закон объявил на весь мир, что не узкий, своекорыстный личный интерес представляет собой тот цемент, который скрепляет в несокрушимую твердыню подлинно свободное человеческое общество, а преданность каждого гражданина этого свободного общества общему делу, право каждого из граждан как члена единого великого коллектива на все богатства, принадлежащие этому коллективу, превращающиеся в подлинно народное достояние.

Именно поэтому товарищ Сталин сказал про закон от 7 августа, что этот закон — основа нашей революционной законности. Именно поэтому т. Каганович сказал, что это такой закон, который будет жить века.

И почти в это самое время, когда содержание социалистического права и социалистической законности раскрывалось в столь ярких формах, Пашуканис в книге «За марксо-ленинскую теорию государства и права», изданной в 1931 г., в книге, в которой он двурасши-

чески отрекался от своих прежних ошибок, писал:

«Мы знаем, что эта буржуазная форма права является последней, что она отомрет вместе с исчезновением противопоставления индивида индивиду и индивида коллективу, вместе с исчезновением этого шейлоковского расчета, как бы не переработать больше, как бы не отдать больше энергии, чем другой член коллектива без соответствующего возмещения» (Указ. соч. стр. 25)¹.

К чему применял Пашуканис эти слова? Что называл он «шейлоковским расчетом»?

Он применял этот термин к нашему социалистическому строю, так как пропорциональность количества получаемых благ количеству отданной коллективу энергии, о которой говорит Пашуканис, есть не что иное, как осуществление принципа «от каждого по его способности, каждому — по его труду», принципа, который ст. 12 Сталинской Конституции объявила принципом социализма, лежащим в основе нашего общественного устройства. И к этому социалистическому принципу Пашуканис приписывал имя классического ростовщика и кровопийцы.

На январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. товарищ Сталин определял революционную законность этого периода, отраженную в указанных выше постановлениях руководящих органов партии и советской власти, как существенно отличавшуюся от революционной законности первого периода нэпа.

«Революционная законность нашего времени, — говорил он, — направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом»².

Охрана общественной собственности, борьба с вредителями, ворами хулиганами — таково конкретное содержание революционной законности нашего времени по Сталину.

Защита «шейлоковских» инстинктов с помощью буржуазной формы права как последней формы права — таково содержание «законности» по Пашуканису.

Вредное влияние этой явно контрреволюционной гнили усиливалось нежеланием многих даже очень ответственных работников партийных и советских органов считаться с законом. Антимарксистское противопоставление

¹ О расчете «с черствостью Шейлока», свойственной буржуазному праву, говорил, как известно, и Ленин (т. XXI стр. 436). Но Ленин, говоря о сохранении «буржуазного права» при социализме, брал слова «буржуазное право» в кавычки, показывая этим, что при социализме право сохраняется, но — это не буржуазное право без кавычек. Пашуканис же никаких кавычек не ставит и, таким образом, полностью приравняет право эпохи социализма к самому настоящему буржуазному праву. Этим он придает совершенно другой смысл и упоминанию имени Шейлока.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 509.

¹ Цит. по Вышинскому «Соц. строительство, соц. законность и задачи сов. юстиции» М. 1934 г., стр. 26.

формы и содержания закона приводило к удобному обоснованию беззакония. «Мы не формалисты! Зачем нам гнаться за исполнением буквы закона, лишь бы соблюсти его дух», так рассуждали многие наши товарищи, если точно соблюдать закон им почему-либо не хотелось. А каков «дух» закона, определялось при этом так, как в данном случае было удобнее. Нередко приходилось слышать и такого рода рассуждения, что отличие революционной законности от буржуазной законности в том и заключается, что по буржуазной законности закон нужно соблюдать всегда, а по революционной — не всегда, тогда как в действительности дело обстоит как раз наоборот. Про такую категорию людей товарищ Сталин говорил на XVII съезде партии:

«Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают таким образом основы партийной и государственной дисциплины... Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом»¹.

Вступление Страны советов в период социализма неизмеримо подняло значение точного соблюдения советских законов. Не случайно, что именно в это время, в июне 1933 г., орган, специально призванный следить за точным соблюдением законов, — советская прокуратура была централизована в общесоюзном масштабе путем организации Прокуратуры Союза ССР. Не случайно, что именно тогда, когда мы осуществили в основном первую фазу коммунизма — социализм, когда основные принципы социалистического общества были отражены в опубликованном проекте Сталинской Конституции в июле 1936 г., эта централизация была окончательно завершена путем выделения прокуратуры из системы наркомов союзных республик в особую стройную, строго централизованную систему с Прокурором СССР во главе.

Только с изданием закона 20 июля 1936 г., осуществившего это выделение, были окончательно осуществлены указания Ленина, данные им еще в 1922 году в письме на имя Сталина о том, чтобы «отвергнуть... «двойное» подчинение, установить подчинение местной прокурорской власти только центру» и о том, что необходимо установить «единообразное применение законности во всей республике и во всей федерации»².

Сталинская Конституция представляет собой в настоящее время ту niezbлемую основу, на которой зиждется социалистическая законность. Безусловно, безоговорочное, точное выполнение всех требований Конституции и изданных на основании ее законов — вот к чему сводится в настоящий момент сущность социалистической законности.

«Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую

немедленно используют враги трудящихся, есть зацепка для побед Колчака и Деникина. Преступно забывать, что колчаковщина началась с маленькой неосторожности по отношению к чехословакам, с маленького неповиновения отдельных полков». Так писал Ленин 24 августа 1919 г. (т. XXIV стр. 434).

Преступно забывать, можем мы сказать теперь, что целый ряд осуществленных троцкистами совместно с иностранными шпионами диверсионных актов имел в основе «маленькие» нарушения законодательства о технике безопасности.

Только путем величайшей бдительности при наблюдении за неуклонным соблюдением советских законов, только путем решительной борьбы не только со всеми случаями нарушения социалистической законности, но и со всяким примиренчеством к подобным нарушениям можно организовать действительный и несокрушимый отпор всяким попыткам врагов народа вредить и пакостить нашему социалистическому отечеству.

Только путем соблюдения величайшего уважения к гарантированным Конституцией правам советских граждан, путем решительной борьбы со всякими попытками нарушить эти права можно обеспечить действительное осуществление пролетарской демократии, способствовать быстрому культурному росту широких народных масс, а тем самым ускорению движения ко второй фазе коммунизма.

Только путем строжайшего соблюдения государственной дисциплины, путем беспощадной борьбы со всеми попытками дезорганизовать выполнение государственного народнохозяйственного плана можно обеспечить быстрое и победоносное выполнение третьего пятилетнего плана.

За пятнадцать лет своего существования советская прокуратура прошла долгий и славный путь борьбы с врагами рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, с нарушителями революционной законности.

Перед ней встает теперь еще большая, еще более славная задача осуществлять впервые в истории человечества социалистическую законность и содействовать этим построению коммунистического общества.

Для того чтобы выполнить эту великую задачу, советская прокуратура должна быть сильна. Буржуазные конституции, как говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов, ограничиваются «фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления». В этом сущность буржуазной демократии: права и свободы граждан декларируются, пусть пользуется ими кто может. А может пользоваться ими только тот, кто имеет деньги.

Диктатура пролетариата не декларирует права и свободы граждан, но гарантирует их реальное осуществление для всех и каждого. А для того чтобы гарантировать права всех советских граждан от всяких посягательств со стороны террористов и диверсантов, со стороны бандитов, воров и хулиганов, со стороны отдельных любителей административного самодурства, — аппарат пролетарской диктатуры должен быть силен. Должен быть силен и та-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 592—593.

² Ленин, т. XXVII стр. 300—301.

кой важный рычаг этого аппарата, как прокуратура.

Чтобы выполнить лежащие на них задачи, работники советской прокуратуры должны овладеть большевизмом. Прокуратура — сугубо политический орган. Каждое действие прокуратуры всегда насыщено политическим содержанием. И если ряд старых опытных прокуроров не сумели разглядеть троцкистского вредительства, если они нередко прекращали уголовные дела о вредительстве, предавали суду по этим делам стрелочников, то только потому, что они не владели в должной мере большевизмом, что за «текущими» вопросами своего ведомства они забывали о больших политических вопросах» (Сталин), что в материалах расследования дел об организованных троцкистскими вредителями крушениях, взры-

вах и т. п. они очень часто видели только «дело» в формальном, делопроизводственном смысле этого слова, а не отражение реальных проявлений классовой борьбы.

Чтобы выполнить лежащие на них задачи, работники советской прокуратуры должны быть культурны. Если еще в октябре 1921 г. Ленин выдвигал требование «научить бороться культурно» (подчеркнуто Лениным) за законность, ничуть не забывая границ законности в революции» (т. XXVII стр. 35), то тем более такое требование должно быть выдвинуто теперь, когда советская страна не только ликвидировала вековую культурную отсталость царской России, но и приступила к строительству новой социалистической культуры во всех отраслях науки, искусства и быта.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

Прошлое и настоящее общего надзора

Общий надзор вступил сейчас на широкий путь, указанный ему Сталинской Конституцией СССР, и имеет исключительно благоприятные условия для дальнейшего своего развития.

За прошедшие 15 лет своего существования общий надзор прошел через большие испытания и пережил множество детских болезней. временами чрезвычайно его ослаблявших.

Общий надзор как основная, органическая функция прокуратуры является кровным детищем Октябрьской революции и почти не имеет корней в прошлом.

Роль прокуратуры в капиталистических странах сводится, главным образом, к поддержанию обвинения на суде и надзору в той или иной степени за предварительным следствием. Общего надзора в той форме, как он существует у нас, капиталистическая прокуратура совершенно не знает.

Советская же прокуратура, созданная по непосредственной, личной инициативе т. Ленина, разработавшего все основные вопросы ее организации, с самого начала получила те функции, которые мы называем теперь общепадзорными. Характерно однако, что вопрос о наделении прокуратуры этими функциями встретил в свое время немалые возражения на 3 сессии ВЦИК IX созыва, обсуждавшей проект Владимира Ильича об организации прокуратуры; некоторые из членов ВЦИК (т.т. Осинский, Полуян и др.), возражая против этого проекта вообще, особенно горячо оспаривали ту его часть, которая говорила об обязанностях прокурора опротестовать постановления местных органов власти, если эти постановления нарушают действующие законы. Они утверждали, что предоставление прокуратуре права протеста лишит местные советы присущей им самостоятельности, убьет их инициативу и самостоятельность, поссорит с центральной государственной властью и т. д.

Для того чтобы парализовать эти предполагаемые злоключения и беды местных органов власти, оппоненты Владимира Ильича настаивали на том, что если уж прокуратура должна быть создана и если она получит функ-

ции общего надзора, то пусть органы прокуратуры будут поставлены в такое положение по отношению к местным органам власти, при котором бы они оказались обязанными согласовывать с ним свои действия. Это требование нашло выражение в выдвинутом ими принципе «двойного подчинения» органов прокуратуры (местным исполкомам и центральной власти в лице Наркомата юстиции).

Принятие принципа «двойного подчинения» сделало бы прокуратуру бессильным, ничемным органом, лишенным возможности осуществлять действительный надзор за законностью действий местных органов власти. А этого только и добивались противники проекта Владимира Ильича о создании прокуратуры, отстаивая свои анархические, мелкобуржуазные позиции.

Ввиду возникших разногласий по этому основному вопросу организации прокуратуры Владимир Ильич должен был перенести решение его на рассмотрение Политбюро. Все знают знаменитое письмо, посланное т. Лениным товарищу Сталину для рассмотрения вопроса о прокуратуре в Политбюро.

В этом письме Владимир Ильич с гениальной прозорливостью и четкостью сформулировал организационные принципы построения советской прокуратуры, получившие в настоящее время полное отражение в Сталинской Конституции СССР.

Он указал, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик». Определяя в соответствии с этим задачи органов прокуратуры, Владимир Ильич указал, что она должна «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» (Ленин, т. XXVII, стр. 298—299) и далее «Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом и только с этой точки зрения прокурор обязан опротес-

стовать всякое незаконное решение» (Ленин, т. XXVII, стр. 299).

Победила, как мы знаем, точка зрения Владимира Ильича.

Прокуратура была создана в виде централизованной системы, управляемой из республиканского центра и осуществляющей надзор за законностью действий всех местных органов власти и учреждений.

Таким образом советская прокуратура заботами Владимира Ильича получила такие организационные формы, которые на том этапе обеспечивали возможность нормального развертывания основной ее работы, работы по общему надзору.

Однако в практической работе по общему надзору органам прокуратуры с первых же шагов пришлось столкнуться с большими трудностями. Те местнические тенденции, которые получили такое яркое теоретическое выражение в спорах вокруг вопроса о создании централизованной прокуратуры с единым, а не двойным подчинением, проявились в практической работе, когда органы прокуратуры были созданы.

Дело прошлое, и надо сказать прямо и открыто, что органы прокуратуры на местах не сумели сохранить предоставленную им законом независимость от местных органов в полном объеме, не сумели уберечься от их местных влияний, а органы прокуратуры республик не оказали им должной поддержки. Организационное выражение это нашло в том, что прокурорскими кадрами на местах, и особенно в районах, стали распоряжаться не наркомы и прокуроры республик, а местные исполкомы. Естественно, что при такой зависимости в вопросах назначения на работу, а также перемещения и увольнения с нее создавалась зависимость и в самой прокурорской работе и притом, главным образом, в области общего надзора. Явление это получило столь явно выраженные формы, что ЦИК и СНК СССР в постановлении своем от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» должны были в целях дальнейшего укрепления революционной законности, улучшения и поднятия значения судебно-прокурорских органов категорически запретить «снятие и перемещение районных прокуроров иначе, как решением краевого (областного) прокурора или вышестоящих органов прокуратуры и народных комиссариатов юстиции».

Нельзя, конечно, сказать, что попытки фактического вмешательства местных органов власти в работу прокуратуры парализовали ее работу по общему надзору, однако бесспорно, что они серьезно затрудняли эту работу. Районные прокуроры частенько уклонялись от опротестования незаконных постановлений риков и сельсоветов, так как эти протесты влекли за собой постановку риком вопроса о «несработанности» с прокурором, а затем перемещение последнего в другой район. Пусть скажут старые прокурорские работники, много ли было случаев, когда при рассмотрении в области вопроса о «несработанности» районный прокурор оставался на месте?

Бесспорно, что именно эти обстоятельства послужили причиной того, что многие органы прокуратуры на местах в практике своей общенадзорной работы отошли от тех ясных и четких задач, которые были поставлены перед

прокуратурой при ее организации, и начали искать каких-то новых путей для этой работы.

В частности, широкое распространение получил взгляд, что основным содержанием работы прокурора по общему надзору должно являться его непосредственное «организационно-политическое» участие в проведении хозяйственных кампаний. На практике эта туманная установка зачастую вела к превращению прокурора в уполномоченного по посевной, уборочной, заготовительной и другим хозяйственным кампаниям.

Мы не думаем утверждать, что прокуратура не должна была принимать участия в проведении хозяйственно-политических кампаний и что ее привлечение к этому делу объяснялось организационными неполадками во взаимоотношениях с местными органами власти. Однако те перегибы и крайности, которыми сопровождалось привлечение прокуратуры к этой работе, несомненно объяснялось потерей правильной перспективы в области общего надзора, обусловливавшейся в свою очередь указанными организационными причинами.

Туманное, нечеткое определение задач общего надзора влекло за собой применение и неправильных методов работы. Считали, что при выполнении функций общего надзора прокуратура должна пользоваться какими-то особыми методами, представляющими смесь методов работы контрольных, педагогических, агитационных и административных органов.

Эти взгляды нашли свое отражение во многих циркулярах Прокуратуры РСФСР за 1931—1933 гг. по общему надзору, а также в практике работы прокуратуры Верховного суда СССР, пытавшейся играть роль некоего «комиссара от юстиции» при союзных наркоматах.

От этих неверных взглядов и установок о работе по общему надзору родилась, в частности, осужденная жизнью практика прокурорских «обследований» хозяйственных учреждений, разных «рейдов», «походов», «налетов» и т. д.

Отсюда же пошли такие, ставшие анекдотическими, циркуляры прокуратур некоторых наших союзных республик, как, например, циркуляр прокуратуры Узбекской ССР от 11 ноября 1933 г., который предлагал органам прокуратуры «установить жесткий контроль над работой совхозов, колхозов и МТС по разведению животноводства, устранить причины уменьшения поголовья скота с привлечением виновных к уголовной ответственности».

Эта неправильная практика работы, уводившая органы прокуратуры от ее прямого указанного еще т. Лениным пути и заставлявшая путаться между хозяйственными и контрольными органами, вносила в ряды работников общего надзора как в центре, так и на местах большую неудовлетворенность и разочарование.

Между тем, исключительные успехи социалистического строительства, сопровождавшиеся небывалым поднятием культурно-политического уровня масс, требовали всемерного усиления работы прокуратуры в области борьбы за укрепление законности.

Эта задача нашла свое организационное разделение в учреждении Прокуратуры Союза ССР, последовавшем по постановлению ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. Акт о созда-

гии Прокуратуры СССР знаменует собой важнейший этап по пути развития советской прокуратуры. Учреждение Прокуратуры СССР завершило процесс централизации прокурорской системы во всесоюзном масштабе, нанесло решительный удар попыткам подчинения органов прокуратуры местным влияниям и тем самым открыло широкие перспективы для разветвления работы по общему надзору.

Путем систематических, твердых мероприятий. Прокуратура СССР сумела поднять авторитет органов прокуратуры на местах и внести необходимое единство в практику всей прокурорской работы. Справедливость требует, однако, признать, что в области поднятия общего надзора в первые годы существования Прокуратуры СССР сделано было немного. Основное внимание в те годы было направлено на усиление судебной работы органов прокуратуры, что диктовалось настоятельной необходимостью улучшения работы судов, страдавшей крупнейшими недостатками.

Правда, начиная с 1935 г., Прокуратура СССР приняла ряд мер к выправлению недостатков общенадзорной работы и общего ее усиления (указания Прокуратуры СССР на места от 11 мая 1935 г., 13 июня 1935 г., 1 ноября 1935 г.). Однако меры эти не дали значительного эффекта, так как проведение их в жизнь затруднялось таким организационным моментом, как существовавшая в то время раздробленность работы по общему надзору между отделами прокуратуры, построенными применительно к отраслям народного хозяйства (а не отраслям прокурорской работы).

Настоящая весна в работе по общему надзору наступила с принятием Сталинской Конституции СССР.

Конституция СССР подняла вопросы социалистической законности на небывалую высоту.

Ст. 113 Конституции, указывающая, что на Прокурора СССР возлагается высший надзор за точным исполнением законов всеми учреждениями, должностными лицами и гражданами СССР, полностью определила задачи органов прокуратуры по общему надзору и выдвинула эту работу на первый план.

Прокуратура СССР сделала из этого необходимые организационные выводы, произведя реорганизацию построения работы органов прокуратуры и воссоздав при этой реорганизации отделы общего надзора.

17 ноября 1936 г. т. Вышинский утвердил инструкцию о разграничении работы между отделами общего надзора, судебно-надзорным и следственным отделом, которая точно определила, какими вопросами должны заниматься эти отделы, не оставив места для кривотолков и шатаний.

Принятый ЦИК и СНК СССР 20 июля 1936 г. акт об образовании Наркомата юстиции СССР и выделении органов прокуратуры в самостоятельную, не входящую в Наркомюст систему, довершил процесс централизации руководства прокуратуры и положил конец той новой «двойственности подчинения» местных органов прокуратуры (с одной стороны, Прокурору СССР, а с другой, НКЮ союзной республики), которая существовала с момента образования Прокуратуры СССР в 1933 г.

То исчерпывающее определение основной задачи прокуратуры, как задачи по над-

зору за точным исполнением законов, которое дает Конституция СССР, и четкое определение организационных принципов ее построения, обеспечивающих возможность наилучшего выполнения этой задачи, говорит о том, какое огромное значение придают партия и правительство укреплению социалистической законности в нашей стране и какую исключительную ответственность это возлагает на органы прокуратуры.

Работа прокуратуры по общему надзору наполнилась новым качественно еще более высоким содержанием. За короткое время, прошедшее со дня утверждения Сталинской Конституции СССР Чрезвычайным VIII съездом советов СССР, правительство СССР приняло ряд важнейших законодательных актов, направленных к максимальному ограждению провозглашенных Конституцией личных и имущественных прав граждан от какого бы то ни было административного произвола.

11 апреля 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли закон «Об отмене административного порядка и установления судебного порядка, изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан».

Этим законом, который вконец меняет все установившиеся представления о взаимоотношениях административных органов с гражданами по такому важному вопросу, как обращение взыскания на их имущество за невыполнение обязательств по госпоставкам и налогам, правительство СССР показало, как решительно и последовательно проводит оно линию дальнейшего обеспечения охраны имущественных интересов граждан.

Не менее важное значение для укрепления социалистической законности, хотя и с другой точки зрения, имеет принятое ЦИК и СНК СССР 21 марта 1937 г. постановление «Об освобождении сельсоветов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок».

Это постановление чрезвычайно укрепляет позиции социалистической законности в деревне, так как обеспечивает сельсоветам возможность наилучшего выполнения лежащих на них коренных задач, в том числе «наблюдения на их территории за исполнением законов и распоряжений советской власти» (Положение о сельских советах). Кроме того, это постановление облегчает возможность выявления органами прокуратуры нарушений закона при исчислении и взимании налогов и борьбы с этими нарушениями.

Эти акты являются вехами того широкого светлого пути, по которому идет законодательство СССР в области укрепления социалистической законности.

Органы прокуратуры должны сделать из этого соответствующие выводы, направляя свою работу таким образом, чтобы не плестись в хвосте событий, а быть первыми и лучшими помощниками правительства в деле укрепления социалистической законности.

Можем ли мы сказать, что работа органов прокуратуры по общему надзору удовлетворяет тем высоким требованиям, которые к ней сейчас предъявляются? Этого сказать, к сожа-

лению, еще нельзя. Работа по общему надзору в связи с принятием Сталинской Конституции, поднявшей вопросы социалистической законности на небывалую высоту и последовавшей организационной перестройкой аппарата прокуратуры, хотя и значительно оживилась, но ни по своему размаху, ни тем более по качеству не может быть признана удовлетворительной.

Прокурор Союза т. Вышинский поставил перед отделами общего надзора органов прокуратуры на местах ближайшую задачу — добиться такого положения, при котором бы ни одно незаконное постановление или распоряжение местных органов не оставалось бы неопротестованным. Нечего и говорить, что от выполнения этой задачи отделы общего надзора очень еще далеки.

Правда, количество протестов, приносимых органами прокуратуры в порядке общего надзора, с каждым днем увеличивается. Но надо признать, что это во многом идет за счет ликвидации накопившихся старых грехов, выявляемых сейчас «в пожарном порядке». Систематическая же повседневная работа по надзору

за законностью в том виде, как это предписывается инструкцией Прокурора СССР от 17 ноября 1936 г., еще не везде налажена.

В частности, отделы общего надзора недооценивают важности и необходимости повседневного ознакомления с постановлениями, принимаемыми местными органами власти, приказами других организаций для проверки их с точки зрения соответствия с законом. Поэтому нередко случаются, когда о незаконных постановлениях прокуроры на местах узнают только из жалоб граждан, права которых оказываются нарушенными, или даже из центральных газет. Это только один из недостатков работы органов прокуратуры по общему надзору в настоящее время, а можно было бы дать их целый длинный перечень.

Однако все эти недостатки можно исправить и они, конечно, будут исправлены, если только работники общего надзора проникнутся сознанием важности лежащей на них задачи и своей ответственностью перед партией и правительством за наилучшее выполнение этой задачи. А это, по всем данным, имеется, о чем достаточно говорит хорошо видимый уже перелом в работе по общему надзору.

М. СТРОГОВИЧ

Прокуратура как орган государственного обвинения

I

Поддержание на суде обвинения является важнейшей функцией прокуратуры и находится в теснейшей связи с другими отраслями прокурорской работы. Осуществление надзора за соблюдением революционной социалистической законности, составляющее основную задачу прокуратуры, связано с борьбой с нарушителями советских законов и с уголовным преследованием их и изобличением перед судом в тех случаях, когда нарушение закона составляет уголовное преступление. Отсюда — полномочия прокурора по возбуждению уголовных дел, по надзору за расследованием преступлений и по поддержанию на суде государственного обвинения. Именно в этой последней форме — в форме поддержания на суде государственного обвинения — достигает своей высшей точки конкретная деятельность прокурора в области борьбы за социалистическую законность. После того как возбуждено уголовное дело и тщательно проведенное под контролем прокурора расследование подтвердило основательность обвинения, прокурор с публичной трибуны государственного обвинителя в обстановке гласного судебного процесса перед широкой судебной аудиторией поддерживает обвинение на суде, разоблачает перед судом и общественностью преступника, врага народа или дезорганизатора социалистического общежития.

Ст. 113 Сталинской Конституции СССР возлагает на Прокурора СССР осуществление высшего надзора за точным соблюдением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР. Этот надзор осуществляется Прокурором СССР как непосредственно, так

и через всю систему органов прокуратуры, которые независимы от каких бы то ни было органов власти и подчиняются только Прокурору СССР (ст. 117 Конституции СССР). Ст. 113 Конституции СССР определяет функции Прокурора СССР как осуществление высшего надзора. Это означает следующее: надзор за законностью осуществляет не только прокуратура; все органы советской власти в той или иной мере осуществляют надзор за соблюдением законов в пределах своей компетенции. Так, каждый народный комиссариат отвечает за законность действий подведомственных ему органов, руководитель каждого учреждения отвечает за законность действий подчиненных ему должностных лиц, советы депутатов трудящихся следят за тем, чтобы подведомственные им учреждения соблюдали законы, действовали на основе закона. Но этот надзор за законностью осуществляется каждым органом власти и учреждением в пределах своей специальной компетенции, наряду и в связи с осуществлением своих специальных функций и задач. Надзор за законностью входит в состав деятельности каждого советского учреждения, но не является его основной и специальной функцией. Но этот надзор является именно основной и специальной функцией прокуратуры, которая осуществляет надзор за законностью не в какой-либо специальной области и не по каким-либо особым поводам, а везде и всюду, будучи обязана реагировать на каждое нарушение закона, где бы и кем бы оно ни было допущено, и этот надзор является надзором от лица государства, является специальной функцией государственной власти, которая сосредоточена в руках специального органа власти — прокуратуры, глава которой подчинен непосредственно Верховному совету СССР и которому подчи-

нены все органы прокуратуры. Этот государственный надзор за законностью, надзор как особая функция государственной власти, надзор, охватывающий все учреждения и всех лиц, надзор, проникающий всюду, где может быть нарушен советский закон,—носит наивысшее значение надзора.

Этот высший надзор за соблюдением законов — основная функция советской прокуратуры. Осуществляется он различными методами, к которым относятся и общий надзор (т. е. надзор за законностью деятельности административных органов), и надзор за следствием по уголовным делам, и судебный надзор (т. е. надзор за законностью судебных приговоров и решений), и поддержание государственного обвинения на суде в отношении предания суду лиц (подсудимых). Все эти методы прокурорской работы неразрывно между собою связаны, взаимно друг друга обуславливают, а это дает определенное содержание и направление каждой отрасли, каждому участку прокурорской работы. Обвинительная деятельность прокурора, поддержание им обвинения на суде не есть какая-то изолированная функция прокуратуры, осуществляемая в отрыве от других функций прокуратуры. Наоборот, все функции прокуратуры находятся в неразрывной органической связи. Так, при наличии данных о том или ином факте нарушения закона прокурор, как правило, реагирует на этот факт в порядке общего надзора, т. е. выясняет это нарушение и опротестовывает незаконное действие или постановление в соответствующую инстанцию; если при этом устанавливается, что нарушение закона имеет признаки преступления, прокурор возбуждает уголовное дело и наблюдает за его расследованием; если расследованием обвинение подтверждено, прокурор передает дело в суд, настаивает на предании обвиняемых суду в распорядительном заседании суда, а затем поддерживает на суде обвинение, выступает в качестве государственного обвинителя; по вынесении приговора, прокурор может его опротестовать в кассационном порядке или в порядке судебного надзора. Эта органическая неразрывная связь всех функций, всех отраслей деятельности, всех методов работы является характерной чертой советской прокуратуры и придает ей облик действительно и стойкого борца за социалистическую законность, располагающего широкими полномочиями в области осуществления своих задач и несущего всю ответственность за всю свою деятельность.

В этом отношении советская прокуратура по объему и характеру своих функций резко отличается от прокуратуры капиталистических государств. Прокуратура капиталистических государств, как правило, не осуществляет функций общего надзора, т. е. надзора за законностью действий и постановлений административных органов и различных учреждений и организаций. Основная функция буржуазной прокуратуры — обвинительная и в основном сводится к возбуждению уголовного преследований, наблюдению за следствием и поддержанию обвинения на суде. Лишь иногда и в очень незначительной мере прокуратура может вмешиваться в деятельность административных органов (например, участие прокуратуры в различных правительственных комите-

тах во Франции, в присутствиях по городским и земским делам в дореволюционной России). Соответственно этому буржуазная прокуратура и организована при судебных учреждениях. Это придает буржуазной прокуратуре односторонний обвинительный характер и отрывает ее обвинительную деятельность от общих задач охраны законности.

В дореволюционной России, непосредственно вслед за введением судебных уставов 1864 г., министерство юстиции в своем представлении от 25 ноября 1865 г. по вопросу о функциях прокуратуры писало: «Правильное течение и разрешение дел в присутственных местах и исполнение при этом установленных законом форм обеспечивается занятиями членов и вообще служащих каждого данного установления и сверх того наблюдением со стороны непосредственного начальства, а по делам, касающимся интересов частных лиц, — надзором со стороны сих последних и правом их обжаловать каждое отдельное постановление. Поэтому прокурорский надзор по этим делам оказывается не столь необходимым». По этим основаниям функции прокуратуры были ограничены ее обвинительной деятельностью и прокуратура была лишена функций общего надзора. Мысль министерства юстиции ясна: о законности действий административных органов должны заботиться сами эти административные органы и у них же должны искать защиты своих интересов частные граждане, права которых нарушены.

Совершенно ясно, что в основе этой аргументации лежит определенная мысль: не допускать какого-либо постороннего контроля, хотя бы и со стороны буржуазной прокуратуры, над деятельностью административных органов власти, предоставление им полной возможности свободной, бесконтрольной (а следовательно, и незаконной) деятельности. Иначе обстоит дело с судом. В отношении суда буржуазная юридическая теория и законодательство прокламируют его независимость — независимость от государственной власти, от проводимой ею политики. Независимость суда в таком виде никогда не существовала в действительности, буржуазный суд всегда был «слепым и тонким орудием подавления и эксплуатации» (Ленин). Ленин замечательно верно отмечал, что буржуазный суд есть тонкое орудие. И действительно, суд, если только он заслуживает это название, всегда действует в определенных формах, его деятельность обставлена сложными правовыми условиями, она протекает в определенной обстановке гласности. Поэтому прямое, непосредственное командование судом, проведение через него правительственных указаний и директив по конкретным судебным делам неизбежно затруднено, так как буржуазный суд принужден соблюдать какой-то минимум приличия, культурности. Это, разумеется, не относится к фашистскому суду, в котором полностью отсутствует хотя бы какой-либо намек на приличие и культурность, который является прямым террористическим орудием расправы с трудящимися и с деятельностью которого понятие правосудия вообще неприменимо даже в буржуазном значении этого слова.

Иначе с прокуратурой в капиталистических государствах, применяющих хотя бы в какой-то мере буржуазно-демократические методы

государственного управления; она и по существу и формально есть прямое, непосредственное и послушное орудие правительства, входит в состав министерства юстиции и является тем звеном, через которое правительство проводит свое влияние в судах, воздействует на них, подчиняет их своим указаниям. Таким образом по характеру своей организации, по своей идее, по смыслу своей деятельности буржуазная прокуратура является только органом обвинения и неизбежно имеет этот односторонний обвинительный характер. Совершенно не случайно, что такой видный представитель буржуазной науки права, как дореволюционный профессор И. Я. Фойницкий, сетовал на то, что царское законодательство пытается в какой-то мере обвинительную функцию прокуратуры сочетать с ее обязанностью охранять закон на предварительном следствии и на суде; Фойницкий писал: «Увлечение задачей ограждения закона подрывает главнейшую функцию прокуратуры — обвинительную» («Курс уголовного судопроизводства», т. I, 1912 г., стр. 543). Надо при этом иметь в виду, что в дореволюционной России при организации прокуратуры был в основном воспринят французский образец. Это положение прокуратуры капиталистических стран, этот принцип отрыва обвинительной функции прокуратуры от задач охраны законности (сколько бы буржуазные процессуалисты ни именовали прокуратуру органом охраны закона — положение не меняется) обращало на себя внимание лучших представителей буржуазной юстиции. Так, известный старый юрист А. Ф. Кони в своей интереснейшей статье «Приемы и задачи обвинения» («На жизненном пути», т. I, стр. 101 и 102) с сожалением вспоминает об упразднении судебными уставами «прекрасной должности губернского прокурора», являвшейся «наследием петровских времен и одним из лучших екатерининских учреждений». В действительности в дореформенных губернских прокурорах ничего прекрасного не было и это признает сам же А. Ф. Кони, который принужден признать неллишними справедливости слова Чичикова — героя «Мертвых душ» Гоголя относительно умершего, губернского прокурора: «а ведь если разобрать хорошенько дело, то на поверку у тебя всего только и было, что густые брови». Очевидно Кони привлекали не те реальные черты, которыми характеризовался исторически сложившийся дореформенный институт губернских прокуроров, а то, что в принципе, в идее на этих прокуроров возлагалась задача наблюдения за законностью действий местных административных органов. Хотя Кони не развивает этой мысли, для него очевидно было ясно, что обвинительная деятельность прокурора для успешного ее осуществления должна опираться на более широкую функцию надзора за соблюдением закона, и в этом, разумеется, Кони был прав.

II

Великая Октябрьская социалистическая революция сломала старый дореволюционный государственный аппарат, а вместе с ним старый судебный аппарат и связанные с ним прокуратуру и адвокатуру. Ст. 3 декрета о суде № 1 (24 ноября 1917 г.) гласила: «Упразднить существовавшие институты судебных следова-

телей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры». Упраздняя старую прокуратуру, декрет о суде № 1 устанавливал, что в роли обвинителей и защитников в советском суде допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами. Эта общая формулировка еще не определила ни организационных форм, ни процессуального порядка обвинительной деятельности. Эти вопросы были конкретизированы в декрете о суде № 2 (20 июля 1918 г.). Этим декретом при советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов организовывались коллегии лиц, посвятивших себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и в форме общественной защиты. Состав этих коллегий правозаступников избирался советами. Эти коллегии соединяли в себе функции и обвинения и защиты, из их состава суд мог приглашать для каждого дела общественного обвинителя. Ст. 28 декрета устанавливала, что кроме обвинителя и защитника из состава коллегий правозаступников, в судебных прениях могли принимать участие один обвинитель и один защитник из присутствующих на судебном заседании лиц, т. е. из публики.

По вопросу об обвинении на суде в декрете о суде № 2 существенным являются следующие положения:

1) обвинение есть общественная функция, на суде обвинение поддерживает не государственный обвинитель, а общественный обвинитель;

2) функции обвинения и защиты возложены на одну и ту же организацию, члены которой могут выступать и в качестве обвинителей и в качестве защитников;

3) наряду с этими обвинителями, объединенными в организации правозаступников, могут выступать на суде и добровольные обвинители из публики.

Несомненно, что в этом декрете проявилось стремление построить обвинение на широких демократических основаниях как народное обвинение, но в обстановке 1918 г. подобное положение создавало опасность использования свободы обвинения на суде классовым врагом, так как любое лицо могло почти бесконтрольно получить трибуну на суде и использовать ее для антисоветской контрреволюционной агитации. Здесь сказалось влияние лево-эсеро-руководства НКЮ, при котором был разработан этот декрет. После смены лево-эсеро-руководства НКЮ новый нарком юстиции т. П. И. Стучка издал инструкцию об организации и действиях местных народных судов 23 июля 1918 г., которой ограничен круг лиц, выступающих на суде в качестве правозаступников, т. е. обвинителей и защитников, и устранено выступление из публики.

В последующих законодательных актах в основном продолжало сохраняться положение, при котором государственное обвинение не выделялось в самостоятельную функцию и вместе с функцией защиты сосредоточивалось в особых коллегиях при советах и исполкомах (Положение о народном суде РСФСР 30 ноября 1918 г.). Новое Положение о народном суде РСФСР 21 октября 1920 г. пытается организационно разграничить функции обвинения и защиты и придать обвинению характер государственного обвинения. Обвинители состоят при отделах юстиции губисполкомов, на-

значаются и отзываются губисполкомами, в качестве же защитников привлекаются граждане по особым спискам, составляемым районными, городскими и уездными исполкомами (ст.ст. 39—43). Дальнейший шаг в этом направлении делает инструкция наркома юстиции РСФСР Д. И. Курского от 23 ноября 1920 г., исходя из Положения о народном суде 1920 г.; она трактует о «советских обвинителях», устанавливая, что «в случае недостаточности советских обвинителей, а иногда и наряду с ними суд допускает в качестве обвинителя представителей, возбуждавших уголовное преследование, советских учреждений и профессиональных организаций» (ст. 3). Здесь мы уже видим разграничение (хотя и недостаточно четкое) государственного и общественного обвинения.

В законодательстве о революционных трибуналах в самом же начале сделана попытка построить обвинение в трибуналах как публичное, государственное обвинение. Уже декретом СНК о ревтрибуналах 4 мая 1918 г. при каждом ревтрибунале была организована коллегия обвинителей, избираемых советами по представлению ревтрибунала или ИКЮ, причем на эту коллегии обвинителей были возложены определенные, законом регламентированные функции (участие в следственной комиссии, дача ей заключений, формулировка обвинительных тезисов, публичное обвинение на суде). Здесь уже налицо все необходимые элементы государственного обвинения, наряду с которым допускалось и общественное обвинение и выступление обвинителей из публики на суде. Однако в дальнейшем эти коллегии обвинителей при ревтрибуналах отпали и их функции перешли к коллегиям обвинителей и защитников при советах, организуемых на основании Положения о народном суде.

Незадолго до декрета 4 мая 1918 г. была сделана попытка создать специальную централизованную организацию государственного обвинения. В апреле 1918 г. был создан народный комиссариат публичного обвинения, существовавший, правда, не больше полутора месяцев. Неудача создания этой организации не должна закрывать значения действительной и важной задачи, серьезность которой сознавалась в то время, — организовать государственное обвинение как особую функцию государственной власти, заключающуюся в поддержании на суде обвинения от лица государства. Задача эта ставилась все время, с первых же дней Октябрьской революции, но она не могла быть разрешена ввиду отсутствия той организации, которая сосредоточивала бы в своих руках функции государственного обвинения, представляя собой орган власти пролетарского государства, для которого поддержание обвинения было бы одним из методов его общей деятельности по борьбе с преступлениями и всеми нарушениями революционной законности. Такая организация была создана 28 мая 1922 г. в лице советской прокуратуры.

III

Положение о прокуратуре от 28 мая 1922 г. и в значительно более развернутом и уточненном виде Основы судостроительства СССР и союзных республик определяют систему функций

и методов прокурорской работы, включая в них поддержание обвинения на суде и связывая эту функцию со всеми другими функциями прокуратуры в области борьбы за социалистическую законность¹. Исходя из этого, и определяется роль и содержание обвинительной деятельности прокуратуры, в известном смысле как продолжение ее деятельности в области общего надзора, т. е. надзора за законностью действий органов власти, должностных и частных лиц. В силу этого обвинительная деятельность советской прокуратуры никогда не строится в том одностороннем обвинительном разрезе, который характерен для прокуратур буржуазных стран. Обвинительной деятельности советской прокуратуры органически чужды те ультраобвинительные установки, которые характерны для прокуратуры буржуазно-демократических государств, в частности французской, послужившей образцом для организации прокуратур других буржуазных стран. А. И. Герцен дал поистине классическое изображение обвинительной деятельности французского прокурора, сохранявшее свое значение и поныне. Герцен писал: «Неумеренная любовь раскрывать истину, добираться до подробностей в делах уголовных, преследовать с ожесточением виноватых, сбивать их — все это чисто французские недостатки. Судопроизводство для них — кровавая игра... Прокурор как дохий торреодор, унижен и оскорблен, ежели травимый зверь уцелел»². Конечно, советский прокурор на суде — обвинитель и именно обвинитель, обязанный проявлять максимальную бдительность во всей своей работе, максимальную настойчивость в изобличении и обвинении врагов народа и дезорганизаторов социалистического строительства. Советский прокурор — орган борьбы со всякими посягательствами на мощь и крепость диктатуры пролетариата, социалистического государства рабочих и крестьян. Совершенно неприемлема была бы переписка советского прокурора как государственного обвинителя на какой-либо либеральный лад. Советская прокуратура — острое и действенное орудие пролетарской диктатуры и иной она быть не может. Но советский прокурор — прежде всего блюститель социалистической законности, и это определяет направление и содержание всех областей его деятельности. В этом отношении представляет большой интерес и является крайне характерной та формулировка задач обвинения, которая дана в разрабатываемом сейчас проекте Уголовно-процессуального кодекса СССР, ст. 7 которого гласит:

«Задачей обвинения в уголовном процессе является уголовное преследование и разоблачение перед судом и общественностью врагов народа и нарушителей государственной дисциплины и социалистического правопорядка. Задачей обвинения является также защита прав и законных интересов всех граждан, в частности прав и законных интересов обвиняемого.

В любой стадии процесса, если обнаружится необоснованность обвинения, уголовное преследование должно быть прекращено, а обвинитель обязан отказаться от обвинения».

¹ См. об этом А. Вышинский, Судостроительство СССР, изд. 3, 1936, стр. 209.

² «Былое и думы», ч. II, стр. 119.

На первый взгляд противоречащее специфическим задачам обвинения требование, чтобы обвинитель защищал права и законные интересы обвиняемого, является совершенно правильным, соответствующим самой природе советской прокуратуры. Процессуальное положение прокуратуры на суде отличается от ее положения в стадии предварительного следствия, а вся судебно-следственная деятельность прокуратуры отличается от ее деятельности в области общего надзора. Но прокуратура всегда равна самой себе и руководящие принципы ее деятельности одинаковы во всех областях прокурорской работы.

В сопоставлении с этими широкими и культурными задачами советского обвинения особенно дикими и варварскими кажутся положения итальянского фашистского УПК 1931 г., который, конструируя прокуратуру в уголовном процессе как сторону обвинения, возлагает на нее заботу только об обвинении и запрещает ей предпринимать хоть какие бы то ни было шаги в направлении защиты интересов обвиняемого. Так, итальянский УПК 1931 г. запрещает прокурору протестовать против нарушения судом процессуальных норм, если эти нарушения не затрагивают интересов обвинения и лишает прокурора права требовать освобождения обвиняемого из-под стражи, хотя бы такое содержание ничем не вызывалось. Автор УПК бывший министр юстиции А. Рокко в объяснительной записке к проекту УПК писал: «Право требовать предоставления предварительной свободы (т. е. освобождения обвиняемого из-под стражи до суда. — М. С.) не принадлежит более прокурору за отсутствием у него для этого надлежащего интереса». Действительно, какой может быть интерес у фашистского прокурора в том, чтобы освободить из тюрьмы заключенного, хотя бы и невиновного?

Что собой представляет буржуазная прокуратура хорошо понимали некоторые буржуазные юристы. Либеральный германский юрист проф. Гольдшмидт, автор проекта УПК 1919 г., представлявшего высшую точку либерально-индивидуалистических устремлений некоторой части буржуазных кругов, по поводу германской прокуратуры веймарского периода не без основания утверждал, что германской прокуратуре место не в ведомстве юстиции, а в ведомстве полиции, и требовал запрещения прокурорам когда-либо занимать судебские должности. Этот же Гольдшмидт предлагал освободить прокуратуру от обязанности изыскивать и проверять доказательства, оправдывающие обвиняемого, — все равно, по мнению Гольдшмидта, из этого ничего не выйдет (Dr. I. Goldschmidt. Zur Reform des Strafverfahrens. Tübingen, 1919).

А. Ф. Кони, на которого я уже ссылался, определял прокурора, поддерживающего обвинение, как «говорящего публично судью» (указ. соч., стр. 103—104). Кони с грустью должен был констатировать, что в действительности подобный тип государственного обвинителя встречался редко. Иначе и не могло быть в царском суде, но сама мысль Кони была глубоко верна. Кони говорил, что прокурор «не должен ни представлять дела в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого,

ни преувеличивать значение доказательств и улики или важности преступления». Несомненно, прокурор, будучи государственным обвинителем, является участником и активным деятелем правосудия, в правильном осуществлении которого он заинтересован не менее чем суд. В этом отношении у него общие с судом задачи.

Буржуазные юристы могут иногда высказывать хорошие мысли, которые, однако, остаются висеть в воздухе, так как действительность капиталистического государства не является благоприятной почвой для их осуществления.

Активное, решительное, непреклонное изображение преступника перед судом и в то же время строгая обоснованность и непредвзятость всех выводов и утверждений и чуткое отношение к правам и интересам всех лиц, участвующих в процессе, вытекающее из требований социалистического демократизма и гуманизма, таковы черты советского государственного обвинителя, и в этом смысле советский прокурор — действительно «говорящий публично судья».

Замечательные слова В. И. Ленина, сказанные им по поводу дела по обвинению ряда лиц в волоките с изготовлением плугов Фаулера, исчерпывающе определяют задачи прокурора как обвинителя в процессе. Ленин указывал, что обвинитель должен «перед всеми разнести вздыг, осмеять и опозорить» само преступление и лиц, не понимающих его значения, и вместе с тем «поставить обвинение разумно, правильно в меру».

В практической работе советской прокуратуры обвинительная ее деятельность, поддержание обвинения на суде всегда занимало существенное место. Но следует признать, что именно эта сторона деятельности советской прокуратуры часто недооценивалась. Это выражалось как в лично недостаточном числе прокурорских выступлений на суде, так и в далеко не всегда удовлетворительном качестве самих выступлений. Культура советского государственного обвинителя далеко еще не достигла необходимого высокого уровня, соответствующего задачам государственного обвинения в социалистическом государстве. Но совершенно очевидно, что значение обвинительной деятельности советской прокуратуры при правильном ее понимании приобретает все большее и большее значение как метод охраны социалистической законности и укрепления социалистического правосудия.

У нас есть превосходные образцы прокурорских выступлений на суде, отвечающие всем требованиям, предъявляемым к советскому государственному обвинителю, есть совершенно четкое и ясное понимание задач обвинения на суде, но нет еще достаточной культуры в общей постановке обвинения на суде равно как нет достаточной разработки процессуальных и методических вопросов, связанных с поддержанием обвинения на суде.

К пятнадцатилетию советской прокуратуры следует вспомнить о наших достижениях (а они есть) и недостатках (их тоже немало) в этой важнейшей области прокурорской работы и сосредоточить внимание на тех мерах, которые помогут поднять эту работу на должную высоту.

О рассмотрении жалоб трудящихся в прокуратуре

Рассмотрение жалоб трудящихся является важнейшей функцией прокуратуры. Ни в одном государственном органе нет столько жалоб трудящихся, как в прокуратуре. И каких только нет жалоб и заявлений в органах прокуратуры! Самых разнообразных, самых неожиданных по форме и содержанию: тут и о жилищах и алиментах, тут и о самых серьезных уголовных преступлениях и в то же время об исключительно пустяковых явно судящихся претензиях отдельных граждан; наряду с весьма грамотной, иной раз в художественных выражениях и даже стихах, составленными заявлениями еще немало и таких крайне скверно и неграмотным языком написанных жалоб, одно прочтение которых отнимает много сил, энергии и времени. Прокурор должен кропотливо, добросовестно и терпеливо разбираться в этих жалобах и давать им соответствующее направление, проверять сообщаемые в них факты, разъяснять жалобщикам законы и т. д.

Не так уж легко эту работу быстро и хорошо организовать. Особенно теперь, когда с принятием Сталинской Конституции авторитет прокуратуры сильно вырос, и число обращений в прокуратуру весьма увеличилось.

На протяжении 15 лет существования прокуратуры далеко не всегда отношение к жалобе и жалобщнику было одинаковым в органах прокуратуры. Самый состав жалобщиков за этот период времени существенно изменился. Это в значительной мере повлияло и на отношении к жалобщнику. Значительную часть жалобщиков в прежние годы составляли кулаки и нэпманы, которые неосновательно жаловались на то, что государственные органы СССР не оставляют безнаказанным нарушение ими законов нашей страны. Трудящиеся граждане СССР — вот кто теперь, главным образом, жалобщики в органах прокуратуры; они немедленно реагируют теперь на всякое нарушение закона и требуют восстановления нарушенного права, так как с ростом культуры масс выросло и социалистическое правосознание трудящихся, настойчиво и упорно добивающихся неуклонной охраны революционной законности.

Пренебрежительное, бюрократическое отношение к жалобщикам, имевшее место в отдельных местах и в отдельные периоды деятельности прокуратуры, отнюдь не всегда объяснялось классовым составом жалобщиков или непониманием задач прокуратуры в тех или иных местах.

Контрреволюционные вредительские «теории» Пашуканиса и других о буржуазной природе советского права, об отмирании государства, о выветривании права, а также связанные с этими «теориями» всякого рода упрощенства и так называемые «рационализации» во всех областях деятельности суда и прокуратуры, особенно широко распространившиеся в 1929—1931 гг., нашли свое отражение и в работе прокуратуры по разбору жалоб. Пренебрежительное отношение, например, к просьбе жалобщика, чтобы истребовали его дело и опро-

тестовали приговор суда, который за халатность осудил жалобщика как за растрату, объяснялось тем, что вслед за широко пропагандируемой во всех местах указанной выше теорией в применении к уголовному праву практика также стала считать, что вина, умысел, неосторожность это — «юридическое барокло», которое не к лицу советскому уголовному праву, что квалификация преступления не имеет значения для правильного осуществления карательной политики и тому подобную чепуху.

Бюрократическое, пренебрежительное отношение к жалобе и жалобщнику в этот период узаконялось многими упрощениями тем, что процессуальные нарушения вообще считались несущественным делом. Под лозунгом «минимум формы, максимум классового существа» прокуроры в свою очередь небрежно отмахивались от назойливого жалобщика, который доказывал, что вследствие нарушения тех или иных процессуальных законов его неправильно осудили или с него неправильно взыскали и т. д.

Организационно работа прокуратуры по жалобам также не всегда была правильно поставлена. Отделы жалоб до ликвидации функционалки несколько раз безуспешно перестраивались, но, как правило, они оставались самостоятельными отделами, работа которых слабо была связана с функциональными отделами прокуратуры и представляла собой наиболее плохо организованную часть работы прокуратуры. Реорганизация прокуратуры дала возможность устранить значительную часть недостатков в работе по жалобам. Однако скоро выяснилось, что ликвидация отделов жалоб и распределение жалоб непосредственно между производственными отделами прокуратуры имеют и свои теневые стороны: отсутствует единый центр, ведущий наблюдение и контроль за приемом и прохождением жалоб по прокуратуре. Этот недостаток был устранен уже в 1936 г.

К настоящей организации «жалобного хозяйства» в органах прокуратуры приступлено было всего только год назад, когда было решено создать отделы жалоб прокуратуры и провести ряд мероприятий, направленных к улучшению приема и рассмотрения жалоб.

Первый приказ по этому вопросу был издан 21 марта 1936 г., а затем после постановления III пленума Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР от 22—26 мая 1936 г. по вопросу о рассмотрении жалоб трудящихся (СЗ 1936 г. № 31, ст. 276) Прокурором СССР был издан 3 июня 1936 г. новый циркуляр, который указывал на необходимость повсеместной перестройки работы прокуратуры по рассмотрению жалоб в соответствии с постановлением пленума КСК при СНК СССР. Одновременно было послано местам «примерное положение о бюро жалоб органов прокуратуры».

За год, прошедший после этого, была проделана большая работа по улучшению рассмотрения жалоб трудящихся, были созданы

отделы или бюро жалоб, которые упорядочили прохождение жалоб по аппарату, налажен, правда еще весьма недостаточно, контроль исполнения, организован прием посетителей, выдача справок и т. д. Конечно, далеко не везде еще это дело как следует организовано; кое-где и теперь можно встретить совершенно недопустимое отношение к жалобам и жалобщикам; например, в апреле 1937 г. в Прокуратуре РСФСР (в гражданском отделе) оказалось свыше тысячи нерассмотренных жалоб и писем с периферии, часть из которых лежала «без движения» по несколько месяцев; или, например, в Прокуратуре УССР оказалось, что жалобщики не имеют свободного доступа даже в отдел жалоб; работники этого отдела бюрократически отгородились от посетителей «системой пропусков».

Тем не менее общее повсеместное улучшение работы по жалобам вызвало значительный рост обращений в прокуратуру. Граждане, которые раньше сплошь и рядом не получали ответа на поданные ими заявления и жалобы или получали с большим опозданием, теперь не могли не заметить быстрого реагирования прокуратуры на их заявления, да и ответа по всем жалобам, внимательного приема их и разъяснения им законов и прав граждан. Поэтому если раньше многие не обращались в прокуратуру даже и тогда, когда это было им необходимо, так как обращение с жалобой стоило им много трудов и времени, то теперь при большей доступности и внимательности прокуратуры ко всем жалобщикам, при быстром реагировании прокуратуры на их заявления число последних растет, так как об этом качестве работы прокуратуры становится известным все более и более широким массам, несомненный рост правосознания и бдительности которых является залогом борьбы со всеми и всякими нарушениями социалистической законности.

Не следует, однако, думать, что вызванный внимательным и чутким отношением к жалобщикам поток заявлений в прокуратуру сам по себе обеспечивает правильную организацию борьбы за социалистическую законность, что достаточно, например, прокурору района хорошо организовать прием жалобщиков и внимательное рассмотрение поступающих к нему заявлений, чтобы быть спокойным за состояние революционной законности в районе. Из этих ли соображений или из соображений не быть обвиненным в бюрократическом отношении к жалобщикам в некоторых местах, как, например, в Горьковской области, установлен порядок, согласно которому районные прокуроры целый день обязаны принимать и принимают жалобщиков и посетителей. Прием в районной прокуратуре или в прокуратуре города не ограничен временем. Приказом от 7 февраля 1937 г. прокурор Горьковской области обязал всех районных прокуроров принимать жалобщиков в течение всего рабочего времени без установления определенных часов приема.

Конечно, в тех районах, где имеется два прокурора (вернее, помощник прокурора района), выполнение этого распоряжения особых трудностей не вызывает, хотя и там вряд ли целесообразно это правило — целый день принимать людей, с какими бы они заявлениями ни приходили. Но такой приказ осо-

бенно отражается на работе прокуратуры района, когда там имеется лишь один прокурор. Этот последний целый день занят тем, что ждет или принимает жалобщиков. Последние приходят очень часто в очень большом числе случаев с просьбой дать консультацию. Происходит это от того, что повсюду из рук вон плохо поставлены юридическая консультация и помощь, которые должны быть организованы профсоюзами, в первую очередь, и коллегами защитников под руководством наркомюстов. Трудящиеся не получают необходимой юридической помощи, поэтому обращаются в прокуратуру и загружают ее несвойственной ей работой. Загружает прокуратуру не относящимися к ее компетенции заявлениями и жалобами также то обстоятельство, что во многих местных органах власти до сих пор еще плохо организованы прием и рассмотрение заявлений и жалоб трудящихся.

Проведенное нами наблюдение на месте показало, что приходят к прокурору и отрывают его от серьезной и важной работы с многочисленными заявлениями следующего характера: 1) приехал в город после лечения в больнице рабочий совхоза; документы забыл и оставил в больнице; денег у него нет и на работу без документов не принимают; просит прокурора послать на работу; 2) женщина жалуется на то, что несвоевременно получает алименты от бывшего мужа; 3) приходят с жалобой на то, что райсовет не предоставляет комнаты; 4) крестьянин приехал из района в областной центр к прокурору со следующей жалобой (вместо того, чтобы там же в районе обратиться в народный суд с иском): он купил дом на снос, а продавец дома не выезжает из этого дома, чтобы покупатель мог сломать его; 5) уволенный с работы счетовод, которого народный суд восстановил в должности, явился к прокурору с просьбой «дать государственную защиту», так как администрация завода обжаловала решение народного суда в областной суд; 6) колхозники просят прокурора развести их колхоз, так как считают объединение двух колхозов в один, произведенное с их согласия в прошлом году, неправильным и повлекшим за собой бесхозяйственность в колхозе. Число этих примеров можно было бы значительно умножить. Но практические работники мест достаточно о них знают. Поэтому не приходится на этом подробно останавливаться, чтобы доказать, что прокуроры районов загружены значительным количеством такой работы, от которой они должны быть освобождены. И не вредная «текучка», отнимая у них много сил и энергии, делает их неспособными на серьезную и систематическую работу по борьбе за социалистическую законность в районе.

А контроль за прохождением и рассмотрением жалоб? Сколько в этой области имеется еще недостатков в нашей работе, которые очень часто не дисциплинируют, а мешают работе районных прокуроров, загружают их ненужной работой? Достаточно указать на следующее: принято думать, что если вышестоящий прокурор, посылая жалобу на проверку нижестоящему прокурору, не потребует от него ответа, то жалоба не будет как следует рассмотрена. И вот по этой причине очень часто, посылая жалобу на место, тре-

буется ответ в виде заключения, независимо от того, насколько существенна жалоба. В результате этого вышестоящий прокурор создает у себя громадное количество так называемых контрольных переписок и не справляется с ними, смазывая тем самым значение контроля исполнения не только по указанным выше малозначительным жалобам, но, что особенно важно, по остальным, более серьезным жалобам. С другой стороны, районные прокуроры, получая такие недифференцированные требования и обязанности писать и заключения по всем жалобам, под тяжестью этой писанины не вылезают из кабинета или же превращаются в «безнадежных должников» перед вышестоящими органами. В этой же связи надо сказать несколько слов о запросах различных ведомств по одним и тем же жалобам.

Работникам прокуратуры хорошо известна небольшая группа жалобщиков, которая тем не менее отнимает у прокуратуры гораздо больше времени, чем остальные жалобщики, числом в несколько раз превышающие эту небольшую группу. И не потому вовсе так много времени уходит на эту группу жалобщиков, что дела их очень сложные и запутаны, а они сами — пострадавшие от беззакония люди, которым надо помочь, защитить, устроить. Нет, вовсе это не потому. В большинстве случаев — это люди, явно злоупотребляющие принципами советской демократии, доступностью и чуткостью наших партийных и советских органов; это — сутяги, добивающиеся своего путем подачи десятков и сотен жалоб во все инстанции. Можно указать немало таких жалобщиков, которые написали уже сотни неосновательных жалоб в десятки учреждений, редакций газет и т. п. и продолжают еще писать, причем в то время как многие юридически неграмотные граждане, объективно гораздо больше нуждающиеся в помощи вышестоящих органов прокуратуры, не знают о том, что есть такие органы, куда они могут обратиться со своей жалобой; для указанных выше неугомонных жалобщиков и сутяг во многих республиканских, областных аппаратах прокуратуры оказывается к услугам по 3 или 4 инстанции: дежурный прокурор, зав. отделом жалоб, зав. соответствующим оперативным отделом, зам. прокурора республики (области, края), прокурор республики (области, края), а иногда и жалобная книга данной прокуратуры. Не слишком ли дорого стоящая и вредная «роскошь» в этом деле стала у нас практиковаться? Когда же жалобы этих лиц из различных ведомств одновременно поступают к районному или областному прокурору с требованием ответа, то не трудно представить себе положение этого прокурора, которому приходится тратить свое драгоценное время на дачу ответов во все органы и во все инстанции по одной и той же неосновательной жалобе.

Таковы, вкратце, теневые стороны достигнутых нами успехов в деле организации рассмотрения жалоб трудящихся. Нам необходимо провести теперь ряд мероприятий для того, чтобы улучшить рассмотрение жалоб, устранить злоупотребления созданной системой приема и рассмотрения жалоб трудящихся, сделать эту систему более подвижной, приблизить ее к производству и быту трудящихся,

сделать ее более доступной тем гражданам, которые не научились еще настойчиво и по собственной инициативе защищать свои права от нарушений. Для этого необходимо освободить районного прокурора от подавляющей его «текучки», избавить его от излишней писанины, запретить посылку ему ненужных запросов по жалобам как со стороны вышестоящих органов прокуратуры, так и со стороны других ведомств, запросы которых необходимо сосредоточивать в одном месте (в областной или республиканской прокуратуре). Большим и серьезным тормозом в организации работы по жалобам является отсутствие единой системы делопроизводства, слабая постановка контроля исполнения, всякого рода кустарничество и местное творчество по этим вопросам. По части делопроизводства в прокурорских канцеляриях известно, что многие руководители этим делом не занимаются, до сих пор еще считая, что это такая техника, которая достойна лишь внимания секретаря прокуратуры. Известно также, что многочисленные «упростители» и рационализаторы работы судебно-прокурорских канцелярий в прошлом натворили столько различных экспериментов в этой области, что навести порядок в них теперь — дело не такое уж легкое. В прошлом году, например, когда стало известно, что имеют место случаи потери жалоб трудящихся в канцеляриях прокуратуры (и не только прокуратуры), Прокурор Союза ССР решил лично выяснить причины этого безобразного факта. Он с удивлением констатировал, что по воле рационализаторов уже давно введен порядок (санкционированный в свое время РКИ), согласно которому в приеме жалобы никто не расписывается, а следовательно, в случае ее утери никто не отвечает за это, не с кого требовать. Приказ Прокурора СССР об отмене этого «беспорядка» и введении расписки в получении жалобы был встречен с удивлением и недоумением. Жизнь показала, что новый порядок хотя и требовал дополнительных усилий для внедрения в практику, но оказался целесообразным и необходимым, усилил ответственность за работу и за сохранность передаваемых в аппарат прокуратуры жалоб и документов. Недоумения «старых канцеляристов» совсем исчезли, когда стало известно, что такой же порядок введен и в Комиссии советского контроля.

Этот маленький пример говорит о том, что нам нельзя относиться пассивно и примиренчески не только к большим политическим недочетам в нашей работе, но и к маленьким, канцелярским неполадкам, значение которых нельзя недооценивать.

Нельзя, нам кажется, согласиться с тем, что в разных республиках и областях по-разному построена работа отделов жалоб, по-разному ведется делопроизводство, контроль исполнения по жалобам. Это создает путаницу и неразбериху, отнюдь не содействует дальнейшему улучшению работы по рассмотрению жалоб трудящихся. Некоторые республиканские и областные прокуроры, например, до сих пор еще с упорством, достойным лучшего применения, продолжают насаждать свою систему организации работы отделов жалоб, которая существенно отличается от преподаваемой системы, изложенной в «Примерном положении о бюро жалоб органов прокуратуры»,

посланном местам Прокуратурой Союза ССР 3 июня 1936 г.

Это «Примерное положение» было составлено, исходя из необходимости создать гибкий и подвижный аппарат, способный наилучше организовать прием жалоб, обслуживание жалобщиков, отсеивать неотносящиеся к данному органу прокуратуры жалобы, направлять оперативным отделам на разрешение содержащие нарушение закона и требующие вмешательства оперативных отделов жалобы и заявления и систематически контролировать исполнение по жалобам. Этих функций уже вполне достаточно, и с ними далеко не справляются еще отделы жалоб. Эти же прокуратуры создали отделы жалоб, которые сверх указанных функций взяли на себя и ряд других, принадлежащих оперативным отделам прокуратуры, и потому не справляются как следует ни с теми, ни с другими функциями.

Громоздкость аппарата и путаница в делопроизводстве не дают возможности организовать контроль исполнения по жалобам ни в отношении периферии, ни в отношении отделов республиканской (областной) прокуратуры.

По вопросу контроля исполнения Прокурором СССР в апреле 1937 г. издан новый циркуляр, устанавливающий единые правила организации этой работы. Следовало бы посکو-

рее издать также единые правила делопроизводства по жалобам, которые способствовали бы дальнейшему улучшению прохождения жалоб и обслуживания жалобщиков.

К числу слабых мест в работе отделов жалоб относится явно недостаточное участие со-совестителей прокуратуры, рабочих шефствующих предприятий в работе по разрешению жалоб трудящихся. Нет более подходящего места для успешной борьбы с бюрократическими язвами в аппарате прокуратуры, чем в отделе жалоб. Здесь, осуществляя систематический контроль за прохождением и разрешением жалоб трудящихся, наблюдая за своевременным исполнением решений по жалобам, со-совестители, рабочий актив шефствующего предприятия могли бы оказать большую помощь в улучшении этой важнейшей работы, способствовали бы скорейшему вытравливанию остатков бюрократизма в нашем аппарате.

К сожалению, надо сказать, что как со стороны профсоюзов, так и со стороны многих органов прокуратуры этому вопросу уделяется за последние годы мало внимания.

Это, конечно, неправильно; нашей обязанностью является в ближайшее же время шире вовлечь и поднять работу общественного актива прокуратуры в отделах жалоб.

И. И. КРАСТИН

Из воспоминаний старого прокурора

Кто в течение многих лет был в рядах прокуратуры, кто волей партии в качестве прокурора вел борьбу за социализм, для того дата 15-летия советской прокуратуры невольно становится днем подведения итогов, днем воспоминаний о пройденном пути.

Вот когда пытаешься подвести итоги пройденного, когда сводишь воедино все то, что проделано, когда в памяти воскресают боевые дни частью яркие, частью тусклые, то невольно оказываешься в плену того многообразия событий, которые тебе пришлось пережить. Тысячи дел, отражающих многообразные стороны социалистического строительства, правда может быть негативные стороны, тысячи дел, отражающих различные стороны человеческой жизни, тысячи дел, в которых запечатлелась агония классового врага, — все это становится многоликой галереей, поражающей своей сложностью, своим многообразием.

Но чем пристальнее вглядываешься в это, тем яснее и ярче вырисовывается то общее, что объединяет эти разнообразные и совершенно отдельные дела, становящиеся лишь звеньями единой цепи событий, тесно связанных, тесно переплетающихся между собой.

Пропуская через призму сознания эти события, хранящие на себе следы 15-летней деятельности прокуратуры, невольно приходишь к одному убеждению: 15 лет советской прокуратуры — это 15 лет напряженной политической работы, это 15 лет, проведенных в ожесточенных боях с классовым врагом.

Советская прокуратура была организована декретом ВЦИК от 28 мая 1922 г. в период перехода к новой экономической политике.

Классовый враг в своих преступных посягательствах против советской власти прибегал к заговорам, восстаниям, шпионажу и клевете, использовал «всякие элементы разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса»¹.

Невольно вспоминаются дела, отражающие эти формы выступлений классового врага и его агентуры. Дела, по которым проходили крупные группы шпионов, подосланных из соседних лимитрофов. Эти люди на процессе рассказывали о том, как их посылали, как они вели свою работу, и за их спиной чувствовалась рука иностранных разведок.

Вспоминаются одновременно крупнейшие дела о взяточничестве. Среди многих дел этого типа мне почему-то особенно запомнилось дело по обвинению инженера Пляцкого, нашумевшее в свое время в Ленинграде и проходившее под громким названием «Дело короля стали».

Этот пресловутый «король», получивший такое громкое название среди нэпманов, был одним из наиболее видных и активных агентов ленинградской буржуазии, пытавшейся поднять голову в первые годы нэпа. Будучи в течение долгого времени инженером крупных частных фирм, прекрасно владея своей специальностью, Пляцкий владел в совершен-

¹ Ленин, т. XXII, стр. 460.

стве способностью «на-глаз» определять качество стали. Пользуясь технической невооруженностью, незнанием дела и разложением отдельных работников и тем, что в новых социалистических предприятиях еще остались агенты буржуазии, Пляцкий организовал массовую спекуляцию металлом в Ленинграде и даже далеко за его пределами.

Появляясь на наиболее крупных заводах, осматривая находящиеся там запасы металла, Пляцкий скупал его как «хлам». Это не обходилось без крупных взяток, поднаиваний и т. д. Металл скупался за бесенок, форменным образом за гроши и на тысячи рублей, а затем купленная высококачественная сталь, нередко без вывоза ее из территории завода, продавалась тому же предприятию, «задышающему» от недостатка металла.

Многие видные и крупные хозяйственники долго не могли согласиться с тем, что Пляцкий — преступник, классовый враг, пытается использовать нэп для хищения социалистической собственности. Они смотрели на него просто как на «ловкого дельца».

Многих крупных и видных хозяйственников Пляцкий сумел вовлечь в свое темное дело.

Ведя борьбу с такого рода преступлениями, одновременно нужно было вести решительную борьбу и с крайностями военного коммунизма, ибо революционная законность этого периода «обращалась своим острием, главным образом, против крайностей военного коммунизма, против незаконных конфискаций и поборов» (Сталин).

«Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, — закрывать глаза на это смешно», — говорил Ленин и здесь же учил нас, как бороться с этой спекуляцией. «Как же быть? Объявить спекуляцию безнаказанной? Нет. Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемыми (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета»¹.

В этот ответственный момент, когда решался вопрос «кто кого», прокуратура должна была принять боевое крещение и, борясь за революционную законность, о которой писал Ленин, с тройной строгостью преследовать всякие попытки укрытия от госконтроля, но в то же время бить их против крайностей военного коммунизма.

Невольно вспоминаются десятки дел первого периода нэпа, в которых перекликаются, с одной стороны, стремление классового врага избежать контроля и использовать нэп в своих спекулятивных целях, а с другой стороны, преступная деятельность того же классового врага, пытающегося дискредитировать новую экономическую политику, сорвать развитие товарного оборота путем организации незаконных поборов и конфискаций.

Дела о взятках крупнейших, крупных и мелких. Например, дело о большой группе торговцев, дававших взятки милиционерам и называвших себя «красными купцами», пытавшихся возродить «добрые старые» традиции

в своих отношениях с милиционерами по типу отношений с городовыми.

Наряду с этим проходят дела, в которых ярко отражается растерянность некоторых работников в период нэпа, их неумение перестроиться, их попытки одним ударом покончить с нэпом.

Помню ряд дел о председателях сельсоветов, самочинно запрещающих всякую торговлю, проводящих реквизицию и в свое оправдание выставляющих то, что «от спекулянтов житья нет».

Вспоминаются дела иные — чисто бытового порядка: активные рабочие, революционеры выдвигались на крупные хозяйственные посты. Интеллектуально высоко развивались, но бывали случаи, что некоторые из них поддавали под влияние врага, разлагались. Например, дело крупного хозяйственника Хведзюка об убийстве жены. Хведзюк, рядовой рабочий малограмотный, дорос до весьма крупного хозяйственника. Его жена не сделала ни шагу вперед в своем развитии, сумела использовать лишь создавшееся «барское благополучие». Происходит семейный конфликт, на разрешение которого честным путем у Хведзюка не хватает силы. Он прибегает к наемным убийцам для устранения жены. Дело еще интересно в том отношении, что все оно шло на косвенных уликах, и только под влиянием этих улик, конденсированных в речи прокурора, после выступления прокурора Хведзюк сознается.

Муть нэпа выдвинула своего рода «героев-бандитов». Может быть, наиболее ярким представителем такого порядка бандитов являлся в Ленинграде некий Ленька Пантелеев, которого еще до сих пор ленинградцы прекрасно помнят. Молодой парень, бывший работник органов дознания, соскочнул на путь легкой наживы и с помощью небольшой группы, им организованной, совершал исключительно дерзкие бандитские налеты, вызывавшие в обывательской среде прямо-таки восхищение. Открыто днем нападал на кассиров, везших крупные суммы денег, но главным образом специализировался на нападениях на нэпманов.

Этот своеобразный «Дубровский» приобрел себе славу чуть ли не защитника бедняка. Во время процесса он сумел бежать из тюрьмы, уведя с собой еще 4 отъявленных бандитов, и только несколько месяцев спустя был пойман.

Шаг за шагом идя по пути, который проделала наша страна в борьбе за социализм, чувствуешь, как прокуратура принимала участие во всех серьезных мероприятиях, и это прежде всего потому, что ни одно серьезное мероприятие советской власти не проходило без сопротивления классового врага.

Здесь невольно вспоминаются слова товарища Сталина: «Именно потому, что они (капиталистические элементы) становятся слабее, что они чувствуют последние дни своего существования, они вынуждены сопротивляться всеми силами и всеми средствами».

Кто работал в прокуратуре, тот знает, как нарастало сопротивление классового врага, как ожесточался он в своих попытках напасть, навредить советской власти.

На весь Советский союз нашумело «Чубаровское дело» в Ленинграде. Группа отъяв-

¹ Ленин, т. XXVI, стр. 344.

ленных классовых врагов под маской хулиганства проделывала жуткие дела, сумела втянуть в свои сети даже молодежь из рабочей среды. Когда эта банда частично была раскрыта в связи с групповым изнасилованием студентки в Чубаровском переулке и предстала перед судом, то оставшиеся на свободе пытались организовать угрозы по адресу прокурора, суда, встали на путь террора, сожгли завод б. Сан-Галли, пытались поджечь станцию Октябрьской железной дороги.

Параллельно вспоминается целый ряд дел о покушениях, терроре против селькоров и рабкоров. Например, весьма нагнетавшее дело об убийстве селькора Новикова и целый ряд дел о кулацком терроре, жертвами которого бывали и сами прокуроры.

В Партизанском районе Восточной Сибири кулаки сожгли сельсовет и здание, в котором помещалось правление колхоза. На место выехал прокурор т. Овчинников. Вечером, сидя во вновь отведенном помещении сельсовета, Овчинников совместно с уполномоченным ОГПУ обсуждал план расследования этого дела. И вот, когда прокурор углубился в изучение материала, раздался резкий звон стекла, и предательская пуля, выпущенная из обрезка, убила на месте т. Овчинникова. Теперь возникло новое дело об убийстве прокурора. Враг был пойман, но даже арестованным он сумел сопротивляться. Кулак Осипов, убивший Овчинникова, сохранившимся у него ножом поранил двух милиционеров, бежал и только через продолжительное время был пойман.

Но вот кулачество разгромлено, кулачество ликвидировано как класс, меняется форма, меняется методика кулацкого вредительства. Кулаки начинают работать «тихой сапой».

В 1931 г. в Иркутском районе организовался колхоз. Этот колхоз объединил 6 кулацких хозяйств. Чтобы замаскировать кулацкую сущность колхоза, в него принимаются несколько бедняцких и середняцких семей. Всего в колхозе одиннадцать семей, но колхоз имеет 25 человек наемных рабочих; все работы вплоть до починки упряжи выполняются наемной силой. Колхозу присвоено громкое название «Смерть капиталу». Но одного названия недостаточно для того, чтобы замаскировать кулацкую сущность. Кулаки решили получить «политическую вывеску», получить «политического руководителя», коммуниста-председателя. Такого им «уступает» бедняцкий колхоз. Председатель «выделен» и «избран». Как только новый председатель прибыл в колхоз, его «радушно» встретили и через некоторое время, увидав, что он и его семья чрезвычайно плохо одеты, выдали ему несколько кусков материи и несколько пар обуви. «Умиленный» вниманием к себе, председатель все это принимает. Когда же он вскоре обнаруживает, что попал в лжеколхоз, и пытается протестовать, ему заявили: «Ты сам воровал. Для того чтобы тебя одеть, был продан колхозный хлеб». Председатель сдался и молчал до самого суда.

Кулаки грамотны, кулаки понимают, что они делают.

Вот характерное показание на процессе кулака Низовцева, предколхоза: «Проработав решения XV съезда партии, я решил, что нужно идти в колхоз, что выхода нет. Вступая в колхоз, я думал работать добросове-

стно, но, вступив туда, подпал под влияние кулаков, меня затащило, и я поплыл по течению. Сначала поплыл, а потом возглавил».

Чтобы иллюстрировать такое «плавание» и «возглавление», приведу одно из дел, имевших место в колхозе «Черелом» Тулунского района. Колхоз занимал второе место по району, имел площадь посева 1391 га. Естественно, что такой колхоз был выбран в качестве объекта для организации хищений. В этот колхоз из соседних деревень прибывают кулаки Хайдуров, Шиверских и др. Они быстро сговариваются с местными кулаками, оставшимися в селе, и организуют массовое расхищение колхозного имущества. Расхищают все — деньги, хлеб, лошадей, скот, — все для того, чтобы подорвать колхоз. На станции железной дороги организуется специальный пункт сбыта, агент которого систематически выезжает в командировку в крупные города для сбыта похищенного. Отчетность и учет в колхозе в руках кулаков. Счетоводом они посадили «своего». Организуется «двойная итальянская бухгалтерия», одна официальная для колхоза, другая неофициальная — для расчета хищников между собой. Характер этой деятельности раскрывается из письма, адресованного одним кулаком к другому в г. Красноярск:

«Добрый день Кузьма Лексеич приехать к тебе пока не могу, но в Красноярск переберусь окончательно. Груня с Лексеем придут гуды вскоре, так, что ты квартиру держи и никому не давай, дела мы свои кончаем, колхоз приходит к концу, вообще все идет на ладу. Кончим свои дела и все разведемся я как сказал так и твердо порешил в Красноярск насчет работы ты посмотри, нуждаемости в этом шибко не будет, но для видимости необходимо... Ну наше берет». (Орфография сохранена.)

«Наше» не взяло, кулаки были разоблачены и осуждены.

Недобитые кулацкие элементы хорошо понимали, что «основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу нужно расшатать, чтобы напакостить советской власти и они действительно стараются расшатать общественную собственность, путем массового воровства и хищений» (Сталин).

Вот еще одно подлинное письмо из судебного дела:

«16 декабря 1932 года.

Письмо от известного вашего зятя Егора и любящего вашего сына Николая.

Добрый день многоуважаемая мамаша Матрена и если находится моя супруга дома Наталья, шлем вам свой душевный и сердечный горячий воздушный поцелуй. Затем сообщаем вам мамаша, что мы сильно обижены, что послал вам Николка письмо, но ответа от вас не получил, почему не знаем... Николай ездит кучером по городу, я устроился (подчеркнуто мною. — И. К.) грузчиком по городу. Не знаю выберусь оттуда живой или нет, или придется сесть в тюрьму, здесь в два счета с минуты на минуту в тюрьму здесь не дай бог как воруют, что везут то и прут (подчеркнуто мною. — И. К.) в ничью попадешь. Николая я заставил кучерить, чтобы не попался, но мне старику не привыкать. Жена забыла про меня

ко мне не едет и даже письма писать не желает, видно делать мне нечего.

Ну начну и я тянуть почему зря... затем свидания, пожелаем быть здоровыми. Ваш любящий зять Егор и сын Николай».

Лучшей характеристики для состояния хищений на этом участке транспорта едва ли можно дать. Лучшего не придумаешь: «что везут, то и прут», «прут почему зря».

Те, кто работал в прокуратуре, особенно понимают и особенно ценят указание товарища Сталина, воплощенное в законе от 7 августа, о том, что основной задачей является борьба, направленная против расхитителей социалистической собственности. Это указание было сделано как нельзя своевременно, и прокурорам пришлось немало поработать, чтобы ударить по рукам обогатившего врага, организующего массовое расхищение социалистической собственности.

Жизнь шла вперед, и путь достижений и побед, который прошли большевики, знает много форм выступлений классового врага, эти выступления всегда были характерны тем, что они отражали наши слабости, усыпление бдительности на том или ином участке.

Последние дела о контрреволюционных бандах Зиновьева, Каменева, Пятакова, Радека и др. особенно ярко показывают, как классовый

враг использует все наши слабости, малейшие отступления от закона, малейшее ослабление бдительности с тем, чтобы организовать свои вредительские дела.

Контрреволюционеры, троцкисты использовали то положение, что у «людей, мало искушенных в политике и не очень много выдавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение плана за перевыполнением, — порождает настроение беспечности и самодовольства, создает атмосферу притупления политических торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почитать на лаврах» (Сталин).

Вредители нашего времени, пользуясь партийным билетом, которым им удалось завладеть, используя политическое доверие, пользуясь притуплением политической бдительности, совершили много мерзких и гнусных дел.

«И прокуроры из всего этого вынесли еще один новый урок борьбы с классовым врагом, и теперь, когда великая Сталинская Конституция подняла значение закона на небывалую еще до сих пор высоту, когда Прокуратуре отведено исключительное по своему значению и силе место, прокурор, вооруженный этим законом, становится большой силой».

Л. ШЕЙНИН

Гибель Надежды Спиридоновой

(Из записок следователя)

Мартовское солнце робко выглянуло из-за горизонта, окрашивая в розовый цвет поля, еще покрытые снегом, мохнатые крыши изб, сбившуюся в кучу деревню Загубниково, тропинку на спуске к реке. День начинался.

Мавра Тимофеева накинула на плечи полушубок, взяла ведра и пошла за водой. Деревня просыпалась, кое-где дымили трубы, сонно мычали коровы. Утро было тихое, морозное.

На реке Мавра остановилась у проруби и привычно опустила ведра. В воде ведро гулко плюхнуло и за что-то зацепилось. Мавра глянула вниз, и у нее потемнело в глазах: в неглубокой проруби торчали пятками вверх босые, синевато-желтые ноги, напоминавшие чем-то церковные свечи.

Бросив ведра, Мавра с криком побежала назад. Когда собрался народ, из проруби вытащили багром труп женщины, которую все хорошо знали. Это была Надежда Спиридонова — председатель Загубинского сельсовета. На трупе было верхнее платье. Ноги обуты не были. Глаза на посиневшем лице были открыты и смотрели на собравшихся пристально и как бы недоуменно.

Труп до приезда милиции положили у проруби. И долго еще не расходилась толпа. Вспоминали, охали, гадали.

У Надежды не было родных. Никто не бился и не плакал у заколоченного ее трупа. Но вся деревня молча столпилась у проруби и долго стояла, притихшая, задумавшаяся. Потом толпа сдержанно загулела. Вспомнили свою председателю, ее простые и всегда искренние

слова, ее решительность, всю ее нехитрую, тяжелую, вдовью жизнь.

А солнце расходилось все смелее, и его лучи шустро играли в растрепанных русых волосах покойной и на ее вытянувшимся усталом сорокалетнем лице.

Вечером экстренно заседало бюро Славковского райкома. Секретарь райкома Федотов, старый путиловец, говорил коротко, с трудом сдерживая волнение:

— Спиридонова, товарищи, была из лучших наших активистов. Факт! Убийство ее не случайно. Она, ведь, здорово прижала кулаков, крепко следила за твердозаданцами, позиций не сдавала, не жаловалась, не срачивалась. Факт! И, ведь, росла на глазах. Помните, как выступила на районном съезде. И слова у нее нужные находились и не стеснялась, как это бывает с нашим женским активом. Факт! Ну, ладно, Спиридоновой нам не вернуть и не в этом дело. Убийц надо найти, безоговорочно найти. Распутать надо дело, показать надо, что самое хитрое преступление нас не проведет. Советскую власть не обманешь. Вот что надо. Коллективизацию начинаем — не шутка. Надо раскрыть все дело. А как наша районная милиция думает? А что наш прокурор нам скажет? Что следствие? Как оно идет?

Зуев, начальник районной милиции, снял для чего-то и снова одел очки в роговой оправе, странно выглядевшие на добродушном его кривом лице, и медленно заговорил:

— Собственно говоря, товарищи, еще мы на след не напали. Есть у нас, правда, ценный человек — некий Иванов. Парень толковый, надежный и сам помочь нам хочет. Он убитой вроде мужа приходится, собственно говоря... Ну, жил с ней. Так вот он говорит, что убийцы не из этой деревни, собственно говоря...

— Товарищ Зуев, — резко перебила его Авдеева, районный прокурор, — что ты тут на бюро семейную хронику разводишь? Скажи лучше прямо — никаких нитей у тебя нет, одни потемки. Кто убил — не знаешь. За что убил — не знаешь. Когда убил — и этого не знаешь. Еще и вскрытия-то не было, уж в других деревнях убийц ищешь... Не выходит это дело и все тут. Теперь о прокуратуре. Я, товарищи, скажу прямо. За следствие не поручусь. Сама я — человек в этом деле новый, второй только год как прокурорствую. Следовательно тоже только институт кончил, зеленый еще. Можем ли мы поручиться, что раскроем это дело? Прямо скажу — не можем...

— Может, товарищ Авдеева Шерлок Холмса хочет, — язвительно вступил в разговор Зуев, — так он у нас проездом, собственно говоря, не остановился...

Зуева перебили и заговорили все сразу. Наконец, Федотов призвал к порядку.

— Спокойнее, товарищи! Авдеева права, признала честно, что не может поручиться за следствие. Факт! А ты, Зуев, зря ее лягул. Шерлок Холмса мы не ищем, а вот хороший следователь нам нужен — и крепко нужен. Нужен, да нет. Предлагаю телеграфировать в Ленинград областному прокурору. Пусть вышлет следователя, да поскорее. Факт! Зазорного в этом ничего нет. Со временем и у нас следователи хорошие будут. А пока пусть область поможет. Голосую. Кто за? Все! Принято, товарищи! Авдеева, составь телеграмму. Факт!

**

Ленинградский областной прокурор М. Н. Зернов, высокий человек с мягким, улыбающимся взглядом и тихим, спокойным голосом, тогда недавно еще переброшенный на прокурорскую работу, говорил мне на следующий день:

— Вот телеграмма Славковского райкома.

Просит старшего следователя выслать. Убили у них председателю сельсовета, дело запутанное. Надо им помочь. Выезжайте сегодня, постарайтесь скорей разобраться.

— Слушаю, Михаил Николаевич! Только учтите, тяжело вести следствие через несколько дней после обнаружения трупa. Ведь там же следы все спутаны.

— Ничего, ничего! Выезжайте. Уверен, что разберетесь и выясните. Да старайтесь поскорее, здесь, ведь, дел много. Желая от души успеха.

В тот же вечер я выехал через Псков в Славковский район. Авдеева меня встретила радостно. Рассказала, что следствие идет пока туго. Арестованы по подозрению в убийстве три человека, все из соседней деревни. Их подозревает некий Иванов, с которым Спиридонова была близка. Прямых улик против них нет. Двое в ночь убийства не ночевали дома, но говорят, что ездили на базар в соседний район, за тридцать километров. Третий — хулиган, имеет две судимости. Мотивы пока неясны. Вообще дело темное.

Начальник районной милиции Зуев был растерян. Он доложил дело:

— Понимаете, улик мало. Но путаются они во времени. Один говорит, что выехал засветло, другой — что уж луна была. И потом, зачем они в чужой район на базар поехали? Районный наш центр ближе. Ну, а третий, собственно говоря, личность известная и отпетая. Без него в районе ни одна поножовщина не проходит. Связан с преступным элементом, собственно говоря, и сам два раза судился...

— А чем доказана связь двух первых с третьим?

— А пока трудно сказать. Но все из одной деревни.

— А мотивы убийства?

— У Спиридоновой пропали полушубок и валенки. Может быть, для грабежа.

— Что же, по-вашему, из-за полушубка и валенок едут убивать в другую деревню?

— Собственно говоря, пока трудно сказать, еще, ведь, только мы начали следствие. Да вот во времени путаются.

— Давайте поговорим с задержанными.

Мы начали допрос. Два крестьянина, немолдые, испуганные люди, действительно давали путанные ответы. Они не могли толком объяснить, зачем поехали в другой район на базар, спорили о часе выезда из деревни. Но даже в этой путанице была своя, житейская правда. Люди редко дают вполне схожие показания, когда речь идет о времени или о зрительных впечатлениях. Поездка на базар тоже не могла служить решающей уликой.

«Известная и отпетая личность», наоборот, держалась спокойно. Молодой еще парень, но с лицом, уже опухшим от пьянства, довольно бойко отвечал на вопросы.

Парень говорил просто, не задумываясь, отвечал сразу и даже с некоторой веселостью. Не чувствовалось в нем внутреннего напряжения, которое неизбежно бывает при допросе у человека, имеющего что скрыть и боящегося попасться.

**

Вечером мы собрались у секретаря райкома Федотова. Авдеева молча сидела в стороне, Зуев сосредоточенно пыхтел трубкой.

— Ну, каковы ваши первые впечатления? — спросил Федотов. — Говоря откровенно, не верю я, что убийство совершили те лица, которые задержаны. Да и зачем им было убивать Спиридонову? Улик против них почти нет, а те, которые имеются, явно незначительны, случайны. Мне кажется, что убийц надо искать в той деревне, где жила и работала Спиридонова. Но кто они — пока сказать нельзя. Завтра поедem на место, попробуем выяснить.

— Вам виднее, — произнес Федотов, — одно для меня ясно: убийство имеет политическую подкладку. Иначе быть не может. Спиридонова слишком активно работала, чтобы не нажить себе врагов среди кулачья.

Было решено, что утром выедем в Загубниково. Со мной взялся поехать Зуев. Авдееву решили оставить в районе. Попрощавшись с Федотовым, мы вышли из дома, в котором находился райком.

Была ясная, морозная мартовская ночь. На пустынной улице изредка встречались прохожие, снег поскрипывал под ногами, дышалось легко и привольно. Было тихо. Мы шли молча

и каждый думал про себя. Кольца дыма из зувеской трубки вились долго, принимали на морозе прихотливые формы, казалось, что их можно ощутить наощупь.

Вот убита Спиридонова,—думал я.—Нет никаких нитей пока для раскрытия дела. Даже нет определенной версии. Примерно только известно, когда и как она была убита. Но кто, зачем и почему это сделал? Спиридонова своей советской работой была неавиствна кулацкой прослойке Загубникова. Но кто из этих кулаков и как организовал убийство? Кулаки редко сами идут на это. Они предпочитают действовать через кого-то, умело направляя со стороны удар, используя личные мотивы, бытовые раздоры, низкий моральный уровень исполнителя, его зависимости и т. п.

Кого в данном случае могли использовать? Спиридонова была одинокой женщиной, но она была близка с Ивановым. Иванов старательно отводил следствие от своей деревни. Иванов почему-то высказал первый подозрение против задержанных, которые, видимо, невиновны...

Чем больше я обдумывал все детали этого дела, тем чаще выплывал Иванов. У меня смутно, но все более уверенно складывались подозрения о его причастности к убийству. И я решил тщательно проверить в деревне личность и роль этого человека.

Было уже совсем светло, когда мы подъехали к Загубникову. Деревня уже была на ногах. На наши сани смотрели с нескрываемым любопытством, видимо, догадываясь, кто мы и зачем приехали.

Избушка Спиридоновой стояла на откосе, недалеко от проруби. Когда мы осмотрели внутри избу, то не нашли ничего, указывающего на следы борьбы или крови. После осмотра приступили к допросам свидетелей.

Выяснилось, что отношения Спиридоновой и Иванова не были секретом для деревни. Иванов происходил из зажиточной середняцкой семьи. Молодой еще парень, 30 лет, он долго жил в городе и в прошлом году вернулся в Загубниково, где поселился в семье. Вскоре сошелся со Спиридоновой, но продолжал жить дома.

В этот день Иванова в деревне не было, он поехал в районный центр.

Мы направились к его избе. По дороге нам встретилась высокая краснощекая девушка с подойником, полным молока. Мы спросили ее, как пройти в избу Иванова.

— Вам, товарищи, Володьку нужно? Так его нет, он уехал. Я сестра его.

— Как вас зовут?

— Маруся. А вам зачем?

— Ну пойдем в избу, поговорим.

Мы пошли в избу. Никого, кроме Маруси, не было. Девушка нервно мяла в руках передник и не поднимала глаз.

— Маруся, чего вы так волнуетесь? — спросил я. — Мы здесь не кусаемся. Вы расскажите нам, где вещи лежат.

Девушка вздрогнула и испуганно спросила:

— Какие вещи?

Я умышленно свел на-нет острый, видимо, для нее вопрос.

— Да брата вашего вещи, полушубок его.

— Полушубок брата, — протянула Маруся и с облегчением вздохнула, — новый полушубок на нем одет, а старый вот в сених висит.

Было ясно, что девушку испугал вопрос о вещах, но что этот испуг прошел, как только выяснилось, что спрашивают о вещах брата.

Все прояснилось. Мною овладело то особое, радостное и уверенное чувство, знакомое каждому следователю, когда он находит правильный след.

— А почему, Маруся, — продолжал я, — вы даже не спросите, зачем нам полушубок, кто мы, зачем мы приехали.

Маруся опять потупилась и медленно произнесла:

— Знаю. Вы, ведь, насчет Спиридоновой приехали. А полушубок, мало ли зачем, вот он, полушубок-то.

И она охотно пошла в сени за полушубком. Я остановил ее.

— Не надо, Маруся, нам полушубка. И вообще нам вещей вашего брата не надо. Другие вещи нам нужны, Спиридоновой вещи. Где они?

Девушка залилась краской, закусилa нижнюю губу и, запинаясь, произнесла.

— Что вы меня в дело путаете?! Мне разве нужны вещи-то? Я тут не при чем. У меня свои вещи, не хуже... Я за брата не в ответе.

Она начала рыдать, выкрикивая отдельные, подувязанные фразы, смысл которых сводился к тому, что она невинна в убийстве, но о вещах знает.

Мы стали ее успокаивать. Придя в себя, но все еще всхлипывая, Маруся рассказала, что накануне обнаружения трупа Спиридоновой она проснулась поздно ночью и слышала, как пришли с улицы брат и его приятель Сенька Трофимов. Они о чем-то шептались. Девушке стало интересно, и она прислушалась. Говорили о каких-то вещах, где их спрятать. Володька предложил в овине. Потом ушли, и через некоторое время вернулся Володька и лег спать.

— Утром, как нашли Надежду в проруби, — продолжала Маруся, — так я догадалась, чье это дело. Побежала на овин, а там надеждын полушубок и валенки спрятаны. Я вечером и говорю Володьке, а он как закричит, весь красный стал. Не твое, говорит, дура, это дело, молчи — и точка, а то я тебе дам путевку на тот свет...

Вместе с Марусей мы пошли в овин и нашли вещи. К вечеру приехали Иванов и Трофимов. Оба были навеселе. Увидев в избе Зуева, Иванов подошел и бойко заговорил:

— Здравствуйте, начальство. Мы к вам, а вы к нам. Так оно и получается. Я все насчет дела езжу. Так что сведения собираю. Прямо в помощники вам записался...

Высокий, плечистый парень, он прямо смотрел в глаза, широко улыбаясь губастым ртом. От смеха глаза сощурились и зрачки бежали, как мышата, юрко и беспокойно.

— Бросьте, Иванов, дурака валять! — перебил его я. — Все уже выяснено. Вы арестованы как убийца Спиридоновой. Извольте рассказывать, кто вас подослал, зачем вы это сделали.

— Меня, — зарычал Иванов, — меня подозреваете?! Я, как собака, все узнаю, помогаю и меня же за шкуру? Здорово живешь, до-

рогие товарищи! Не выходит это!

Мы молча показали ему вещи. Иванов сразу сник, отвернулся и тихо произнес:

— Признаюсь. Наше дело. Мы убили. По пьяной лавочке. Напоили, как дураков, и послали. Теперь все скажу.

Уже к утру закончился допрос Иванова и Трофимова. Оба признали, что убили Спиридонову. В эту ночь их пригласил к себе загубниковский кулак Заливанов. Немолодой уже, грузный человек, он долго угощал парней водкой и все соболезнавал Иванову:

Выходит, Володенька, связался ты со старой бабой. Ни тебе погулять, ни жениться. Не даст тебе старая ведьма ходу. А ведь парень ты, прямо будем говорить, один на деревне. Любая девка пойдет, не нарадуется. Да и моя Фенька, хоть сейчас. А давка-то что груздочек...

Он долго еще говорил. И выходило, что вся жизнь Иванова потеряна и сломана из-за связи со Спиридоновой, которая действительно уже надоела Иванову. Иванов хмелел, впитывал злобные, обжигающие слова, и, когда Заливанов заговорил, что надо «убрать Надьку» и все «опчество спасибо скажет, хоть и не будет знать, кто убил», он поднялся и вместе с Сенькой пошел к Спиридоновой. Было уже темно. Ночь дышала тихо и размеренно. Деревня мирно спала. Снег поскрипывал под ногами и было морозно, но Иванову казалось, что ему жарко, пьяный пот каплями сползал под рубахой на спине, дышалось тяжело и хрипло.

Они долго стучали в дверь. Наконец, разбуженная Надежда подошла и спросила, кто там.

— Открывай, я это.

— Володя, — обрадованно воскликнула Надежда. — Отворю, сейчас отворю. Да ты, ни-

как, опять пьян-то! Соился ты, Володя, с пуги...

Спиридонова любила Иванова. Она была почти полностью поглощена своей работой, и отношения с Ивановым были тем единственным, маленьким кусочком личной жизни, который она оставила для себя. У нее не было детей, и в отношениях Надежды к Иванову было что-то материнское, как это часто бывает у сорокалетних женщин. Надежда прощала Иванову его пьянство, нередкую грубость, лодырничество. Она понимала, что не пара Иванову, который был значительно моложе ее, и поэтому не настаивала на браке с ним, мирилась с раздельной жизнью.

Когда Надежда отворила дверь, Иванов и Трофимов вошли в избу. Володька сел на лавку и растерянно замолчал. Сенька выжидательно сопел.

— Володенька, опять-то ты не в себе. Все пьешь, не бросишь. Ведь сколько раз говори-

ли... — Да брось нудить, старая ведьма, — грубо перебил ее Володенька, — надоела ты мне...

И, чувствуя за спиной одобрителное сопение Сеньки, он резко встал, подошел к Надежде и, схватив ее за горло, бросил на лавку и стал душить. Надежда тихо вскрикнула, потом забулькала горлом, забилась в руках, но не могла вырваться. Сенька подбежал к ним и начал помогать Иванову. Они вдвоем навалились на нее, глаза Надежды все шире открывались, она уже хрипела, перестала биться, умолкла.

Навалившись коленом на ее сразу опавший живот, Володька еще долго не отрывал своих рук. Потом они встали. Сели в стороне на лавке. Рядом лежал труп женщины. В избе было тихо, за окном потрескивал разошедшийся мороз. И бледная луна робко осветила через запорошенное стекло безжизненно свисшую с лавки руку Надежды Спиридоновой.

Н—а

Женщина-прокурор

«Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины»¹.

«Женщина имеет право всходить на эшафот, ей должно быть предоставлено право всходить и на трибуну», провозгласила перед казней Алимпия де Гуж². До сих пор, однако, во всех буржуазных странах, в том числе и на родине Алимпии де Гуж — во Франции — женщины имеют абсолютно равное с мужчинами право... всходить только на эшафот. Во всех других областях общественной, политической и хозяйственной жизни нет ни одной страны в мире, где бы женщина была уравнена в правах с мужчинами.

В фашистских газетах была опубликована заметка: «Казнена Кончита Мало, опасная заго-

ворщица, дочь расстрелянного в свое время коммуниста. Да будет участь ее устрашением для всех, кто мечтает о революции».

Десятки, сотни и тысячи замечательных женщин бесстрашно всходят на эшафот, мужественно переносят долгие годы фашистских застенков, борясь с рабочими коммунистами за диктатуру пролетариата, за тот счастливыи социалистический строй, который обеспечивает женщине равноправное положение в обществе, который дает ей возможность сочетать творческий труд с радостным и счастливым материнством.

На опыте всех революций подтверждаются великие слова Ленина о той огромной роли, которую играет женщина в революционном освободительном движении.

Ленин приводит слова французского обозревателя коммуны, который с ужасом и негодованием говорил о французских коммунаках: «Если бы вся Франция состояла из одних женщин, — говорил этот буржуазный обозреватель, — какая бы это была ужасная нация».

¹ Ленин, т. XXIII, изд. 3, стр. 286.

² «Французская энциклопедия», т. 10.

Женщина Страны советов в величайших октябрьских битвах, в борьбе со всеми врагами партии, в огромной организаторской строительной работе по созданию и укреплению социалистического строя давно завоевала себе прочное признание. О замечательных женщинах нашего времени говорил с трибун съездов великий вождь, организатор социалистических побед — товарищ Сталин.

В революционных битвах с мятежниками в Испании по всему миру пролетел, заражая гордостью, энтузиазмом и величайшей гордостью призыв Долоресс Ибаррури, той замечательной героической женщины Испании, которая по праву вызывает величайшее уважение всех передовых людей эпохи. Эти слова Ибаррури повторяют тысячи и тысячи женщин, что «лучше быть вдовой героя, чем женой труса». Эти же слова повторяют десятки, сотни и тысячи девушек и женщин Испании, бесстрашно заряжая винтовки — «лучше погибать стоя, чем жить на коленях».

Единственная страна в мире, которая полностью и до конца уничтожила подлые и гнусные законы, ставившие женщину в неравноправное рабское, унижающее положение — это наша родина, это Страна советов, это СССР.

Нет того участка, той области государственного управления, где бы не занимала почетное место советская женщина, которой заботами нашей великой партии, нашего советского государства, великими заботами лично товарища Сталина обеспечена возможность выполнять любую государственную работу, не отказываясь от радостей и счастья материнства.

Не мало женщин работает плечо к плечу с мужчинами и в органах юстиции.

В 1909 г. на всю царскую Россию прогремел интересный случай, имевший место в тогдашнем Петербурге.

Некая Флейшиц, окончившая курс юридических наук, была зачислена Петербургским советом присяжных поверенных помощником присяжного поверенного. Во время ее первого выступления в качестве защитника по уголовному делу прокурор Ненароков заявил отвод против допущения ее к защите. На суде председательствовал «либеральный» судья Таганцев, который этот отвод отклонил. Тогда прокурор собрал свои бумаги и покинул заседание, сорвав таким образом возможность ведения дела.

Не говоря уже о том, что этот случай прошел для прокурора совершенно безнаказанно, он имел следующие последствия: перед сенатом был поставлен общий вопрос о возможности допущения женщин в адвокатуру. Сенат вынес следующее «мудрое» решение: Исходя из того, что закон говорит о помощниках присяжного поверенного, но не говорит о помощницах присяжного поверенного, сенат сделал вывод о том, что женщина не может заниматься адвокатурой.

Сейчас это кажется маловероятным анекдотом, но отнюдь не анекдотично это звучит и теперь в так называемых «передовых», «культурных», «цивилизованных» капиталистических странах.

В Стране советов у нас имеются не только женщины-адвокаты, но и женщины-судьи, прокуроры и следователи. Всего по РСФСР женщин-прокуроров имеется 196 и 153 женщин-следователей. Несомненно, что это очень и

очень мало. Опыт работы женщин в органах юстиции говорит о том, что можно гораздо смелее выдвигать женщин на ответственную руководящую прокурорскую и следственную работу. Но все еще не изжиты, полностью не выкорчеваны пережитки старого проклятого капиталистического прошлого в сознании многих и многих работников, в том числе и работников юстиции. Не изжиты еще полностью предрассудки в отношении женщины, в особенности, когда речь идет о таком остром и важнейшем участке советской работы, как о работе прокуратуры. Прокуратура призвана организовывать борьбу с врагами, контрреволюционерами, вредителями, троцкистами, с бандитами, диверсантами, со всеми теми, которые пытаются наносить вред нашей великой родине, которые пытаются мешать нашему победоносному продвижению вперед. И кое-кому кажется, что женщина здесь не справится. Для прокурорской работы требуется умение вскрывать, разоблачать врага, беспощадно его разить. И женщина показала, что она это умеет делать не хуже мужчин. Одновременно для прокурорской работы также требуется высокая советская, социалистическая человечность, чуткость, умение правильно подойти к своему человеку, к близкому. Прокурор является стражем социалистической законности: он охраняет, защищает советское государство, социалистическую собственность от покушений врагов и одновременно защищает и охраняет законные права каждого гражданина, каждой гражданки Советской страны. Советская женщина с честью может справиться и с такой исключительно ответственной государственной работой. В составе женщин-прокуроров и следователей имеется большое количество национальностей нашей великой Российской социалистической федеративной советской республики. Среди 349 женщин работников юстиции — 252 русских, 5 латышек, 59 евреек, одна армянка, одна бурятка, три татарки, две чувашки, две мордвинки, одна эстонка, две башкирки, две алтайки, две аварки, одна из области Коми и т. д.

В основном женщины-прокуроры работают в качестве рядовых прокуроров или народных следователей. В должности краевых (областных) прокуроров женщин вовсе не имеется. Заместителей краевых прокуроров имеются только три женщины. Даже старших помощников имеется всего только 6 женщин.

Не подлежит никакому сомнению, что из нынешнего состава женщин-прокуроров можно было бы смело продвинуть некоторых на более руководящую работу.

62 женщины работают помощниками областных прокуроров. Городских и районных прокуроров-женщин мы имеем 52. Женщин народных следователей имеется 153.

Вот биография некоторых из этих женщин. Тов. Боришпольская Анна Никифоровна. Ей 35 лет. Она участвовала в Перекопских боях в качестве политкомиссара полка. В Красной армии она сражалась с 1919 по 1921 г. Тов. Боришпольская работает помощником прокурора Крыма с января 1935 г.

А вот т. Казагачева Елизавета Федотовна. Она алтайка. Ей 36 лет. Член партии, дочь крестьянина-бедняка. Работает помощником областного прокурора в Ойротии с января 1935 г.

А вот т. Гугишева, горянка, хорошо знающая местные условия, имеет очень хорошие отзывы по своей работе. Ей 27 лет. В органах юстиции она работает третий год. Теперь она помощник областного прокурора, училась на краевых юридических курсах.

Тов. Фатма-Бакшиева, татарка, 33 лет, окончила одногодичную правовую школу, а сейчас учится на заочном юридическом институте, работает в органах юстиции с 1932 г., ныне работает прокурором Тумутукского района, пользуется авторитетом. Член райкома, рика, ведет пропагандистскую работу.

Этот список с замечательными биографиями

можно было бы во много раз умножить. Имеются среди женщин-прокуроров и такие, которые к 15-летию прокуратуры насчитывают за собой более десятка лет безупречной прокурорской работы.

Величайшим почетом и уважением в Стране советов пользуются женщины-стахановки, работницы, колхозницы, агрономы, ученые, художники, скульпторы и среди них также женщины-прокуроры.

Великие задачи, возложенные Сталинской Конституцией на прокуратуру, помогут с честью выполнить сотни женщин-прокуроров и следователей.

Б. МАНЬКОВСКИЙ

Против антимарксистских теорий в уголовном праве

Узловой проблемой социалистического уголовного права является проблема наказания. В работах Ленина и Сталина мы имеем исчерпывающий ответ о задачах советского суда, о задачах применения наказания. Революционная роль, активная роль уголовной репрессии в социалистическом строительстве блестяще проанализирована в работах Ленина и Сталина. Диалектика сочетания подавления воспитания и наказания во всей конкретности показана Лениным в ряде его работ. В работах Ленина мы также находим исчерпывающий ответ по вопросу, вызвавшему у нас столько дискуссий, о так называемой дозировке наказания, индивидуализации уголовной репрессии.

Только благодаря политической беспечности на правовом фронте, крайне недостаточному изучению работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина были допущены крупнейшие политические и теоретические ошибки в освещении вопроса о задачах советской уголовной репрессии.

В работах Ленина с исключительной глубиной показана роль наказания в буржуазном государстве. Логика буржуазной законности в эпоху империализма дает нам основу для глубокой теоретической разработки буржуазной уголовно-правовой формы. Однако и здесь немало было допущено серьезных политических ошибок нашим правовым фронтом. Все эти «теории» о «разложении» уголовно-правовой формы не имеют ничего общего с ленинскими взглядами о ломке буржуазной законности в эпоху империализма.

Влияние вредительских теорий выразилось в извращении и фальсификации взглядов марксизма-ленинизма и при анализе формы наказания в советском уголовном праве, когда по форме наказание в советском праве отождествлялось с наказанием в буржуазном праве.

Конечно, было недопустимой политической ошибкой сводить всю теоретическую работу правового фронта к антиленинским, антипартийным теориям. Но тем не менее мы должны признать, что эти «теории» в работах по уголовному праву нашли значительное отраже-

ние. Поэтому перед нами стоит задача показать, в чем же выразилось влияние контрреволюционной, бухаринско-троцкистской «концепции» Пашуканиса в уголовном праве. Необходимо отметить актуальность этой задачи и потому, что эти теории настолько получили широкое распространение, что их сейчас выкорчевывать приходится с большим трудом. В особенности нужно учесть, как показала дискуссия в Институте юридических наук¹, что некоторые научные работники весьма туго уясняют всю глубину политического прорыва на уголовно-правовом фронте. Поэтому приходится довольно часто в данной статье подробно останавливаться на целом ряде работ по уголовному праву, чтобы конкретно показать, в чем же состоят наши ошибки на уголовно-правовом фронте.

Без преодоления и полного уяснения допущенных ошибок невозможно правильно теоретически разрабатывать проблемы социалистического уголовного права.

I

Корни извращений в теории советского уголовного права по вопросу об уголовно-правовой форме буржуазного общества сводятся к «концепции» Пашуканиса.

Наказание, как и все правовые институты, сводится врагом народа — Пашуканисом к нечеловеческим отношениям. «Преступление и наказание, — пишет Пашуканис, — становится таковым, т. е. приобретает свою юридическую природу на почве выкупной сделки. Поскольку сохраняется эта форма, постольку классовая борьба совершается как юрисдикция. И обратно, самый термин «уголовное право» теряет всякий смысл, поскольку из него испаряется это начало эквивалентного отношения».

Пашуканис при анализе наказания в буржуазном уголовном праве своими «теориями» затушевывает политическую сущность репрессии капиталистического общества. Методологически Пашуканис исходит из идеалистических кантианских установок, отрывая форму репрессии от ее содержания. Тем самым вы-

¹ Статья вторая. Первая статья напечатана в журнале «Социалистическая законность» № 5, 1937 г.

¹ См. мою статью в «Советской юстиции» № 9, 1937 г. «Против смазывания самокритики на уголовно-правовом фронте».

холащивается классовая сущность репрессии буржуазного общества. Квалифицируя эквивалентную уголовно-правовую форму как иррациональную, нецелесообразную форму репрессии вообще, Пашуканис тем самым прикрывает классовую сущность пропорциональной формы уголовной репрессии буржуазного общества как важнейшего метода индивидуализации уголовной репрессии. Эквивалентность репрессии буржуазного общества выполняет не «иррациональную», а весьма рациональную функцию по подавлению сопротивления эксплуатируемых. В трактовке пропорциональности правовой формы репрессии буржуазного общества как единственно правовой формы репрессии вообще Пашуканис методологически и политически стоит на позициях буржуазных «теорий» «правового» государства, и конкретно в области теории уголовного права исходит из установок буржуазной классической школы уголовного права. Пашуканис в оценке эквивалентности репрессии методологически стоит на позициях идеализма и по существу исходит здесь из положений философии права Канта и Гегеля. Как известно, Кант рассматривал пропорциональность наказания тяжести совершенного преступления как основной принцип абсолютной теории наказания. Гегель в своей «Философии права» выступает против количественной точки зрения на соответствие тяжести наказания — тяжести совершенного преступления, которую так подробно развивал Кант (вплоть до назначения кастрации за изнасилование), и дает более тонкое обоснование тому же основному принципу эквивалентности репрессии, из которого исходит Кант.

Гегель предлагает руководствоваться при назначении наказания не количественным, а качественным соответствием наказания тяжести совершенного преступления.

Принцип эквивалентности репрессии выступает в теории абсолютного наказания как иррациональный принцип прежде всего и является теоретическим обоснованием с позиций идеалистической философии необходимости индивидуализации репрессии. Классовая сущность эквивалентности репрессии в буржуазном обществе объективно затухала в идеалистических системах наказания.

На этих же позициях идеализма стоит и Пашуканис, когда он, абстрагируясь от классового существа репрессии, квалифицирует правовую форму вообще, в том числе и форму советского права как иррациональную правовую форму. Эквивалентность репрессии Пашуканис рассматривает как принцип буржуазного права вообще. Индивидуализация репрессии в буржуазном праве полностью отождествляется Пашуканисом, с индивидуализацией репрессии в социалистическом уголовном праве. Так, исходя из идеалистической методологии, Пашуканис своими контрреволюционными, вредительскими «теориями» отрывает право от государства и принципиально отрицает отличие формы социалистического уголовного права от формы буржуазного уголовного права. Тем самым Пашуканис отрицает социалистический характер советского права, что ведет к отрицанию и социалистического характера Октябрьской революции.

В буржуазном уголовном праве эквивалент-

ность уголовной репрессии является методом индивидуализации уголовной репрессии.

В судебной практике буржуазных государств общеизвестны весьма широкие коррективы эквивалентности уголовной репрессии, в особенности в эпоху империализма. В условиях обостренной классовой борьбы буржуазия для борьбы с революционным движением пролетариата ломает этот принцип эквивалентности как недостаточный для подавления сопротивления эксплуатируемых. Поэтому буржуазия «дополняет» принцип эквивалентности репрессии внесудебной расправой, в особенности в эпоху империализма.

В системе буржуазной карательной политики индивидуализация уголовной репрессии, играющая огромную роль в борьбе с элементами, опасными диктатуре господствующей буржуазии, прикрывается принципами фальшивой буржуазной демократии о формальном равенстве перед законом и т. д.

Ленин в своих работах блестяще разоблачил классовую сущность формальных принципов буржуазной демократии.

«Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы»¹.

Разоблачая лицемерие буржуазной демократии, Ленин показывает, что собой представляет принцип «равенства граждан перед законом», который лежит в основе эквивалентности буржуазной уголовной репрессии: «Возьмите основные законы, — пишет Ленин, — современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом», — и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски»².

«На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречаются угнетенные массы вопиющее противоречие между формальным равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами фактических ограничений и осложнений, делающих пролетариев наемными рабами»³.

В действительности принципами наказания-возмездия буржуазия маскирует классовую расправу с революционным движением пролетариата. Формальным принципом эквивалент-

¹ Ленин, Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам, т. XXV, стр. 285—286.

² Ленин, т. XXIII, стр. 347.

³ Ленин, т. XXIII, стр. 348—349.

ности в репрессии и коррективами к нему буржуазия осуществляет две тактики борьбы с эксплуатируемыми.

«На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех стран и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ...»

Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения¹.

Так буржуазия «либеральную» тактику в общей политике, и в уголовной политике в частности, совмещает «с самым утонченным в мирное время и зверски-жестоким во время бури подавлением революционного пролетариата»².

Пашуканис, затушевывая политическую сущность эквивалентности в буржуазном уголовном праве, исходит, как отмечалось выше, методологически из учения классической школы уголовного права. Но, однако, было бы большой ошибкой полагать, что «концепция» Пашуканиса в уголовном праве опирается только на теории буржуазной классической школы уголовного права. Эта вредительская «теория» весьма широко использует также реакционные выводы буржуазной социологической школы уголовного права. Весьма характерно, что Пашуканис эту реакционную школу уголовного права эпохи империализма рассматривает как «передовую» и прогрессивную.

«Ведь теоретически, — писал Пашуканис, — даже передовая криминалистика пришла к убеждению, что борьба с преступностью сама по себе может рассматриваться как медицински-педагогическая задача, для разрешения которой юрист с его «составами преступления», кодексами, с его понятием «виновности», «полной или уменьшенной вменяемости», с его тонкими различиями между соучастием, пособничеством, подстрекательством и т. д. вовсе не нужен»³.

Таким образом Пашуканис полностью разделяет взгляды «передовой» социологической школы на основные проблемы уголовного права.

Предлагаемые социологической школой меры социальной защиты Пашуканис рассматривает как единственно целесообразные меры в противовес наказанию как эквивалентной и «иррациональной» форме уголовной репрессии. Отсюда, так же как и социологическая школа, Пашуканис пренебрежительно относится к принципу индивидуализации репрессии в зависимости от тяжести совершенного преступления, к вине, к точным составам преступлений, к изучению институтов уголовного права. Эти

«установки», как известно, Пашуканис всемерно пытался протащить в советское уголовное право, которые нашли столь яркое отражение в проекте УК Комкадемии 1930 г.

Следовательно, Пашуканис в теории уголовного права исходил из эклектического сочетания «установок» классической и социологической школ уголовного права.

II

На разработку проблемы наказания буржуазного уголовного права эти вредительские «теории» Пашуканиса оказали весьма значительное влияние. Так, например, в книге Волкова «Уголовное право эпохи промышленного капитализма» дается следующее объяснение эквивалентности уголовной репрессии: «Эта эквивалентность правовой формы, вытекающая из товарных отношений капиталистического общества, отображающая отношения обмена, была вскрыта Пашуканисом, показавшим как из отношений обмена, еще в начальный период развития уголовного права, вырастает пропорциональное возмездие — в форме талиона, системы композиции и т. д., и переходит в уголовное право буржуазии»¹. Волков не согласен с Пашуканисом только в том отношении, что эта эквивалентная форма буржуазного права переносится на все периоды развития права вообще, в силу чего форма права отрывается от содержания правовых отношений и недооценивается классовое содержание уголовной репрессии.

Далее Волков показывает, что в судебной практике имеются «отступления» от эквивалентных принципов уголовной репрессии. Однако, несмотря на все оговорки, Волков полностью исходит из меновой «концепции» Пашуканиса при объяснении буржуазной эквивалентной уголовно-правовой формы репрессии.

Таким образом дается политически неправильное освещение Волковым эквивалентности буржуазной уголовно-правовой репрессии, не вскрывается роль дозировки в буржуазном уголовном праве как орудия индивидуализации репрессии и выражения принципов урезанной, фальшивой буржуазной демократии. Эта трактовка дозировки Волковым как формы репрессии, вытекающей из меновых отношений, связана с оценкой дозировки как иррациональной формы репрессии, где имеются постоянные противоречия между классово-политическими задачами репрессии и иррациональной ее формой.

Таким образом в оценке дозировки в уголовной репрессии буржуазного общества криминалисты довольно долго разделяли «установки» меновой «концепции» Пашуканиса, что не давало возможности политически правильно поставить вопрос о классовом существе дозировки в уголовной репрессии буржуазного общества, а также показать качественное отличие дозировки в системе карательной политики диктатуры рабочего класса.

«Концепция» Пашуканиса оказала также влияние и на анализ буржуазной уголовно-правовой формы эпохи империализма. В работах Ленина мы находим совершенно четкие указания о ломке буржуазной законности в эпоху империализма в связи с усилением

¹ Ленин, т. XV, стр. 7.

² Ленин, т. VIII, стр. 103.

³ Ленин, т. VIII, стр. 103.

¹ Волков, Уголовная политика эпохи промышленного капитализма, 1932, стр. 64.

реакции по всей линии. К сожалению, многие криминалисты, руководствуясь «теорией» Пашуканиса, пишут о «разложении» уголовно-правовой эпохи империализма. До последнего времени некоторые криминалисты думали, что «теория» «разложения» уголовно-правовой формы эпохи империализма не связана с «концепцией» Пашуканиса и что здесь они исходят из ленинских указаний о ломке буржуазной законности. Поэтому якобы была допущена только та ошибка, что ленинский термин «ломка» был заменен весьма неудачным термином «разложение».

В действительности сводить значение этого вопроса только к неудачной терминологии, значит политически смазывать крупнейшие политические ошибки уголовно-правового фронта. Что «теория» «разложения» уголовно-правовой формы эпохи империализма связана с «концепцией» Пашуканиса, это видно из следующего: Пашуканис в своих статьях «Экономика и правовое регулирование», исходя из теории организованного капитализма, пишет, что в эпоху империализма происходит в регулировании хозяйственных отношений перевес технически-организационных моментов над моментами формально-правовыми. По сравнению с хозяйственной целесообразностью формально-правовые моменты отходят на десятки план.

Таким образом, по Пашуканису, в эпоху империализма право начинает отмирать, капиталистическое хозяйство все в большей мере пронизывается плановостью. Это ведет к резкому ограничению эквивалентности в экономике и, следовательно, к резкому свертыванию правовой формы, т. е. по существу к ее отмиранию в эпоху империализма.

Исходя из этих «теорий» Пашуканиса о свертывании, отмирании права в эпоху империализма, криминалисты делали вывод, что в эпоху империализма идет процесс «разложения» уголовно-правовой формы.

«Отступления, — писал Волков, — от эквивалентной формы, будучи налицо в самом развитии буржуазного уголовного права, росли с развитием противоречий капиталистического строя и с ростом классовых антагонизмов. Эти отступления проявились в наибольшем объеме в период монополистического капитализма, с характерным для последнего процессом разложения уголовно-правовой формы»¹. Ту же точку зрения развивал т. Волков и в 1935 г. в статье «Наказание в советском уголовном суде». Оценка мер социальной защиты как продукта разложения буржуазной уголовно-правовой формы в эпоху империализма подчеркивается также и т. Булатовым. «Понятие опасного состояния, выдвинутое для обоснования мер социальной защиты, также как и меры социальной защиты, демонстрирует разложение и распад правовой формы. В мерах социальной защиты резче всего выступает уничтожение правовых гарантий путем уничтожения пропорциональности наказания тяжести преступления»².

Работы Ленина и Сталина дают исключительно глубокую методологическую базу для положительной разработки буржуазной уго-

ловно-правовой формы эпохи империализма. Ленинское учение о загнивающем, монополистическом капитализме, о ломке буржуазной законности в эпоху империализма дает неисчерпаемый материал для вскрытия природы уголовной репрессии на этом этапе развития буржуазного общества. Вместо «теории» «разложения» буржуазной законности, как о каком-то пассивном процессе, не имеющем ничего общего с марксизмом, Ленин с гениальной глубиной показывает существо законности загнивающего капитализма. Ленин еще в июне 1901 г. в статье «Новое побойще» писал, что когда начинается прямая политическая борьба пролетариата с буржуазией, то «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам...¹. Развитие классовой борьбы эпохи империализма блестяще подтвердило эти прозорливые слова Ленина. Буржуазия все в большей мере рвет основы буржуазной законности и все в большей мере переходит к внесудебной расправе в классовой борьбе с пролетариатом. В 1910 г. Ленин в статье «Два мира» в особенности подчеркивает, что близится время нарушения и разрыва законности самой буржуазией. Буржуазная законность «неизбежно должна, — писал Ленин, — разлететься вдребезги, раз дело коснется основного и главного вопроса о сохранении буржуазной собственности»². Своеобразие надвигающегося исторического этапа Ленин видел в широком вовлечении масс в революционное движение, что неизбежно толкает буржуазию к уничтожению законности, ею же созданной, но которая на новом историческом этапе становится «поперек дороги тем, кто ввел эту законность». «Ирония истории сделала то, что господствующие классы Германии, создавшие самое сильное во всей второй половине XIX века государство, укрепившее условия наиболее быстрого капиталистического прогресса и условия самой прочной конституционной законности, самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, их законность приходится ломать, приходится — во имя сохранения господства буржуазии»³.

«Теперь близится время, когда эта полувекровая полоса германской истории должна, в силу объективных причин, должна смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии извратиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности!»⁴. Террористическая диктатура фашизма в особенности ярко иллюстрирует всю глубину ленинских указаний о неизбежности ломки буржуазной законности в эпоху империализма. В период всеобщего кризиса капитализма бур-

¹ Ленин, т. IV, стр. 116.

² Ленин, т. XIV, стр. 377.

³ Ленин, т. XIV, стр. 380. Разрядка моя, кроме слов «их» и «приходится». — Б. М.

⁴ Ленин, т. XIV, стр. 381.

жуазия в области карательной политики переходит в борьбу с революционным движением пролетариата к невиданным зверствам, в особенности в фашистских государствах. Этот поворот буржуазии к самым варварским методам репрессии средневековья гениально предвидел Ленин в 1913 г. в статье «Отсталая Европа и передовая Азия», где он писал: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестяще развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство...

В «передовой» Европе передовым классом является только пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство»¹.

Так глубоко ставит Ленин вопрос о ломке буржуазной законности в эпоху империализма. Однако, засорение нашего правового фронта вредительскими «теориями» и лжеученостью весьма серьезно тормозило изучение богатейшего ленинского наследия, имеющего исключительно важное значение для изучения уголовной репрессии буржуазного общества.

III

При разработке проблемы наказания в социалистическом уголовном праве «концепция» Пашуканиса оказала также значительное влияние.

Пашуканис источником советского права рассматривал не социалистическую собственность и диктатуру пролетариата, а товарные отношения. Этот отрыв советского права от диктатуры пролетариата выхолащивал классовую сущность советской карательной политики и затушевывал ее революционную роль в социалистическом строительстве. Пашуканис далее противопоставлял пролетарскую демократию диктатуре пролетариата. Эта меньшевистская «теория» Пашуканиса приводила к отказу от разработки проблемы наказания в свете социалистического демократизма. Извращая взгляды марксизма на вопросы наказания, Пашуканис приходил к троцкистской постановке вопроса о подавлении. Голое насилие как единственный метод репрессии — вот по существу тот вывод, который можно сделать из «работ» Пашуканиса. В самом деле, что иное означают предложения Пашуканиса отказаться от вины, возведение в принцип объективной ответственности в советской карательной политике, отказ от точных составов преступлений, от умысла и неосторожности? Эти «установки» Пашуканиса полностью рвут с принципами пролетарской демократии. Трактовка внесудебной репрессии как единственно рациональной особенно подчеркивает троцкистско-реставраторскую сущность «теории» Пашуканиса о наказании.

¹ Ленин, т. XVI, стр. 395. Разрядка, кроме слов «передовым» и «только», моя. — Б. М.

Не случайно поэтому Пашуканис предлагает принять к руководству наиболее реакционные предложения социологической школы уголовного права: заменить вину теорией опасного состояния, наказания — мерами социальной защиты, точные составы преступлений — описанием симптомов социальной опасности личности преступника.

Бухаринско-троцкистские установки Пашуканиса нашли особенно яркое отражение в проекте УК Комакадемии 1930 г. В этом проекте имеется сочетание как «левацких», так и право-оппортунистических установок в уголовной репрессии (в разработке которого я также принимал участие).

В проекте УК 1930 г. извращаются ленинские взгляды на репрессию: проект противопоставляет задачу подавления и воспитательного воздействия в наказании, что выражает на деле игнорирование огромной воспитательной роли судебной репрессии, отрицание революционной роли правовой формы репрессии. Подавление в проекте УК 1930 г. настолько оторвано от воспитания, что проект скатывается на путь голого насилия. Это особенно подчеркивается в большом расширении пределов объективной ответственности, в силу чего, например, преступления против порядка управления приравняются к преступлениям, к преступлениям контрреволюционным. Умысел и неосторожность вообще устраняются из проекта УК (хотя полностью все же это не удалось осуществить) как институт буржуазного уголовного права (ведь советское право, это «выветривающееся» буржуазное право), чем особенно акцентируется в проекте принцип объективной ответственности, и тем самым, принцип подавления как определяющий принцип уголовной репрессии. В проекте делается попытка устранить деление УК на Общую и Особенную часть. Перечень составов преступлений значительно «сжимается», и в проекте дается лишь ориентировочный их перечень. Отрицаются точные составы преступлений и необходимость указания санкции к каждому отдельному составу преступлений, чем открывается широкий простор для судебного произвола и для нарушения социалистической законности. Политически проект УК 1930 г. ориентировал на разрыв с принципами карательной политики диктатуры пролетариата. Недопустимо поэтому полагать, что в проекте УК 1930 г. имеются только отдельные «левацкие» ошибки, как это считает кое-кто из криминалистов.

Руководство секции уголовной политики в весьма ярко выраженной форме провозгласило «концепцию» Пашуканиса как единственно марксистскую теорию уголовного права. Большевик-революционер, несмотря на все его ошибки, П. И. Стучка ставится на одну доску с Пашуканисом. Крыленко, обвинявший Пашуканиса в хвостицизме и меньшевизме, усиленно подталкивается к сближению с «теориями» Пашуканиса, что руководству секции уголовной политики в значительной степени и удается. Отсюда и вытекают основные теоретические ошибки Крыленко в разработке проблем социалистического уголовного права.

Исходя из «концепции» Пашуканиса, П. Кузьмин договорился даже до «разложения» советского уголовного права.

Проект УК 1930 г., разрабатываемый секцией уголовной политики, пытался отказаться от Общей и Особенной части УК, от дозировки, от умысла, неосторожности.

«Смешно думать, — писал Булатов, — что отказ от иррациональных эквивалентных форм репрессии, от истлевшего барахла формально-юридических разграничений: приготовления и покушения, умысла и неосторожности, реальной и идеальной совокупности и т. п., труднее провести, чем создание обобщенных фондов в колхозах.

Устранить чересполосицу составов и санкций в Особенной части Уголовного кодекса, тормозящую целесообразное применение уголовного принуждения, просто пустяк по сравнению с устранением чересполосицы крестьянских полей, тормозящей целесообразное развитие нашего хозяйства. По сравнению с тем гигантским «прыжком» в неизвестное, т. е. невиданное до сих пор, который делаем мы изо дня в день, строя районы, округа и области сплошной коллективизации, самая смелая реконструкция уголовного права — только спокойный, и, нечего греха таить, запоздалый шаг»¹.

Отожествление дозировки наказания в буржуазном и советском праве приводит по существу к скату на позиции идеализма, по позиции эклектической методологии социологической школы уголовного права.

«Но даже, — читаем мы в одной статье, — самый мудрый судья или законодатель, способный конкурировать с «царем Соломоном во всей славе его», не сможет объяснить вам с точки зрения задач социальной защиты, почему он дает за одно деяние или одному из участников 1½ года лишения свободы, а другому или за другое деяние 2 или 2½ года. Во всех этих случаях, сознательно или подсознательно, решающую роль играет именно отбывание наказания в меру тяжести содеянного. И в этом случае, конечно, весы правосудия — только аллегория. Реально и воздающая справедливость отмеривается «на-глазок» и переводит поэтому машину репрессии с рельс рациональной уголовной политики в русло стихийности»².

Таким образом дозировка репрессии в советском уголовном праве рассматривается как стихийная, иррациональная и нецелесообразная форма репрессии. Рациональной формой уголовной репрессии, очевидно, являются только меры социальной защиты. Об этом прямо писали Пашуканис и Старосельский, которые в противовес стихийности дозировки в мерах социальной защиты видят плановость репрессии. Эти бухаринские установки «организованного» капитализма, от которых отправлялся Пашуканис, находили свое отражение и в «теоретических» обоснованиях проекта УК 1930 г.

Влияние установок социологической школы уголовного права выразилось также в отказе от точных составов преступлений, которые якобы полностью противоречат принципам уголовной политики диктатуры пролетариата. «Что касается буржуазного позитивного права, —

писал Булатов, — то в нем понятие преступного неумовимо вне твердых составов Особенной части только в силу формального определения преступления. Если преступление определяется как деяние, за которое по закону полагается наказание, то, конечно, судья не может сказать, что преступно и что не преступно, раньше чем он не подведет данное социальное явление под определенную статью Особенной части. Для нас все эти трудности — уже пройденный этап. Материальное классовое определение преступного уже дано, и применение статей 6, 8, 16 действующего кодекса на практике показывает, что одна из задач разрешимых для крупнейших буржуазных ученых, решается неискусными в юридических тонкостях судьями из рабочих просто, как закладка колумбова яйца»¹.

Но отказ от точных составов преступлений, конструирование по принципу ориентировочного списка составов преступлений неизбежно ведут к нарушению централизованного руководства уголовной политикой. На деле такая структура УК широко открывала бы двери для извращений карательной политики и кое-кто весьма использовал бы такую организацию репрессии. Такая система проекта УК 1930 г. полностью противоречила принципам пролетарского демократизма.

Необходимо отметить, что отказ от Особенной части УК по компетентной справке т. Булатова впервые был предложен П. Кузьминым. На основе якобы борьбы с фетишизмом нормы закона и крайней революционности, формулируемой с большим апломбом, протаскивая антипартийные принципы проекта УК 1930 г., как якобы единственно правильное выражение генеральной линии партии в уголовной политике. В действительности, проект УК 1930 г. отражает «установки» концепции Пашуканиса. Не случайно поэтому общая линия проекта УК 1930 г. направлена на разрыв задач подавления репрессии от воспитательного воздействия репрессии и в сведения в основную репрессии к задаче подавления.

Основные «установки» руководства уголовно-правовым фронтом нашли свое выражение и в работах Н. В. Крыленко. В работе Крыленко «Ленин о суде», которая редактировалась Волковым и Булатовым, в главе IV «Подавление как задача пролетарского государства и пролетарского суда» дается политически ошибочное освещение взглядов Ленина на задачи подавления в уголовной репрессии. Ленин в определенных конкретных исторических условиях гражданской войны не раз высказывался за применение самых суровых мер подавления в отношении различных категорий лиц. Но при неисторическом подходе к этим высказываниям Ленина может получиться политически совершенно неправильная оценка роли подавления в наказании. В работе Крыленко отсутствует исторический подход при анализе высказываний Ленина о задачах подавления, что облегчало допущение целого ряда крупнейших политических ошибок в духе проекта УК 1930 г.

¹ Булатов. Проблемы реконструкции уголовного права. «Советское государство и революция права», 1930, № 2, стр. 71.

² Булатов. Там же, стр. 77.

¹ Булатов. Проблемы реконструкции уголовного права. «Советское государство и революция права», 1930, № 2, стр. 78.

В книжке Крыленко «Ленин о суде» вопрос о задачах уголовной политики диктатуры пролетариата освещен таким образом, что подавление выступает как основная форма репрессии в отношении всех категорий преступников.

В отношении классово враждебных элементов Крыленко перед наказанием ставит только задачу подавления.

Но для того, чтобы правильно осветить высказывания Ленина о задачах наказания в отношении классово враждебных элементов, для этого недостаточно было указать только на задачи подавления, тем более, что Крыленко прекрасно известны высказывания Ленина о необходимости сочетать методы подавления с методами воспитательного воздействия в отношении исправимых богачей. К сожалению, здесь в работе т. Крыленко не освещается вся глубина диалектического анализа Лениным задач советской уголовной политики. Конечно, в отношении перечисленных выше т. Крыленко категорий преступников главной задачей наказания является подавление. Но все же этим задачи карательной политики не исчерпываются. Далее, когда речь идет о преступлениях, совершаемых трудящимися крестьянами, недопустимо ограничиться только оговорками о необходимости широкого применения мер воспитательного воздействия. Именно здесь необходимо было во всей широте показать диалектическое сочетание задач подавления и воспитания. Тем более, что в следующей главе книги «О деятельности суда как органа воспитания к дисциплине» все эти ленинские материалы приводятся. Механистическая растасовка единой проблемы репрессии диктатуры пролетариата в двух главах книги (II — подавление, V — воспитание) приводит к политическому искажению картины, когда в главе о подавлении как задаче репрессии читателю говорится, что расстрел и другие методы подавления должны как главный метод репрессии применяться ко всем категориям преступников.

Поэтому получается политически неправильное освещение вопроса, когда т. Крыленко в своей работе делает следующий вывод:

«Итак, капиталисты и помещики, торгово-промышленная буржуазия и кулачество и их политическая агентура — таковы в основном категории классов, с которыми приходится вести революции ожесточенную борьбу в эпоху диктатуры пролетариата и против которых, естественно, необходимо и неизбежно применение мер подавления вплоть до самых жестких форм.

Но кроме классов имеются еще отдельные категории лиц, групп и слоев, против которых приходится применять такие же меры.

Даже когда классы уничтожены, остаются живые люди, выходцы из этих враждебных революция классов, остается огромнейшая масса представителей мелкой буржуазии, живущих еще целиком в плену взглядов и воззрений старого капиталистического общества. Остаются, наконец, неустойчивые элементы из среды трудящихся, неспособные сразу воспринять, усвоить общественные формы нового быта, новых отношений.

В итоге из этих групп выделяется определенная прослойка деклассированных элементов, не нашедших еще себе места в новых отношениях. Часть из них и не хочет искать этого

места и вступает на путь преступлений и уголовщины самого различного рода.

С этими элементами приходится вести борьбу и борьбу беспощадную, потому что, как правило, никакие меры воспитательного воздействия здесь не действуют»¹.

Влияние вредительской теории, несомненно, сказалось на освещении взглядов Ленина на задачи советской уголовной репрессии. Отрыв задач подавления от воспитания и сведение репрессии к подавлению вообще оказали свое влияние и на работу т. Крыленко «Ленин о суде», которая сейчас нуждается в коренной переработке. Развивая дальше свою точку зрения на роль подавления, т. Крыленко пишет, что к деклассированным элементам должен применяться расстрел на месте, а также беспощадные меры подавления должны применяться и к самодурам, насильникам, пропавшим на государственную службу. Крыленко не дает анализа той исторической обстановки, когда Ленин предлагал так широко применять исключительные меры репрессии, когда расстрел предлагался как основная мера репрессии в борьбе с злоупотреблениями властью должностными лицами. Поэтому если механически все эти указания Ленина перенести в современные условия социалистического строительства, то получается картина, которая политически неправильно освещает задачи органов юстиции. Да и в тогдашних условиях Лениным не ставился вопрос о применении подавления ко всем классам населения, как это получается в книге т. Крыленко. И в этом корень ошибок Крыленко при изложении им взглядов Ленина. Там, где Ленин говорит об отдельных фактах, в книжке Крыленко дается слишком широкое обобщение, и это искажает политическую перспективу.

Поэтому подавление в качестве основного метода репрессии, по мнению т. Крыленко, должно весьма широко применяться, далее, не только к хулиганам, врачам и т. д., но также и «в целях выкорчевывания старых взглядов»².

Подавление в уголовной репрессии играет огромную революционную роль в борьбе с врагами диктатуры пролетариата, в борьбе с дезорганизаторами социалистического строительства. Но переоценка роли подавления, возведение его в основной принцип репрессии по отношению ко всем слоям населения, как это получилось в книге т. Крыленко «Ленин о суде», ведет к искажению взглядов Ленина на задачи советского суда.

Выкорчевывая вредительские «теории» на фронте советского уголовного права, необходимо полностью вскрыть влияние этих «теорий» и на тех работах по советскому уголовному праву, которые считались у нас основными, чтобы покончить с идиотской болезнью политической беспечности на правовом фронте.

Сейчас по-новому нужно поставить также проблему действия угрозы наказания.

Пашуканис и Старосельский вообще отрицали значение для советского уголовного права проблемы угрозы наказания.

Влияние этих «теорий» на работы т. Кры-

¹ Крыленко, Ленин о суде, стр. 123—124. Разрядка моя — Б. М.

² Крыленко. Ленин о суде, стр. 128.

ленно выразилось в явной недооценке угрозы наказания.

«Итак,—говорил Крыленко, — устрашающее значение репрессии не может и не должно признать. Причем не только в отношении третьих лиц, но и в отношении данного преступника. Однако и здесь мы должны внести ряд оговорок, как и в отношении теории исправления. Здесь должно быть установлено, что в отношении сознавшего себя классового врага голый страх репрессии едва ли много даст».

«Все это заставляет нас признать, что сдерживающее значение устрашения также весьма относительно, что эта идея, идея «чтоб другим неповадно было», как и идея исправительно-трудового воздействия, должна явиться не главным, а подсобным для нас мотивом для применения репрессии в нашей уголовной политике».

Основная задача, таким образом, должна быть только одна — классовая самозащита путем принятия специальных мер по отношению к данному доказавшему уже свою сознательную опасность отдельному преступнику»¹.

Отрицая значение общего предупреждения, т. Крыленко отрицал также наказание и целиком исходил из трактовки репрессии как самообороны.

Ленинские взгляды по этому вопросу также неправильно были освещены. Правильно указывая, что Ленин отрицает возмездие как цель советской уголовной политики, т. Крыленко делает всякие оговорки, что термин «наказание» в работах Ленина нужно понимать как только оборону от общественно-опасных действий, ибо наказание не отвечает принципам советского уголовного права. Исходя из этих позиций, т. Крыленко говорил: «Итак, наш вывод следующий: основная идея, основная задача нашей уголовной репрессии одна—это задача самозащиты, самообороны, и никаких других задач наша уголовная политика не ставит и ставить себе не может. Отсюда вывод: все то, что не будет отвечать этой основной задаче, все то, что не будет способствовать ее наиболее целесообразному разрешению, должно быть откинуто, отброшено нами и вообще не должно иметь места в системе практического построения нашей уголовной политики, не говоря уже о том, что, конечно, не может лежать в основе этой системы. Позвольте особенно отчетливо формулировать этот наш основной вывод»².

Как известно, эти «установки» нашли свое наиболее яркое выражение в проекте УК Комкадемии 1930 г., где проект отказался как от термина «наказание», так и от термина «меры социальной защиты». Вредительская «концепция» Пашуканиса выразилась здесь в отрицании наказания как важнейшей правовой проблемы о форме репрессии.

Известно, насколько большое значение Ленин придавал наказанию как правовой форме репрессии. Ленин придавал также огромное значение угрозе наказания на поведение лиц, готовящихся совершить общественно-опасные преступления.

В книге т. Крыленко «Ленин о суде» неправильно освещаются взгляды Ленина и на индивидуализацию наказания. «Дозировку» в советском уголовном законодательстве т. Крыленко отождествляет с дозировкой в буржуазном уголовном законодательстве. Больше того, дозировка в советском уголовном праве связывается т. Крыленко с возмездием. Эти политически ошибочные установки, выражающие влияние «теорий» Пашуканиса на советское уголовное право, т. Крыленко формулирует следующим образом:

«Проанализируем теперь этот самый принцип «до». Что он означает?

Классическая формула этого принципа следующая: за совершение такого-то деяния устанавливается такая-то мера репрессии, но не выше такого-то предела, или до такого-то предела. Почему? Увы. В историческом возникновении и практическом применении принципа «до» буржуазной юстиции в его существе лежал только один принцип: «справедливого воздаяния за вину—справедливого возмездия».

Человек совершил то-то. За это ему надлежит (?) дать (!) столько-то. Но не больше. Почему? Слишком много. Не заслужил. Вот обычный метод рассуждений буржуазного законодателя при построении репрессии по этому принципу. Здесь налицо именно теория эквивалентного («справедливого») возмездия. Но теория возмездия, хотя бы и «справедливого», не имеет ничего общего ни с теорией национальной охраны общества в целом, ни с теорией классовой борьбы, ни, наконец, с задачами исправления данного преступника. С подобной теорией марксизм вообще не может иметь ничего общего»¹.

Дозировка в советском уголовном праве рассматривается т. Крыленко как иррациональная, нецелесообразная форма уголовной репрессии. Для того чтобы объяснить частое применение дозировки Лениным в декретах советской власти уже в первый период пролетарской диктатуры, т. Крыленко пишет, что принцип «до» применялся в целях регулирования репрессии против ненужной, жестокой репрессии. Дело, конечно, не только в этом. Дозировка выполняла и выполняет огромную роль в централизованном руководстве карательной политикой. Дозировка является также важнейшим методом индивидуализации наказания.

IV

Выражением трактовки наказания в советском праве как буржуазной уголовно-правовой формы являются «теории» дефетишизации и институтов советского права, «теории» о наличии элементов буржуазной уголовно-правовой формы в советском праве и «теории», трактующие институты советского уголовного права как институты, «похожие» на институты буржуазного уголовного права.

Пашуканис и Старосельский, рассматривая уголовно-правовые институты как институты буржуазного права, вообще выдвигали в качестве важнейшей задачи необходимость дефетишизировать правовые институты советского права.

Под дефетишизацией Старосельский понимает сведение институтов советского уголов-

¹ «Революция права», 1929, № 1, стр. 103.

² Крыленко. Реформа Уголовного кодекса, 1929, стр. 20.

¹ Крыленко. «Ленин о суде и уголовной политике», 1934, стр. 162—163.

ного права к товарным отношениям, к трактовке их как институтов буржуазного уголовного права, к разоблачению юридического формализма буржуазной юстиции маскирующей классовую сущность уголовной репрессии. Задача марксистской теории уголовного права, по мнению этого реставратора, состоит в том, чтобы по возможности «обезвредить» форму наказания в советском уголовном праве.

Форма советского уголовного права, следовательно, фетишизирует наказание, мешает рационально организовать уголовную репрессию. Отсюда задача состоит в том, чтобы как можно скорее преодолеть эту правовую форму, которая питается рыночными отношениями и на целесообразных, внеправовых основах построить карательную политику. Ясно, что дефетишизация, предлагаемая Старосельским, состоит в оценке советской правовой формы наказания как типично-буржуазной правовой формы, не могущей играть революционной роли в нашем социалистическом строительстве. Более того, эта правовая форма наказания мешает целесообразно организовать уголовную репрессию. Отсюда, чем скорее будет выброшено за борт это «юридическое барахло», тем быстрее мы рационально построим нашу карательную политику. Но здесь-то и получается заколдованный круг, ибо с исчезновением рыночных отношений должно исчезнуть и право. Во всяком случае ставка на «чистое насилие» здесь сказывается с предельной ясностью.

По вопросу о дефетишизации институтов в области уголовного права писали у нас многие криминалисты (Эстрин, Волков, Пионтковский и др.). Так, Пионтковский в своей брошюре «Марксизм и уголовное право», критикуя теорию Пашуканиса, хотя и крайне непоследовательно как хвостистскую, тем не менее в действительности отражал влияние социологической школы уголовного права, на базе которой основана и «концепция» Пашуканиса.

«Поэтому мы можем,— писал Пионтковский,— и должны говорить о советском уголовном праве как отличным от буржуазного уголовного права и по содержанию и по форме. Сказанное, конечно, не исключает необходимости и неизбежности наличия элементов («кусочков») буржуазной правовой формы в советском уголовном праве. Но эти элементы берутся здесь лишенными юридического фетишизма буржуазного права и в принципиально ином сочетании, чем в буржуазном уголовном законодательстве»¹.

Пионтковский, ставя вопрос о качественном отличии институтов советского уголовного права от буржуазного и по содержанию и по форме, однако на деле институты советского уголовного права рассматривает как буржуазные дефетишизированные институты.

Создание социалистического уголовного права представляется как перенесение буржуазных институтов в советское уголовное право, с которых только должна быть снята идеалистическая оболочка, маскирующая их действительную классовую сущность. Такая позиция, по существу, отрицает социалистическое уголовное право, и методологически исходит из бухаринских «идей» о дефетишизации в пере-

ходный период законов капиталистической экономики.

Совершенно очевидно, что все эти «теории» дефетишизации уголовного права своими корнями уходят в бухаринско-троцкистскую «концепцию» Пашуканиса. Пионтковский квалифицировал теорию Пашуканиса как хвостистскую и подчеркивает принципиальное отличие советского права по содержанию и по форме от буржуазного права. Однако своей «теорией» дефетишизации буржуазных институтов в советском уголовном праве Пионтковский отрицает, по существу, советское уголовное право как право социалистическое.

Далее, на основе «теорий» Бухарина и Пашуканиса была сделана попытка дефетишизировать институты советского уголовного права с позиций рефлексологии. Опираясь на «работы» троцкиста Старосельского, Волков взялся за «дефетишизацию» институтов социалистического уголовного права в книге «Рефлексология и уголовное право» (1927 г.). Защищая криминальную рефлексологию, Волков пишет:

«Мы в виде примера останавливались на вопросах о мотиве и, особенно, на неосторожности и пытались на этих вопросах показать неудовлетворительность их разрешения уголовным правом, опирающимся на субъективную психологию. Но с таким же успехом можно привести и ряд других проблем уголовного права, например, вопрос о соучастии, о необходимой обороне и крайней необходимости, о построении общей и специальной превенции, об умысле, об условном осуждении и условно-досрочном освобождении, о формуле так называемой «вменяемости» с ее психологическим и биологическим критериями, о физиологическом эффекте и т. д. и т. п. Перечень этих вопросов может почти исчерпать собою перечень вопросов общей и отчасти особенной части уголовного права материального».

Не останавливаясь здесь ни на одном из них, заметим, что в отношении некоторых из них частичное теоретическое разрешение дается анализом, приведенным выше в отношении мотива и неосторожности; в этом смысле некоторые из положений, указанных в результате этого анализа, после экспериментальной их проверки, могут сыграть роль элементов, входящих в разных частях и пропорциях в структуру того или иного института уголовного права»¹.

Таким образом Волков с позиций рефлексологии пытается ревизовать все институты социалистического уголовного права.

Наказание в советском уголовном праве рассматривалось, следовательно, многими криминалистами как дефетишизированное буржуазное наказание. Даже в тех случаях, когда признавалось советское право как право принципиальное, отличное и по форме от права буржуазного, тем не менее «теории» дефетишизации вели на путь рассмотрения институтов социалистического уголовного права как дефетишизированных институтов буржуазного права.

После 1 съезда марксистов-государственников наказание в советском праве начало рассматриваться как элемент буржуазной уголовно-правовой формы.

¹ Пионтковский. «Марксизм и уголовное право» 1929, стр. 48.

¹ Волков. «Уголовное право и рефлексология», стр. 120—121.

Дозировка в советском праве также рассматривается уже как элемент буржуазно-правовой формы. В этот период можно встретить признание «нового» качества советской уголовно-правовой формы, но тем не менее оказывается, что все же дозировка есть элемент буржуазно-правовой формы. Эстрин так и пишет в своей работе «Развитие советской уголовной политики»: «Хотя форма советского уголовного права, как таковая, является безусловно новой советской уголовно-правовой формой, тем не менее в ней налицо и такие пережитки, как некоторые проявления формализма, «отвешивания» репрессии и т. д.; последнее подтверждается всем материалом, изложенным нами в главах 18—21, причем этот же материал не только показывает, что перед нами стоит задача преодоления этих пережитков буржуазно-правовой формы, задача достижения все большего «перерождения» используемых нами частично элементов буржуазной правовой формы в процессе их использования, но показывает и то, что задача нами действительно осуществляется».

Утверждать, что у нас не осталось еще никаких пережитков буржуазной правовой формы в нашем уголовном праве, было бы неверно не только в условиях 1924—1927 гг., но даже сейчас, когда мы уже вступили в период социализма. И такое утверждение было бы вредно и потому, что оно, смазывая задачу борьбы за преодоление и изжитие указанных пережитков в нашем уголовном праве, тем самым демобилизовало бы в этом отношении работников советской юстиции; представители «внешнего фронта», представители буржуазного юридического мировоззрения могли бы лишь приветствовать такой результат¹.

Даже в 1935 г. в статье Волкова «Наказание в советском уголовном праве» дозировка рассматривается как элемент буржуазно-правовой формы.

Эти «установки» в оценке наказания в советском праве связаны с извращением взглядов Ленина на право в эпоху социализма. Ведь Ленин проблему права не отрывал от проблемы государства. Ленин пишет, что в «полубуржуазном» государстве сохраняется при социализме «полубуржуазное» право. Ведь совершенно очевидно, что «полубуржуазное» государство это и есть диктатура рабочего класса, а «полубуржуазное» право — советское социалистическое право. Извращение взглядов Маркса и Ленина выражалось в том, что то право, которое существует в первой фазе коммунистического общества в области распределения, и которое Маркс и Энгельс называли в условном смысле «буржуазным», многими правовиками под влиянием контрреволюционной теории Пашуканиса истолковывалось в том смысле, что это право является не чем иным, как пережитком буржуазно-правовой формы в советском праве. Так, полпред Пашуканиса в Ленинграде — враг народа Ундревич в статье «Буржуазное право социалистического общества» писал: «Это «буржуазное» право, о котором говорят Маркс и Ленин и роль которого подчеркнута была в работе XVI парт-

конференции, представляет собою пережиток буржуазно-правовой формы в советском праве». Правда, здесь Ундревич поспешно делает оговорку, что советское право в корне отлично от подлинного буржуазного права. Также и Берман, касаясь замечаний Ленина в XIV Ленинском сборнике о принуждении в первой фазе коммунистического общества дает им антипартийное истолкование. «В этом замечании Ленин особенно подчеркивает, что и применительно к первой фазе коммунистического общества речь может идти лишь о буржуазном праве («полубуржуазном», не превзойденном «узком буржуазном горизонте права»). Особо следует отметить и то, что этот вывод Ленин непосредственно связывает и с тем, что «не вполне еще исчезает и (полубуржуазное) государство», и тотчас же распространяет все замечание на «формы принуждения». Таким образом, связывая вопрос о праве в социалистическом обществе с вопросом о государстве («буржуазное государство — без буржуазии»), он, однако, упор делает на буржуазном характере права; об особом по своему качеству праве социалистического общества ни единым словом не упоминает. И, наоборот, всей своей постановкой вопроса такое особое, иное по качеству право отвергает². Таким образом, по Берману, советское право качественно не отличается от буржуазного права. Но это значит, что советское право есть буржуазное право как по содержанию, так и по форме.

Именно эти извращения ленинских взглядов на право первой фазы коммунистического общества лежат в основе трактовки наказания как элемента буржуазной уголовно-правовой формы. Поэтому Эстрин, говоря об элементах буржуазно-правовой формы в советском уголовном праве, опирается на антипартийное извращение ленинских взглядов о «буржуазном» праве при социализме³.

Но вскрывая сущность таких установок в вопросе о форме советского права, было бы большой политической ошибкой полагать, что сегодня эти ошибки уже полностью на нашем правовом фронте преодолены и достаточно правовиками уяснены. Острые эти «теории» дают чувствовать и в настоящее время. Об этом в достаточной мере говорят последние выступления на страницах журнала «Советская юстиция» Н. В. Крыленко в связи с положением на правовом фронте. В № 6 (1937 г.) «Советской юстиции» т. Крыленко пишет: «Я считаю, что право наше было всегда, с самого начала, социалистическим по своей направленности, содержанию и по своим целям, но что мы никогда не отказывались от использования тех форм, которые буржуазия оставила нам в наследство, и эти формы используем, отчего наше право не переставало и не перестанет быть социалистическим...

Наше сегодняшнее социалистическое право, которое я считаю социалистическим по его содержанию, формам и целям, по мере утверждения социалистического порядка и социали-

¹ Эстрин. «Развитие советской уголовной политики», 1933, стр. 197.

² «Проблемы марксизма», 1933, № 4, стр. 59. Разрядка моя. — Б. М.

³ Эстрин. «Развитие советской уголовной политики», 1933, стр. 197.

стических производственных отношений, создало такие нормы, которых никогда не знало капиталистическое общество. В этом смысле оно является абсолютно новым правом и по форме и по содержанию по сравнению с буржуазным правом. Это означает, однако, что только с ликвидацией эксплуататорских классов и частно-капиталистических отношений мы смогли устранить из нашего права и те «старые формы», необходимость использования которых вызывалась, говоря словами Ленина, необходимостью «приспосабливать свою тактику» к отношениям, вызываемым «не нашим классом или не нашими усилиями»¹.

По существу, несмотря на большое количество оговорок, т. Крыленко стоит на той точке зрения, что советское право по своей форме стало социалистическим только с победой социализма, с ликвидацией многоукладности нашей экономики, «с ликвидацией эксплуататорских классов и частно-капиталистических отношений». На прежних этапах диктатуры пролетариата, следовательно, советское уголовное право по своей форме не было вполне социалистическим, и в нашем праве были использованы буржуазно-правовые формы, «которые буржуазия оставила нам в наследство».

Несостоятельность всех этих утверждений очевидна. Если в советском уголовном праве имеются элементы буржуазно-правовой формы, то это неизбежно приводит к выводу, что и по содержанию советское право не вполне социалистическое право, ибо форма советского права не может быть оторвана от содержания. Хорошо известно основное положение материалистической диалектики, что форма механически не оторвана от содержания, и что она есть содержательная форма. Ленин пишет в своем конспекте книги Гегеля «Наука логики»: «Форма существенная, сущность формирована так или иначе в зависимости и от сущности...»².

Поэтому признание в советском праве элементов буржуазно-правовой формы неизбежно приводит к ревизии классовой природы социалистического уголовного права.

Тов. Крыленко в особенности сейчас подчеркивает, что советское право «похоже» на буржуазное право. Этот аргумент ничуть не опровергает положения о том, что на всех этапах социалистического строительства все же советское право по форме принципиально, качественно отлично от буржуазного уголовного права. Конечно, было бы нелепостью полагать, что институты советского права ничем не похожи на институты буржуазного уголовного права. Но это еще не значит, что формы советского и буржуазного права тождественны. Гегель блестяще показал удвоение формы.

Он приводит пример с книгой и иллюстрирует глубокую мысль о различии внешней, равнодушной к содержанию формы (переплет книги), и формы, выражающей содержание произведения (поэтическая форма, в которой выражено содержание Илиады). Эта проблема удвоения формы имеет самое непосредственное отношение к нашим спорам по вопросу о форме советского уголовного права. Тов. Крылен-

ко, говоря о том, что институты советского права «похожи» на институты буржуазного права, видит только внешнюю, равнодушную к содержанию форму. Если остановиться только на этой внешней «схожести» институтов буржуазного и советского права, то это значит еще далеко не подойти к существу проблемы формы советского права. Такой поверхностный анализ советского права неизбежно приведет к трактовке советского права как буржуазного права по своей форме. Для того, что бы научно показать действительное существо формы советского права, для этого нужно пойти дальше поверхностных, внешних аналогий, которые нас еще не двигают ни на шаг вперед и могут привести к серьезным политическим ошибкам. Только переходя к изучению формы, выражающей содержание социалистического уголовного права, можно правильно разрешить проблему формы советского права. С этой точки зрения содержательная форма не может быть оторвана от существа права. Поэтому признавая качественное отличие природы советского государства и права от буржуазного государства и права, мы приходим к единственно политически правильному выводу, что на всех этапах социалистического строительства советское право по своей форме коренным образом отлично от буржуазного права. Значит ли это, как думает т. Крыленко, что признание советского уголовного права социалистическим по своей форме на всех этапах диктатуры пролетариата обозначает отрицание развития формы советского права и игнорирование тех величайших изменений, которые вносит Сталинская Конституция в наше социалистическое право? Нет, конечно. Ведь на различных этапах диктатуры рабочего класса перед нашим социалистическим строительством ставятся новые задачи, и в связи с этим производятся весьма значительные изменения во всей нашей карательной политике. В связи с этим вносятся изменения и в наше законодательство и в уголовную политику. Конечно, смешно было думать, что этот процесс изменения уголовно-правовой формы происходит автоматически. Насколько сложен этот диалектический процесс взаимоотношения содержания и формы права, видно на противоречии между содержанием и формой права, в особенности на первых этапах развития реконструктивного периода. Сталинская Конституция, являющаяся кодексом социалистических достижений, вносит громадные изменения, еще нами недостаточно осознанные, в социалистическое право. Разработка союзного гражданского и уголовного законодательства есть одна из ярких иллюстраций гигантской роли Сталинской Конституции в отношении приведения в соответствие содержания и формы социалистического права.

Но Сталинская Конституция есть завершение социалистического демократизма, который в своих основах уже был сформулирован в Конституции 1918 и 1924 гг. Поэтому ставить так вопрос, как это делает т. Крыленко, что до Сталинской Конституции в советском праве шло выкорчевывание «старых форм» права, а после утверждения Сталинской Конституции советское право по своей форме стало полностью социалистическим, это значит не понять марксову диалектику о соотношении формы и содержания. Иначе трудно понять,

¹ «Советская юстиция», 1937, № 6, стр. 7. Разрядка моя. — Б. М.

² Ленин. «Философские тетради, 1933, стр. 142. Разрядка моя. — Б. М.

почему из-за такой невинной, никем не оспариваемой вещи, как внешняя «схожесть» институтов буржуазного и советского права, спешить расклеивать политические ярлыки тем, которые помогают ряду товарищей по правовому фронту понять, что советское право на всех этапах диктатуры пролетариата является правом социалистическим, и уяснить всю вредность «теории» об использовании в советском праве институтов буржуазного права.

Вскрывая сущность всех этих теорий, трактующих «дозировку» как элемент буржуазно-правовой формы, необходимо прежде всего тщательно изучить исключительно важные высказывания в работах Ленина и Сталина, дающие основу для уяснения принципиальной важности проблемы дозировки в свете социалистического демократизма. Политически и теоретически вскрыть действительное значение наказания в форме так называемой дозировки возможно только в связи с изучением природы диктатуры пролетариата, пролетарского демократизма. Советское государство как новый тип государства является источником нового по типу, по своему качеству, советского социалистического права. «Советская власть именно благодаря тому, что она открыто сказала, что диктатуре пролетариата подчиняются все, что она есть новый тип государственной организации, именно этим она завоевала себе сочувствие рабочих всего мира»¹. ...«Советская власть является новой формой государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, новым типом государства, приносившим не к задачам эксплуатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплуатации, к задачам диктатуры пролетариата»², и поэтому «советы являются непосредственными организациями самих масс, то есть наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс...»³. Пролетарская диктатура «отбрасывает лицемерие формального равенства прочь»⁴.

«Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства. Только при пролетарской диктатуре возможны действительные «свободы» для эксплуатируемых и действительное участие пролетариев и крестьян в управлении страной. Демократия при диктатуре пролетариата есть демократия пролетарская, демократия эксплуатируемого большинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуататорского меньшинства и направленная против этого меньшинства»⁵.

Особенность пролетарского демократизма состоит в материальных гарантиях прав трудящихся сформулированных в советской Конституции. Ленин в своем конспекте брошюры о диктатуре пролетариата, ставя вопрос о реаль-

ности «свобод» буржуазной демократии, отвечает на него следующим указанием: «Формальное равенство при сохранении буржуазного гнета, ига капитала, наемного рабства»¹. В то же время Ленин подчеркивает реальность пролетарского демократизма. Именно в этом Ленин видит основную особенность диктатуры пролетариата.

«Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения»².

Сталинская Конституция, являющаяся кодексом величайших завоеваний социализма, перед рабочим классом всего мира во всей конкретности показала действительность социалистического демократизма. Товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов говорил, что «Буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления. Говорят о равенстве граждан, но забывают, что не может быть действительного равенства между хозяином и рабочим, между помещиком и крестьянином, если у первых имеется богатство и политический вес в обществе, а вторые лишены и того и другого, если первые являются эксплуататорами, а вторые эксплуатируемыми. Или еще: говорят о свободе слова, собраний и печати, но забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в звук пустой, если он лишен возможности иметь в своем распоряжении подходящие помещения для собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т. д.

Особенность проекта новой Конституции состоит в том, что он не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав. Он не просто провозглашает равенство прав граждан, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации. Он не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы. Он не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами. Понятно поэтому, что демократизм проекта новой Конституции является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим»³.

Принципы социалистического демократизма имеют огромное значение для правильного освещения коренных проблем социалистического уголовного права, и в частности, проблемы наказания и осуществление последнего в форме так называемой дозировки. К сожалению,

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 307.

² Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10, 1935, стр. 32.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Ленин, т. XXIII, стр. 188.

⁵ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10, 1935, стр. 29.

¹ Ленин, т. XXV, стр. 9—10.

² Ленин, т. XXII, стр. 372.

³ И. В. Сталин. «О проекте Конституции Союза ССР», Партиздат, 1936, стр. 21—22.

до сих пор эта проблема криминалистами не только не освещена, но даже не поставлена. Насколько решающее значение принципы пролетарской демократии имеют для советского суда, это видно при разрешении проблем советского уголовного процесса.

«Вопреки болтовне об «отмирании» суда, об «упрощении» судебного процесса за счет свертывания основных демократических форм его деятельности, советский суд все шире и полнее осуществляет в своей работе принципы пролетарской диктатуры и советской демократии, обеспечивающей подлинное и активное участие рабочих и колхозников в отправлении правосудия, подлинную и активную охрану интересов советской власти и трудящегося населения.

Уже сейчас значительную часть обязанностей по охране интересов советской власти и трудящихся несет наш суд. Постановление ЦИК Союза ССР «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел» от 10 июля 1934 г. перенесло значительную долю работы, ранее проводившейся в порядке административных мероприятий, на судебную систему. И это вполне естественно, ибо, как сказал т. Молотов в беседе с редактором «газеты «Тан» г. Шастенэ, «вся наша внутренняя обстановка говорит за то, что теперь уже нередко нет необходимости в тех административных мерах, которые проводились прежде».

Роль советского суда еще более возрастает, так как на него в новых условиях ложится в громадной степени задача беспощадной борьбы против остатков враждебных классовых элементов, борьбы против пережитков капитализма в сознании людей, против разрушителей общественной собственности и их сообщников, против всех остатков буржуазной контрреволюции внутри страны, всех явных и тайных врагов народа¹.

«Ошибка противников развернутого процесса заключается именно в том, что они обычно решают эту проблему как раз с точки зрения гарантий обвиняемого, тогда как центр вопроса лежит совершенно в другом.

Центр вопроса лежит в том, насколько полезна эта форма с точки зрения интересов государства, с точки зрения, следовательно, защиты государственных интересов, являющихся, как известно, всегда интересами господствующего в данном обществе класса.

При правильной организации развернутой формы процесса она помогает пролетарскому государству и его органам в разрешении всех тех задач, которые связаны с охраной классового господства пролетариата и преодоления всякого рода явлений, угрожающих этим интересам.

Судебный процесс является одной из наиболее удобных форм организации общественного мнения; он, как правило, чрезвычайно удачно выполняет эту свою задачу, именно таким путем достигая лучше всего своей цели — воспитания масс к дисциплине в интересах укрепления государственного авторитета»².

¹ А. Вышинский. «Советский суд и советская демократия», «Большевик», 1936, № 10, стр. 25.

² А. Я. Вышинский. К реформе уголовного-процессуального кодекса, «Проблемы уголовной политики», стр. 35.

Нет нужды подчеркивать, какую огромную роль сыграл гласный демократический, пролетарский процесс для разоблачения всей гнусной деятельности антисоветского троцкистского центра, поставлявшего японо-германских шпионов, диверсантов и террористов для борьбы с СССР.

В свете последовательного социалистического демократизма также совершенно по-новому должен быть поставлен вопрос о значении и дозировке как формы осуществления наказания. Пашуканис и Старосельский, издаваясь над огромной революционной деятельностью советского суда, писали о том, что суд «по преискуранту» по принципу возмездия отвешивает репрессии по принципу возмездия, рассматривая наказание в советском праве как типично-буржуазное наказание. Приняв эти исходные установки Пашуканиса о дозировке, ряд криминалистов, руководствуясь благими намерениями, предложил полностью выбросить эту «буржуазную» дозировку из советского уголовного законодательства. Дозировку предложено было заменить твердыми сроками (проект УК 1930 г.).

Несмотря на всю эту «борьбу» за уничтожение «дозировки», наше законодательство широко использовало самые разнообразные формы и методы борьбы с действиями, опасными социалистическому строительству (в том числе и дозировку и твердые сроки, руководствуясь указаниями Ленина о необходимости советскому суду использовать самые разнообразные формы и методы для борьбы с действиями, опасными диктатуре пролетариата. Трактовка дозировки как буржуазной правовой формы была связана с меновой концепцией права Пашуканиса. В действительности регулирование в законе пределов наказания по тем или иным категориям преступлений и индивидуализации наказания являются важнейшим принципом репрессии диктатуры пролетариата. Проведение единой революционной законности требует четкого регулирования в законе пределов карательных санкций. Предоставление широких прав советскому суду при применении наказания вовсе не обозначает судебного произвола (на который и стал проект УК 1930 г.). Судья может применять репрессию лишь в рамках санкции данного состава преступления. В некоторых случаях наше законодательство даже знает абсолютно-определенные санкции, чем в особенности подчеркивается принцип централизованного руководства карательной политикой.

Пролетарский демократизм, отрицая принципы формальной демократии, формального равенства всех перед законом, требует, с одной стороны на основе точного применения закона беспощадной борьбы с преступными действиями врагов народа и их агентуры, а с другой стороны — самого тщательного подхода при применении репрессии в соответствии со степенью вины данного правонарушителя.

В свете Сталинской Конституции, в свете последовательного социалистического демократизма особенно ясна антипартийность утверждений об отказе от так называемой дозировки, от точных составов преступлений, что подрывает всякую устойчивость в применении советского уголовного закона.

Проблема индивидуализации наказания имеет в социалистическом уголовном праве принци-

пиальное, качественно отличное значение, в сравнении с индивидуализацией репрессии в буржуазном праве. С точки зрения социалистического демократизма вопрос об индивидуализации в советском уголовном праве имеет огромное принципиальное значение.

Полное оправдание дозировка находит также в принципе пролетарского гуманизма, который переносится на все советское уголовное законодательство, и в философских воззрениях марксизма—ленинизма на мотивы, определяющие человеческое поведение, и роль, какую в этом определении играет угроза наказанием. Целиком прав т. Вышинский, когда он говорил по этому поводу: «Нора уже признать полностью ошибочной борьбу против дробности наказаний в советском уголовном праве, сводящую вопрос о дозировке к буржуазной схоластике в духе теории возмездия. Это, конечно, ни в какой мере не умаляет значения борьбы с формальным подходом к дозировке, с попытками воскресить теорию возмездия в советском праве, что также имело место.

Нужно требовать от суда строгой индивидуализации наказания, помни, что разница в годах тюрьмы имеет для каждого трудящегося человека, для каждого осужденного немаловажное значение, и не только для осужденного, но и для пролетарского государства, умеющего ценить людей как самый ценный капитал.

В настоящее время мы больше чем когда бы то ни было должны требовать чтобы, выносимые нами наказания соответствовали индивидуальному вреду того или другого человека, индивидуально выраженному преступлению. Колебания в этой точке зрения должны быть отвергнуты решительным образом»¹.

Тов. Вышинский здесь с исчерпывающей ясностью подчеркнул значение индивидуализации наказания в социалистическом уголовном праве.

В следующей статье мной будет освещен вопрос о принципе индивидуальной ответственности в свете последовательного социалистического демократизма.

Б. БОРИСОВ

Положение на фронте теорий гражданского права*

Товарищи, мы сегодня приступаем к обсуждению положения, создавшегося на фронте теории гражданского права в связи с вредительской и контрреволюционной деятельностью врага народа Пашуканиса и возглавлявшейся им «школки». Этот прорыв на правовом фронте, на который нам неоднократно указывала в последнее время наша партийная печать (статьи Юдина, Леонтьева и Вышинского в газете «Правда», статья Ингулова в журнале «Большевик»), нами особенно остро ощущается в свете того огромного значения, которое приобретают на нынешнем этапе вопросы права и государства. В свете Сталинской Конституции — этого основного закона социалистического государства — стала особенно актуальной и политически важной задача укрепления социалистического права и всемерного использования его в качестве одного из могучих орудий диктатуры пролетариата в деле строительства социализма; по значению своему вопросы эти вышли за пределы чисто ведомственных и узко групповых интересов людей, связанных по своей теоретической и практической работе с правом. Они стали занимать всю нашу общественность и сделались предметом усиленного внимания нашей партийной печати.

В этом смысле необходимо отметить чрезвычайно плодотворное и интересное совещание, проведенное редакцией центрального органа нашей печати «Правда», по вопросу о состоянии правового фронта и мерах, необходимых для привлечения его в соответствие с требованиями нашей великой эпохи.

Мы, товарищи, должны себе отдать ясный отчет в том, что мы, правовые работники,

вследствие своей исключительной политической близорукости и слепоты, в течение ряда лет не замечали, как наша теория советского права во всех ее ответвлениях засорялась лженаучными, вредительскими и контрреволюционными мыслями и установками. Нам, товарищи, со стороны указали на эти теоретические «авгиевы конюшни», разоблачил Пашуканиса и его «школку» как рассадник антимарксистских и контрреволюционных теорий.

«Школка» Пашуканиса развернула свою «деятельность» как в области общей теории права, так и в области отдельных конкретных правовых дисциплин. К этой «школке» примыкали прямые враги народа, разоблаченные впоследствии как контрреволюционеры (Ашрафьян, Дзенис, Доценко и др.) Эта «школка», однако, получила свое отражение и в работах других правовиков, которые хотя и не фигурируют в качестве врагов народа, но которые трудами своими благодаря политической слепоте и потере классовой бдительности лили воду на мельницу врагов народа. Они не критически воспринимали, заимствовали и отражали в своих трудах основные положения, выдвигавшиеся сознательно с контрреволюционными целями врагами народа.

Не надо думать, что зараженной этими вредительскими «идеями» оказалась только область теории. Вредительские установки получили широкий отклик и среди практических работников. Именно на этой почве долгое время процветали такие явления, как противопоставление целесообразности революционной законности, нигилистическое отношение к процессу («минимум формы, максимум классового существа»), упрощенческие методы разбора

* Обработанная стенограмма доклада 9 апреля 1937 г. на заседании сектора гражданского права во Всесоюзном институте юридических наук.

¹ А. Я. Вышинский, Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции, стр. 54.

дел, ликвидация в судах гражданских коллегий и т. д.

Товарищи, эта «школка» могла в течение относительно долгого времени безнаказанно проводить свою вредительскую и контрреволюционную работу, и потому, что ей удалось создать в Институте состроительства и права б. Комакадемии соответствующую обстановку.

Прошедший недавно пленум ЦК указал нам на те средства, которые используются классовым врагом для того, чтобы делать свое черное дело. К таким средствам относятся, в частности, зажим самокритики, подхалимство, угодничество и т. п. Эти средства применялись также в институте, возглавлявшемся Пашуканисом и его компанией. Там процветали зажим самокритики, взаимная амнистия, подхалимство в отношении «главного теоретика», «рапповщина» худшего вида. За пороги института, руководимого Пашуканисом, не пропускались практические работники суда и прокуратуры, не пропускались и беспартийные большевики. Остальные же работники подбирались по принципу «семейственности». Только в условиях такой затхлой и замкнутой обстановки, огражденной китайской стеной от живой практики социалистического строительства, могли процветать пыльным цветом те «теории», разоблачением которых теперь занята вся наша общественность.

Совершенно ясно, что условием успешной работы над укреплением нашей системы социалистического права является беспощадное выкорчевывание остатков пашуканианства во всех его проявлениях. Справедливость требует сказать, что практические работники правового фронта первыми начали освобождаться от этого вредного влияния и принялись бороться за укрепление социалистического правосознания и всемерное соблюдение революционной законности. Поворот этот связан, главным образом с организацией Прокуратуры Союза. Достаточно вспомнить хотя бы работу I всесоюзного совещания работников юстиции в апреле 1934 г., где были поставлены во всей остроте актуальнейшие вопросы нашего правового фронта.

Разрешите сейчас перейти к характеристике того, что собой представляла вредительская теория Пашуканиса и какое она получила отражение в трудах по гражданскому праву. Я должен прежде всего отметить основной тезис Пашуканиса, являющийся краеугольным камнем всей его концепции, согласно которому всякое право, в том числе и советское, рассматривается как форма опосредствования рыночных отношений. «Теория» эта получила крылатое название «меновой концепции», исходя из такого определения права, при котором исключается его классовый характер и связь с государством, при котором специфическим и решающим признаком права является его связь со сферой товарооборота. Пашуканис последовательно пришел к отрицанию особого качества советского права, его социалистического характера. Советское право стало затем трактоваться как отмирающее буржуазное право. Отсюда логический вывод, до которого докатился Пашуканис, — невозможность построения самостоятельной системы советского права.

Нет никакого сомнения, что тезис о невоз-

можности построения системы советского права, опосредствующего социалистическое строительство, перекликается с известной троцкистской теорией о невозможности построения социализма в одной стране. Обе эти теории неразрывно связаны между собой и дополняют друг друга.

Вопрос об отмирании советского права неоднократно поднимался за время революции в трудах различного рода «теоретиков». Тов. Вышинский в своей статье, опубликованной 9 апреля в газете «Правда», доказал, что на протяжении всех 20 лет революции шли бои с различного рода «уклонистами» в праве, он приводил соответствующие выдержки из трудов Гойхбарга, Рейснера и других, которые по существу подтверждали ту мысль, что вокруг вопроса о характере нашего права и вопроса об отмирании буржуазного права шли теоретические бои с начала революции до последнего времени.

Достаточно вспомнить хотя бы следующие высказывания Гойхбарга по этому поводу в «Основах частного имущественного права»: «в свое время эта идея (право) имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня и ее необходимо вытравить из пролетарских мозгов». Или в другом месте «право есть еще более отравляющий и дурманный опий для того же народа» (сравнительно с религией).

Тов. Вышинский в своей статье одновременно доказал, что те, кто в течение ряда лет считали себя знаменосцами в борьбе с носителями буржуазно-юридического мировоззрения, сами стояли обеими ногами на позиции буржуазной трактовки права.

Разрешите привести в подтверждение изложенного некоторые выдержки из работ Пашуканиса. В книге «Общая теория права и марксизм», которая явилась своеобразной «платформой» для последователей и сторонников Пашуканиса, дается следующее определение права:

«Правовой порядок именно тем и отличается от всякого иного социального порядка, что он рассчитан на частных обособленных субъектов», в другом месте той же книги утверждается, что «основной предпосылкой правового регулирования является, таким образом, противоположность частных интересов... Наоборот, единство цели составляет предпосылку технического регулирования». Значит правовой порядок может иметь место, очевидно, только там, где есть частная собственность. Следовательно, если мы попадаем в обстановку, где нет «частных обособленных субъектов» или, попросту говоря, частных собственников, то там оказывается нет и правового порядка, стало быть и права.

Надо сказать, что наиболее откровенно этот вывод сделал Пашуканис в своей статье «Экономика и правовое регулирование». Там даже поставлен принципиальный тезис, что «проблема отмирания права является пробным камнем, по которому мы испытываем степень близости к марксизму и ленинизму того или иного юриста».

Будучи верным своему старому тезису, что «единство цели составляет предпосылку технического регулирования», Пашуканис в этой же статье продолжает: «государственное регулирование характеризуется перевесом технически-

организационных моментов существа над моментами формальными... Эта перспектива развития организационно-технических актов и отношений за счет формально-юридических и есть перспектива отмирания права, теснейшим образом связанная с отмиранием государственного принуждения по мере перехода к бесклассовому обществу.

По адресу же тех, которые, паче чаяния, не согласятся на исчезновение права в сфере обобществленного хозяйства, бросается заранее обвинение в буржуазно-юридическом мировоззрении. «Тот, кто не допускает, — говорит далее Пашуканис, — что плано-организационное начало вытесняет начало формально-юридическое, тот, в сущности говоря, убежден, что отношения товарно-капиталистического хозяйства являются вечными и их ущербление в данный момент есть лишь некоторая ненормальность, которая в дальнейшем должна быть устранена.

Все эти глубокомысленные рассуждения заканчиваются, наконец, следующим торжественным аккордом: «Роль закона падает, а отсюда можно вывести общее правило, что регулирование становится тем более эффективным, чем слабее и незначительнее становится роль закона и юридическая надстройка в чистом ее виде».

Таким образом здесь проповедуется точка зрения несовместимости плана и права. Эта концепция целиком направлена на подрыв борьбы за социалистическую законность в сфере имущественных отношений социалистического общества, на подрыв договорной дисциплины и хозрасчета, на отрицание тезиса, что «договор является лучшей формой выполнения плана». О всех этих задачах говорится, в частности, в утвержденном еще в 1931 г. положении о Госарбитраже, перед которым была поставлена задача всемерной борьбы за соблюдение законности в отношениях между учреждениями и предприятиями обобществленного хозяйства. Концепция Пашуканиса ведет прямым путем к невыполнению плана, к развалу всех хозяйственных связей, к партизанщине и антигосударственным тенденциям. По вопросу о системе советского права Пашуканис исчерпывающе высказался в своем докладе «О положении на теоретическом правовом фронте» 10 ноября 1930 г. («Советское государство и революция права» № 11—12 за 1930 г.) «как же вы хотите, — спрашивает Пашуканис, — построить законченную систему права, исходя из таких общественных отношений, которые в себе заключают уже необходимость отмирания всякого права? Это же совершенно немислимая задача». Настаивая на том, что в переходный период не может быть системы права, он говорит: «Но, скажут нам, — ведь имеется же господствующий, ведущий сектор. Верно, но ведь, когда этот господствующий сектор все поглотит, тогда как раз начнется исчезновение права». Таким образом к моменту уничтожения многоукладности в нашем хозяйстве приурочивается и начало отмирания права.

Наиболее ярко и откровенно в духе концепции Пашуканиса высказывался по вопросу о буржуазном характере советского права в своей статье «В доспехах вульгарного экономизма» («Советское государство и революция

права» № 8—9 за 1930 г.) Берман, один из руководителей Института советского строительства и права б. Комкадемии. «Различие в положении, роли и месте права, с одной стороны, — в капиталистическом обществе и, с другой, — в период пролетарской диктатуры, — говорит Берман, — совсем не определяется различием источников права; источник права и тут и там один и тот же — товарные отношения».

Таковы, товарищи, взгляды «главного теоретика» Пашуканиса и его «школки».

Разрешите теперь показать, какое употребление сделали из этих «установок» некоторые наши цивилисты. Остановимся в первую очередь на группе юристов в лице Венедиктова, Мартынова и Шретера, правовые высказывания которых чрезвычайно близко подходят друг к другу.

Профессор Венедиктов, оказавшийся последовательным учеником Пашуканиса, в своей книге «Правовая природа государственных предприятий» делает все выводы из общего определения права, данного Пашуканисом для изучаемой им отрасли гражданского права.

В этой книге Венедиктов находит наличие «юридического момента» лишь в тех отношениях, которые связаны с товарооборотом. «Взаимоотношения между трестами и органами, планирующими их деятельность, — говорит Венедиктов, — суть отношения организационно-технические. Правовыми же являются те отношения, которые завязываются между трестами и другими хозяйственными органами в сфере товарооборота. И дальше декларируется, что «только механизм товарного хозяйства превращает орган государства в особый субъект права. Для внутренних отношений государственных органов вне товарного оборота в этом нет ни потребности, ни основания».

Надо сказать, что Пашуканис не замедлил похвалить Венедиктова за эти «успехи»; в вышеуказанной статье «Экономика и правовое регулирование» Пашуканис пишет: «Интересные исследования профессора Венедиктова показывают нам, как переход от оборотно-механических отношений к чисто плановым превращает хозяйственный орган из особого субъекта права, противостоящего другим таким же субъектам и связанного с ними договорными отношениями, просто в один из винтиков государственной машины».

Если вы вспомните книгу Мартынова и Аскиназия «Гражданское право и регулируемое хозяйство», то вы там найдете теорию двух регуляторов «наряду с планированием как регулятором хозяйственных отношений широкое применение получает и иной вид регулятора — товарный: такова ныне действующая хозяйственная система Советского союза».

В этом положении вы имеете откровенное противопоставление права плану и немудрено после этого, что гражданское право, как регулируемое «товарным» регулятором, рассматривается теми же авторами как чужое право, «в переживаемый нами переходный период, — продолжают эти авторы, — гражданское право необходимо остается правом той части экономики, которая соприкасается с предшествующей экономической формацией».

Таким образом Гражданский кодекс 1922 г., сыгравший положительную и революционную роль в деле охраны командных высот нашего

хозяйства и регулирования гражданско-правовых отношений в интересах государства и трудящихся, просто на просто объявляется буржуазным кодексом. И дальше, товарищи, кто не помнит крылатой фразы проф. Шретеера: «там, где льется вода регулирования, там угасает огонь автономии». Где есть план, там, таким образом, отпадает гражданское право.

Тому же проф. Шретееру принадлежит патент и на другое «откровение», согласно которому институты права имеют значение лишь технического порядка. Он пишет: «По существу формы обязательственных отношений и сделок являются лишь организованным методом, не имеющим внутренней социальной установки, они в этом отношении являются безликим инструментарием».

Вы вероятно помните, как Пашуканис и иже с ним открыли жестокий огонь против троцкиста Либермана, выступившего в 1931 г. в ленинградском журнале со статьей о ликвидации гражданского права. Надо сказать, что «прость» эта, очевидно, была вызвана тем, что Либерман в более откровенной форме выболтал то, что составляло основной постулат всей «школки» Пашуканиса. В самом деле, что сказал Либерман нового по вопросу о гражданском праве? С точки зрения Пашуканиса различие, вероятно, заключается лишь в том, что Пашуканис и его последователи неустанно твердили об отмирании права, а Либерман высочил с лозунгом о ликвидации того же права. Однако, надо сказать, что Либерман, оставаясь в своих рассуждениях целиком на позиции Пашуканиса. В самом деле, по Пашуканису, право является лишь формой опосредствования рыночных отношений и целиком связано с товарооборотом. Именно исходя из этого, Венедиктов и другие квалифицировали отношения внутриобщественного хозяйства не как правовые, а как организационно-технические.

Либерман же пошел дальше. Усмотрев, что ликвидация кулачества как класса сводит, по его мнению, на-нет рыночные отношения и товарооборот, Либерман, продолжая Венедиктова, не нашел элементов гражданского права и вне общественного хозяйства.

Надо сказать, что выступление Либермана представляло собой логическое и прямолинейное развитие концепции Пашуканиса о советском праве вообще. Либерман писал в «Проблемах марксизма»: «Гражданское право, которое играло значительную роль в течение первого этапа новой экономической политики, ныне доживает свои последние дни... Вы знаете, что базой гражданского права вообще, базой советского гражданского права являются отношения частнобывшие... Ликвидация частнобывших отношений есть вместе с тем ликвидация гражданско-правовых отношений».

Вся борьба группы Пашуканиса против Либермана в 1930 г. представляла собой сплошную маскировку, сплошное двурушничество. Троцкий Либерман — прямой и наиболее последовательный ученик Пашуканиса. Среди работников правового фронта ходит легенда о том, что во время дискуссий 1930 г. Пашуканис сделал самокритический доклад, разоружился и отказался от своих антипартийных и контрреволюционных установок в праве; на деле, однако, этого не было. Достаточно для

этого еще раз просмотреть доклад Пашуканиса «О положении на теоретическом правовом фронте» («Советское государство и революция права» № 11—12 за 1930 г.). «Так, товарищи, — говорит Пашуканис, — когда предлагается целиком разбить и отбросить мою работу как проявление буржуазно-правового индивидуализма, как меновую, субъективную и т. д., то я на этот путь становиться не собираюсь. Я не согласен с тем, чтобы вместо дальнейшей разработки и исправления ошибок просто сдать мою концепцию на слом...» Таковы факты. О каком же разоружении и самокритике Пашуканиса можно при таких условиях говорить? Это только лишний раз подтверждает ту политическую слепоту, которую проявили в отношении теории Пашуканиса работавшие в Институте советского строительства и права сотрудники.

Вместе с тем необходимо отметить ту борьбу, которую вел, хотя и не всегда последовательно, покойный П. И. Стучка против теории Пашуканиса. У П. И. Стучка, старого большевика и революционера, имеется много заслуг в деле разработки советского права. Это он на протяжении всей революции неутомимо боролся против буржуазно-юридического мировоззрения, против недооценки и искажения роли советского права. В борьбе против Пашуканиса он отстаивал классовый характер, революционно активную роль и новое качество советского права. Однако, к сожалению, и Стучка отдал дань концепции права как форме опосредствования товарных отношений. К сожалению, и у т. Стучка имеется ряд грубых антимарксистских ошибок.

Вспомните его теорию двухсекторной системы права, согласно которой переход в наступление по всему фронту рассматривался как база дальнейшего свертывания гражданско-правовых отношений и расширения внутри социалистического сектора сферы административно-хозяйственного права. Стучка в своем докладе «О системе и пределах материальной или особой части Гражданского кодекса» («Революция права» № 5 за 1929 г.) говорит: «Гражданское право рушится с каждым днем, по частям исчезает, разваливается все больше и больше..., а вот хозяйственно-административное право — это другое дело: оно вырастает...» Эту же концепцию двухсекторного права горячо поддерживал и т. Амфитеатров.

В своей статье «Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию» («Советское государство и революция права» № 4 за 1930 г.) т. Амфитеатров писал: «Гражданские права являются в данном этапе социалистического строительства необходимой пока формой опосредствования экономических отношений, поскольку существует товарное производство, а следовательно, правовая форма сохраняет еще свои основные элементы». И далее, в той же статье т. Амфитеатров продолжает: «Должны быть выделены в самостоятельную отрасль правовые отношения, регулируемые в порядке подчинения и плановости. Эти отношения составляют уже хозяйственно-административное право, отличное от гражданского права».

Тов. Братусь, рассуждая на тему о проблеме хозяйственно-административного права («Советское государство и революция права» за 1930 г.) и находя самое деление на две систе-

мы права правильным, приходит к следующим выводам: «Хозяйственно-административное право стоит на грани права и неправа, потому что та область отношений, которую мы отнесли к этой отрасли советского права, характеризуется отрицанием права субъективности, коммерческого расчета и рыночно-оперативной самостоятельности в хозяйственной деятельности государственных предприятий».

В другом месте той же статьи т. Братусь продолжает: «Расширение сферы хозяйственно-административного права означает все большее превращение его не в право, а в науку об организационной структуре социалистического хозяйства». Так, одним росчерком пера полностью снимается «юридический момент» в отношениях внутрисоциалистического хозяйства. Одновременно в этой же статье т. Братусь поет «отходную» гражданскому праву. «Укрепление и рост социалистических элементов нашего хозяйства,—пишет он,—все более суживают базу для применения Гражданского кодекса, правовая форма сворачивается, отмирает. Успехи социалистического строительства... все больше сокращают сферу применения вещного права, но вслед за отмиранием вещного права происходит и отмирание обязательственного права». Таким образом все указанные авторы (Стучка, Амфитеатров, Братусь) связывают гражданское право с частнособственническими отношениями, пророчествуя единодушно его неизбежное отмирание по мере успехов социалистического строительства.

Против указанной двухсекторной теории права выступил т. Гинцбург, предложивший новую систему «хозяйственного права».

Для того, чтобы получить представление, с каких позиций мог Гинцбург критиковать «двухсекторную» теорию Стучки, достаточно привести высказывание самого Гинцбурга о его отношении к концепции Пашуканиса. «В этих же докладах (Пашуканиса) 10 ноября 1930 г. и на съезде марксистов-государственников,—говорит Гинцбург,—были заложены основы новой постановки ряда важнейших вопросов теории права, а тем самым создана новая база для разработки конкретных проблем теории советского хозяйственного права».

С таким оружием Гинцбург и отправился в поход против искажений в теории советского гражданского права. Своим «хозяйственным правом» Гинцбург намеревался объединить то, что Стучка расщеплял на две части, и создать общую единую систему, охватывающую весь комплекс гражданско-правовых отношений.

Ниже мы покажем, какой характер приняла на деле эта «единая» система хозяйственного права по Гинцбургу. В своем введении к «Сборнику материалов по хозяйственно-административному праву» Гинцбург пишет: «Отношения специфические для социалистического строя выдвигаются на первое место. Они отныне задают тон всей стране. Частная собственность и собственно гражданский оборот отступают на второй план, соответственно уменьшению удельного веса частноимущественных отношений в экономике страны».

Таким образом и здесь гражданское право снова берется в разрезе, исключительно частнособственнических отношений; гражданское право продолжает быть формой опосредствования рыночных отношений. По существу же Гинцбург, пообещав под фирмой единого хозяй-

ственного права воздать должное и гражданскому праву, на самом деле продолжал говорить исключительно все о том же хозяйственно-административном праве. Стучка, неправильно противопоставляя гражданское право хозяйственно-административному, все же уделял фактически очень много внимания вопросам гражданского права. Достаточно хотя бы вспомнить его предсмертный трехтомник по гражданскому праву. Гинцбург же, ополчившись на неправильное противопоставление гражданского права хозяйственно-административному и обещав создать некое «единство», фактически полностью выбросил гражданские правовые отношения за борт своей «науки». Достаточно для иллюстрации привести хотя бы одни названия статей, которые писались цивилистами «хозяйственниками». Так, писались статьи на темы «о хозяйственном расчете», «о хозяйственном расчете в советском магазине», «о хозяйственном расчете в металлургической промышленности», «о системе плановых договоров в промышленности» и т. д.

Гинцбург успел даже разработать схему хозяйственного кодекса СССР. На какие же отделы распадается это «оригинальное» творчество? Оказывается, что новый кодекс должен охватывать лишь: 1) общие положения, 2) организационную структуру народного хозяйства, 3) организацию хозяйственных связей.

Основными устоями этого хозяйственного кодекса должны были явиться: общественная собственность, социалистическое планирование, хозяйственный расчет, единоначалие, договор. В этой системе, как видите, не оказывается места для характеристики и регламентации правового положения гражданина СССР.

По следам т. Гинцбурга пошли авторы двухтомного курса советского хозяйственного права, выпущенного под редакцией Гинцбурга и Пашуканиса, воспроизводящего в основном принципы, отстаивавшиеся Гинцбургом. В этом двухтомнике принимала участие бригада в составе: Гинцбурга, Амфитеатрова, Братуся, Костельцева, Раевича, Карасса и др. Как же определяется в этом двухтомнике понятие «хозяйственного права»? Хозяйственное право определяется как «особая форма политики пролетарского государства в области организации социалистического производства и социалистической торговли». В другом месте первого тома говорится, что «советское хозяйственное право представляет собой систему мероприятий, необходимых для решения важнейших организационных вопросов строительства социалистического хозяйства». Вот те документы, с которыми наши хозяйственники вступили в борьбу за правильную систему нашего права.

В двухтомнике и в других «творениях» этой бригады нашли место те же ошибки, которые мы обнаружили у других цивилистов, их предшественников. Основной порок этого двухтомника, делающий его, несомненно, политически вредным и антипартийным, заключается в том, что из него тщательно выброшено все, что могло бы иметь отношение к интересам живого человека — строителя социализма.

Надо уметь выпустить двухтомник, посвященный вопросам гражданского права, и ни словом не обмолвиться о правах и обязанностях живого человека, выбросив из сферы гражданского права 170-миллионный народ. Тем самым двухтомник создает впечатление, что в совет-

ских условиях человек не является субъектом самостоятельного гражданского права, а выполняет лишь функции придатка к механизму, фигурируя в форме объекта управления. Разве это не есть лучшая пропаганда против нас? Разве в таком виде этот двухтомник не является прямой находкой для заклятых врагов советской власти, клеветующих на великий советский народ?

Все успехи нашего социалистического строительства направлены на поднятие материального благосостояния трудящихся и всемерное расширение его личных и имущественных прав. Лучшим свидетельством в этом смысле является великая Сталинская Конституция, поднявшая на небывалую высоту гражданские права и обязанности живого человека — участника нашего социалистического строительства.

Объясняется же подобная «теория» наших цивилистов тем, что они, идя слепо по пути Пашуканиса, продолжали рассматривать гражданское право в разрезе капиталистических частнособственнических отношений. На деле авторы двухтомника целиком стояли на почве отрицания нашего гражданского права, ибо только при такой установке можно было выкинуть из курса хозяйственного права живого человека. Однако, и по части отношений внутри социалистического хозяйства в двухтомнике обстоит не лучше.

Формально авторы двухтомника как будто все свое внимание уделили обобществленному хозяйству; однако при просмотре двухтомника видно, что они и в этой области правом не занимались. Уделяя все свое внимание вопросам организации и управления советского хозяйства и организации хозяйственных связей, наши цивилисты полностью подменили право экономикой. Нет в двухтомнике «правовой атмосферы», не разработаны там основные юридические понятия.

К этому еще необходимо добавить, что поскольку о живом человеке и говорится кое-где намеками, то при этом имеется в виду горожанин; колхозники же и вопросы гражданского оборота в деревне полностью выпали из поля зрения наших цивилистов.

Таковы «достоинства» этого двухтомника.

Необходимо еще отметить следующий факт. В первом томе «Курса советского хозяйственного права» т. Амфитеатров «доработался» уже до понятия личной собственности, допустив при этом грубейшую политическую ошибку; по Амфитеатрову (стр. 203), «в условиях второй пятилетки частная собственность все больше превращается из частной собственности на средства производства в собственность на средства потребления и предметы хозяйственного обихода... Это значит, что частная собственность перестает быть частной собственностью, она становится личной собственностью сознательных и активных строителей бесклассового общества».

Таким образом личная собственность, по Амфитеатрову, появляется и расцветает не на базе общественной, социалистической собственности, а является результатом «перерастания» частной собственности. Куда политически ведет подобная «установка», ясно и без особых комментариев.

О т. Амфитеатрове надо еще сказать, что он, по существу, до самого последнего времени продолжал оставаться верным рыцарем «двух-

секторной» теории права. Он это показал в своем выступлении на I всесоюзном совещании цивилистов в декабре 1936 г. (см. журнал «Соцзаконность» № 2 за 1937 г.). «Ошибочно было бы, — говорит т. Амфитеатров, — отождествлять всю систему имущественных отношений в социалистическом обществе только с гражданским правом. Гражданское право регулирует имущественные отношения трудящихся друг с другом и обществом; наряду с этим мы имеем систему хозяйственных отношений социалистических предприятий и организаций. В ней мы сталкиваемся с вопросом общественной социалистической собственности. Эта область, которую мы в теоретических работах называем областью хозяйственно-административного права, вместе с гражданским правом в целом называется хозяйственным правом».

Мы здесь имеем, по существу, то же противопоставление гражданского и хозяйственно-административного права по видам собственности, прикрытое единым ярлыком «хозяйственного права». Такова, товарищи, на сегодняшний день неприглядная картина положения в области теории гражданского права.

Разрешите несколько слов посвятить вопросам трудового и земельного права. Надо сказать, что они не составляют исключения и, по существу, заражены теми же антипартийными и вредными установками пашуканианского порядка, которые мы отметили и в области гражданского права.

Остановимся в первую очередь на трудовом праве. Обращаю ваше внимание на одно высказывание т. Войтинского, который по существу дела не проводит никакого качественного различия между наемно-капиталистическим трудом и трудом социалистическим, примыкая в этом отношении к т. Берману, для которого буржуазное и советское право имеют один и тот же источник.

Тов. Войтинский в своем курсе «Трудовое право СССР» пишет: «Предметом трудового права является правовая организация самостоятельного труда», и дальше: «при наемно-капиталистическом труде и при труде социалистическом отдельный непосредственный производитель (трудящийся) является только рабочей силой, но не является ни владельцем средств производства, ни организатором производства: при наемно-капиталистическом труде средствами производства владеют и производством организуют капиталисты, а при социалистическом труде — общество трудящихся. В этом смысле как наемно-капиталистический, так и социалистический труд одинаково носят характер несамостоятельного труда».

Разве это не есть буржуазная трактовка нашего трудового права и превращение советского рабочего в такого же продавца рабочей силы, каким он является в буржуазном государстве?

По вопросу об отрицании права трудовойки продолжают отражать те же установки, которые мы обнаружили у цивилистов. «Социалистическое соревнование и ударничество, — пишет Войтинский, — будучи в перспективе своего развития ориентированы на отрицании трудового права уже в настоящее время (т. е. в 1931 году), воздействуют постепенному выветриванию, свертыванию правовой формы трудовых отношений» (сборник «Советское трудовое право на новом этапе»). Эту же мысль мы

находим и у Гришина, который в тезисах своих «о новом трудовом кодексе» говорит о наличии «элементов отмирания государственно-правового регулирования труда»; в откровенной форме высказался по вопросу о буржуазном характере советского трудового права и его отмирании и Гликин в своей статье «К вопросу о природе советского трудового договора»; он утверждает, что «советский трудовой договор есть ущербленная форма буржуазного права, обреченная на постепенное вымирание по мере воплощения в нашей жизни всей совокупности характерных черт низшей фазы коммунизма». Таковым оказывается характер советского трудового договора по Гликину: во-первых, он буржуазен по своему характеру, во-вторых, он обречен на отмирание.

Как вы видите, наши трудовики не отстают от цивилистов ни по вопросу о трактовке характера советского права, ни по вопросу об его перспективах. И неудивительно, источник-то «премудрости» один и тот же — теория Пашуканиса. У некоторых трудовиков имеется еще одна навязчивая идея. Они считают трудовое право «настоящим» советским правом. Так, Троицкий говорит (статья «Трудовое право — советское право»), что «трудовое право есть советское право по преимуществу» и что «трудовое право идет к тому, чтобы стать советским правом вообще, правом дальнейшей ступени переходного к развернутому коммунизму периода».

Итак, трудовое право объявляется высшим типом права по сравнению, например, с гражданским правом. Вы, может быть, припишете это «ведомственному» патриотизму (мол, трудовик хвалит свою дисциплину). Нет. Это, по существу, обратная сторона медали знакомой нам «меновой концепции». Гражданское право как «право рынка» и, следовательно, буржуазное противопоставлено трудовому праву как советскому. Есть у трудовиков еще одна популярная «установка», сделавшаяся в последнее время предметом внимания центрального органа нашей партии газеты «Правда» (статья т. Юдина), причем эту «установку» разделяли все трудовики без исключения (хотя в статье т. Юдина упоминается лишь фамилия одного Александрова); существо ее сводится к тому, что трудовое право эпохи социализма распространяет свое действие исключительно на рабочих и служащих. Таким образом правом на труд у нас пользуется лишь та часть населения, которая организована в профсоюзы. Что касается десятков миллионов населения колхозной деревни, то к ним, оказывается, трудовое право никакого отношения не имеет.

Вы знаете, товарищи, что «Правда» квалифицировала эту точку зрения как «юридический кретинизм». Трудовики оправдываются тем, что они имели в виду «Кодекс законов о труде» и что в отношении колхозного крестьянства действует Сталинский устав сельскохозяйственной артели. В этом-то и заключается «юридический кретинизм», когда конкретный законодательный акт, регулирующий труд рабочих и служащих, объявляют трудовым правом всего социалистического общества, и об этом продолжали писать даже после опубликования проекта Сталинской Конституции, провозгласившей гарантированное право на труд советского гражданина.

В этих высказываниях трудовиков чувствует-

ся старая «установка», объявлявшая предметом трудового права «правовую организацию несамоостоятельного труда», когда под «несамоостоятельный» труд подводился и труд советского рабочего и служащего.

Я уже указал, что по этому вопросу все трудовики наши были солидарны. Однако надо отметить, что всех перешегоял в этом отношении Гришин. Он принципиально отрицал единство принципов регулирования труда в городе и деревне, объявлял всех товарищей, пытавшихся ставить вопрос о распространении трудового права и на колхозников, троцкистами. Так именно обстоит дело на одном из прошлых заседаний секции трудового права нашего института, когда Гришин обвинил в троцкизме т. Финогенова, осмелившегося поставить вопрос о распространении трудового права и на колхозное крестьянство.

Товарищи, я не могу сейчас останавливаться на отдельных ошибках учебников по трудовому праву. Полагаю, что на этом остановятся, товарищи, трудовики. Напоминаю только, что в последнее время приходилось много заниматься учебником Гришина по трудовому праву. Там были обнаружены грубейшие ошибки политического порядка (искажение роли профсоюзов, замазывание роли троцкизма, право-оппортунистические ошибки и т. д.).

Разрешите, товарищи, сказать несколько слов по поводу третьего ответвления системы гражданского права, по поводу так называемого земельно-колхозного права. Необходимо помнить, что вредительская работа Пашуканиса и его «школки» выражалась не только в том, что искажались природа и характер отдельных правовых дисциплин, она выражалась также и в том, что отдельные дисциплины вообще ликвидировались. Так, например, обстоит дело с административным и государственным правом. В таком, приблизительно, положении оказалось и земельно-колхозное право, которое уже года четыре назад было вообще изгнано из Института советского строительства и права. Это случилось как раз тогда, когда в связи со Сталинским уставом сельскохозяйственной артели вопросы колхозно-правовой жизни приобрели исключительную актуальность. Руководивший там этой секцией т. Павлов оказался за бортом института. В связи с этим мы имеем ничтожную продукцию по земельно-колхозному праву. Но и то немногое, что есть, изобилует теми же ошибками пашуканианского порядка, которые нашли себе приют в работах по гражданскому и трудовому праву. Достаточно в этом случае сослаться хотя бы на написанную т. Павловым в 1933 г. программу по земельно-колхозному праву. В ней можно обнаружить в сокращенном, тезисном изложении все те ошибки, которые в развернутом виде были изложены в разобранном нами двухтомнике по советскому хозяйственному праву. В ней можно найти и растворение права в экономике, и отсутствие разработки вопросов права, оттесненных на задний план вопросами аграрной политики и экономики сельского хозяйства, и игнорирование личных и имущественных прав колхозников, и, наконец, ту же развернутую установку на изучение вопросов организации и управления совхозно-колхозного строительства.

Надо сказать, что у т. Павлова имелись и отдельные выступления, в коих он тоже ска-

ского порядка. Так, по докладу Венедиктова («Революция права» за № 5, 1928 г.) он высказал следующую мысль: «В разрез с тенденцией большинства так называемых советских юристов к юридизации нашего государственного планирования доклад т. Венедиктова в основу построения взаимосвязей между трестом и государством кладет категорию отношений просто неправовых. Методологический исходный пункт им выбран правильно. Надо приветствовать эту, несомненно, здоровую попытку некоторой «переоценки ценностей». В своей рецензии на книгу Евтихьева «Земельное право» («Революция права» № 1, за 1927 г.) т. Павлов проводит точку зрения, направленную по существу на отрицание активной роли советского закона. «Отказ, — говорит он, — от фетишизации норм закона, признанием правильности и жизненности за ними лишь в случае их соответствия производственным отношениям — такую позицию следует всячески приветствовать».

Таким образом, вы видите, что не было ни одной отрасли из системы гражданского права, которая бы не отразила в себе, в той или иной степени, антипартийные, вредительские установки теории Пашуканиса и его «школки».

Заканчивая, я хочу сказать, что перед нами стоит задача не только расчистки и проверки всей нашей литературы по гражданскому праву от остатков и следов вредительской концепции Пашуканиса, но и разработка на расширенной основе новой положительной системы гражданского права, которая бы соответствовала требованиям эпохи великой Сталинской Конституции.

Перед нами стоит сложный и трудный вопрос об установлении правильного соотношения между гражданским, трудовым, земельным правом. Надо разрешить вопрос о рамках каждой из этих правовых дисциплин. Надо помнить, что методологически правильное разрешение этого теоретического вопроса должно помочь нам при составлении новых кодексов, предусмотренных Сталинской Конституцией, и при составлении учебных планов и программ преподавания в наших юридических вузах.

Разрешите выразить надежду, что в результате серьезной, глубокой и большевистской самокритики по всем перечисленным вопросам мы с энтузиазмом включимся в активную борьбу за социалистическую законность, за построение системы социалистического гражданского права.

В. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Общий надзор за законностью

В ноябре 1936 г. по представлению Прокурора Союза, Совнарком Союза утвердил новую структуру аппарата Прокуратуры Союза.

Работникам прокуратуры и следствия неправильно было бы рассматривать указанное изменение структуры Прокуратуры Союза как малозначущий технический факт.

Еще более было бы ошибочно считать, что данное структурное изменение прокуратуры не требует, от нас работников прокуратуры и следствия, коренной перестройки своей работы.

В период реконструкции промышленности, перевода мелкого раздробленного сельского хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства, ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, развертывания колхозной торговли и товарооборота, организация прокуратуры по принципу так называемых «хозяйственных» отделов, (сельскохозяйственный, промышленный, торговли и кооперации) и обслуживание этими отделами указанных отраслей народного хозяйства была правильной и нельзя рассматривать это как ошибку.

Успешное выполнение пятилетки, огромные социально-экономические сдвиги, происшедшие в нашей стране победившего социализма и получившие полное и яркое отражение в Сталинской Конституции, утвержденной Чрезвычайным VIII всесоюзным съездом советов, поднимают на новую высоту вопросы социалистической законности.

Все это требует от органов прокуратуры и следствия как органов, призванных партией и правительством непосредственно вести борьбу за укрепление социалистической законности в нашей стране, перестроить свою работу в со-

ответствии с задачами, поставленными перед ними новой Конституцией СССР.

Если ранее огромная часть бюджета времени работников районной прокуратуры была поглощена участием в хозяйственно-политических компаниях (хлебопоставки, раскулачивание, посевная, уборочная, животноводство и т. д.), в результате чего такие участки работы прокуратуры, как надзор за законностью постановлений местных органов власти, надзор за предварительным следствием и надзор за судом, были далеко не в удовлетворительном состоянии, то сейчас именно эти участки должны быть поставлены во главу угла работы прокуратуры. Поэтому взамен так называемых «хозяйственных» отделов прокуратуры созданы отделы общего надзора, следственный и судебный.

Конечно, было бы ошибкой делать вывод, что участие прокуратуры по делам хозяйственно-политических компаний уже сошло на-нет. Предполагать, что уже сейчас все хозяйственно-политические кампании будут проходить без вредительства и саботажа со стороны остатков ликвидированных эксплуататорских классов и их агентов, без случаев бесхозяйственности и разгильдяйства со стороны работников совхозов и колхозов, без случаев антигосударственного отношения к порученному делу — нельзя, и бдительность органов прокуратуры должна быть на этом участке не снижена, а, наоборот, повышена.

Сталинская Конституция, поднявшая вопросы социалистической законности на особую высоту, в первую очередь требует от такого учреждения, как прокуратура, усвоить и перейти к борьбе за осуществление задач, поставленных перед органами прокуратуры Консти-

туцией, и быть первыми в рядах борющихся за осуществление каждого пункта Сталинской Конституции.

Взгляды В. И. Ленина, выраженные в его письме на имя товарища Сталина, о задачах прокуратуры и о том, как она должна быть построена, нашли полное свое организационно-законодательное оформление в Сталинской Конституции.

Достаточно привести две статьи Конституции: «Ст. 113. Высший надзор за точным исполнением законом всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокуратуру СССР».

«Ст. 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР».

Прокуратуре все дано для того, чтобы большевистски развернуть работу за выполнение требований Сталинской Конституции и дальнейшего укрепления социалистической законности. Конституция СССР, утвержденная Чрезвычайным VIII всесоюзным съездом советов, выдвигает на первое место значение устойчивого, незыблемого советского закона. Целый ряд статей Конституции, говорящих о неприкосновенности личности, жилища, охране тайны переписки, о гарантии права на труд, на отдых на образование и т. д., кончатся указаниями на то, что данные права обеспечиваются законом.

Докладывая на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов о проекте новой Конституции СССР, ставшем теперь уже действующим законом, товарищ Сталин подчеркнул, что наша Конституция «не просто провозглашает демократические свободы, но и обеспечивает их в законодательном порядке известными материальными средствами», что демократизм наш «является не «обычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим».

Обеспечение записанных в Конституции прав и свобод всех граждан составляет одну из важнейших функций советского государственного аппарата и в первую очередь прокуратуры и суда как органов диктатуры пролетариата.

В свете этих требований Конституции произведенную реорганизацию структуры аппарата прокуратуры и соответственно прокуратур республик, краев и областей и создание отделов общего надзора, надзора за следствием и судебного надзора нельзя не признать своевременными и целесообразными.

Прошло уже несколько месяцев с момента организации отделов общего надзора, поступающие с мест материалы о их работе показывают, что работники этих отделов поняли всю политическую важность порученной им работы в системе прокуратуры. Уже поднят целый ряд вопросов о нарушениях революционной законности, затрагивающих огромные массы трудящихся; так, например, заместитель уполномоченного Комзаг СНК Союза по Татарской республике и СНК Татарской республики 27 марта 1936 г. дали указание всем председателям райисполкомов и райуполкомзаг СНК Татарской республики, что документы хозяйствам, желающим выехать из пределов Та-

тарской республики, выдавать лишь только при полном выполнении этими хозяйствами обязательств по мясопоставкам, в противном случае документов не выдавать. По протесту прокурора Татарской республики это указание было отменено.

Примеров положительной и эффективной работы отделов общего надзора прокуратуры можно уже привести немало, но в настоящей статье нам хотелось сказать о недостатках в работе отделов общего надзора, которых также еще немало, и поставить ряд вопросов о формах и методах работы прокуратуры в области общего надзора.

Прокуратурой Союза в феврале с. г. была проверена работа прокуратуры Свердловской области по общему надзору.

Результат проверки и материалы, поступающие с мест, говорят, что для дальнейшего развертывания работы прокуратуры по вопросам общего надзора необходимо провести следующие мероприятия:

1. Прежде всего, нам кажется, было бы ошибочно воспринять практику пассивного, если можно так сказать, метода работы прокуратуры по общему надзору, когда прокурор реагирует на то или другое незаконное постановление или действие должностных лиц, которые попадают в камеру прокурора в порядке самотека, не принимая мер к тому, чтобы независимо от сигналов заинтересованных или пострадавших лиц или учреждений знать состояние законности по району или краю и области.

Если прокурор отвечает за состояние законности в районе или области и крае, то он не может не проявлять инициативу к тому, чтобы знать нарушения закона и вести с ними борьбу.

Только такой метод может обеспечить выполнение возложенных на прокуратуру Сталинской Конституцией задач.

Конечно, такой метод работы вызывает немало трудностей, но у прокуратуры есть все возможности именно так организовать свою работу в области общего надзора.

У прокуратуры есть такое могучее испытанное орудие в деле выявления случаев беззакония, как группы содействия прокуратуре, необходимо только умело подойти к их организации и налаживанию их работы, или такое орудие, как печать.

Прокуратура должна обеспечить получение в обязательном порядке и просмотр приказов тех союзных объединений и главков, которые по характеру своей работы наиболее связаны с широкими трудящимися массами например, Заготзерно, Заготмясо, Центросоюз и др. Прокурорам республик, краев, областей и районов необходимо, кроме приказов наркоматов, постановлений областных краевых исполкомов и райисполкомов, просмотр которых для соответствующих прокуроров обязателен, установить перечни тех организаций и учреждений, приказы и постановления которых затрагивают в данной республике, крае (области) в наибольшей мере широкие трудящиеся массы.

Нередко приходится слышать от райпрокуроров, что надзор за законностью выносимых райисполкомами постановлений они осуществляют участием на заседаниях райисполкомов. Едва ли можно считать надзор в такой форме достаточным. Прокурор, сидя на заседании, не

всегда так вооружен знанием законов, чтобы на память решать, насколько принимаемые постановления соответствуют закону; поэтому независимо от присутствия на заседаниях райисполкомов или облисполкомов он должен получать постановления последних и уже в камере прокуратуры окончательно решать их законность.

2. Проверка работы прокуратуры по общему надзору показала, что на местах все еще идет «раскачка» в деле развертывания работы прокуратуры по общему надзору. Так, например, в Свердловской областной прокуратуре вполне удовлетворительно развернута работа по общему надзору в самом отделе общего надзора (составлен план, проведено совещание с юрисконсультами учреждений, произведен просмотр всех обязательных постановлений райисполкомов области, из них 53 постановления опротестованы как изданные с нарушением закона, намечена планом работа по проверке принятых райпрокурорами административных протестов и т. д.). Но в то же время прокуратура области до приезда представителя Прокуратуры Союза не приняла мер к развертыванию работы по общему надзору в райпрокуратурах. Проверка 3 райпрокуратур показала, что в этой области почти ничего не делается.

А между тем как раз в районах чаще всего имеют место нарушения революционной законности. Ярким примером этого является только что закончившийся судебный процесс в Лепельском районе, где был вскрыт целый ряд грубейших нарушений советских законов и Сталинской Конституции.

Само собой разумеется, что как бы хорошо ни была организована работа отделов общего надзора в краевых, областных и республиканских прокуратурах, но до тех пор, пока работа районных прокуроров не будет пересмотрена в сторону усиления надзора за законностью, прокуратура в целом не выполнит задач, возложенных на нее Сталинской Конституцией по борьбе за укрепление социалистической законности.

Поднятие работы райпрокуратур в области общего надзора до уровня задач, поставленных Конституцией, требует в первую очередь коренного изменения взглядов отдельных работников прокуратуры на общий надзор как второстепенную задачу прокуратуры.

Второе — райпрокурорам необходимо учесть, что надлежащее осуществление надзора за законностью требует от райпрокуроров систематического ознакомления с законами нашей страны.

Совершенно недопустимо и ненормально, когда камера прокурора не имеет основных законов нашей страны и когда прокурор решает вопросы не с точки зрения закона, а с точки зрения своего личного усмотрения и оценки того или другого постановления или действия местных органов власти.

При этих условиях вопрос о снабжении камер райпрокуратур и прокуратур областей и краев законодательным материалом приобретает особо важное значение; между тем со снабжением законодательным материалом райпрокуратур дело стоит не совсем благополучно. Так, например, в Свердловской областной прокуратуре лишь в январе 1937 г. приступлено было к упорядочению имеющегося законода-

тельного материала. Сейчас, когда назначенный специальный работник — кодификатор — привел в порядок имеющийся законодательный материал, оказалось, что целый ряд комплектов «Собрания законов СССР» не полны, а «Собрания узаконений РСФСР» за 1934 г. совсем нет. В районах дело обстоит не лучше.

3. В числе организационных мероприятий для укрепления и развертывания работы по общему надзору необходимо, чтобы райпрокурор не менее 5 дней в месяц проводил на селе.

Необходимо, чтобы райпрокурор или его помощник выезды в село производили с точно определенной целью, оформляя каждую такую поездку справкой о проделанной работе. Необходимо, чтобы райпрокуроры при выездах на село знакомились, хотя бы на выдержку, с постановлениями сельсоветов и решениями правлений колхозов и общих собраний колхозников для проверки их законности. 11 марта у Прокурора Союза т. Вышинского был прием председателей ревизионных комиссий колхозов, созданных в Москву редакцией «Крестьянской газеты», на котором выяснилось, что целый ряд ревизионных комиссий колхозов не имеет никакой связи с райпрокурорами.

Личное знакомство и беседа райпрокурора при выезде на село с председателями ревизионной комиссии колхозов принесут немало пользы. Мы не ставим себе целью в данной статье исчерпывающе изложить, что райпрокурор должен делать на селе, но считаем, что каждый выезд должен происходить по заранее намеченному плану.

4. Одним из существенных моментов в деле развертывания работы по общему надзору, по нашему мнению, является необходимость коренного изменения метода рассмотрения жалоб трудящихся. Ни для кого не является секретом, что огромный наплыв жалоб трудящихся в центральные органы вызван отсутствием должного подхода к жалобам на местах. Жалоба должна быть рассмотрена с точки зрения закона, а не на основе личного разумения. Вновь возникает вопрос о знании закона, об умении им пользоваться. В Прокуратуру Союза поступила жалоба одного колхозника-пенсонера, имеющего в колхозе за 1936 г. всего 8 трудовых дней. Этого колхозника обложили мясоставками, колхозник подает жалобу в райпрокуратуру, потом областную прокуратуру и, наконец, в Прокуратуру Республики, указывая, что, согласно закону, он как пенсионер, освобожден от выполнения обязательств по мясоставкам, но всеми инстанциями прокуратуры его жалоба была оставлена без последствий. Почему — неизвестно. В феврале этого года представителем Прокуратуры Союза проверена работа по рассмотрению жалоб прокуратур Туринского и Ирбитского районов Свердловской области.

Рассмотрение жалоб в этих прокуратурах, особенно в Ирбитском районе, проходит явно неудовлетворительно: жалобы, поданные в райпрокуратуры, как правило, пересылались в соответствующие отделы райисполкома, а там, где принимались к рассмотрению, разрешение их велось не с точки зрения закона, а с точки зрения личного усмотрения райпрокурора. Так, например, в прокуратуру Ирбитского района поступила жалоба гр. Дунаевской на то, что

на рынке у нее были похищены деньги. Вор был задержан, деньги Дунаевской взял милиционер, но ей их не вернул. Жалоба Дунаевской была прокурором направлена в раймилицию на распоряжение, и как она разрешена в милиции райпрокурор не знает. Колхозник Мурин Платон Яковлевич 20 августа 1936 г. подал жалобу райпрокурору Ирбитского района о том, что за попытку уйти на заработки из колхоза его исключили из колхоза, сельсовет не дает ему документов для поступления на работу. Мурин указывает в жалобе, что он, инвалид гражданской войны, будучи исключен из колхоза не может никуда поступить на работу без документов и остался без всяких средств существования. Помощник райпрокурора 1 сентября запрашивает сельсовет, на каком основании Мурина не были выданы документы. 9 октября сельсовет ответил райпрокурору, что документы не выдаются потому, что Мурин не выполнил плана весеннего сева и не уплатил налога. На этом ответе сельсовета последовала резолюция помощника райпрокурора: «Сообщить жалобщику», и с этим жалоба сдана в наряд.

Само собой разумеется, что при таком рассмотрении жалоб дело борьбы за социалистическую законность не выигрывает. Касаясь вопросов общего надзора, нельзя обойти вопроса о надзоре со стороны прокуратуры за проведением в жизнь Устава сельскохозяйственной артели.

Указания товарища Сталина, что «устав—это высший закон, основной закон построения нового общества в деревне», не всюду поняты; так, например, в Ирбитском и Туринском районах не оказалось ни одного протеста прокуратуры на нарушение Устава сельскохозяйственной артели, ни одного представления в районные организации, отсутствовала массово-разъяснительная работа по этому вопросу. Райпрокуроры не интересовались, как проходят жалобы колхозников на исключение из колхозов в райзо и райисполкомах. Просмотр в райзо Туринского и Ирбитского районов жалоб колхозников на неправильное исключение показал, что в райзо Туринского района оказалось 9 нерассмотренных жалоб, которые лежат без движения от 1 до 6 месяцев, а из 8 жалоб, рассмотренных райисполкомом, 4 жалобы были неправильно разрешены. В Ирбитском районе райзо в течение 6 часов не могло найти жалоб колхозников на исключение из колхоза; оказалось, что 14 жалоб лежат без рассмотрения по нескольку месяцев, а 6 жалоб пропало совсем.

Со стороны облзу не было должного контроля и инструктажа райзо по вопросам нарушения Устава сельскохозяйственной артели.

Дебиторская задолженность колхозам в Туринском районе достигла 85 тыс. руб.; в Ирбитском районе — 125 000 руб., а прокуратура ничего не сделала для ликвидации этой задолженности.

Кроме того, установлены были также случаи грубейшего нарушения параграфа 11 Устава сельскохозяйственной артели, выразившиеся в том, что колхозы продали в счет хлебозакупки свой семенной фонд. В Туринском районе был продан семенной фонд 29 колхозов и в Ирбит-

ском районе — 28 колхозов. Причем, как выяснено в отдельных колхозах, уполномоченные по хлебозакупкам допускали явно незаконные методы работы. Своевременное вмешательство прокуратуры в это дело предупредило бы столь грубое нарушение Устава сельскохозяйственной артели.

5. И последнее — это массовая работа прокуратуры.

Успешность борьбы за проведение социалистической законности требует от органов прокуратуры не ограничивать свою работу узкими рамками своего ведомства; необходимо так организовать работу, чтобы каждый приносимый прокурором административный протест, каждое уголовное дело, возбужденное против нарушителей закона, послужили уроком другим. Что это именно требуется для работы органов прокуратуры, наглядно показано в постановлении Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР от 16 декабря 1936 г., в котором Комиссия советского контроля, отмечая недостатки органов Наркомзема и прокуратуры по борьбе с нарушением сельскохозяйственного Устава, указала, что прокуратура ограничилась в этой работе принятием лишь эпизодических административно-судебных мер, пренебрегая мерами воспитательного характера. И действительно, обращаясь к практике работы органов прокуратуры на таком серьезнейшем участке, как борьба за проведение в жизнь Сталинского устава сельскохозяйственной артели, мы видим, что указание Комиссии советского контроля при СНК Союза полностью подтверждается: отдельными прокурорами забыта такая важнейшая мера в борьбе за социалистическую законность, как воспитательная мера. Конкретно это значит, что прокуроры, как мы уже сказали, на основе приносимых протестов и возбуждаемых против нарушителей закона уголовных дел должны воспитывать как работников государственного аппарата, так и трудящиеся массы в духе государственной дисциплины, уважения к закону и порядку, закрепленному Сталинской Конституцией. В качестве практических мероприятий для этого трудно дать исчерпывающий рецепт, но, нам кажется, такие меры, как освещение в печати работы прокуратуры по борьбе за социалистическую законность, доклады на заседаниях исполкомов, общих собраний колхозов, совхозов и другие, особенно в районах, очень полезны. Следует обязать прокуроров восстановить то положение, какое было в первые годы организации прокуратуры, когда от каждого уездного и губернского прокурора при выездах на село требовались в обязательном порядке доклады на общих собраниях крестьян о революционной законности. Следует также уделить внимание вопросам правового просвещения масс и организации юридической помощи населению.

Все это делает работу органов прокуратуры по борьбе за социалистическую законность более эффективной и дает возможность с честью выполнить возложенную на прокуратуру и суд Сталинской Конституцией почетную задачу укрепления законности в социалистическом государстве рабочих и крестьян.

Московская коллегия защитников

В прошлом году в печати много писалось о безобразиях в Московской коллегии защитников, возглавляемой в то время т. Гуськовым. Гуськовское руководство было обсуждено президиумом Верховного суда РСФСР, предложившим произвести перевыборы президиума.

В августе 1936 г., когда коллегия разделилась на областную и городскую, Гуськов и его приспешники пробраться в президиум Московской городской коллегии не смогли, но путем ряда искусных комбинаций пролезли в президиум областной коллегии.

Выборы в областную коллегию защитников происходили в ненормальной обстановке, когда большая часть ЧКЗ из области разъехалась по домам, отдельных кандидатов протаскивали в президиум так настойчиво, что их переголосовывали буквально до бесчувствия.

С такой энергией протаскивались Гуськов, бывший инструктор президиума Головкин и вся остальная компания.

Этот факт во всяком случае ярко говорит о том, насколько вся эта публика овладела техникой выборов и насколько эта техника созвучна моменту.

Недавно ревизионной комиссией МГКЗ и МОКЗ был выявлен ряд хозяйственных злоупотреблений Гуськова в бытность его председателем коллегии защитников и его верного бухгалтера Макарова.

Ревизионная комиссия пришла к выводу о необходимости передачи собранного материала следственным органам; однако направление дела о должностных преступлениях руководящих работников к следователю не в нравах и обычаях адвокатской организации.

Обычно ревизионная комиссия контролирует деятельность президиума, а не наоборот.

Здесь случилось иначе: президиумы МГКЗ и МОКЗ на совместном совещании раскритиковали действия ревизионной комиссии и решили проверить вопрос о том, корыстно или бескорыстно действовали те лица, материал о которых надо было направить следователю, причем в избрании такой комиссии активную роль играли Гуськов и К°. Нужно ли сомневаться в том, что такая комиссия более благоприятно, чем следователь, разрешит все вопросы в пользу Гуськова. В любой организации такого рода комбинации каждый назвал бы замазыванием прямых и явных злоупотреблений, в коллегии же защитников такие операции проводятся под флагом бережного отношения к людям.

В чем же заключаются те злоупотребления, которые выявлены ревизионной комиссией?

В течение июля и августа 1936 г. кассой президиума МОКЗ было выдано Гуськову 4650 руб. из сумм спецфонда. Всего, начиная с января 1936 г. за 8 месяцев Гуськову по спецфонду было выдано 15 650 руб. За 1935 г. по спецфонду выдано 13 950 руб.

Надлежит отметить, что спецфонд создали для неизвестных нужд, что же касается организации МОКЗ, то поскольку она является общественной организацией, то вообще напрашивается вопрос, может ли создаваться фонд из тех отчислений, которые делают члены ЧКЗ, и куда этот спецфонд разбазарен.

Ко времени обследования ревизионной комиссией никаких документов о проверке и утверждении отчетов соответствующими партийными или судебными органами по расходам т. Гуськова по спецфонду как за 1935, так и 1936 г., несмотря на неоднократные устные и письменные напоминания об этом бухгалтерии МГКЗ, не имелось.

Сметой за 1936 г. было предусмотрено отчисление в спецфонд 15 000 руб.

Таким образом за 8 месяцев 1936 г. перерасход по спецфонду составляет 635 руб. против утвержденной на весь год суммы.

Лишь в начале марта 1937 г. т. Гуськов, после неоднократных напоминаний ревизионной комиссии, представил справку о проверке председателем областного суда расходов по спецфонду за 1936 г.

На расходы по созыву общего собрания МОКЗ израсходовано 17 837 р. 22 к. Предусмотрено же сметой на этот расход 10 000 руб.

Таким образом был произведен перерасход против утвержденной сметы на 78% единоличным распоряжением т. Гуськова без предварительного и последующего рассмотрения этого вопроса на заседании президиума.

При этом обращает внимание расход на уплату обедов для участников съезда в ресторане «Аврора» и Дома крестьянина в сумме 7841 р. 43 к.

Если учесть, что обеды должны были предоставляться ЧКЗ, приехавшим из области, а также президиуму собрания — ежедневно могло обедать 120—140 человек, а за 4 дня съезда всего обедающих могло быть не свыше 500—600 человек. Считая стоимость обеда по 11 руб. весь расход по этой статье мог выразиться в 6000—6500 руб.

Таким образом оплата счетов в размере 7841 руб. является переплатой минимум 1500—2000 руб. (переплатой ли?) либо из-за бесконтрольного предоставления обедов лицам, коим это не полагалось, либо использования услуг ресторана не только для получения стандартных обедов.

Во второй половине июля 1936 г. произведена выплата инструктору президиума Чубковой разницы в зарплате за время испытательного срока с октября 1935 г. по январь 1936 г. в сумме 307 р. 10 к. Между тем, оклад инструктора Чубковой в размере 750 руб. предусмотрен был лишь на 1936 г.

Благодаря бесхозяйственному отношению президиума к средствам культбытфонда остаются неиспользованными путевки в дома отдыха, несмотря на острую нужду в них ЧКЗ, которые при колоссальном своем желании получить путевку не могут такой раздобыть.

В 1936 г. списана недостача по Звенигородскому дому отдыха 2900 руб. и в настоящем 1937 г. списана недостача по тому же дому отдыха 1730 р. 97 к., а всего недостачи списано 7014 р. 12 к.

Кроме того, выявлено, что в Звенигородском доме отдыха норм расходов продуктов для отдыхающих нет, счетов на покупку продуктов нет, продукты закупаются у частных,

ежедневного табеля отдыхающих нет, инвентаризационно-материальной книги нет. В общем без руля и без ветрил.

Заведующая домом отдыха Полина не только не привлечена к ответственности за недостачу, но даже не снята с работы, и ей за ее столь «плодотворную» работу в настоящем году увеличили зарплату до 500 руб. в месяц на всем готовом: квартира, отопление, освещение, стол и командировочные по ежедневным поездкам в Москву и обратно.

В чем здесь дело? Почему не отдают под суд человека, повинного в недостаче 7000 руб., повинного в целом ряде недопустимых явлений, как закупки продуктов у частных лиц, отсутствие счетов, отсутствие кладовщика и т. д., кому ее надо защищать и кому какая выгода от того, что Полина будет заведующей домом отдыха?

Некоторые из членов президиума из среды беспартийных подали в президиум заявление о сложении с себя ответственности за гворимые безобразия, разбазаривание денег и т. п. Побудило их к этому явное замазывание всего происходящего и даже акта ревизионной комиссии, который теперь созданной президиумом комиссией из своих лиц для проверки акта ревизионной комиссии, сведен почти на нет.

Напрашивается вопрос, нормально ли такое положение и кто повинен во всем этом? Ни в одной организации недопустимо такое явление. Не пора ли настоящее дело и выявленные безобразия предать гласности? Не пора ли всем этим делом заняться следственным органом, не пора ли нести ответ тем, кто безнаказанно в организации законников творит беззакония в продолжение целого ряда лет?

Обмен опытом

Об участии прокуратуры в арбитражном процессе¹

Активное и действенное участие органов прокуратуры в гражданских делах в настоящее время поставлено в порядок дня. Создание в центральном аппарате Прокуратуры Союза особого гражданско-судебного отдела, соответствующие изменения, внесенные в структуру прокуратур на местах, специальный приказ Прокурора Союза о работе прокуратуры по гражданским делам — все эти мероприятия последнего времени говорят за то, что на этот участок прокурорской работы обращено надлежащее внимание.

Участие прокуратуры в гражданских делах в тех формах, в которых оно существует у нас, есть одна из отличительных черт нашего советского гражданского процесса.

Интересы государства и их охрана, интересы и охрана интересов трудящихся масс — вот причины и поводы вмешательства в гражданский спор органов прокуратуры.

Формы подобного вмешательства, как известно, настолько разнообразны, что дают возможность прокуратуре осуществлять эти свои функции во всех стадиях движения гражданского дела и даже после его окончания.

Прокуратура, прежде всего, вправе сама начать дело, т. е. предъявить исковое требование по любому поводу, если по мнению прокуратуры, этого требуют интересы советского государства или трудящихся масс. Прокуратура, далее, в целях охраны тех же интересов может вступить в производящееся уже судебное дело в любой стадии процесса и пользуется в этих случаях всеми правами стороны. Прокуратура, наконец, во всех случаях обнаружения в решениях, вынесенных судами по гражданским делам, особенно существенного нарушения действующих законов, либо явного нарушения интересов государства или трудя-

щихся масс, вправе принести протест в порядке надзора на подобное решение, даже после вступления его в законную силу.

Помимо участия прокуратуры в гражданском судебном деле по собственной инициативе, участие ее возможно и по инициативе суда. По конкретным обстоятельствам дела как при первоначальном ознакомлении с делом, так и впоследствии при его слушании, суд может признать необходимым участие в деле прокуратуры. Такое постановление суда для прокуратуры является обязательным и она должна принять участие в деле.

Итак, нашими гражданскими процессуальными законами органам прокуратуры обеспечена исчерпывающая возможность участия в гражданских делах.

Само собой понятно, что проведенные и проводимые Прокуратурой Союза мероприятия организационного и методологического порядка должны внести, а во многих случаях уже внесли, коренные изменения в отношения отдельных прокуроров и даже отдельных прокуратур к работе по гражданским делам. Не говори уже о заметно усилившейся деятельности по принесению кассационных и надзорных протестов, наши прокуроры начали больше внимания уделять гражданским делам в период прохождения их в судах до вынесения решения по ним. И, несомненно, в самом недалеком будущем нам предстоит быть свидетелями того, как работа по гражданским делам в органах прокуратуры займет такое же, ей присущее, место, как и работа по делам уголовным.

Однако, как это ни странно, значительное количество дел из числа гражданских остается до сих пор вне внимания и деятельности прокуратуры. О них прокуратура не заботится, вопрос о работе по ним замалчивается и упоминания о них мы не встречаем даже в таком руководящем документе, как, циркуляр союзной прокуратуры от 7 апреля 1936 г. № 25/22.

Мы говорим здесь об имущественных спорах внутри обобщественного хозяйства.

¹ В порядке обсуждения.

И что особенно странно это то, что имущественные споры этой категории дел, подсудные органам суда, полностью подпадают под судебный контроль и надзор прокуратуры, которая по ним свои функции осуществляет в полной мере. Что же касается имущественных споров обобщественного хозяйства, разрешаемых органами государственного и ведомственного арбитража, то эта категория дел, с точки зрения работы прокуратуры по гражданским делам, является в полном смысле слова беспризорным, забытым участком. И получается, порой, что незначительный по сумме спор, разрешенный органами суда, привлекает внимание прокуратуры, которая проявляет по этому спору энергичную деятельность, а такой же спор, исчисляемый в сотнях тысяч руб. и больше, по разрешенный в органах арбитража, проходит мимо внимания прокуратуры, которая в этих случаях остается совершенно безучастной к конечной судьбе подобного спора.

Оправданием к такому отношению прокуратуры к арбитражным делам не может служить существующая якобы особенность ведения дел в органах арбитража. Пресловутое арбитражирование, о котором так много говорят работники арбитража и по поводу которого издаются распоряжения и циркуляры, в своем существовании и в возможности внедрения в судебную практику сейчас уже никого убедить не может. Не только причины, так сказать, внешнего порядка (неявка сторон) сводят в значительном большинстве случаев «на-нет» предусмотренное законом требование об арбитражировании спора, но и сами арбитры в большинстве случаев никаких мер к подобному арбитражированию не принимают и разрешают дела самостоятельно и единолично, полагая, что бесцельно применять метод арбитражирования там, где позиции сторон непримиримо противоположны и никакому соглашению не поддаются.

Но если бы оказалось, что в арбитражную практику метод арбитражирования внедрен, то в какой мере эта «особенность» арбитражного процесса может влиять на работу прокуратуры в области ее участия в арбитражных делах? Разве метод арбитражирования устраняет возможность разрешения спора с «существенным» нарушением действующих законов» или с «явным» нарушением интересов Рабоче-крестьянского государства» в целом? Наоборот, метод арбитражирования не только не устраняет этого обстоятельства, но, несомненно, осложняет его устранение. Соглашение сторон, достигнутое в результате разрешения спора по методу арбитражирования, преграждает путь дальнейшему движению дела, так как, само собой очевидно, что ни одна из согласившихся сторон жалобы на согласованное решение не принесет. И, таким образом, согласованное, но порочное с точки зрения, например, действующего закона, решение обречено на существование и исполнение, если хоть на минуту допустить мысль, что метод арбитражирования может лишить органы прокуратуры права вмешаться в подобный спор в порядке судебного надзора.

К числу «особенностей» органов арбитража некоторые относят присущие ему задачи по укреплению договорной и плановой дисциплины и хозрасчета. Действительно, постановление ЦИК и СНК от 3 мая 1931 г. указанную задачу возлагает на создававшийся этим постановлением Государственный арбитраж. Однако

считать укрепление договорной и плановой дисциплины «особенностью» только органов арбитража, это значит сознательно закрывать глаза на обширную деятельность по обобществленному хозяйству наших общих судебных мест, разрешающих порой чрезвычайно сложные споры, изъятые из ведения органов арбитража.

Но допустим, что задачи по укреплению договорной и плановой дисциплины являются «особенностью» только органов арбитража. Так разве эта «особенность» в свою очередь может влиять на работу прокуратуры, повседневно и неуклонно во всех областях своей работы проводящей и охраняющей основные принципы социалистического хозяйства, а в том числе и задачи укрепления договорной и плановой дисциплины и хозрасчета? Конечно, нет! А если это так, то пребывание имущественных споров, разрешаемых органами арбитража, вне поля зрения и работы органов прокуратуры не может быть оправдано и этой «особенностью» арбитража.

Существует еще одна чрезвычайно вредная, давно уже разоблаченная, но все еще живучая теория, могущая служить препятствием к осуществлению прокуратурой своих функций по арбитражным спорам. Схематически эта теория выглядит так: о каком нарушении интересов государства может быть речь внутри обобщественного хозяйства, если каждая отдельная составная единица этого хозяйства принадлежит государству? В подобных условиях могут ли быть нарушены интересы государства даже при неправильном решении арбитражного спора, в результате которого материальные ценности попали хотя и в ненадлежащую составную часть обобщественного хозяйства, но все же за пределы его не ушли? И что реального может дать в этих случаях вмешательство прокуратуры, раз материальный интерес государства в конечном итоге не нарушен?

Эта «теория», неоднократно разоблаченная при постановке и разрешении иных вопросов, в частности вопросов о погашении претензий внутри обобщественного хозяйства за истечением сроков давности, не заслуживала бы особого внимания, если бы и сейчас не встречались попытки ею обосновать отсутствие внимания со стороны прокуратуры к арбитражным спорам.

Само собой очевидно, что государственный план и принципы хозрасчета опираются на твердое правило, заключающееся в том, что материальные ценности должны не только сохраняться внутри обобщественного хозяйства, но и оседать в надлежащих его хозрасчетных точках. Это основное правило обеспечивает строжайшую экономию государственных средств, за сохранение и расширение государственных фондов.

Итак, самое пристальное и всестороннее изучение организации и работы органов арбитража никаких оснований не дают прокуратуре устранить себя от участия и работы по имущественным спорам внутри обобщественного хозяйства; наоборот, этот участок работы требует к себе особого внимания.

Но каковы должны и могут быть формы и пределы участия прокуратуры в арбитражных делах?

Все ли формы участия прокуратуры в гра-

жданских делах должны быть перенесены и в дела арбитражные, или некоторые формы могут быть исключены? И какими причинами обуславливается сохранение в арбитражных делах всех форм участия прокуратуры по гражданским делам или исключение некоторых из них?

Постараемся ответить на эти вопросы.

Участие прокуратуры в форме проявления собственной инициативы по возбуждению арбитражного спора на первый взгляд может показаться излишним, а по условиям возбуждения подобных споров даже невозможным. Ведь имущественные споры в органах арбитража не возбуждаются столь просто, как иски по гражданским делам в общ. судебных местах. Имущественный спор в органах арбитража возникает не раньше того, как спорящие стороны исчерпали все средства закончить и ликвидировать конфликт самостоятельно и добровольно. В каком же порядке и на основании каких данных может прокурор, считающий необходимым возбудить арбитражное дело, договариваться со спорящей или спорящими сторонами?

Приведенное препятствие является лишь кажущимся и основано на неправильном представлении положения прокурора в гражданском, а также в арбитражном процессе. Пользуясь всеми правами стороны, прокурор тем не менее стороной в буквальном смысле этого слова не является. Он в свою пользу или в пользу прокуратуры ничего не ищет и никакого материального интереса не преследует. Это своеобразное положение прокурора в процессе должно, естественно, освобождать его от некоторых специфических обязанностей, в том числе и от обязанности предварительного обсуждения возбуждаемого спора. Поэтому невозможность для прокурора, возбуждающего арбитражный спор, выполнить эту обязанность стороны препятствием к проявлению прокуратуры своей инициативы служить не может.

Существеннее вопрос иной. Вопрос о том, имеется ли вообще необходимость в проявлении прокуратурой своей инициативы по возбуждению арбитражных споров, поскольку возбуждение последних находится в таких надежных руках, как гос- и коопорганизации и учреждения? Мы полагаем, что прокуратуре должно быть предоставлено такое же право, как и Госарбитражу. Последний вправе возбуждать по собственной инициативе арбитражные споры во всех тех случаях, когда, например, из материалов рассматриваемого дела обнаруживается нарушение договорной дисциплины, требующее возбуждения другого дела, сторонами не возбужденного. Следующий случай может служить иллюстрацией для разрешения в положительном смысле поставленного выше вопроса.

В 1935 г. в течение ряда месяцев в следственных органах производилось следствие по обвинению работников строительства одного завода в должностных преступлениях. Первоначально предъявленные обвинения по мере движения следствия одно за другим отпадали и в конечном результате дело было прекращено. Среди первоначально предъявленных обвинений было обвинение ряда работников в допущенных нарушениях кредитной реформы, выразившихся, между прочим, в том, что строительство завода выдало значительные авансы

разным кирпичным заводам за закупленный по договорам кирпич. Это обвинение впоследствии также отпало, так как было установлено, что для кирпичных заводов в качестве временной меры в целях усиления их материальных ресурсов разрешена была выдача авансовых сумм под закупленный кирпич до его отгрузки. И хотя сроки отгрузки, предусмотренные договорами, уже прошли, но органы следствия и прокуратуры в выдаче авансов под кирпич состава преступления для работников завода не усмотрели, совершенно справедливо полагая, что в данном случае речь может идти лишь об имущественном споре.

Однако вместо того, чтобы одновременно с утверждением заключения следственных органов о прекращении уголовного дела, этот имущественный спор по собственной инициативе направить в подлежащий арбитраж, прокуратура возбуждение спора с кирпичными заводами оставила в руках строительства завода. В результате строительство завода спора этого не возбудило, ни кирпича, ни выданных авансовых сумм обратно не получило, и ныне, вероятно, в бухгалтерских записях строительства эти суммы, как списанные в убыток, уже не значатся.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы приведенный случай считать обычным и типичным. Но мы все-таки полагаем, что если подобные случаи возможны, даже в единичном числе, то вопрос о том, имеется ли вообще необходимость в проявлении прокуратурой своей инициативы по возбуждению арбитражных споров, должен быть разрешен в положительном смысле.

Участию прокуратуры в арбитражных спорах в форме вступления в производящийся уже спор по собственной инициативе или по инициативе самого арбитража не может служить препятствием то обстоятельство, что в общем положении о Госарбитраже имеется ссылка на обязанность арбитража о выявленных преступных нарушениях договорной и плановой дисциплины и прочих недочетах сообщать прокуратуре. Из этого правила порой делается вывод о том, что существование подобного закона объясняется именно тем, что в арбитражных спорах прокуратура не участвует и участвовать не должна; что если бы прокуратура в спорах участвовала, то правило это не могло бы существовать в подобной редакции, а в законе было бы указано, что прокуратура в подобных случаях привлекается к участию в деле, как то имеет место в общих судах.

Приведенные соображения лишены какой бы то ни было убедительности.

В процессуальных законах, регулирующих деятельность общих судебных мест, действительно существуют правила о порядке и способах вступления и привлечения судами органов прокурорского надзора в производящиеся дела. Но разве эти правила в какой бы то ни было мере стесняют суды в тех случаях, когда при рассмотрении гражданского дела обнаружен состав уголовно-наказуемого деяния, направлять такое дело в прокуратуру, без привлечения к производящемуся гражданскому делу прокурора? Конечно, нет! Значит сообщение прокурору о выявившихся при рассмотрении гражданского дела преступлениях ни в какой связи и зависимости не находится от правил вступления и привлечения его в произве-

дящиеся дела. А отсюда совершенно естествен обратный вывод, что упоминание в законе об арбитражном процессе о необходимости сообщения прокуратуре «в надлежащих случаях» о преступных всякого рода нарушениях сторон ни в малейшей степени не может служить препятствием к участию прокуратуры в арбитражном споре как в форме самостоятельного вступления в дело, так и в форме привлечения его самим арбитражем.

В самом деле:

По сведениям прокуратуры в производстве арбитража находится спор двух организаций о качестве изготовленной продукции. Поставщик, не отрицая низкого качества изготовленной продукции, требует тем не менее, отклонить претензию потребителя, так как продукция потребителю еще не сдавалась, будет перерабатываться и потому пока является внутриваровским браком. По указанным обстоятельствам дела для прокуратуры совершенно ясно, что для привлечения поставщика к уголовной ответственности по признакам ст. 128-а УК оснований нет. Но одновременно у прокуратуры возникает подозрение, не перерастает ли этот внутриваровский брак в нечто иное, граничащее с вредительством. Подозрение это может быть в первую очередь подтверждено или опровергнуто столкновением мнений и обменом объяснений сторон во время рассмотрения арбитражного спора. При подобных условиях разве не может прокурор по собственной инициативе вступить в производящийся арбитражный спор и тем самым сразу же и исчерпывающе выявить лицо и действия поставщика?

Или другой пример.

В органе арбитража возбужден спор об отгрузке продукции, купленной и полностью оплаченной потребителем накануне истечения хозяйственного года и оставленной потребителем на хранении поставщика впредь до ее отгрузки, которая должна быть произведена поставщиком в срок, скажем, трехмесячный. При ознакомлении с изложенным спором у арбитра возникает разумное сомнение, не перерастает ли этот, на первый взгляд, обычный и имущественный спор в преступление, выражающееся в том, что в момент заключения сделки у поставщика проданной и оплаченной продукции не было, обе стороны это знали, но в целях, с одной стороны, использования потребителем остающихся целевых средств, которые в случае их неиспользования до конца года будут от него изъяты, а с другой — усиления материальных ресурсов поставщика, стороны заключили и оформили приемо-сдаточным актом сделку на несуществующую продукцию и потребитель ее оплатил. При подобных условиях разве не может арбитраж признать необходимым участие в арбитражном споре прокурора и тем самым сразу же поставить невинный, на первый взгляд, имущественный спор на надлежащие рельсы?

Участие прокуратуры в арбитражных делах в обеих указанных выше формах становится очевидно необходимым, когда мы переходим к обсуждению функций органов прокуратуры в порядке надзора.

Надзорные функции прокуратуры по арбитражным делам сейчас ни в ком, как будто, сомнений не возбуждают. Правда, эти права и обязанности прокуратуры стремятся подвести

под надзор общего порядка, а не специально судебного. Но не стоит спорить о словах там, где должно твориться большое дело и где слова и наименования существенных изменений внести не могут.

И вот тут при осуществлении прокуратурой надзорных функций по арбитражным делам особенно важным и необходимым становится непосредственное участие прокуратуры в разрешении арбитражных споров.

Для осуществления прокуратурой надзорных функций прежде всего необходимой является наиболее полная и всесторонняя осведомленность по тому предмету, по которому прокуратура функции эти осуществляет. По гражданским делам общих судебных мест основным источником необходимой осведомленности являются жалобы и заявления, подаваемые сторонами в прокуратуру. Ограниченные принесением лишь кассационных жалоб на решения судов первой инстанции и полностью лишенные права непосредственного принесения жалоб в порядке надзора, стороны по гражданским делам общих судебных мест обращаются со своими заявлениями и жалобами на неправильные решения судов всех инстанций в органы прокуратуры, которые по заявлениям и жалобам сторон знакомятся с делами и, в случае надобности, осуществляют свои надзорные функции и принимают соответствующие протесты.

По арбитражным делам практика установила совершенно иной порядок принесения жалоб в порядке надзора. Жалобы эти приносятся непосредственно самими сторонами и притом во все те места и всем тем лицам, куда и кому должны приноситься и прокурорские протесты. Таким образом, основной источник осведомленности органов прокуратуры по гражданским делам — по делам арбитражным отпадает. Отсюда только личное участие в арбитражных спорах и непосредственное обозрение арбитражных дел могут сделать надзорные функции прокуратуры в этой области действенными и существенными.

Итак, подводя итоги всему сказанному, необходимо прийти к выводу, что такой важный участок, как разрешение имущественных споров внутри обобществленного хозяйства нашей страны, органами прокуратуры выключен из поля своего зрения без всяких к тому оснований. Между тем, этот участок ничем особенным не отличается от ряда других участков, и, в первую очередь, от участка судебного, что могло бы служить основанием к подобному отношению к нему органов прокуратуры. Поэтому чем скорее вспомнят органы прокуратуры об этом забытом участке, тем, несомненно, будет лучше.

С. Фиделев.

Исследование групп крови в судебной практике

В № 1 журнала «Социалистическая законность» появилась статья т. Бронниковой «О применении исследования групп и типов крови в делах спорных отцовств».

Статью т. Бронниковой следует приветствовать, так как в разрешении поднятых в статье вопросов давно назрела необходимость.

Официальные правила и разъяснения о порядке и практике таких судебно-медицинских исследований значительно устарели и требуют коренной переработки.

Тов. Бронникова, один из выдающихся наших специалистов по исследованиям групп крови, поставила вопрос о пересмотре всех постановлений с полной ясностью, но следует внести поправку о производстве этих исследований не только в Москве, но и в некоторых республиканских и областных центрах.

Не говоря уже о Харькове, где исследования групп крови делаются давно, у нас в Горьком эти исследования начаты с 1936 г., после нашей специальной подготовки в Москве в марте-июне 1936 г.

Курсы исследования вещественных доказательств окончили 15 работников и, вероятно, большинство из них, как и у нас в Горьком, приступили к практической работе.

Без указанной оговорки работники суда и прокуратуры на периферии будут введены в заблуждение и посылать материал в Москву, загружая Центральный институт судебной медицины и задерживая на значительный срок разрешение вопросов, которые с успехом и быстрее могут быть разрешены на месте. Мы в Горьком уже производим практически, на месте все исследования (кроме, конечно, подгрупп А1 и А2, вопрос о которых находится еще в периоде научной разработки) на группы как крови, так и пятен крови, как по гражданским, так и уголовным делам.

Ярким примером того, что дают подобного рода исследования, является следующая экспертиза в моей практике, редкая по характеру дела.

В близком к городу районе, на дороге, 17-летняя комсомолка К. подверглась нападению 2 лиц с целью изнасилования. Оба нападавшие были замаскированы, во время нападения один из них выхватил нож, которым порезал руку. Нож нападавшие держали над девушкой, которую они, по ее словам, поочередно изнасиловали.

На следующий день подозреваемые были задержаны. У обоих оказались испачканными в крови кальсоны и другая одежда. У К. юбка и рубашка оказались сильно окровавленными. Вечером на второй день К. осмотрел местный врач, давший заключение, что у К. свежее нарушение целостности девственной плевы.

Через 5 дней К. попала на освидетельствование к городскому эксперту, который не нашел у нее никакого нарушения целостности плевы.

Вскоре ко мне поступило на исследование вышеуказанные вещественные доказательства по делу — пятна крови на кальсонах обоих подозреваемых, на верхней одежде владельца ножа, на рубашке и юбке потерпевшей К.

На 10—11 день была направлена ко мне на переосвидетельствование гр-ка К., в этот день бывшая в менструальном периоде (другими словами 10 дней назад менструаций у К. не должно было быть).

У К. не оказалось ни малейших повреждений девственной плевы.

Исследование вещественных доказательств я начал с установления групп крови К. и арестованного обвиняемого, у которого действительно была порезана рука. Комбинация групп их оказалась на редкость удачной: обвиняе-

мый, порезавший руку, имел группу АВ, а потерпевшая К. — группу О, при исследовании крови в пятнах, оказалось, что на всех вышеперечисленных объектах кровь принадлежит к группе АВ (наиболее редкой между прочим).

Таким образом выяснилось совершенно ясно, что кровь на все объекты попала с подозреваемого, а комбинация этих объектов показывала, что во всяком случае было совершено покушение на изнасилование (на юбке К. найдено кроме того семенное пятно) К. обоими подозреваемыми.

А. Мюнтер.

Преступления, связанные с переписью населения

Всесоюзная перепись населения 1937 г., как дело громадного государственного значения привлекла к себе большое внимание и органов прокуратуры.

Возросшие культурность и политическая активность населения РСФСР обеспечили своевременное и успешное проведение переписи. Прокуратура и органы расследования быстро и решительно ликвидировали всякую попытку помешать переписи.

По поступившим на 1 марта 1937 г. в Прокуратуру РСФСР сведениям всего по РСФСР проведено 69 уголовных дел, связанных с переписью.

Большая часть дел, связанных с переписью, возникла на почве хулиганских выходок против работников по переписи или против переписываемых. Несколько характерных примеров такого рода дел. Народный суд Владимирского района Ивановской области осудил некоего Толстова по ст. 73 и ч. 2 ст. 74 УК за то, что тот напал на счетчика — учительницу Жукону, вырвал у нее учетные листки, изорвал их и разбросал по земле. Толстов уже ранее судился.

Хулиганы Дудкин и Большаков из колхоза «Красный нахарь» Калининской области приговорены народным судом: один к 3, другой к 1½ годам лишения свободы за избивание счетчика. Суд состоялся в присутствии свыше 300 рабочих стеклозавода и колхозников. Приговор был встречен одобрением всех присутствовавших.

В Куйбышевском крае сын раскулаченного и сосланного Панков избил переписчика и коменданта, которые пришли в квартиру, где случайно находился и Панков, чтобы заполнить переписные листки.

В с. Солонцах Лево-Россошанского района Воронежской области бригадир колхоза Кирьянов мешал счетчице Федоровой производить работу, ругался нецензурными словами. Когда Федорова перешла в другой дом, Кирьянов пришел и туда, опять ругался, вырвал у Федоровой папку с переписными листками и крикнул: «Мы расправимся с вами после».

В Ржевском районе Свердловской области предколхоза член ВКП(б) Дорохин при содействии колхозника Буркова и раскулаченного Язовских в пьяном виде избил до потери сознания счетчика Гладких, когда он пришел переписывать в дом Буркова. Свердловский областной суд приговорил по ст. 73¹ ч. 2 УК: Дорохина к 5 годам лишения свободы, Язовских к 3 годам лишения свободы и Буркова к 1 году и-т. работ на общих основаниях.

В г. Ярославле счетчица-учительница Леонтьева пришла к некоему Брусиловскому, который только что был уволен за пьянство. Брусиловский, впусив Леонтьеву в свою комнату, запер дверь на ключ. Леонтьева, увидев это, а также заметив, что Брусиловский пьян, хотела уйти, но Брусиловский схватил ее за плечо и силой пытался оттащить от двери. Завязалась борьба, Леонтьева оттолкнула от себя хулигана и ударила его по лицу, после чего, схватив упавший на пол ключ, быстро отперла дверь и убежала. Немедленно она сообщила о происшедшем инструктору по переписи и заявила, что от дальнейшей работы по переписи отказывается. Когда инструктор вместе с комендантом и Леонтьевой пришли к Брусиловскому, то он заперся, в комнату их не пустил и разговаривать с ними не стал. Брусиловский привлечен по ч. 1 ст. 73 и ч. 2 ст. 74 УК.

Другая категория дел — воспрепятствование со стороны должностных лиц подчиненным им сотрудникам работать по переписи.

В Томаровском районе Курской области счетчиком был утвержден работник сельпо Банников. Накануне переписи он заявил, что работать не будет, так как его не освобождают, и явился на работу в сельпо. Банников и председатель сельпо Коломацкий, не принявшие мер к освобождению Банникова от работы для участия в переписи, приговорены народным судом к 1 мес. и-т. работ каждый.

В Лежневском районе Ивановской области председатель сельсовета Большаков не обеспечил средствами передвижения инструктора по переписи и позволил себе оскорбления и насмешки по адресу работников по переписи. Дело передано в суд.

В Гороховецком районе Ивановской области зав. сберкассой Илинский не отпустил на перепись выделенных работников. Народный суд приговорил его к общественному порицанию.

Директор спиртозавода Акилин (Аркадинский район Свердловской области) запретил бухгалтеру Кошкину работать по переписи. Акилин также осужден к общественному порицанию.

В Альшенском районе Башкирской АССР счетчиком был утвержден пом. бухгалтера Мелькомбината Таушкин. Дирекция сообщила управляющему Башмелестра Камельянову, что годовой отчет не будет своевременно составлен, поскольку пом. бухгалтера отзывается на работу по переписи. Камельянов распорядился Таушкина для работы по переписи не освобождать. Камельянов привлечен к ответственности по ст. 109 УК.

Зам. директора объединения лесозаводов г. Уфы Русаков, узнав, что бухгалтер Козлочкина по вечерам работает по подготовке переписи, вызвал ее к себе и предупредил, что она может за то «поплатиться по должности» и оскорбил ее. Русаков привлечен по ст. 109 УК.

Среди преступлений лиц, работавших на переписи, наиболее часто разглашение сведений о переписанных.

В Мошенском районе перепись проводил педагог Шабанов. Две работницы местного завода-комсомолки—при заполнении переписных листов на вопрос о религиозных убеждениях ответили: «верующие». Шабанов вступил с ними в пререкания, заявив, что об этом он на-

печатает в районной газете. Затем Шабанов розыскал комсорга и в присутствии других служащих сообщил ему, что в организации есть верующие комсомолки, и назвал их фамилии. Расследование установило, что инструктированные счетчиков было проведено и что Шабанов права и обязанности счетчика знал хорошо. Шабанов привлечен к ответственности.

В Ново-Буянском районе Куйбышевской области один из переписчиков разгласил внесенные в анкету данные о религиозных убеждениях одного колхозника. После этого один из ответственных работников района вызвал к себе этого колхозника и стал угрожать ему, в связи с его религиозными убеждениями. Колхозник пришел к переписчику и просил его внести изменения в анкету. И переписчик и ответственный работник привлечены к уголовной ответственности.

М. Андреев.

О судебной экспертизе документов

В значительном количестве судебных дел требуется экспертиза рукописных текстов документов для установления личности авторов этих документов.

Обычно объектами такого рода экспертизы являются документы двух типов: 1) «заподозренные» рукописи, то есть рукописи, авторы которых неизвестны, 2) несомненные образцы письма лиц, подозреваемых в исполнении первых, то есть «заподозренных» документов.

Вопрос об авторской принадлежности заподозренных документов решается сравнительным исследованием их текста и текста несомненных образцов письма подозреваемых.

Сравнительное исследование рукописных текстов является чрезвычайно сложной процедурой.

Сходство конфигурации (внешнего вида) букв двух рукописей само по себе еще не свидетельствует о том, что эти документы исполнены одним лицом, так же, как различие в конфигурации букв двух рукописей еще не является бесспорным доказательством того, что они исполнены разными лицами.

Существует много способов, пользуясь которыми преступники могут скопировать нужный им текст и подписи. К числу таких способов относятся, например, фотографирование, применение гектографической массы, срисовывание и т. п.

Поэтому собственно сравнительному исследованию рукописных текстов должно, как правило, предшествовать тщательнейшее исследование материала документа, т. е. бумаги, чернил и т. п., позволяющее выявить признаки технической подделки.

Такого рода исследование осуществляется посредством специальных видов судебной фотографии, микроскопа, ртутно-кварцевой лампы, химических методов.

Любой человек при небольшой тренировке может научиться изменять внешний вид своего почерка; судебный эксперт поэтому должен уметь обнаруживать в рукописном тексте такие индивидуально-определенные особенности, которые, будучи характерными для данного автора, проявились независимо от конфигурации букв и произвольно.

К этим особенностям относятся, например, общий («литературный») стиль письма, типичные обороты речи, объем представлений автора, выраженный содержанием письма, орфография, описки, привычки письма (в частности профессиональные), общий характер почерка, зависящий от состояния нервно-двигательных функций организма писавшего, признаки в письме рефлекторных, непроизвольных движений руки писавшего. Такие особенности почерка, как нажим, наклон, напряжение, разгон, соотношение отдельных элементов букв, конфигурация букв и т. п., если эти черты проявляются в тексте многократно, систематически, а не случайно, также имеют значение при сравнительном исследовании рукописей.

Все сказанное выше определяет характер тех требований, которые должны быть предъявлены и к экспертизе документов и к практическим работникам, обращающимся к ней за помощью.

Исследование документов может быть поручено только квалифицированным судебным экспертам, имеющим научную криминалистическую подготовку и располагающим оборудованными специальной аппаратурой криминалистическими лабораториями. Такую подготовку можно получить только в стенах школы института. В одиночку, в порядке самообразования, экспертом нельзя сделаться, подобно тому, как нельзя самостоятельно сделаться врачом. Подготовка к таким профессиям требует работы в учебно-вспомогательных учреждениях со сложным оборудованием.

Материал, направляемый на экспертизу, должен быть подвергнут лицом, его подбирающим, особой предварительной обработке.

Эти условия, без соблюдения которых немислимо обеспечение правильности выводов судебной экспертизы документов, практическими работниками часто игнорируются.

Сплошь да рядом экспертиза рукописей поручается лицам, никакого специального, то есть криминалистического образования не имеющим и не располагающим соответствующими лабораториями

Так, например, в г. Грозном в качестве эксперта по исследованию рукописного текста документов подвизается бухгалтер Бунимович, в г. Балакове (Саратовского края) — директор педтехникума Мякеньков и директор средней школы — Букарин; в Москве для соответствующей «работы» привлекают некоего гр-на Ладнова. Почему собственно Ладнов считается специалистом по исследованию документов, никто не знает. Известно только, что этим делом он занимается давно. Особенно часто в роли такого рода «экспертов»-кустарей выступают почему-то учителя каллиграфии.

Следственные органы, вместо того чтобы привлекать к ответственности самозванцев и невежд, берущихся за ответственное дело судебной экспертизы, сами часто поощряют этих лиц.

В оправдание такой практики обычно приводится соображение о том, что и у каллиграфов бывают правильные, подтверждающиеся судом заключения. Это соображение, нам думается, скорее является доводом против использования каллиграфов в качестве экспертов, ибо если бы они во всех случаях давали ошибочные заключения, следователи и судьи

могли бы этими заключениями спокойно пользоваться, понимая только их наоборот.

Разумеется, что оправданием при привлечении в качестве экспертов каллиграфов не может служить и отсутствие во многих местах научно-поставленной экспертизы документов, подобно тому, как не могло бы служить оправданием для культурного человека, обратившегося к знахарю, отсутствие врача.

Не всегда и в тех случаях, когда следственные органы обращаются к специалистам — судебным экспертам, последние могут дать определенное заключение: часто материалы, предназначенные для экспертизы, поступают в лабораторию уже испорченными различными посторонними надписями — резолюциями, пометками, протоколами и т. п.

Это сбивает, дезориентирует эксперта и может навести его на ложный путь. Кроме того, следственные органы, как правило, не сообщают экспертам целого ряда сведений и не подбирают дополнительных материалов, совершенно необходимых для исследования, например, опускают изложение всех обстоятельств дела, не прилагают свободно исполненных рукописей подозреваемых и т. п.

Исследование документов может быть поручено по важнейшим делам, находящимся в производстве органов прокуратуры, лаборатории научно-следственной работы Прокуратуры СССР, по другим делам органов прокуратуры и по всем делам судов и органов дознания — криминалистической лаборатории Московского юридического института.

В эти лаборатории следует обращаться в тех случаях, когда материал для экспертизы документов почему-либо не может быть направлен в научно-технические отделения милиции.

Необходимо, однако, иметь в виду, что лаборатории юридического института исследование документов проводят только при условии соблюдения всех приведенных ниже правил подготовки соответствующих объектов.

В тех случаях, когда требуется установить данным ли подозреваемым написан текст определенного документа, нужно изъять письмо или другой документ, содержащий текст (20—30 строчек и подпись), написанный подозреваемым свободно, то есть без мысли о том, что этот образец его письма будет объектом экспертизы, и предложить подозреваемому под диктовку написать 20—30 строчек текста произвольного содержания, но включающего несколько слов из текста того документа, из-за которого назначена экспертиза.

Таким образом подбираются три документа:

- 1) образец свободного письма подозреваемого;
- 2) образец письма подозреваемого, возникший в результате диктовки;
- 3) документ, из-за которого назначена экспертиза (заподозренный)¹.

Помимо этого, подробно излагаются все известные обстоятельства преступления — содержание показаний, относящихся к исследуемым документам, обстоятельства обнаружения «заподозренных» документов, условия, при ко-

¹ Весьма желательно, чтобы эти рукописные тексты были исполнены на односортной бумаге и одинаковыми письменными принадлежностями.

торых получены контрольные рукописи подозреваемых (время возникновения рукописи, каким пишущим приспособлением она исполнена, в каком положении находился подозреваемый во время процесса писания и т. п.). Если можно, прилагается самый материал следственного дела. Кроме того, заполняется сведениями о подозреваемом следующая анкета:

- а) Фамилия, имя, отчество.
- б) Возраст.
- в) Национальность, родной язык, какими языками еще владеет.
- г) Образование.
- д) Профессия.
- е) Какой рукой (правой или левой) обычно пишет.
- ж) Состояние здоровья (если в деле есть справка врача).
- з) Состояние зрения (носит ли очки).
- и) Отношение к алкоголю (если соответствующие сведения имеются в материалах дела).
- к) Прочие данные.

Каждый из упомянутых выше трех документов вкладывается в отдельный конверт. На последнем делается надпись о характере документа.

В препроводительном отношении точно указываются задачи, ставящиеся на заключение эксперта, и какие образцы письма подлежат сравнительному исследованию.

Для лучшего уяснения всего вышесказанного могут служить следующие образцы документов, подготовленных к экспертизе письма.

ДОКУМЕНТ, ИЗ-ЗА КОТОРОГО НАЗНАЧЕНА ЭКСПЕРТИЗА («ЗАПОДОЗРЕННЫЙ»)

«Расписка

Мною, коммерческим представителем Днепропетровской промысловой кооперативной артели Н. Ивановым Петром Сидоровичем, проживающим в гостинице «Метрополь», № 25 (г. Москва), получены от артели «Краситель» образцы продукции последней на сумму 1000 (тысячу) рублей, предназначенные для отправки в Днепропетровск.

« » мая 193... г.

Иванов».

Образец письма подозреваемого возникший в результате диктовки.

«Моя фамилия Иванов. Зовут меня Петром Сидоровичем. Постоянно проживаю в Днепропетровске, а сейчас нахожусь в командировке в г. Москве. Живу здесь уже дней 20. Остановился в гостинице «Метрополь», в № 25. Расписка на 1000 (тысячу) рублей артели «Краситель» я не давал и никаких образцов продукции для отправки их в Днепропетровск не получал.

« » мая 193... г.

Иванов».

Образец свободного письма подозреваемого.

«Дорогая Маруся!

Вот уже десять дней, как я живу в Москве. Остановился в гостинице «Метрополь». Цены здесь очень высокие. Номер стоит 25 руб. в сутки. Если не удастся заработать на комбинации с бельем, не знаю, как и быть. Большие

затруднения вызывает паспортизация. Боюсь, как бы не обратили внимания на штамп моей прописки. В остальном все благополучно. Скоро приеду.

Целую. Петр».

Препроводительное отношение заведующему криминалистической лабораторией Московского юридического института.

«Прошу произвести сравнительное исследование текста «заподозренного» документа, начинающегося словами:

«Расписка. Мною, коммерческим представителем Днепропетровской промысловой артели Н. Ивановым Петром Сидоровичем» и т. д.

С образцами текста, написанного подозреваемым Ивановым Петром Сидоровичем,

а) свободно, начинающегося словами:

«Дорогая Маруся! Вот уже десять дней я живу в Москве», и т. д.

б) под диктовку, начинающегося словами:

«Моя фамилия Иванов. Зовут меня Петром Сидоровичем» и т. д.

Требуется установить одним ли лицом написаны все три документа.

В настоящее время по этому делу известно только следующее:

В Москве, в инвалидную артель Х явился гражданин, назвавшийся представителем Днепропетровской промысловой кооперативной артели Н. Ивановым П. С.

Предъявив доверенность на получение образцов продукции артели Х, гражданин, назвавшийся Ивановым, принял разных красок на сумму 1000 рублей и оставил соответствующую расписку.

В тот же день в артель Х поступила из Днепропетровска телеграмма о том, что состоявший ранее на службе в артели агент по снабжению гр. Иванов « » мая 193... г. уволен и выданная ему доверенность недействительна.

Разысканный в Москве и допрошенный по настоящему делу Иванов П. С. показал, что из артели Х он ничего не получил и никакой расписки не оставил. При обыске у Иванова ничего не обнаружено. Расписка в получении красок передана следователю председателем артели Х « » мая 193... г.

Письмо, начинающееся словами «Дорогая Маруся», изъято с почты « » мая 193... г. в Днепропетровске, письмо, начинающееся словами: «Моя фамилия Иванов» и т. п. исполнено под диктовку в камере следователя « » мая 1933 г. пером «рондо», причем подозреваемый находился в сидячем положении.

Сведения о подозреваемом имеются следующие:

а) Фамилия, имя, отчество	— Иванов, Петр Сидорович
б) Возраст	— Родился в 1900 г.
в) Национальность, родной язык	— Русский. Других языков, кроме русского, не знает
г) Образование	— 3 класса гимназии
д) Профессия	— Определенной специальности не имеет. Работал агентом по снабжению.

- е) Какой рукой (правой или левой) обычно пишет — Правый
- ж) Состояние здоровья — Здоров
- з) Состояние зрения — Близорук, носит очки
- и) Отношение к алкоголю — Пьет изредка, умеренно
- к) Прочие данные — Обучался стенографии

Подпись должностного лица.

С объектами, направляемыми в экспертизу, следует обращаться весьма бережно.

Совершенно недопустимо делать на документах какие-либо надписи (например, ставить порядковые номера), прокалывать их, подписывать к делу, мять и т. п.

Е. Зицер.

Опыт работы по общему надзору

В этой статье я хочу поделиться опытом моей работы по осуществлению общего надзора за законностью в Ершичском и Духовщинском районах Западной области.

Ершичский район образовался частью из Рославльского, частью из Клетнянского районов. Рославльский район заслужил печальную известность как район с массовыми перегибами и администрированием при выполнении хозяйственно-политических кампаний. Это возлагало на меня как прокурора района особую ответственность за правильную постановку работы по общему надзору и обязывало жестко ставить перед руководящими органами и всей общественностью вопросы борьбы за нерушимость советских законов. Организовав помещение для работы (в крестьянской избе), я провел несколько оперативных совещаний с работниками милиции. Ознакомившись с территориями района и с жалобами, принятыми от Рославльского и Клетнянского районов и вновь поступившими, я составил оперативный план выездов в сельсоветы, охватив в первую очередь те, из которых поступали более тревожные сигналы. В результате выездов, проверки жалоб и просмотра протоколов президиумов и пленумов сельсоветов и правлений колхозов мною были обнаружены грубейшие нарушения законов. Наиболее характерные из них я считаю нелишним привести: председатель Сукромлянского сельсовета Семин допускал грубое администрирование в работе, применяя в массовом порядке штрафы; 38% всех хозяйств в сельсовете были подвергнуты штрафу на общую сумму 7000 руб. Около 50% случаев наложения штрафов были явно незаконными. Кроме того, Семин практиковал массовое изъятие имущества за невыполнение хозяйственных обязательств, неплатеж налогов и т. д. Около 80% этих изъятий оказались незаконными. Не брезговал Семин и получением взяток.

Такие же грубые нарушения допускались председателем Алексеевского сельсовета Бабиковым. Этот сельсовет вынес постановление, которым обязал колхозы и единоличников для ремонта помещения сельсовета и постройки школы затратить 2790 трудодней. Как этот, так и ряд других сельсоветов незаконно штрафовали председателей колхозов, бригадиров, счетоводов без обсуждения на общих со-

браниях колхозников, исключали из колхозов целые семейства колхозников, грубо нарушая демократию.

Эти методы работы сельсоветов механически переносились в колхозы, которые также применяли штрафы в массовом порядке с превышением предела, предусмотренного уставом, и притом в денежном исчислении.

При исправлении этих нарушений я стремился к предупреждению повторения их на будущее время.

Просмотр протоколов заседаний сельсоветов и правлений колхозов производился, как правило, в присутствии руководителя и технического работника сельсовета или правления колхоза, и тут же на месте я указывал им на нарушения и давал практические указания. Акты просмотра с соответствующими письменными указаниями направлялись обследованному сельсовету или колхозу, с предложением обсудить их на своих заседаниях. Акты с более характерными случаями нарушений одновременно направлялись в президиум рика, который практиковал вызовы председателей сельсоветов, заслушивал их доклады на заседании президиума, по которым выносил конкретные решения, направленные к исправлению допущенных нарушений, доводя свои решения и до остальных сельсоветов.

На незаконные решения мною приносились протесты в президиум рика, который рассматривал их с вызовом лиц, действия коих опротестовывались с извещением прокурора.

Решения об отмене наиболее типичных незаконных постановлений доводились до сведения остальных сельсоветов. За семь месяцев мною было принесено 12 протестов на решения сельсоветов и 16 протестов на решения колхозов. Все они были рассмотрены и удовлетворены. Немалое значение в деле борьбы за социалистическую законность сыграла и районная печать, в которой освещалась проводимая прокуратурой работа.

О нарушениях законности, которые имели массовое распространение и допускались самим риком и его отделами, я сигнализировал в бюро РК ВКП(б). Так я поставил на обсуждение бюро вопрос о том, что райзо и МТС руководит колхозами «вообще», не занимаясь подбором и изучением кадров, допускают массовую смену председателей колхозов, бригадиров и заведующих фермами.

В процессе работы мною обращалось много внимания на то, чтобы научить внимательному отношению к составлению и хранению протоколов общих собраний и заседаний правлений колхозов, неправильное редактирование которых извращало политическое значение обсуждаемых вопросов; допускались, например, грубые и вульгарные выражения. По данному вопросу мною также написана в районную газету большая статья.

В отдельных редких и крайних случаях я прибегал к мерам судебной репрессии в отношении злостных нарушителей законности.

В Духовщинском районе вопросам общего надзора и в частности борьбе с нарушениями Сталинского устава с.-х. артели внимания не уделялось, а в этом ощущалась острая нужда. Так, например, там имело место массовое нарушение принципа добровольности слияния колхозов, о чем писалось в ЦО «Правда». Обратное «разделение» уже имело место в раз-

гаре весеннего сева, что не могло не отразиться на организационно-хозяйственном положении колхозов и моральном состоянии колхозников. Ознакомление с рядом колхозов показало, что Устав с.-х. артели во многих из них нарушается. Часто это происходило потому, что колхозники не знали хорошо содержания устава. Когда я попросил у счетовода колхоза «Верный путь» Бурзинского сельсовета показать зарегистрированный устав колхоза, то получил ответ, что «устав лежит где-то подшитым в каком-то деле», и для того, чтобы найти этот, кстати сказать, неряшливо написанный устав, понадобилось полчаса времени.

В Афанасьинском и Бурзинском сельсоветах установлены случаи, когда на заседаниях пленума или президиумов сельсоветов отводились из состава члены сельсовета и доизбирались новые без решений собраний избирателей.

Председатель Бурзинского сельсовета т. Булохов для рассмотрения конкретного дела единолично назначил никем не избранных председателя сельского суда, двух заседателей и секретаря.

Духовщинским городским советом вынесены два обязательных постановления с санкцией до ста рублей штрафа или одного месяца и. т. работ без соблюдения необходимых норм для издания обязательных постановлений и одно из них по вопросу, не входящему в компетенцию городского совета.

Только за два месяца работы я принес 12 протестов на незаконные постановления местных органов. Я связался также с районной газетой «Колхозная правда», через которую и освещаю работу по борьбе за ненарушимость советских законов.

Тименко.

К вопросу об организации юридической помощи¹

Вопрос об организации советской адвокатуры есть лишь часть вопроса об организации юридической помощи как населению, так и государственному, кооперативному, колхозному и общественным организациям. В настоящее время оказание юридической помощи населению почти исключительно сосредоточено в коллегиях защитников, за исключением весьма немногочисленных консультаций, содержимых профсоюзными на свои средства в крупных центрах. Кстати сказать, как они работают — неизвестно. Что касается остальных консультаций (бесплатных или в порядке общественной нагрузки), то последние обслуживаются теми же защитниками.

Юридическая помощь организациям обобщественного сектора осуществляется через юрисконсультов этих организаций или служащими тех организаций, где по штату должно быть юрисконсульта не положено.

В то время как защитники до сего времени работают подконтрольно, работа юрисконсультов не контролируется; первые объединены в коллегии защитников, вторые разъединены. Попытки объединить деятельность юрисконсультов и тем поставить их работу под конт-

роль путем создания бюро юрисконсультов при местных прокуратурах оказались бесплодными.

Вопрос о работе юрисконсультов и о контроле за их юридической деятельностью, понятно, не может не занимать внимания органов, регулирующих правовую жизнь страны. В общей печати и на страницах специальных журналов вопрос о юрисконсультах всякий раз выплывает, как только начинает обсуждаться вопрос об организации юридической помощи вообще и о советской адвокатуре в частности, в соображениях, высказываемых по этому вопросу, сквозит определенное желание как-то объединить деятельность защитников с работой юрисконсультов, поскольку, по сути дела, работа последних весьма схожа, если не совпадает с работой первых, отличаясь лишь с внешней стороны: одни работают главным образом в судах, другие — главным образом в арбитражных комиссиях. Но те и другие в своей деятельности руководствуются существующими законами.

Знание законов — обязательное условие для деятельности как защитников, так и юрисконсультов. К сожалению, на это качество «юристов» до сего времени мало обращали внимания. До сего времени и юристом может называться всякий, кто этого пожелает, не забываясь о том, есть ли у него необходимое для этого условие, т. е. знание советского законодательства. По моему мнению, пора юристам сделать специалистами и, так сказать, патентовать их на это звание, воспретив всякому, кто не имеет юридического патента, именовать себя юристом, юрисконсультом, правоведом и т. п. Это тем более своевременно, что с момента принятия великой Сталинской Конституции авторитет личности поднят на небывалую до сих пор высоту. Права личности должны защищаться специалистами право лицами. Не в меньшей мере и степени должны быть обеспечены и права общественных и государственных организаций в единой схеме советского правового строя, так как личность и общество у нас неотделимы. Разнообразнейшие отношения, возникающие между гражданами, с одной стороны, между гражданами и организациями, с другой стороны, и отношения последних, с третьей стороны, в большей степени, чем в любой капиталистической стране, регулируются нормами права, и на всех их лежит печать правового регулирования, исключаяющая произвол, усмотрение, администрирование и пр.

Однако вопрос об объединении защитников и юрисконсультов не так прост практически. По мнению М. Дубровского («Соц. законность» №1), «юрисконсульты всех государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций также могут быть адвокатами, ведущими юридическую судебную работу под надзором совета адвокатуры». Но это говорит лишь о допустимости совмещения звания юрисконсульта с званием защитника.

Также совмещение не запрещалось законом и раньше. Практически же бывало то, что юрисконсульты, состоя членами коллегии защитников, носили звание защитника лишь номинально, фактически не участвуя в той работе, которую обычно выполняли защитники, как-то: выступление в показательных процессах, в консультациях и т. д. Их работой как юрисконсультов коллегии защитников не инте-

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

ресовались. При объединении защитников в коллективы последние вовсе не стали принимать в состав защитников юрисконсульты, поскольку последние не могли быть использованы на работе в коллективах защитников. С другой стороны, и защитники лишены были возможности быть юрисконсультами, оставаясь защитниками, вследствие прямого запрещения этого коллективами по тем же соображениям невозможности полного или частичного использования их на работе в коллективах.

Принципиальных возражений против того положения, что юрисконсульты могут быть защитниками, конечно, сделать нельзя. Но поскольку юрисконсульт, состоящий в штате служащих той или иной организации, тесно связан с местом своей службы, постольку в качестве защитника он будет носить это звание лишь номинально, а отсюда и коллеги защитников будут мало интересоваться его работой и таким образом не будет достигнута поставленная цель — осуществление контроля над деятельностью юрисконсульта. Поэтому, мне кажется, было бы вернее сказать, что не юрисконсульты могут быть защитниками, а наоборот, защитники имеют право совмещать должности юрисконсульты. На первый взгляд покажется, что это одно и то же. На самом деле это не одно и то же. Дело в том, что не всякий юрисконсульт может быть защитником. Если полагают, что кадры защитников все еще засорены случайными людьми, то тем более нужно это сказать в отношении юрисконсульты, среди которых довольно большое число действительно случайных людей, не имеющих никакого отношения к юридической специальности, и юридических знаний которых никто и никогда не проверял.

Когда ставится вопрос об организации контроля над деятельностью юрисконсульты, необходимо сделать так, чтобы этот контроль был действительным. Действительный контроль может быть осуществлен над лицами, зависящими от контролирующего органа, в данном случае от коллег защитников. Защитник, командированный на постоянную работу юрисконсульта на определенный или неопределенный срок, во все время своей работы связан со своей организацией, которая может его отозвать или перевести на другую работу и даже при неподчинении (если он будет послан на должность юрисконсульта коллегией) исключить из организации.

При этой системе и сам защитник-юрисконсульт будет чувствовать себя на работе более независимым, чем в настоящее время, каковое условие, как мне кажется, является основным условием нормальной деятельности для всякого юридического работника, где бы он ни работал. С другой стороны, правовые интересы организаций, где в качестве юрисконсульта будет работать защитник, окажутся в достаточной степени обеспеченными осуществлением контроля над деятельностью защитника со стороны коллег защитников.

Правда, при этой системе юрисконсульты, не состоящие членами коллегий защитников, останутся вне контроля. Но ведь в данном случае речь идет о тех крупных организациях, где имеются штатные юрисконсульты. Последние, несомненно, учтут выгоды состоять одновременно и защитниками и добровольно вступают в коллегии. Вряд ли могут

быть возражения против этого и со стороны организаций, обслуживаемых юрисконсультами. Что же касается тех организаций общественного сектора, которые не могут и не имеют права нанять юрисконсульта и которые ведут свои судебные дела через своих служащих, то понятно, что специального контроля над их правовой деятельностью установить нельзя, а общий надзор за ними и в настоящее время осуществляется прокуратурой.

Эти организации, однако, нуждаются в юридической помощи не менее, чем те, которые имеют юрисконсульты. При возможности для защитника быть одновременно и юрисконсультом последний, не отрываясь от своей основной работы в качестве защитника, может обслуживать их юридической помощью, принимая на себя ведение судебных и других дел или в ином виде. Обслуживание этих организаций юридической помощью возможно на договорных началах с отдельными защитниками или коллегией защитников.

Мне кажется, что намеченная цель — объединить юридическую помощь населению и организациям и поставить ее под надлежащий контроль — предлагаемой мной организацией этого дела будет достигнута.

М. Скрипель.

Советская защита на новом этапе¹

Институт советской защиты после утверждения Чрезвычайным VIII съездом советов Союза ССР Сталинской Конституции вступил в новую фазу развития.

Ст. 111 Сталинской Конституции устанавливает гарантию защиты законных прав каждого гражданина в нашем советском суде.

Обеспечение этой защиты законных прав обвиняемых, несомненно, является главной задачей института советской защиты.

Сталинская забота о человеке как высшей ценности социалистического общества — вот о чем говорят замечательные слова ст. 111 нашей Конституции.

И эта почетная и ответственная обязанность — не допустить ни одного случая неосновательного привлечения члена социалистического общества к уголовной ответственности — лежит в одинаковой мере как на советской прокуратуре и суде, так и на советской защите.

Советская защита есть третье звено в системе советского правосудия.

Всяким толкам о ненужности института защиты в советском государстве, всякому пренебрежительному отношению к защите, недооценке и неправильно пониманию работы защиты положен решительный конец.

Институт советской защиты будет существовать в нашем социалистическом государстве и не только существовать, но и развиваться. Советский защитник, выполняющий честно свои обязанности, нужный член социалистического общества, его работа нужна обществу и пренебрежительное отношение к нему не должно иметь места.

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

Расширение права советской защиты будет, несомненно, иметь место в новом положении о советской защите. Кадры советской защиты должны готовиться занять это место с честью и достоинством.

Новое положение о Народном комиссариате юстиции Союза ССР уже выводит институт советской защиты из положения распыленности и отсутствия единого руководящего центра.

В Наркомате юстиции СССР организован отдел судебной защиты, который будет осуществлять общее руководство и надзор за деятельностью коллегии защитников и организации юридической помощи населению.

Место третьего звена в системе нашего социалистического правосудия институт советской защиты занять сможет, но, чтобы занять его с честью и достоинством, советские защитники должны сейчас же начать готовиться к этому повышением своих политических знаний и квалификации, улучшением своих кадров.

Поэтому, по нашему мнению, вполне своевременно поставить вопрос о первом союзном съезде советских защитников. Этот съезд должен выявить готовность советской защиты занять новое, почетное место третьего звена в системе нашего правосудия, выявить готовность принять на себя ответственность и с честью выполнять новый круг обязанностей в связи с расширением прав защиты в нашем уголовном и гражданском процессе.

К сожалению, на местах коллегии защитников еще не приступили к этой подготовке, и вопросы возможности расширения прав и обязанностей советской защиты в широких кругах судебных работников не обсуждаются.

Если Прокуратура Союза ССР ставит вопрос о возможности допущения защиты в стадии предварительного следствия, то в связи с этим возникает целый ряд вопросов, которые не нашли еще достаточно широкого обсуждения в нашей специальной литературе. С какого именно момента защитник может вступить в процесс предварительного следствия, в какой форме и в разрешении каких вопросов он может участвовать, какие вопросы может ставить для разрешения следственным органам, каким порядком лицо, ведущее следствие по конкретному делу, должно разрешать эти вопросы, — вот примерно круг вопросов, по которым каждый из нас хочет иметь представление.

Нам представляется, что отправной точкой при разрешении этих вопросов должны послужить права обвиняемого, которыми он обладает в стадии предварительного следствия в нашем уголовном процессе. Ведь по существу обвиняемый с момента предъявления ему обвинения пользуется у нас широкими правами представления всех видов доказательств полной или частичной его невиновности по предъявленному обвинению.

Следовательно, и вступление защиты в стадию следствия целесообразнее всего допустить с момента предъявления привлекаемому конкретному обвинению.

Отсюда необходимо предоставить защитнику право принимать дело, находящееся в стадии предварительного следствия, с момента предъявления обвинения привлекаемому к уголовной ответственности. Сейчас защита этим правом не пользуется. Наоборот, есть указания, запрещающие принимать дела, находящиеся в

стадии предварительного следствия, и в связи с этим защитник лишается права даже давать какие-либо советы привлекаемому участвовать в собирании доказательств его полной или частичной невиновности. Такая помощь обвиняемому может расцениваться и часто на практике расценивается как нежелательное вмешательство защиты в процесс предварительного следствия, как помеха правильному ведению следствия. Во избежание подобных нареканий, по существу неправильных, но могущих иметь нежелательные последствия, защитник уклоняется от оказания возможно весьма необходимой и существенной помощи привлекаемому доказать свою невиновность. А ведь возможность оказывать такую помощь, пожалуй, не менее важна, чем защита в суде...

В действительности привлекаемый, имея широкое право собирания доказательств своей невиновности, часто по малограмотности, неумению защищаться или незнакомству с законами не может воспользоваться этим правом.

Вступление защиты в процесс предварительного следствия мыслится нами как передача этих прав обвиняемым своему защитнику. Вместе с тем, чтобы наиболее полно оказать действительную помощь обвиняемому, защитнику должно быть предоставлено право ознакомления с необходимыми материалами предварительного следствия в рамках предъявленного обвинения. Кроме этого, обвиняемому и его защитнику должен предоставляться известный срок для представления возражений и доказательств несостоятельности предъявленного обвинения, подобно тому как ст. 235 УПК дается обвиняемому трехдневный срок подготовки к судебному разбирательству дела после вручения ему копии обвинительного заключения. Из практики мы знаем, что предъявляется обвинение и объявляется об окончании следствия часто в один и тот же день, и малограмотный обвиняемый, растерявшись при предъявлении обвинения, часто заявляет, что он не может дополнить чем-либо следствие, а потом, оправившись от растерянности и обдумав обвинение, часто представляет в суд ряд документов, ходатайствует о вызове ряда свидетелей и т. д., что вызывает иногда возвращение дела на исследование.

Допущение защиты в стадии следствия и предоставление известных сроков для представления доказательств против обвинения сократят число обращений дел к исследованию, а следовательно, и число неосновательных представлений суду.

В связи с этим, разумеется, что защите должно быть предоставлено право ходатайствовать о допросе в стадии следствия свидетелей, право представления письменных доказательств, а для этого право осмотра и ознакомления с необходимыми делами в учреждениях и предприятиях, в связи с деятельностью в которых привлекается подзащитный, право получения справок и копий документов из этих учреждений и предприятий.

Последнее обстоятельство, по нашему мнению, имеет особенно большое значение, так как в настоящее время защита этим правом не обладает и может лишь в судебном следствии заявить соответствующее ходатайство, что во многих случаях также может вызвать отложение дела, если документы и суд находятся в разных районах, а тем более городах.

Обвиняемый как будто этим правом у нас обладает, но оно часто так же обращается в фикцию, так как после увольнения его из учреждения или предприятия и отдачи под суд на него смотрят уже как на преступника, ему не доверяют просмотра документов и отказывают в выдаче их копий или справок, необходимых для дела.

В гражданском процессе ст. 142 УПК предусматривает «возможность выдачи сторонам, а следовательно, и защите свидетельства на право получения документов, копий и всякого рода справок от государственных учреждений и частных лиц для представления в суд». Но эта возможность представляется в каждом отдельном случае по особому всякий раз ходатайству, что только осложняет вопрос. Необходимо расширить это право и предоставить его защите как общее право защиты по гражданским и уголовным делам на получение документов и ознакомление с делами учреждений и предприятий, в связи с деятельностью в которых привлекается подзащитный.

Наконец, защите должно быть предоставлено право ходатайствовать в стадии предварительного следствия о назначении по делу экспертизы, право постановки вопросов, на которые экспертиза должна дать ответы, если вопрос о ее производстве будет разрешен положительно.

Может ли осложнить или помешать делу предварительного следствия и делу борьбы с преступностью предоставление защите вышеперечисленных прав? Следует ли бояться, что защита будет злоупотреблять этими правами и ставить на разрешение следственных органов неосновательные вопросы? Нам думается, что нет. Ведь любое ходатайство защиты может быть отклонено лицом, производящим следствие, если оно будет признано неосновательным. Если же оно будет служить всестороннему расследованию дела, то это только сократит число неосновательных привлечений к суду членов нашего социалистического общества.

Вместе с тем, даже в случае отклонения того или иного ходатайства защиты в стадии предварительного следствия особым мотивированным постановлением следователя, в деле будут налицо все эти вопросы при рассмотрении дела в подготовительном заседании суда, что также будет способствовать всестороннему рассмотрению дела и в этой стадии досудебной проработки и подготовки дела.

Само собой разумеется, что защите должно быть предоставлено право возбуждения и в подготовительном заседании суда ходатайств, отклоненных в стадии предварительного следствия, подобно тому как ст. 272 УПК не ограничивает прав сторон о повторном заявлении ходатайств по ходу судебного следствия.

Постановка вопроса о расширении прав советской защиты логически влечет за собой и постановку вопроса о расширении обязанностей членов коллегии защитников.

До сих пор в этой части правовое положение членов коллегии защитников было весьма неопределенно.

Член коллегии защитников имел определенный круг обязанностей, занимал постоянную должность в организации коллектива. На эту организацию, а следовательно, и на ее членов возлагались определенные задачи Положением о судостроительстве. Но до сих пор член колле-

гии защитников за свои действия отвечал как частное лицо.

В настоящее время ст. 111 Сталинской Конституции на советскую защиту как особую общественную организацию возлагается общегосударственная задача — защита законных прав подсудимых, членов нашего социалистического общества.

Таким образом член коллегии защитников есть лицо, занимающее постоянную должность в общественной организации, на которую возложены определенные обязанности основным законом страны и которая, пользуясь определенными правами, осуществляет общегосударственную задачу. Следовательно, член коллегии защитников, по нашему мнению, вполне подпадает под понятие должностного лица, как его определяет примечание 1 к ст. 109 УК, и следовательно, член коллегии защитников за свои действия и бездействие должен нести ответственность не как частное, а как должностное лицо.

Возражение, что у нас могут быть защитниками и лица, не входящие в коллектив, нам кажется неосновательным потому, что эти лица также будут находиться под наблюдением отдела судебной защиты НКЮ и также будут осуществлять общегосударственную задачу, а следовательно, также будут вполне подпадать под понятие должностного лица.

Признание за советским защитником (или адвокатом, как предлагают изменить название защитника многие товарищи в нашей печати) прав и обязанностей должностного лица повысит его чувство ответственности за порученную и выполняемую им работу и будет содействовать повышению качества этой работы.

М. Тимонин.

Является ли защитник стороной в уголовном процессе?

В свете Конституции СССР колоссально возрастают роль и значение защиты в нашем уголовном процессе.

Ст. 111 Сталинской Конституции обеспечивает каждому обвиняемому право на защиту. Вполне естественно, что осуществление этого права даст сразу огромное увеличение количества процессов с участием защитника.

В этих условиях становится крайне необходимым четкое понимание роли и задач защитника, его процессуального положения в уголовном процессе.

Одним из вопросов, представляющих большой теоретический и практический интерес, является вопрос о том, есть ли защитник стороной в уголовном процессе.

В нашей советской литературе вопрос о процессуальном положении защитника до сих пор разработан весьма слабо. Между тем правильный ответ на этот вопрос в значительной мере предопределяет круг обязанностей защиты в нашем процессе, ибо если защитник не является стороной в процессе, тогда его функции ограничены и заранее предопределяют положение его как представителя и выразителя только лишь интересов подсудимого.

Признание защитника стороной в процессе расширяет функции и роль защиты, превращает его не только в помощника подсудимого,

по и в одного из необходимых помощников суда в деле правильного осуществления правосудия при исследовании доказательств, оправдывающих или смягчающих судьбу подсудимого.

Вот почему совершенно правильно поступил наш законодатель, когда в ст. 23 УПК, перечисляя тех, кто является стороной в процессе, включает в этот перечень также и защитника. В п. 6 ст. 23 УПК сказано: «Под словом стороны разумеются: прокурор, поддерживающий в процессе обвинение, гражданский истец и представитель его интересов, обвиняемый, его законные представители и защитники, потерпевший в тех случаях, когда ему предоставлено право поддерживать обвинение, и представитель его интересов».

Текст ст. 23 УПК, давая довольно четкое определение обязанностей прокурора, не указывает функций защитника. Нет в нашем кодексе в отношении защиты статьи, подобной ст. 8 УПК, точно определяющей функции прокурора. Но одно несомненно ясно из текста ст. 23 УПК, что законодатель считает защитника стороной в процессе и в судебном заседании наделяет защитника теми же правами, что и прокурора, наделяет правами стороны, нигде не выделяя и не ограничивая защитника. Следовательно, дальнейший текст УПК нам также не дает никаких оснований предполагать, что законодатель не считает защитника стороной в процессе.

Однако дело вовсе не в том или, вернее, не столько в том, что отрицание за защитником прав стороны противоречит текстуальному содержанию соответствующих статей УПК. Вопрос заключается в том, что это отрицание невольно превращает защитника в выразителя мнения обвиняемого. Между тем защитник, защищая подсудимого, помогая ему использовать права стороны, не может рассматриваться как заместитель подсудимого, ибо подсудимый не переступает ему своих прав, он выступает не вместо подсудимого, а наряду с подсудимым, и его обязанностью и долгом вовсе не является добиваться во всех случаях во что бы то ни стало оправдания подсудимого.

Защита должна быть обоснована фактическими обстоятельствами дела, а не голым стремлением «выгородить» подсудимого. При этом основной функцией защитника является исследование улики с точки зрения возможности оправдания или смягчения участи подсудимого. Только в этом смысле и в этих пределах он является помощником суда, помогает подсудимому осуществлять, использовать свои права стороны. Таким образом защита прав подсудимого и помощь суду составляют неразрывное целое в деятельности защитника. Мы не можем отделять и противопоставлять одну из этих функций другой. Они неразрывно связаны. И если не сводить роли защитника к роли заместителя подсудимого, то неизбежно признание за защитой прав стороны в процессе.

Вопрос этот приобретает особо актуальное и практическое значение в связи с необходимостью точного определения обязанностей стороны в процессе в подготавливаемом к утверждению союзном УПК.

Представление о защитнике как заместителе подсудимого на практике приводило к тому, что защитники неправильно понимали свое назначение, прибегали ко лжи, вымыслу, осно-

вывали свои выводы не на фактических обстоятельствах дела и вводили в заблуждение суд.

Подобная практика должна быть признана совершенно чуждой нашему советскому процессу.

Честность и правдивость — вот качества, необходимые советскому защитнику. Честное и правдивое исследование всех доказательств по делу и на их основе действительная защита прав обвиняемого — вот что превратит защитника в подлинного помощника социалистического правосудия.

Функции обвинения несовместимы с обязанностями защитника, поэтому защитник не может и не должен заниматься, как это иногда склонны предполагать некоторые наши практические работники, собиранием как оправдывающих, так и уличающих обстоятельств.

Перед законодательством в настоящее время стоит задача скорейшего приведения нашего УПК в соответствие с требованиями Сталинской Конституции.

Такого срочного изменения требует в настоящее время ст. 239 УПК, ставящая вопрос о допущении защиты в зависимости от единоличного решения судьи. В этой части ст. 239 находится в прямом противоречии с нашей Конституцией. Соответствующего изменения требуют также ст.ст. 381 и 382 УПК, регулирующие этот вопрос в областных и краевых судах.

Из текста ст. 111 Сталинской Конституции с несомненностью вытекает необходимость допущения защиты со стадии предварительного расследования, точнее с момента предъявления обвинения. Это положение выдвигает вопрос о правах и обязанностях защитника и в стадии предварительного расследования. Руководителем предварительного расследования является прокурор. Здесь нет сторон. До сих пор прокурор и следователь обязаны были собирать и уличающие и оправдывающие обстоятельства. Снимается ли с них (то есть с прокурора и следателя) с появлением защитника обязанность собирания оправдывающих улики? Разумеется, нет. В стадии предварительного расследования защитник не приобретает прав стороны и, разумеется, стороной не является. В обязанности защитника в этой стадии не входят собирание улики, допросы свидетелей, экспертов, собирание вещественных доказательств и т. п. Таким образом он не участвует в расследовании дела. Его роль сводится здесь к роли консультанта. Он дает обвиняемому те или иные советы о заявлении перед следователем и прокурором соответствующих ходатайств, способствующих смягчению участи обвиняемого или могущих его оправдать частично или целиком. Но все это отнюдь не превращает защитника в частного поверенного в делах обвиняемого и, конечно, не противоречит нашему утверждению о том, что защитник является и должен быть признан стороной в судебном заседании.

Ломброзо.

О правах юрисконсультов

Нам представляется совершенно непонятным, почему защитников наделяют большими правами, нежели юрисконсульты.

Как те, так и другие должны иметь специальные познания и практическую подготовку для осуществления защиты интересов отдельных граждан или социалистического сектора.

Вопросы обеспечения прав трудящихся и ограждения их интересов особо подчеркнуты в Конституции СССР, точно так же на фоне все возрастающей мощи экономической жизни СССР необходимо признать особо важным вопрос защиты законов, регулирующих работу наших предприятий социалистического характера.

Только правильное разрешение взаимоотношений различных организаций соцсекторов будет способствовать увеличению общественного богатства и подъему материального и культурного уровня трудящихся.

Если сравнить задачи, поставленные перед юрисконсультom и членом коллегии защитников, совершенно будет ясно, что как один, так и другой являются в своей работе проводниками законности.

Юрисконсульты сегодня обслуживают соцсектор, а при желании обслуживать население осуществление его встречает затруднения: юрисконсультам не разрешают работать в коллегии защитников, тогда как члены коллегии защитников без помех совмещают основную работу в коллегии с работой в соцсекторе по совместительству.

У хозяйственников сложилось представление, что юрисконсульты — это не столь важный обслуживающий персонал, и на этом основании ставки для юрисконсультов устанавливаются в 500 руб. в месяц.

Это ограничение часто вызывает переход

юрисконсультom на другую работу не по специальности. В результате кадры проверенных работников юстиции уходят, а в это время НКЮ озабоченно составляет планы подготовки новых кадров, которые должны притти на смену «ушедшим».

Надо повести решительную борьбу с взглядами, будто соцсектор не нуждается в защите своих интересов от посягательства на них со стороны другого соцсектора. Именно потому, что с каждым днем развивается мощь нашей экономики, наши отношения индивидуальные и социалистические требуют определенного направления.

Борьба за высокие показатели выполнения всего народнохозяйственного плана не мыслится в узком производственном понимании этого слова.

Там, где еще имеют место нарушения законов, расхлябанность и попустительство, никогда не может быть высоких показателей производственной или хозяйственной деятельности.

Именно поэтому и одновременно с пересмотром работы судебных органов необходимо обсудить меры укрепления законности в соцсекторах.

Необходимо создать организующий и направляющий центр для юрисконсультom, пересмотреть и расширить права и обязанности юрисконсультom. Этого решительно требует от нас сама жизнь.

Л. Дубко.

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция ждет сообщения НКЮ СССР, что предполагает сделать НКЮ в этой области.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

17 октября 1936 г. приговором линейного суда железной дороги имени Л. М. Кагановича были осуждены: по ч. 1 ст. 59^а Проскуряков Павел Матвеевич к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, Кудымов Степан Прокопьевич к 5 годам лишения свободы с запрещением занимать должности, связанные с безопасностью движения поездов, на три года; по ч. 2 ст. 59^а УК Леонтьев Яков Иванович к 10 годам лишения свободы с запрещением работать на транспорте и Колмогоров Николай Андреевич к высшей мере наказания — расстрелу.

Транспортная коллегия 3 ноября 1936 г. приговор оставила в силе. Колмогорову же расстрел был заменен десятью годами лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

23 сентября 1936 г. на перегоне Козьял-Шарама произошло крушение товарного поезда 1005, в результате которого были ранены 5 человек из поездной бригады, разбиты два па-

ровоза, 34 вагона и причинен ущерб в 314 471 руб.

Судом было установлено, что поезд 1035 был отправлен со станции Шаля без действующих тормозов с перекрытыми концевыми кранами воздушной магистрали.

Основными виновниками крушения были судом в то время признаны машинист Колмогоров, который при отправлении поезда и в пути следования не опробовал действия тормозов, и поездной мастер Леонтьев, который не проверил наличия действующих тормозных осей и действия автотормозов и сообщил дежурному по станции о готовности поезда к отправлению.

Проскурякова суд признал виновным в том, что он, будучи начальником вагонного участка, не только не вел борьбы с авариями и крушениями, но в ряде случаев прикрывал дезорганизаторов трудовой дисциплины, в частности, допустил к работе поездного мастера Леонтьева, в прошлом злостного нарушителя дисциплины, без проверки его знаний и систематически давал в управление дороги ложные сведения об отцепке вагонов по горению бунк.

Главный кондуктор Кудымов был осужден за то, что при отправлении поезда не потребовал постановки в поезд вагона, оборудованного стоп-краном.

По материалам судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра (показания осужденного Турок) установлено, что крушение поезда 1005 было совершено с целью диверсии Леонтьевым по заданию члена контрреволюционной троцкистской организации Прокуракова. Тормозный кран между тендером паровоза и головным вагоном был умышленно перекрыт Леонтьевым.

Учитывая вновь открывшиеся обстоятельства в отношении Прокуракова и Леонтьева и что вина Колмогорова заключается в грубом нарушении правил технической эксплуатации, приговор линейного суда от 17 октября 1936 г. и определение транспортной коллегии от 3 ноября 1936 г. в отношении Прокуракова П. М. и Леонтьева Я. И. подлежат отмене с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия; в остальной части приговор следует оставить в силе, снизив наказание Колмогорову и Кудимову.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор и определение транспортной коллегии в отношении Прокуракова и Леонтьева и на основании ст.ст. 445—447 УПК отменить и дело о них передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, в остальном приговор оставить в силе, снизив меру наказания Колмогорову до 5 лет и Кудимову до 2 лет.

НЕОБОСНОВАННОЕ СНИЖЕНИЕ РЕПРЕССИЙ

Главный суд Киргизской АССР 10 октября 1936 г. приговорил по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы бывшего директора племхоза «Аламедин» Мархашева Ефима Романовича.

Кассационная коллегия Верховного суда РСФСР переквалифицировала деяние Мархашева по ст. 111 УК и определила ему наказание в 1 год и.т. работ.

Прокуратура Союза опротестовала определение кассационной коллегии по следующим основаниям:

Переквалификацию деяния Мархашева и назначение ему наказания кассационная коллегия мотивировала отсутствием тяжелых последствий и первой судимостью Мархашева. Действительно, по имеющимся в деле данным, Мархашев судился впервые, однако, что касается тяжелых последствий деяния Мархашева, то вывод кассационной коллегии об отсутствии их явно противоречит материалам дела.

Мархашев в 1935 г. был назначен директором племхоза «Аламедин», где выращивался высокопродуктивный скот «швид». Несмотря на наличие кормовых и денежных ресурсов, работа его привела к тому, что к весне 1936 г. скот оказался сильно истощенным. Имея с осени 1935 г. грубые корма в количестве, вполне обеспечивающем скот до выпаса, Мархашев не обеспечил сохранность кормов.

Корма эти расходовались хищнически, охрана сена и соломы не была организована, рацион для скота не был установлен. Все это привело к тому, что задолго до выхода на пастбище скот содержался в полуголодном

состоянии, а вместе с тем имели место появления хилого приплода и падеж молодняка.

В период принятия Мархашевым совхоза в нем имелось 180 голов бруцеллезного скота. Несмотря на соответствующие требования ветперсонала, Мархашев не только не принял никаких мер к сокращению этого заболелания, наоборот, его работа привела к тому, что к весне 1936 г. больных бруцеллезом оказалось 443 головы. Мархашев не принял никаких мер к изоляции больного скота. Больной скот общался со здоровым на выпасе и водопое. На бруцеллезных быках ездили по всем участкам совхоза, в том числе и по тем, где содержался здоровый скот. Рабочие, обслуживающие бруцеллезный скот, имели доступ к здоровому. Наконец, несмотря на категорические требования ветврача о пастеризации молока, молодняку давалось молоко больных коров без предварительной пастеризации. Не принял Мархашев необходимых мер борьбы и с другими эпизоотиями, в результате чего рогатый скот, а также лошади и свиньи переболели мытом и чумой.

Противоэпизоотические мероприятия ветперсонала Мархашев всячески тормозил. Как видно из показаний ветврача свидетеля Терехина, когда появилась чума у свиней, Мархашев дал распоряжение этих свиней не лечить, а убивать на мясо. Это распоряжение до конца доведено не было только в связи с вмешательством в это дело районного ветврача и районного отделения НКВД. Пастеризации молока и устройства перевалочных пунктов для скота Терехину удалось добиться только после вмешательства специальной комиссии Наркомзема. Строительство телитников шло крайне медленно и качество этого строительства было неудовлетворительно. Несмотря на постоянно имевшиеся в хозяйстве эпизоотии, всю зиму 1935—36 г. племхоз был лишен каких-либо дезинфицирующих средств. Не было даже специальной повозки для перевозки павшего скота, перевозился он общими перевозочными средствами, что привело к разнесению инфекции по всему племхозу.

Все эти обстоятельства опровергают утверждение кассационной коллегии об отсутствии тяжелых последствий преступных действий Мархашева. Кроме того, органы предварительного следствия и суд не уделили необходимою внимания выяснению мотивов, которыми руководствовался Мархашев в своей преступной деятельности.

Определение кассационной коллегии Верховного суда РСФСР и приговор главного суда Киргизии в отношении Мархашева надлежит отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор главного суда Киргизской ССР от 14 октября 1936 г. и определение Верховного суда РСФСР от 22 ноября 1936 г. в части, касающейся Мархашева, отменить и дело его передать в прокуратуру Киргизской ССР для проведения дополнительного расследования.

НЕОБОСНОВАННОЕ ПРЕДАНИЕ СУДУ

Подготовительным заседанием главного суда Крыма от 14 января 1937 г. Абрамов С. С., директор симферопольского консервного завода,

имени 1 мая и главный бухгалтер того же завода Кабаков А. Я. были преданы суду по ст. 109 УК. Указанным выше лицам инкриминировалось израсходование без ведома Госбанка 115 746 рублей. Кроме этого, Абрамову инкриминировалось израсходование неоплаченного сахара, принадлежащего конторе Сахаросбыта в количестве 612 тонн.

Считая постановление главного суда Крыма неправильным, Прокуратура Союза ССР опротестовала его по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что хотя Абрамов допустил грубое нарушение правил кредитной реформы, реализуя продукцию завода и расходуя помимо Госбанка получаемые в результате этой реализации деньги, однако, поскольку эти расходы были произведены исключительно в интересах производства и никаких личных или корыстных целей Абрамов и Кабаков не преследовали, не было необходимости в привлечении их за израсходование этих денег к уголовной ответственности.

Что касается обвинения Абрамова в израсходовании сахара, принадлежавшего конторе Сахаросбыта, без оплаты, то как видно из полученного Прокуратурой Союза письма народного комиссара пищевой промышленности т. Микояна, это было вызвано наличием на заводе около 2000 тонн яблочного теста, которое начало подвергаться порче, и оставление этого теста без срочной переработки грозило причинением государству ущерба в размере около 2 миллионов рублей. В этих условиях Абрамов вынужден был использовать сахар, принадлежавший Сахаросбыту.

По распоряжению т. Микояна вся сумма задолженности за израсходованный сахар была рассрочена на три месяца и уже погашена полностью.

Действия Абрамова и Кабакова не повлекли за собой ущерба государству. Под их руководством завод досрочно выполнил программу и в настоящее время работает хорошо, и в отношении Абрамова и Кабакова правильное ограничение дисциплинарным взысканием.

Уголовно-судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры СССР, определила восстановление подготавливаемого заседания Крымского главного суда о предании Абрамова и Кабакова суду отменить и дело в отношении их на основании примечания к ст. 6 УК РСФСР в уголовном порядке производством прекратить.

НЕ ЗАКОН ОТ 7 АВГУСТА 1932 г., А СТ. 109 УК

Приговором народного суда Б. Муртинского района Елгин Мартемьян Николаевич был осужден по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества по обвинению в том, что, как гласит приговор «...воспользовавшись слабостью управления ЗРК, пробрался заведующим магазином... и за период своей работы занимается систематической пьянкой, растратированием, хищением из магазина кооперативного имущества, товаров, продуктов, брал сверх нормы, не уплачивая денег, в результате при производстве ревизии магазина... получила растрата в сумме 2750 р. 92 коп. при получении товаров со складов, а также и с перевалочных пунктов старался получить товары, не внося в

фактуры, которые шли полностью в его личное пользование».

Кассационного определения в деле нет, но имеется надпись на приговоре за подписью члена докладчика и печатью краевого суда, согласно которой определением УКК приговор оставлен в силе, а жалоба — без последствий.

Прокуратура Союза ССР, считая, что обвинение Елгина по закону 7 августа 1932 г. не обосновано материалами дела, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям:

Факт растраты Елгиным 2750 р. 92 к. не доказан; несмотря на своевременно заявленное Елгиным обоснованное ходатайство, бухгалтерской экспертизы по делу не было; заявление на суде свидетеля Узунова о том, что все документы тщательно проверены и что обнаруженная у Елгина растрата вполне установлена, голословно и было принято народным судом без проверки.

Между тем, послужившие поводом к возбуждению этого дела акты от 25 октября и 17 ноября 1933 г. не проверялись ревизионной комиссией, сами по себе представляют голые цифровые итоги в денежном выражении и ни в какой мере не выявляют ни фактического (товарного) состава недостачи, ни ее причин.

Участие самого Елгина в составлении этих актов само по себе не доказывает растраты, тем более, что Елгин, не отвергая выведенного в этих актах расхождения между наличным остатком товаров в магазине с остатком по документам бухгалтерии ЗРК, с самого начала дела заявлял о неправильности и неточности учета документов бухгалтерией ЗРК.

Показания продавца Шербакова об отпуске им Елгину 18 метров костюмного трико и заведующего магазином Латынцева об отпуске им Елгину куля сахару не заслуживают доверия.

У Латынцева оказалась недостача сахара на 500 руб. и вполне возможно, что Латынцев, заявляя об отпуске Елгину без фактуры сахара, использовал неблагоприятно сложившиеся для Елгина условия для того, чтобы оговором Елгина снять с себя ответственность за недостачу сахара.

Обвинение судом Елгина в том, что он якобы «старался получать товары, не внося в фактуры», не вытекает из обстоятельств дела, так как из показаний Шербакова и Латынцева не следует, что Елгин просил или добивался отпуску ему трико и сахара без выписки фактуры.

В то же время это обвинение противоречит частному определению народного суда, где последний сам констатирует, что отпуск товаров без фактур был «в системе ЗРК».

Объяснение Елгина, что обнаруженные и изъятые у него при обыске продукты, материалы и деньги принадлежали ему и его семье, не проверялось и не опровергнуто, причем стоимость обнаруженных продуктов и материалов ни в протоколе обыска, ни в документах о сдаче их в ЗРК не указана.

Обвинение Елгина в систематическом пьянстве ничем на суде не подтверждено, так как ни один из допрошенных на суде свидетелей (Шербаков, Латынцев и Узунов) никаких показаний по этому вопросу на суде не давал, а Латынцев даже заявил, что «за Елгиным ни-

чего особенного не замечал», показание же по этому вопросу на расследовании Замараева судом не проверялось, да и он говорил только о двух конкретных случаях пьянок, причем об одном — со слов другого лица.

Для обвинения Елгина в том, что он, «воспользовавшись слабостью правления ЗРК злоумышленно «пробрался заведующим магазином», в деле нет никаких данных, кроме одного лишь голого факта, что Елгин — спецпереселенец, высланный в трудпоселок в составе семьи отца-кулака. Между тем, этот факт Елгиным не скрывался и был известен и правлению ЗРК и местным органам, контролирующим и согласовывающим поступление спецпереселенцев на те или иные работы.

При всех указанных условиях доказанным по делу является лишь то, в чем Елгин с самого начала расследования признал себя виновным, т. е. то, что он брал из магазина разные продукты без оплаты и был известен и правлению ЗРК и местным органам, контролирующим и согласовывающим поступление спецпереселенцев на те или иные работы.

Президиум Красноярского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил переqualифицировать преступление Елгина с закона 7 августа на ст. 109, в соответствии с чем снизить ему меру наказания до 3 лет лишения свободы и вследствие отбытия этого срока из-под стражи его немедленно освободить.

НЕБРЕЖНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ

16 октября 1935 г. народный суд г. Костромы приговорил: Степанова Андрея Васильевича, рабочего, столяра с 38-летним производственным стажем, работавшего десятником на постройке дома для фабрики им. Ленина, по ст. 111 УК к 1 году и.т. работ; Егорова Николая Александровича, рабочего, каменщика, работавшего на постройке домов нормировщиком-тарификатором, по ст. 111 УК к 8 месяцам и.т. работ и Матросова Анатолия Николаевича, рабочего, плотника, работавшего на постройке домов нормировщиком-тарификатором, по ст. 111 УК к 1 году и.т. работ.

Кассационная коллегия Иваново-Промышленного областного суда 3 ноября 1935 г. приговор народного суда оставила в силе.

Проверявшая дело в порядке надзора Прокуратура ИПО 8 марта 1936 г. не нашла оснований для опротестования приговора и жалобу Степанова оставила без последствий.

Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда и определение УКК областного суда по следующим основаниям:

Осужденные были признаны виновными в том, что по вине нормировщиков-тарификаторов Матросова и Егорова были допущены не-правильности в установлении расценок при выплате зарплаты рабочим строительства, десятник Степанов не следил за правильностью расценок, неаккуратно и небрежно, простым карандашом писал наряды по выполненным работам, не следил за правильным расходованием лесоматериалов, в результате чего получился перерасход по строительству на 34 808 руб. 24 коп.

Предварительное следствие и суд допустили исключительно поверхностный подход к этому делу.

Констатируя перерасход, предварительное следствие не позаботилось выяснить, кто дол-

жен нести за него ответственность. Этот грубый дефект следствия был отмечен постановлением прокурора г. Костромы, вернувшего дело для дополнительного расследования.

Это указание, однако, не было выполнено.

Когда при первом слушании дела, 10 августа 1935 г., народный суд, выслушав заявление эксперта Кузнецова о том, что уточнить расценки экспертиза не может, так как для этого мало времени, что цены установить вообще трудно, что давать исчерпывающее заключение без обвиняемых и проверки имеющихся у них документов нельзя, вынес определение о направлении дела к доследованию, то это определение было опротестовано прокуратурой г. Костромы и отменено кассационной коллегией облсуда ИПО.

Суд обвиняет Степанова в том, что он писал неграмотно и небрежно наряды на выполненные работы. При этом суд не устанавливает ни злоупотреблений, ни корысти. Остается, таким образом, только неграмотное писание нарядов. Но за неграмотность не предадут уголовному суду.

Предварительное следствие и суд обязаны были выяснить, действительно ли на обязанности Степанова лежало наблюдение за правильностью расценок. В деле имеются указания, что эта обязанность лежала на непосредственном начальнике всех осужденных — инженере Козловском.

По обвинительному заключению перерасход в сумме 34 808 руб. 24 к. делится на перерасход по зарплате 26 598 руб., а остальная сумма в 8 210 руб. — на перерасход лесоматериалов. Между тем, эксперт Никитин, давший в судебном заседании заключение, устанавливает, что завышение расценок, имевшее место в отдельных случаях, не могло повлиять на значительное удорожание работ.

Наконец, у суда не мог не возникнуть вопрос, какова же роль в допущении перерасхода в такой значительной сумме руководителей постройки — инженеров Козловского и Никитина.

Суд не только не поставил перед собой и не разрешил этого основного вопроса, но считал вполне нормальным положение, когда человек, ответственный за постановку строительной работы, т. е. начальник осужденных, выступает экспертом по делу.

Только поверхностный подход к делу мог продиктовать приговор, по которому старые рабочие производственники, из коих Степанов имеет 38-летний производственный стаж, много раз премировавшийся, оказались осужденными, при абсолютной недоказанности обвинения.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор суда отменить и дело в отношении Степанова, Матросова и Егорова в уголовном порядке прекратить. Возникает законный вопрос: почему прокуратура ИПО прозвела такое дело?

ИСК О ВОЗМЕЩЕНИИ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ ПРЕСТУПНОЙ ХАЛАТНОСТЬЮ

Приговором народного суда 4 участка г. Ростова на Дону от 28 октября 1935 г. гр-ка Савенко Елена Ивановна была признана виновной в том, что, работая кассиром расходной кассы № 2 Ростовского городского отделения

Черноморской конторы Госбанка, выдала неизвестной женщине по подложному чеку, написанному от имени Свинокоопхоза № 1, 20 735 руб., не сличив по своей халатности подписей на чеке контролеров Госбанка с имевшимися у нее образцами.

Квалифицируя деяния Савенко по ст. 111 УК, народный суд приговорил ее к 1 году и.т. работ условно с испытательным сроком в 2 года и взыскал с нее в возмещение причиненного ее действиями убытка в пользу Госбанка 4 000 руб.

Судебно-кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев 5 ноября 1935 г. кассационную жалобу Савенко, пришла к выводу, что осуждена она по ст. 111 УК правильно, и в этой части приговор народного суда утвердила. В части присуждения с гр-ки Савенко гражданского иска судебно-кассационная коллегия признала приговор неправильным и в иске Госбанку отказала на том основании, что руководство отделения Госбанка не уделяло должного внимания чековым операциям и не обеспечило надлежащего хранения чековых книжек, вследствие чего и явилась возможность получения денег по подложному чеку.

Одновременно частным определением судебно-кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда возбудила дисциплинарное преследование против руководства отделения Госбанка, не обеспечившего хранение социалистической собственности.

Прокуратура Союза, считая определение судебно-кассационной коллегии Азово-Черноморского краевого суда в части отказа в гражданском иске Госбанка к гр-ке Савенко неправильным, опротестовала его по следующим основаниям:

Халатное отношение гр-ки Савенко к своим служебным обязанностям, в результате чего последовала выплата по подложному чеку 20 735 руб., вполне доказано и констатируется самой судебно-кассационной коллегией, утвердившей приговор в части признания гр-ки Савенко виновной по ст. 111 УК. То обстоятельство, что против руководства отделения Госбанка возбуждено дисциплинарное преследование за неправильную постановку работы по чекам и неадекватное их хранение, способствовавшее возможности получения денег по подложному чеку, не могло служить основанием к отказу Госбанку в предъявлении им к гр-ке Савенко иска о возмещении причиненных ее халатностью убытков и давало лишь основание к постановке вопроса, насколько правильно определен размер гражданской ответственности гр-ки Савенко, поскольку таковую должны нести и другие лица.

Президиум Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение кассационной коллегии краевого суда отменить и дело передать в другую кассационную коллегию на новое рассмотрение.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ НЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Народный суд 3 участка Киевского района г. Москвы 1 октября 1936 г., рассмотрев дело по иску райжилотдела Киевского района, к гр-ке Михайловой об изъятии излишков жилплощади, решил: выселить гр. Меркулова из комнаты размером 29 кв. м (каковую комнату

Михайлова сдавала Меркулову), в указанную комнату вселить Михайлову, а комнату в 12 кв. м изъять у Михайловой и передать ее райжилотделу.

Кассационная коллегия городского суда 1 ноября 1936 г. решение народного суда утвердила.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда и определение кассационной коллегии городского суда по следующим основаниям:

Комнаты, о которых идет речь, находятся в 6 этаже дома № 2/5 по Кармалинскому пер. (кв. № 23).

Верхний (6-й) этаж указанного дома представляет собой квартиры особого типа: они специально приспособлены для мастерских художников.

Как было установлено осмотром на месте, произведенным представителем Прокуратуры СССР, квартира 23 состоит из 2 комнат: комнаты в 29 кв. м с большим окном во всю стену и подсобной при ней комнаты в 12 кв. м. Целевое назначение этой квартиры — ателье для художника. Квартира эта в течение десятилетий была мастерской-студией.

До 1935 г. мастерскую с подсобной при ней комнатой занимал художник Михайлов. По выезде Михайлова его жена, продолжая занимать подсобную комнату, сдала мастерскую в пользование художнику Меркулову. Меркулов уже свыше 4 месяцев мастерскую не занимает и из Москвы выехал.

Постановив переселить гр-ку Михайлову из подсобной комнаты (12 кв. м) в мастерскую (29 кв. м), а подсобную комнату передать райжилотделу для заселения лицами, нуждающимися в площади, народный суд поступил неправильно.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1935 г. (СУ 1935 г. № 12, ст. 123) действие постановления ВЦИК и СНК от 20 августа 1933 г. («О жилищных правах научных работников») распространено на художников и скульпторов, являющихся членами союзов художников и скульпторов, с предоставлением названным союзам тех же прав по распоряжению жилплощадью, какие предоставлены секциям научных работников.

По освобождении мастерской, занятой художником Михайловым, таковая, согласно § 18 и 21 инструкции НКХ и НКЮ РСФСР и КСУ при СНК СССР от 21 октября 1933 г. (действие которой циркуляром НКХ и НКЮ РСФСР № 102/45 от 5 мая 1935 г. распространено на союзы художников и скульпторов) могла быть занята лишь по ордеру, выданному Московским областным союзом советских художников.

Народный суд, рассматривая вопрос о судьбе мастерской, не выяснил ее назначения, полагая, что имеет дело с жилой площадью обычного типа, и к рассмотрению дела не привлек Московский областной союз художников.

Постановив переселить в мастерскую гр-ку Михайлову с детьми, суд вынес решение, противоречащее специальному назначению мастерской.

Это решение, ведущее к изъятию специально построенной мастерской из числа немногих, имеющихся в Москве, помещений подобного типа не может быть оставлено в силе.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, — по-

становил решение народного суда от 1 октября 1936 г. изменить следующим образом: слова «выселить в комнату 29 кв. м Михайлову с семьей, комнату 12 кв. м, занимаемую Михайловой, как излишнюю и служившую предметом эксплуатации со стороны Михайловой, изъять у Михайловой, выселить из нее Михайлову и передать райжилотделу Киевского района» исключить из решения суда и заменить их словами: «Комнату в 29 кв. м передать в распоряжение Московского областного союза советских художников для использования согласно действующим правилам».

НЕЗАКОННЫЙ ОБМЕН ЖИЛОЙ ПЛОЩАДЬЮ

Проживавший в квартире 12, в доме № 22, по Порядковому переулку (г. Москва, жакт № 316) гр. Борисов Е. М. 26 февраля 1936 г. обменял свои две комнаты размером 16 кв. м на комнату (размером 11 кв. м) гр. Ямпольского М. М., проживавшего в частновладельческом доме в с. Ново-Коптево, Октябрьского района, Московской области по 3 Ново-Коптевскому проезду д. № 8/19. На своей площади Борисов проживал с женой и ребенком, а Ямпольский — с семьей в 4 человека. Свою комнату Ямпольский получил за 800 руб. в постоянное пользование по договору от 15 ноября 1932 г. от основного арендатора дома гр. Каменецкого С. Г.

В марте 1936 г. Борисов продал свою комнату за 2000 руб. гр. Срулову, а сам выехал неизвестно куда.

Считая обмен комнатами между Борисовым и Ямпольским фиктивным, гр-ка Фролова, проживающая в кв. № 13 дома № 22 по Порядковому пер. и занимавшая с ребенком и матерью комнату в 3,97 кв. м, предъявила иск о признании этого обмена недействительным и о выселении гр. Ямпольского из комнаты б. Борисова с предоставлением этой комнаты ей, Фроловой.

28 июня 1936 г. народный суд 2 участка Октябрьского района иск удовлетворил.

По этому решению народного суда гр. Срулов должен был освободить комнату б. Ямпольского, последний должен был освободить комнату Борисова и переселиться в свою прежнюю комнату (в доме № 8/19 по Ново-Коптевскому пер.), комнату же Борисова суд предоставил гр-ке Фроловой.

Гражданская кассационная коллегия Московского городского суда 10 июля 1936 г. это решение отменила и передала дело на новое рассмотрение.

При вторичном рассмотрении дела, 28 августа 1936 г., народный суд в иске Фроловой отказал.

Кассационная коллегия Московского городского суда 26 сентября 1936 г. это решение оставила в силе.

Прокуратура Союза, считая это решение народного суда и определение кассационной коллегии Московского городского суда неправильными, опротестовала их по следующим основаниям:

Никакого права собственности гр. Ямпольский на комнату в доме № 8/19 по 3 Ново-Коптевскому проезду не приобрел.

Еще договор от 15 ноября 1932 г. с гр. Каменецким вытекает из договора последнего с домовладельцем гр. Мухиным от 10 сентября 1932 г.

По этому договору Мухин сдал Каменецкому и Грудскому сарай в своем дворе под жилое помещение сроком на 2 года.

За произведенное переоборудование сарая под жилое помещение Каменецкий и Грудский освобождаются от уплаты арендной платы в течение 2 лет. Срок этот может быть (п. 4 договора) продлен с ежемесячной уплатой по 60 руб. По п. 5 договора арендаторы имеют право передать занимаемое помещение, или части его, другим лицам на тех же условиях. Поэтому договор Ямпольского с Каменецким от 15 ноября 1932 г. не есть договор купли-продажи комнаты, а есть лишь договор аренды.

При этих условиях продажа Борисовым Срулову за 2000 руб. приобретенной в порядке обмена с Ямпольским комнаты есть явная спекуляция.

Что обмен являлся фиктивным, знал и гр. Ямпольский. Это видно из объяснения доверенного Ямпольского, подтвердившего в судебном заседании 28 августа 1936 г., что Ямпольский узнал, что Борисов собирается уезжать только тогда, когда ему предложили подписать передаточную.

Фиктивность этого обмена подтверждается тем, что Борисов реально не использовал жилплощади, полученной в обмен (§ 11 инструкции НККХ и НКЮ № 150/105 от 19 июля 1934 г. «Об условиях и порядке обмена жилыми помещениями»).

Обмен этот является неправильным еще и потому, что совершен с нарушением § 8 п. «г» указанной выше инструкции НККХ и НКЮ № 150/105 от 19 июля 1934 г., согласно которому требуется, чтобы в результате обмена было не менее 5 кв. м на человека в жилищном помещении. По размеру жилплощади в комнатах Борисова и в комнате Ямпольского приходящаяся на человека жилплощадь меньше 5 кв. м.

При таких условиях гр. Ямпольский должен был возвращен на прежнюю свою площадь, в дом № 8/19 по Ново-Коптевскому проезду, а комната, бывшая Борисова в д. 22 по Порядковому пер., должна была передана жакту № 316 для распределения среди своих членов. Нужно еще принять во внимание, что жакт в судебном заседании 28 августа признал иск.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии народного суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе.

ИЗЪЯТИЕ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ ПО ФОРМАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ НЕПРАВИЛЬНО

Писатель Иванов-Грамен занимал 2 комнаты общей площадью 42 кв. м в д. № 16 по Малой Лубянке. В одной комнате площадью 18 кв. м жил сам Иванов-Грамен, а в другой площадью 24 кв. м — его брат, писатель Иванов-Павлов с женой. 24 сентября 1934 г. Иванов-Павлов выехал с женой на Сахалин по договору с газетой «Сахалинский рабочий».

Еще до истечения трехмесячного срока со дня отъезда гр. Иванова-Павлова комендатура дома и жильцы Массальский и Медведев предъявили иск об изъятии комнаты в 24 кв. м у гр. Иванова-Грамена.

Иск был основан на том, что Иванов-Павлов при отъезде не получил брони на занимаемую им жилищную площадь и что он не имеет права на сохранение жилищной площади, так как он не имел самостоятельного лицевого счета (лицевой счет открыт был на Иванова-Грамена).

13 ноября 1934 г. народный суд в иске комендантуре дома № 16 и гр. Массальскому отказал.

Кассационная коллегия 8 декабря 1934 г. решение народного суда отменила и передала дело на новое рассмотрение.

8 января 1935 г. народный суд решил изъять у гр. Иванова-Грамена комнату в 24 кв. м и передать эту комнату гр. Массальскому, а комнату, занимаемую гр. Массальским, передать гр. Калухчянцу.

27 января 1935 г. кассационная коллегия решение оставила в силе. Президиум Московского городского суда 25 июня 1935 г., не подвергнув обсуждению основной вопрос иска о законности изъятия площади Иванова-Павлова, отменил решение народного суда, передав на новое рассмотрение вопрос о распределении изъятых комнат между Массальским и Калухчянцем. 4 января 1935 г. народный суд решил оставить спорную площадь за гр. Массальским. Решение это было приведено в исполнение.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда по следующим основаниям:

Утверждение суда о том, что Иванов-Павлов не имеет самостоятельного права на спорную жилищную площадь, необосновано. Иванов-Павлов проживал на спорной площади с 1925 г. до 1934 г. совместно с братом, ведя с ним общее хозяйство.

При таких условиях то обстоятельство, что жиро-приказы выписывались на имя одного из братьев, Иванова-Грамена, не имеет значения и не лишает члена семьи Иванова-Павлова самостоятельного права на жилищную площадь.

Не может служить основанием для занятия жилищной площади Иванова-Павлова и то обстоятельство, что он при отъезде на Сахалин не получил в установленном порядке брони от москвителю.

На основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1932 г. за работниками, направляемыми на дальний Север, сохраняется жилищная площадь в месте прежнего проживания и она может быть занята лишь временно, до приезда работника, за которым сохраняется жилищная площадь. Право на сохранение жилищной площади за временно уезжающими на крайний север, создает упомянутый закон, а не броня. Броня является лишь оформлением права, предусмотренного законом. Принимая во внимание то, что Иванов-Павлов получил от Сахалинснаба ходатайство о выдаче брони 21 сентября 1934 г., а выехать Иванов-Павлов должен был 24 сентября 1934 г., есть основания доверять утверждению Иванова-Павлова о том, что он не успел оформить своего права на сохранение жилищной площади получением брони от жилищного отдела. Решение народного суда об изъятии жилищной площади Иванова-Павлова является неправильным и противоречит обстоятельствам дела и закону.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила на основании ст. 254 ГПК решение народного суда 3 участка Сокольниче-

ского района, постановление президиума Московского городского суда и все предыдущие решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение в Московский городской суд по первой инстанции.

ОТКАЗ В ВЫПЛАТЕ ЗА ВЫНУЖДЕННЫЙ ПРОГУЛ

Гр. Толстолыткин работал в качестве управляющего Называевским райлесхозом.

15 апреля гр. Толстолыткин был снят с работы управляющего райлесхозом во время своего очередного отпуска.

3 октября РКК при Управлении лесами местного значения признала увольнение Толстолыткина несправильным и рекомендовала ему предъявить иск к Называевскому райлесхозу о взыскании за вынужденный прогул. Инспектор труда оргбюро ВЦСПС утвердил постановление РКК в части признания несправильности увольнения Толстолыткина и направил дело о взыскании денежных сумм в народный суд.

28 июня 1935 г. начальник областного управления лесами местного значения также признал увольнение Толстолыткина неправильным.

Народный суд, разбирая дело по иску Толстолыткина к Называевскому райлесхозу об оплате за вынужденный прогул с 15 апреля 1935 г. до 1 июля 1935 г., т. е. до момента поступления Толстолыткина на работу, решил 29 января 1936 г. взыскать в пользу Толстолыткина 876 руб. за вынужденный прогул.

Кассационная коллегия Омского областного суда 7 марта 1936 г. определила решение народного суда отменить и дело производством прекратить, исходя из тех соображений, что вопрос о неправильном увольнении Толстолыткина не мог рассматриваться РКК, так как Толстолыткин не обжаловал увольнения в установленном порядке и народный суд не имел законных оснований принимать дело к своему производству.

Прокуратура Союза опротестовала решение кассационной коллегии Омского областного суда по следующим основаниям:

С несправильностью увольнения Толстолыткина согласилась не только РКК, но и администрация вышестоящего учреждения. Утверждение кассационной коллегии о том, что Толстолыткин не обжаловал несправильности увольнения, неосновательно. В деле имеется справка о том, что областным управлением увольнение Толстолыткина было признано неправильным.

При наличии признания несправильности увольнения Толстолыткина вышестоящим учреждением и при наличии постановления РКК, утвержденного инспектором труда, Толстолыткин, имея прямые указания инспектора труда, имел все основания взыскивать за вынужденный прогул в судебном порядке.

Решение народного суда о взыскании в пользу Толстолыткина вполне законно и не противоречит трудовому законодательству и определение кассационной коллегии областного суда от 7 марта 1936 г. подлежит отмене, с оставлением в силе решения народного суда от 29 января 1936 г.

Президиум Омского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение ГПК областного суда отменить, оставив в деле решение народного суда.

Трактатка Прокуратуры Союза ССР по общему надзору

«ПРАВОВОТВОРЧЕСТВО» ПРОКУРАТУРЫ УССР

Целым рядом постановлений правительства Союза ССР установлено право некоторых учреждений выселять из принадлежащих им домов лиц, утративших связь с этими учреждениями, в административном порядке без предоставления этими учреждениями выселяемым другой жилой площади (постановления ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г. «О выселении посторонних лиц из помещений, принадлежащих органам транспорта», от 17 августа 1931 г. «О выселении посторонних лиц из домов Наркомвоенмора», от 13 сентября 1931 г. «О выселении из помещений, находящихся на территории предприятий госпромышленности, имеющей оборонное значение», от 17 апреля 1932 г. «О выселении из школьных помещений» и др.).

В прямое нарушение указанных законов прокурор Украинской ССР циркуляром от 31 мая 1936 г. за № 1541 дал указание о том, что административное выселение трудящихся без предоставления им другой жилой площади, как правило, не должно допускаться.

Этот циркуляр, как не основанный на законе прокурором УССР, по предложению Прокуратуры СССР отменен.

ВЗЫСКАНИЕ ШТРАФА ЗА ПРОСТУЮ КОНТРАБАНДУ

Дзержинская райсберкасса № 1565 отказала Ленинградской таможне в обращении взыскания штрафа, наложенного за простую контрабанду на гр-ку Шульфатер, на вклад последней, хранящийся по книжке № 8524, ссылаясь на ст. 10 Положения о государственных трудовых сберегательных кассах.

Распоряжение это было опротестовано Прокуратурой СССР перед Главным управлением государственных трудовых сберегательных касс и госкредита НКФ СССР ввиду нарушения им разъяснения 33 пленума Верховного суда СССР от 11 мая 1933 г. «О порядке наложения арестов и обращения взысканий на вклады в сберегательных кассах по делам о простой контрабанде».

Согласно этому разъяснению, постановления таможен о наложении взысканий на вклады в сберкассах сообщаются соответствующему народному суду, который, установив соответствие постановления таможни указаниям таможенного устава, выносит постановление об обра-

щении взыскания на вклады, находящиеся в гострудсберкассе.

В данном конкретном случае Ленинградская таможня обращалась в народный суд 47 участка Кировского района г. Ленинграда, который 21 декабря 1936 г. вынес решение об обращении взыскания на вклад гр-ки Шульфатер в сумме 17 000 руб., находящийся в сберкассе № 1565.

Главное управление государственных трудовых сберегательных касс и госкредита НКФ СССР предложило Дзержинской райсберкассе обратиться, по постановлению Ленинградской таможни, взыскание на вклад гр-ки Шульфатер.

НАЛОЖЕНИЕ ШТРАФОВ НА ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ ОБЩИМИ СОБРАНИЯМИ КОЛХОЗОВ НЕПРАВИЛЬНО

Заместитель народного комиссара земледелия СССР т. Демченко 25 февраля 1937 г. издал приказ «О протравливании семян от головни». В числе мер, направленных к своевременному и надлежащему протравливанию семян, этот приказ предлагал: «В соответствии с п. 17 устава сельхозартели рекомендовать колхозам, по решению общего собрания налагать штраф в размере 5 трудодней на председателей колхозов, не обеспечивших доброкачественного протравливания семян и подписавших акт о протравливании».

Прокуратура СССР опротестовала этот приказ, указав, что случаи недоброкачественного протравливания семян при условии подписания председателями колхозов акта о протравливании могут явиться результатом либо небрежности, либо преступного умысла. В обоих случаях такие действия подлежат расследованию органами прокуратуры и должны влечь за собой при подтверждении этих фактов привлечение председателей колхозов к судебной ответственности. При отсутствии же состава преступления в действиях этих председателей колхозов может идти речь лишь о несоответствии их своему назначению. Во всяком случае нельзя признать правильным наложение штрафов на председателей колхозов ни с точки зрения поддержания в колхозе трудовой дисциплины, ни с точки зрения укрепления авторитета председателей колхозов.

В связи с протестом Прокуратуры СССР т. Демченко свой приказ в части, устанавливающей наложение общими собраниями колхозов взысканий на председателей колхозов, отменил.

По союзным республикам

РСФСР

О нарушениях социалистической законности административными комиссиями при райисполкомах и горсоветах Ярославской области

Согласно постановлению ВЦИК и СНК от 30 марта 1931 г. при исполкомах и горсоветах действуют административные комиссии. Задачей их является борьба с нарушениями обязательных постановлений, издаваемых местными органами власти. Комиссиям предоставлено законом право применять к нарушителям такие меры взыскания, как предупреждение, штраф до 100 руб. и и.т. работы до одного месяца. Закон устанавливает определенный порядок деятельности административных комиссий, безоговорочное соблюдение которого должно гарантировать от нарушений законности самими комиссиями и охранять граждан от незаконных посягательств на их имущественные права, неприкосновенность личности и тому подобное. Наряду с этим административные комиссии призваны бороться за исполнение гражданами законов и воспитывать уважение к правилам социалистического общежития.

В связи с введением новой Сталинской Конституции вопросы точного соблюдения закона об административных взысканиях, налагаемых на граждан, приобретают особенно актуальное значение. Вот почему в настоящее время на работу административных комиссий должно быть обращено самое серьезное внимание. Между тем, до сих пор деятельностью административных комиссий никто не интересуется. Исполкомы и горсоветы считают работу комиссий малозначительной, представляющей интерес лишь из фискальных соображений, а не с точки зрения укрепления социалистической законности. В результате работа административных комиссий по Ярославской области в целом характеризуется многочисленными нарушениями законности, сопровождающимися грубым ущемлением прав граждан и извращениями элементарных требований советской демократии.

Нарушения законности выражаются преимущественно в следующем:

Незаконный состав комиссий. Всякое постановление административной комиссии, принятое в незаконном ее составе, является незаконным со всеми вытекающими отсюда последствиями. Состав административных комиссий и срок их полномочий определяется решением президиума исполкома или горсовета. Этот порядок, как правило, не соблюдается ни в одном из районов области, за очень редким исключением. Так, например, в Кировском и Сталинском районах г. Ярославля комиссия рассматривает дела в составе двух человек. Комиссия при Буйском рике состоит из 5 человек, а на заседаниях участвуют только двое.

В Костроме на двух заседаниях комиссии в ноябре 1936 г. участвовал только один закон-

ный ее член, причем было рассмотрено 148 протоколов. В Галичском районе комиссия состоит из двух членов, при этом один из ее членов — начальник милиции составляет постановления, а второй член комиссии время от времени заходит в РОМ и подписывает эти постановления. Принцип коллегиальности, таким образом, грубо нарушается, что создает почву для нарушений законности.

Подмена комиссий начальниками отделений милиции. В ряде районов фактически и юридически комиссий вовсе не существует, а их права и обязанности при попустительстве исполкомов присвоены начальниками райотделов милиции, единолично решающими вопросы о наложении взысканий на граждан. В городах Рыбинске и Ярославле комиссии организованы не при горсоветах, а при отделениях милиции, что, по сути дела, при отсутствии постоянных и законно назначаемых членов комиссий означает присвоение прав комиссии начальниками милиции. Так, например, начальник Нейского РОМ самостоятельно наложил взыскание по 27 протоколам без ведома комиссии. Начальник 1-го отделения РОМ г. Рыбинска т. Филиппов единолично оштрафовал гражданина Маслова П. А. на 20 руб., гражданина Игнатовского на 50 руб., Белова на 100 руб., Чернова на 15 дней и.т. работ, Потемкина на 25 руб. и так далее. Начальник горотдела РКМ г. Костромы единолично прекращает дела и заменяет меры взыскания также без ведома комиссии, вопреки требованиям закона. Такое явление наблюдается почти во всех районах.

Нарушения порядка составления протоколов и постановлений. В целях охраны прав граждан от злоупотреблений должностных лиц закон предусматривает определенную форму составления протоколов и постановлений об административных взысканиях. Подвергнутый взысканию должен быть осведомлен о том, в чем заключается существо допущенного им нарушения, какое действующее постановление он нарушил, порядок обжалования постановления административной комиссии и тому подобное. Практика работы административной комиссии изобилует грубыми нарушениями установленного законом порядка оформления административных взысканий. Зачастую гражданин совершенно не знает, почему его оштрафовали, имеет ли он право жаловаться на незаконные действия органов милиции или административной комиссии и кому именно. Так, например, 1-е отделение РКМ г. Рыбинска взыскало штраф в сумме 50 руб. с гражданина Попова, причем кроме него не подписанной пометки на постановлении «штраф 50 рублей», никаких других документов, дающих законное основание для взыскания штрафа, в деле нет. В Пречистенском районе вовсе не выносились в 1936 г. постановления о наложении взысканий. Их заменяла резолюция начальника милиции на протоколе о нарушении.

Нарушение сроков возбуждения и рассмотрения дел. По закону

нарушение обязательного постановления, влекущее за собой административную санкцию, должно быть рассмотрено комиссией в месячный срок с момента самого нарушения. Постановление о наложении взыскания в 2-месячный срок со дня нарушения вручается нарушителю и в 5-месячный срок с момента вынесения приводится в исполнение. Несоблюдение указанных сроков во всех случаях влечет прекращение дела. На практике установленные законом сроки в ряде случаев нарушаются, что обесценивает работу комиссий и сводит на-нет их борьбу за исполнение гражданами законов. Так, например, в Рыбинске за 1936 г. более 50% постановлений не были своевременно исполнены, и из 363 тыс. руб. штрафов взыскано только 117 тыс. руб., в Ермаковском районе наложено штрафов на 4195 руб., а взыскано 993 руб., в Ростове взыскано лишь 20% штрафов. В Ростовском районе из 153 постановлений о наложении взысканий за лесонарушения исполнено только 5, а остальные подлежат прекращению за пропуском срока.

В Костромском районе подвергнуто взысканиям за 1936 г. 591 человек, а исполнены постановления только в отношении 128 человек.

Незаконное наложение взысканий. Административные комиссии имеют право налагать взыскания за нарушение лишь действующих обязательных постановлений, предусматривающих административную санкцию. Между тем, наблюдаются случаи наложения взысканий за такого рода действия, которые или вовсе не преследуются в административном порядке или влекут за собой иную ответственность. Кроме того, нередко административные комиссии привлекают к ответственности за крайне незначительные нарушения, применяют меры взыскания, не предусмотренные законом, и тому подобное. Так, например, в Ермаковском районе комиссия наложила штраф в 75 руб. за «изживание льноволонна на веревки». По протесту прокурора штраф снят. Комиссия при Чухломском рике оштрафовала гр. Масло-ва за нерегистрацию собаки. Между тем, обязательные постановления рика о регистрации собак нет. Штраф снят по протесту прокурора. В Буйском районе комиссия накладывала штрафы за лесонарушения до 200 руб. и выше.

Работник пожарной охраны гр. Баранов был оштрафован на 25 руб. «за халатное отношение к исполнению служебных обязанностей».

В Мологском районе комиссия оштрафовала рабочего Иванова на 50 руб. за то, что он зашел в сад с гр. Чивилихиным и нарвал крыжовника. Гр. Тюрина комиссия оштрафовала на 50 руб. «за халатное отношение к колхозной лошади». Гр. Демидов оштрафован на 50 руб. за то, что без разрешения качался на качелях в саду. С гр. Баранова и Кузнецова взыскано по 50 руб. штрафа неизвестно за что, так как постановления комиссии нет. Гр. Иванов был оштрафован на 50 руб. за то, что без билета прошел в общественный сад, а гр. Тютинову в то же время за хулиганский дебаш в саду и сопротивление милиции дан штраф в 30 руб.

Перечисленные нарушения опротестованы прокурорами.

Массовое наложение штрафов. Грубейшим нарушением законности и основным недостатком в работе административных комиссий является массовое наложение штрафов и

пренебрежение иными мерами воздействия. Так, например, по 19 районам (включая Рыбинск, Кострому и за II полугодие 1936 г. Ярославль) за 1936 г., по неполным данным, оштрафовано административными комиссиями 22 047 человек, или 90% всего количества привлеченных к административной ответственности, причем общая сумма штрафа только по 3 городам и 7 районам составляет 679955 руб., или в среднем по этим районам на одного человека штраф составлял 36 руб.

В Судайском, Ермаковском, Прафеньевском и Борисоглебском районах комиссии применяли к нарушителям только одну меру взыскания — штраф. Такая мера воздействия, как предупреждение, или вовсе не применяется (Рыбинск, Ярославль, Судай, Ермаки, Буй, Нея, Б. Село, Мышкино, Борисоглебск и другие районы), или назначается комиссиями в единичных случаях. Так, например, в Костроме из 4745 человек, подвергнутых административному взысканию, лишь 119 было сделано предупреждение (2%), в Любимском районе из 453 человек получили предупреждение только 9 человек, в Нерехтском из 787 человек только — 3 и т. д.

Столь же незначительно и применение и. т. работ.

Таким образом в работе комиссий имеется резко выраженный уклон в сторону массового наложения штрафов на трудящихся за всякого рода, в том числе и малозначительные, нарушения.

Необходимо резко изменить практику наложения штрафов и основной упор сделать на общественно-массовую работу и соответствующие меры воздействия.

Несоблюдение порядка обжалования постановлений комиссий. Административные комиссии, как правило, не разъясняют подвергнутым взысканию их права на обжалование в 5-дневный срок постановления комиссии в соответствующий исполком. В результате из нескольких десятков тысяч постановлений обжаловано в исполкомы по всей области буквально несколько сотен, а в органы прокуратуры такого рода жалоб почти вовсе не поступает. В Буйском районе ни в одном из постановлений комиссии не указан порядок обжалования.

Отсутствие контроля и руководства работой административных комиссий со стороны исполкомов. Райисполкомы и горсоветы совершенно не занимаются вопросами деятельности административных комиссий и ограничиваются тем, что перелагают ответственность за эту работу целиком на органы милиции. Не случайно поэтому, что административные комиссии числятся, как правило, не при исполкомах и горсоветах, а при РОМ, причем оформление материалов, исполнение постановлений и тому подобное осуществляется техническим аппаратом милиции, а не исполкомов. В результате органы милиции загружаются несвойственными им обязанностями, что мешает их оперативной работе, а с другой стороны, и это особенно важно отметить, граждане считают административную комиссию подсобным подчиненным органом милиции, а не рай(гор)советов. Исполкомы не оформляют в законном порядке постоянного состава комиссий, не проверяют по существу их работы, не заслушивают отчетов комиссий, не привлекают к участию в их ра-

боте членов секций революционной законности допускают волокиту с расеютрением жалоб и не борются с нарушениями законности. Значительная доля вины падает при этом на об-исполком, до сих пор не выработавший положения о работе административных комиссий и совершенно не интересующийся их деятельностью.

Органы прокуратуры на местах до сих пор не осуществляли систематического надзора за работой административных комиссий, не придавали этой работе серьезного значения и лишь в редких случаях ограничивались общей проверкой работы комиссий 1—2 раза в год.

В конце 1936 г. и I квартале 1937 г. прокуратура проверила работу административных комиссий во всех районах и городах области. Дважды этот вопрос обсуждался с участием рай(гор)прокуроров на оперативных совещаниях. Рай(гор)прокурорам даны конкретные указания о порядке осуществления надзора за работой административных комиссий и устранения вскрытых нарушений.

Однако силами одной прокуратуры положение не может быть исправлено в полной мере. Необходимо заставить райисполкомы и горсоветы упорядочить работу комиссий и осуществлять повседневное руководство и контроль за их деятельностью.

Областная прокуратура вносит на обсуждение и утверждение президиума облисполкома проект специального постановления по этому вопросу.

II. Кудрявцев.

Калужская прокуратура в борьбе за выполнение Сталинского устава с.-х. артели

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 декабря 1935 г. об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы указано, что «Советские и партийные организации сумеют в ближайшие сроки добиться организационно-хозяйственного укрепления колхозов только при условии, если Сталинский колхозный устав не формально, а на деле получит силу основного государственного закона в каждом колхозе».

Как установлено прокуратурой Калужского района, проверившей выполнение устава в январе 1937 г. в 29 колхозах и 8 сельсоветах района, это требование СНК СССР и ЦК ВКП(б) не везде выполняется.

Сельские советы зачастую еще подменяют свою организующую роль в борьбе за организацию труда, трудовую дисциплину и правильное использование рабочей силы в колхозе, правильное распределение доходов и урожая по трудодням и полное выполнение колхозами обязательств перед государством административным вмешательством в дела управления колхоза и его производственную деятельность.

Головинский сельсовет 11 декабря 1936 г., рассматривая вопрос о состоянии трудовой дисциплины в колхозе им. Хрущева, снял с работы своим постановлением бригадира бригады № 7 Казыкина, а бригадиром утвердил Комарова А. Я., бригадиром бригады № 5 назначил Мельникова Г. П., а также назначил колхозны-

ми сторожами членов колхоза Климова Ф. С. и Мысина А. А. с оплатой труда каждому 0,75 трудодня, а 30 сентября за простой на работе колхозников подвергнул штрафу бригадира бригады № 3 Короткова И. Ф. на 5 трудодней. Этим же Головинским сельсоветом за нарушение устава с.-х. артели и неокончание в срок с.-х. работ 2 раза были оштрафованы по 15 руб. каждый предколхоза им. Хрущева Зубарев и зам. предколхоза Дударев.

21 ноября 1936 г. пленум Каравеевского сельсовета, рассматривая вопрос о работе предколхоза «Знамя коллективизации», постановил: распустить правление колхоза, снять с работы предколхоза Ростовцева и счетовода с.-х. секции Ермилова.

Васильевский сельсовет 23 октября за неполную сдачу картофеля государству колхозом им. Куйбышева подвергнул штрафу предколхоза Осипова, председателя ревизионной комиссии Горшкова по 50 руб. каждого, а членов этого колхоза — членов сельсовета Макарова и Паршину по 25 руб. каждого.

Эти постановления сельсоветов явно незаконно нарушают устав с.-х. артели.

Председатели и члены правлений колхозов за нарушение устава с.-х. артели, если в этом нарушении нет уголовно-наказуемых проступков, совершенных ими, несут свою ответственность только перед общим собранием колхоза как высшим органом, избравшим их.

Право назначения бригадиров принадлежит согласно п. 23 устава с.-х. артели только правлению колхоза. За нарушение трудовой дисциплины члены колхоза несут свою ответственность перед правлением колхоза в пределах взысканий, установленных п. 17 устава с.-х. артели.

В ряде колхозов председатели и правления в целом, не чувствуя руководящей роли райзу и сельсоветов в борьбе за выполнение устава с.-х. артели в колхозах, свою организующую роль в укреплении трудовой дисциплины также подменяют голым администрированием, наложением чрезмерных штрафов в массовом порядке без применения мер предупредительного порядка.

Постановлением правления колхоза «Красный труженик» Черноsvитинского сельсовета 22 октября члены колхоза Волхонский Г. Г., Шленский Егор за проявленную ими халатность в охране поля капусты подвергнуты штрафу по 250 рублей каждый, Комаров Егор за невыход на работу оштрафован на 100 рублей, за отказ от работы члена колхоза Осипова М. С. решено отдать под суд.

Председатель правления колхоза «Красный урожай» Волченков штрафы налагает единолично; таким образом он оштрафовал 12 человек, членов колхоза.

Председатель колхоза им. Ильича Дорошин единолично оштрафовал 28 человек, членов колхоза.

В некоторых колхозах не выполняется требование п. 15 устава с.-х. артели о расценках колхозной работы в трудоднях, о распределении доходов артели между членами исключительно по количеству выработанных каждым членом артели трудодней.

В колхозе им. Куйбышева в течение ряда лет, включая и 1936 г., широко проводилась практика денежной оплаты труда; оплачивались деньгами без начисления трудодней следую-

щие работники: председатель колхоза, счетовод, кладовщик, три конюха, свинарка, ночной сторож свинарника, ночной сторож скотного двора, скотницы, зав. МТФ, ночной сторож по колхозу, кузнец, молотобоец и др.

В колхозе «Новый путь» постановлением правления колхоза от 9 ноября 1936 г. конюхам колхоза, скотницам, овчаркам и свинаркам—шести человекам установлена также денежная оплата.

В ряде колхозов при выборе правлений и ревизионных комиссий колхозов, исключении из членов колхоза и разрешении важнейших хозяйственных вопросов колхоза, относящихся к правам общего собрания колхоза, нарушается принцип колхозной демократии.

Исключение из членов колхоза, как установлено п. 8 устава с.-х. артели, может быть произведено только по решению общего собрания членов колхоза, на котором присутствует не меньше $\frac{2}{3}$ членов артели.

Вопреки этим требованиям устава постановлением собрания колхоза «Красный труженик» при наличии собравшихся на собрание 50 человек из 120 членов колхоза исключена из членов колхоза Боброва А. А.

Постановлением собрания колхоза им. Хрущева 2 января 1937 г. исключены из колхоза Яшин и Демидов, в продолжение ряда лет добросовестно работавшие в колхозе и никогда не подвергавшиеся никаким взысканиям, за то, что ссылаясь на неопытность, отказались работать: Яшин кладовщиком, Демидов председателем ревизионной комиссии.

Из 430 действительных членов артели голосовало за это исключение только 50 человек, однако в протоколе записано об исключении Яшина и Демидова из колхоза большинством голосов, а количество членов колхоза, голосовавших за исключение, не указано.

Ревизионные комиссии колхоза, деятельность которых точно определена пунктом 25 устава с.-х. артели, в ряде колхозов еще не стали действительным органом общественного контроля в колхозе, а районный земельный отдел не только не руководит их работой, но не принимает мер к тому, чтобы в колхозах ревизионные комиссии действительно были выбраны.

В колхозе «Красный урожай» председатель ревизионной комиссии Юрченков 29 августа 1936 г. исключен из членов колхоза, новый же председатель ревизионной комиссии был не выбран, ревизионная комиссия проверила работу правления в 1936 г. только один раз в первом квартале, правление же колхоза, пользуясь бесконтрольностью в своей работе, произвольно расходовало деньги колхоза на административно-хозяйственные расходы и, вместо утвержденных по смете общим собранием колхоза 740 руб., израсходовало 2450 руб., или 11,7% денежных доходов колхоза за год.

В колхозе им. Хрущева ревизионная комиссия работала плохо, не контролировала работу правления колхоза в правильности распределения урожая и расходования средств колхоза.

Плохо организована работа ревизионных комиссий и в ряде других колхозов.

Необходимо отметить, что в большинстве своем устав с.-х. артели нарушается там, где его не знают.

Точное соблюдение устава артели зависит не только от различных должностных лиц колхозов и сельсоветов, но и от того, насколько

усвоили устав сами колхозники и будут твердо требовать его безоговорочного выполнения и пресечения партийными и советскими органами каждого случая нарушения прав и интересов колхоза в целом или интересов отдельного колхозника; однако в районе изучения устава с.-х. артели каждым колхозником не организовано.

Все установленные случаи нарушения устава с.-х. артели опротестованы прокуратурой перед президиумом райисполкома; в январе 1937 г. на нарушения устава с.-х. артели сельсоветами и в колхозах принесено 74 протеста.

После проверки на сельсоветах и собраниях колхозников сделаны доклады о борьбе с нарушениями устава с.-х. артели с использованием в качестве материала случаев нарушения устава как сельсоветами, так и колхозами.

Работа прокуратуры в борьбе за выполнение устава освещается в районной газете.

Райисполкомом совместно с прокуратурой проводится районное радиосовещание по вопросу о выполнении устава с.-х. артели, на которое приглашены председатели и члены сельсоветов, правления и ревизионные комиссии колхозов, председатели и члены секций революционной законности и члены групп содействия прокуратуре.

В. Шелковников.

Соцсоревнование в Саратовской краевой прокуратуре

В первом номере журнала «Социалистическая законность» было опубликовано обязательство коллектива прокуратуры г. Саратова, принятое в связи с производственным походом имени VIII съезда Советов СССР.

В соответствии с этим социалистическим соревнованием и отдельными обязательствами был охвачен весь коллектив прокуратуры и кроме того прокуратурой пригородной зоны вызваны на социалистическое соревнование коллективы работников Петровской и Татищевской прокуратур.

На общем собрании коллектива обсуждены итоги производственного похода.

По состоянию на 1 октября 1936 г. прокуратурой было организовано на предприятиях и в колхозах пригородной зоны 25 групп содействия прокуратуре с общим количеством членов групп содействия прокуратуре — 152 человека.

Однако работа с группами содействия не была достаточно налажена и чувствовался некоторый отрыв прокуратуры от отдельных групп, вследствие чего в прокуратуру поступило незначительное количество сигналов.

За время производственного похода деятельность действующих групп была активизирована и вновь организованы на предприятиях и в колхозах пригородной зоны 22 группы содействия прокуратуре с вовлечением в них 128 человек.

С группами содействия прокуратуре было проведено 62 совещания, а Фрунзенской прокуратурой было проведено районное совещание 8 групп содействия прокуратуре. Оживление работы с активом и повседневная связь прокуратур с ним дали положительные результаты в части получения от актива сигналов. Например,

если в течение августа и сентября было получено 25 сигналов, то за время производственного похода получено 107 сигналов.

Оживление работы с активом приходится особенно констатировать в пригородной зоне, где пом. прокурора т. Стрельцов и следователь т. Смирнов провели 3 кустовых совещания с активом и вовлекли отдельных членов группы содействия в работу прокуратуры по выступлению в судах в качестве общественных обвинителей по делам, которые рассматривались в колхозах.

Тов. Стрельцов также сделал 6 докладов на собраниях колхозников о проекте Сталинской Конституции. Следователь т. Смирнов на собраниях колхозников сделал доклад о запрещении абортов и информацию о своей работе, бригадир группы содействия прокуратуре Гашко сделал доклад на общем собрании в Михайловском сельсовете о работе группы содействия прокуратуре Михайловского куста.

На предприятиях г. Саратова проведено 18 бесед с рабочими на различные правовые темы и было организовано рассмотрение жалоб непосредственно на предприятиях.

За время производственного похода значительно поднялась работа прокуратуры в суде.

Прокуратура приняла участие в 59 подготавливаемых заседаниях народных судов, где было рассмотрено 436 уголовных дел. Заметно увеличилось и количество выступлений представителей прокуратуры в судебных заседаниях в качестве обвинителей (96 за октябрь—ноябрь против 39 за август—сентябрь).

Усиление надзора со стороны прокуратуры за судом видно из роста протестов на приговоры и решения судов. Известный прогресс можно констатировать и в работе по следствию.

Необходимо проследить за тем, чтобы достигнутые частичные успехи по отдельным объектам работы Саратовской городской прокуратуры были закреплены, а социальное и ударничество стали обычными методами работы городской прокуратуры.

Заботливый судья

Дело происходит в двух десятках километров от Москвы (Ст. Пушкино Северной ж. д.).

Есть там народный судья Пушкинского района т. Абрамов, который энергично борется с бюрократизмом и волокитой, всемерно стремится к укреплению социалистической дисциплины и умеет заботиться о людях.

В частности, поэтому он предпочитает рассматривать дела не в самом Пушкине, а в крупных населенных пунктах своего района, чтобы не заставлять людей ездить в Пушкино и тратить время на разъезды.

Можно и нужно одобрить такое отношение судьи Абрамова к трудящимся своего района.

Однако, как на деле он осуществляет эту заботу, можно увидеть хотя бы из следующего.

На 4 апреля 1937 г. т. Абрамов решил вызвать по десятку дел около 40 человек свидетелей и тяжущихся в село Звягино в помещении клуба (ст. Клязьма).

Проделав двухкилометровое путешествие от вокзала по весенним лужам, вы являетесь по вызову в клуб. Но здесь вас ждет разочаро-

вание: дела все сняты с очереди, о чем в клубе вывешено краткое и маловыразительное объявление: «Дела откладываются, о дне слушания (22 апреля — зачеркнуто в подлиннике) будут повестки».

Говорить не с кем, так как никого нет, и, собственно, не о чем.

Все ясно. В сознании выполненного долга и разумно затраченного времени вы совершаете обратное путешествие на ст. Клязьма, наслаждаетесь природой и ждете поезда в Москву.

Взор ваш падает на флагирующую по перрону фигуру судьи Абрамова.

Естественное любопытство побуждает вас узнать у судьи Абрамова, что произошло, какие непреодолимые препятствия сорвали судебное заседание.

Сперва судья недоумевает, о чем его спрашивают, когда в объявлении все сказано, но потом разъясняет: «В сельсовете выходной день».

Какая причинная связь между выходным днем в сельсовете и срывом судебного заседания в помещении клуба, он объяснить не может и в смущении умолкает.

Кто-то со стороны высказывает предположение, что в клубе сегодня кино-передвижка. Тогда т. Абрамов нарушает молчание и неожиданно добавляет, что он сегодня занят хлопотами о комнате для своего секретаря, которой далеко ездить к месту службы.

Теперь вам все окончательно ясно, и вы можете уезжать.

Итак, «выходной день в сельсовете» и забота о секретаре, которой, несомненно, нужна комната и которой нужно помочь, но не за счет времени вызываемых в суд.

В числе других среди явившихся в суд был профессор Б., директор одной из московских университетских клиник, отменивший срочные медицинские консультации для того, чтобы приехать из Москвы в село Звягино и... прочесть объявление об отложении дел.

Пусть сам т. Абрамов как судья придет к выводу о том, что нужно сделать с советским работником, который, подобно ему, так своеобразно «заботится о людях».

И. С.

Собрание юрактива

В железнодорожном клубе Волховстроя в Ленинградской области состоялось районное совещание юрактива.

На совещании заслушан доклад прокурора т. Ходос о борьбе с хулиганством.

Об очередных задачах юрактива сделал доклад народный судья т. Тахо.

На совещании в прениях выступило 12 человек, которые рассказали присутствующим, как они работают и подвергли резкой критике работу суда и прокуратуры.

В частности, председатель общественного суда Воскресенского сельсовета т. Рыжков, работающий в судебных органах уже 5 лет, указал, что суд оказывает ему совершенно недостаточную практическую помощь, проверкой его работы занимается редко. За последние 2 года только один раз была проверена его работа; культурные очаги на селе работают плохо, не помогают судебному активу бороться с хулиганством.

Руководитель секции революционной законности при горсовете Волховстроя — т. Тетюхина поставила вопрос об усилении воспитательной работы среди малолетних для ликвидации хулиганства среди них. При этом т. Тетюхина указала, что городские организации г. Волховстроя плохо заботятся о детях.

Основное внимание т. Тетюхина уделяет проверке, как охраняется социалистическая собственность в доме, на пекарне; проверяет сторожевую охрану, организовала при помощи прокуратуры и суда кружок по сдаче юрминимума. Тов. Тетюхина взяла на себя обязательство, что все члены секции сдадут юрминимум.

Выступавшие в прениях товарищи указывали, что юрист должен заняться широкой популяризацией в массах Сталинской Конституции как основного закона Советского союза, и вести повседневную борьбу за проведение ее в жизнь.

В приемной прокурора

Газета «Большевистская сталь» Сталинского района Западносибирского края посвятила большую статью приему жалобщиков в Сталинской районной прокуратуре.

Газета отмечает, что рост количества жалобщиков по линии прокуратуры объясняется не ухудшением работы местных учреждений, а ростом требований граждан к советским учреждениям, ростом авторитета прокуратуры, которая стоит на страже прав граждан «независимо от каких бы то ни было местных органов».

Если раньше к прокурору ходили, главным образом, по уголовным и гражданским делам, то теперь в приемной дожидается другой посетитель, который ждет от прокурора не только защиты, но и совета.

Между прочим, газета отмечает, что большое количество жалоб вызывается неповоротливостью профсоюзов и бюрократическим отношением к нуждам своих членов.

Положительно расценивая работу районного прокурора и аппарата райпрокуратуры по рассмотрению жалоб, газета отмечает, что из-за отсутствия скамеек жалобщикам приходится часами стоять в коридоре.

ТАТАРИЯ

В конце декабря 1936 г. в редакцию газеты «Красная Татария» поступило письмо управделами Бавлинского райкома комсомола т. Валитова. Он писал о грубейшем зажиме самокритики в комсомольской организации, о нарушении внутрисоюзной и советской демократии о беззакониях, творимых секретарем райкома Гилязовым.

Районный прокурор т. Валиуллин и следователь т. Арсланов быстро реагировали на факты грубого нарушения революционной закон-

ности, но они не нашли поддержки со стороны руководителей районных организаций. Дело дошло до того, что исполняющий обязанности секретаря райкома ВКП(б) Муратов и председатель рика Семенов грозили следователю Арсланову «оторвать голову», если он не прекратит следствия по нарушению революционной законности в сберегательной кассе.

Поскольку следователь Арсланов продолжал энергично вести следствие по делу о безобразиях в районе, Гилязов подобрал ничего незначащие и, по существу, необоснованные материалы против Арсланова и 9 декабря 1936 г. на пленуме райкома добился исключения Арсланова из комсомола.

В этот же день бюро райкома ВКП(б) объявляет строгий выговор прокурору Валиуллину за нарушение решений бюро, за отсутствие контроля над следственным аппаратом. Этим же решением перед прокурором республики был поставлен вопрос о снятии т. Валиуллина с работы, об отстранении от работы следователя Арсланова с отдачей его под суд.

Существующие в районе среди руководства семейственность и круговая порука, нарушение партийной и советской демократии, зажим самокритики, естественно, привели к крайнему ослаблению партийной и советской работы, к притуплению бдительности в партийной организации.

Выехавшие на место уполномоченный комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б) по Татарии и представитель партколлегии, рассмотрев все это дело, отменили решение бюро Бавлинского РК ВКП(б) от 9 декабря 1936 г. о наложении партвзыскания на районного прокурора Валиуллина и о предании суду следователя Арсланова, как нарушающее революционную законность и направленное на подавление критики проступков и преступлений отдельных работников района.

Секретарю РК ВКП(б) Убекову за нерасширение на факты нарушения советской демократии, революционной законности, а также за слабую партийно-массовую работу и за нарушение выборности парторганов объявлен выговор с занесением в партийное дело.

Зам. секретаря РК ВКП(б) Муратову за зажим критики и нарушение социалистической законности объявлен строгий выговор с предупреждением со снятием с работы и с занесением в партийное дело.

Строгий выговор с предупреждением также объявлен председателю рика Семенову. Пленуму рика предложено обсудить возможность оставления Семенова на посту председателя рика.

Бывший секретарь ВЛКСМ Гилязов за грубейшее нарушение социалистической законности, за подбор заведомо ложных материалов против следственных работников в целях дискредитации их, а также за подавление критики исключен из партии.

Помимо этого наложен целый ряд взысканий на других ответственных работников района.

Актив прокуратуры

С 15 по 19 марта 1937 г. в Прокуратуре Союза ССР происходило собрание актива работников Прокуратуры Союза ССР, РСФСР, г. Москвы и Московской области, а также Правовой академии и Института юридических наук.

На активе присутствовало 500 человек.

Доклад об итогах пленума ЦК ВКП(б) сделал Прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский.

В прениях по докладу выступили 35 товарищей.

Все выступавшие подчеркивали историческое значение пленума ЦК ВКП(б) для подъема внутрипартийной демократии, развертывания самокритики, укрепления партийных организаций и полностью одобряли принятые пленумом ЦК ВКП(б) решения.

Помимо этого, выступавшие товарищи подвергли резкой критике работу прокуратуры и институтов.

Ниже мы приводим в сокращенном виде доклад т. Вышинского, содержание прений по докладу и заключительное слово т. Вышинского.

ДОКЛАД т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Тов. Вышинский начинает свой доклад с перечисления вопросов, которые были предметом обсуждения на пленуме ЦК ВКП(б), и с характеристики значения и важности, принятых этим пленумом решений.

— Не случайно, — говорит т. Вышинский, — что жесточайшее сопротивление наших врагов делу социализма, нашедшее свое выражение в дьявольских преступлениях, безумных и подлых замыслах со стороны троцкистского отребья, — этой японо-немецкой фашистской агентуры, совпало с моментом законодательного закрепления побед социализма, выявленных и осуществленных в нашей новой Конституции. Это совершенно естественное проявление закона механики сопротивления новому обществу со стороны отживающих классов, который несколько лет назад был так отчетливо сформулирован товарищем Сталиным, подчеркивающим, что умирающий класс добровольно с исторической сцены не сходит, что сопротивление врага по мере нашего продвижения вперед будет проявляться во все более острых формах.

Все прошедшие за последнее время судебные процессы показывают, что борьба против советской власти ведется нашими врагами по определенной, строго продуманной системе, в которой такое решающее место занимает двурушничество. Проблема двурушничества был поэтому на пленуме посвящен доклад товарища Сталина, вскрывший с исключительной глубиной причины проникновения в наши ряды двурушников, причины нашего неумения своевременно разглядеть их настоящее лицо, сорвать с них предательскую маску.

Далее т. Вышинский останавливается на преступлениях Бухарина и Рыкова, показывая, что они отнюдь не случайны, что они исторически обусловлены, ибо Бухарин всю свою жизнь посвятил извращению учения Ленина и Маркса в своих теоретических работах в борьбе против Ленина, против нашей партии, в своей практической деятельности.

Тов. Вышинский особенно подробно останавливается на основных вопросах, которые больше всего могут интересовать юристов, на извращениях Бухарина в области учения о государстве и праве.

Учение Маркса—Ленина о государстве было Бухариным извращено еще до революции. В 1916 г. в журнале «Интернационал молодежи» Бухарин поместил статью, в которой он противопоставлял свою точку зрения, выражавшую анархистские взгляды на государство, ленинской точке зрения на государство.

Товарищ Ленин указывал, что Бухарин защищал полуанархистские взгляды, что своими ошибками он помогал каутетскианству, что тезисы Бухарина — верх нелепости. Так, Ленин оценивал взгляды Бухарина на государство. А между тем, еще в 1925 г. Бухарин напечатал статью в сборнике «Революция и право», которая является, по существу, вызовом Ленину и нашей партии в важнейшем вопросе пролетарской диктатуры и пролетарской революции, в вопросе о государстве. В этом же журнале «Революция и право» Бухарин напечатал статью «Теория империалистического государства», где он повторяет свои антимарксистские, антиленинские взгляды. Известно, что в этой статье он сделал следующее примечание: «Читатель легко увидит, что у меня не было ошибок, которые мне приписывались, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата».

Эту статью, в которой Бухарин по существу утверждал, что в вопросе о государстве был прав он, а не т. Ленин, Бухарин напечатал в 1925 г., после смерти Ленина. При жизни Ленина он не осмеливался напечатать такую клевету.

В период VII—VIII съездов партии Бухарин выступал против Ленина по вопросу о программе партии, защищая мысль, что основные противоречия капиталистического строя — конкуренция, кризис снимаются в эпоху империализма в рамках отдельных капиталистических стран. Бухарин говорил: «Прежний раздробленный и неорганизованный капитализм замещается капитализмом организованным». Эта архиправая теория организованного капитализма, из которой вытекает возможность уничтожения капиталистических противоречий без уничтожения капиталистического строя и капиталистического государства, по существу ведет к разоружению пролетариата.

В книге Бухарина «Экономика переходного периода» мы видим целый ряд антимарксистских, антиленинских утверждений, которые опять целиком и полностью укладываются в его схему организованного капитализма.

В частности Бухарин писал в этой работе, что «капиталистическое хозяйство превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию», что «товарное хозяйство здесь вовсе не исчезает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением». Таким образом капиталистическая система в результате естественного развития без особой борьбы превращается у Бухарина в социалистическую систему.

В главе, которая носит очень заманчивое название «Мировой революционный процесс и мировая система коммунизма», Бухарин писал: «Так растет мало-помалу мировая диктатура пролетариата, по мере ее роста ослабевают сопротивление буржуазии», «оставшиеся буржуазные комплексы будут сдаваться со всеми своими организациями *in corpore*». Вот так рисовался Бухарину перспектива развития пролетарской мировой диктатуры. В переводе с квази-ученого языка на простой язык это значит — бросай оружие, не войди потому, что буржуазия сама перестанет тебе оказывать сопротивление, по мере того как будут расти твои успехи. Бухарин забыл при этом только ответить на вопрос, откуда появятся успехи диктатуры пролетариата и социализма, если пролетариат не будет громить противостоящую ему буржуазию.

В этой самой книге Бухарин дал свою законченную схему постепенного отмирания различных отраслей государственной организации, различных сторон государственной жизни. Бухарин писал: «Как только выяснится решающая мировая победа пролетариата, кривая роста пролетарского государства пойдет вниз, ибо главная и основная задача государственной власти, задача преодоления буржуазии будет закончена». И дальше: «Внутренняя же тенденция нормировки исчезнет, отомрет. Сперва отомрут армия и флот как органы наиболее остро внешнего принуждения, потом система карательных и репрессивных органов, далее отомрет принудительный характер труда и пр.» Относительно этой бухаринской схемы Владимир Ильич с присущей ему гениальной меткостью написал на полях: «не наоборот ли? Сначала «далее», т. е. принудительный характер труда; ...затем — «п о т о м», т. е. система карательных и репрессивных органов, и наконец — «сперва», т. е. армия и флот».

Это замечание т. Ленина показывает диаметрально противоположность ленинизму бухаринской концепции отмирания государства, откуда между прочим вытекают и бухаринские утверждения о мирном вращении кулака в социализм.

При обсуждении программы на VIII съезде партии Бухарин выступал против т. Ленина по национальному вопросу.

В 1921 г. Бухарин выступает со своей особой точкой зрения по профсоюзному вопросу.

В 1928 г., когда апрельский пленум ЦК ВКП(б) разгромил правооппортунистическую группу, Бухарин выступил со статьей «Заметки экономиста», в которой провозгласил, вопреки учению Ленина—Сталина, что уничтожение классов может быть достигнуто путем потухания классовой борьбы.

Тов. Вышинский целым рядом фактов показывал, что на протяжении многих лет, до и после Октябрьской революции, Бухарин вел борьбу с партией и Лениным по основным вопросам.

Далее т. Вышинский напомнил, что Бухарин сыграл роковую роль в истории ошибок и антиленинских извращений и на правовом фронте. Бухарину принадлежит теория трудовых затрат, на почве которой выросла общая теория права Пашуканиса, права как формы рыночных — коммерческих отношений, права как буржуазной категории.

Исчерпывающе вскрывая корни антиленинской «теории» Пашуканиса, объявившего и наше право и наше государство буржуазными категориями, утверждавшего, что советская власть не в состоянии создать свое собственное право, т. Вышинский показал внутреннюю неразрывную связь взглядов Пашуканиса с правооппортунистической, механистической концепцией Бухарина, в частности, с законом трудовых затрат, которую он взял на прокат у Богданова, Рубина и ряда других теоретиков II интернационала.

— Между тем, — говорит докладчик, — у нас не закон трудовых затрат, а социалистический план является регулятором нашего хозяйства.

Анализируя, далее, путь Бухарина, т. Вышинский показывает закономерность его эволюции к программе капиталистической реставрации, к блоку с троцкистами на основе борьбы с советской властью, на основе борьбы с социалистической системой, во имя «нормализации» того исторического хода вещей, который был «нарушен Октябрьской революцией».

Переходя к докладу т. Жданова о подготовке партийных организаций к выборам в Верховный совет, т. Вышинский говорит о громадном принципиальном значении решений, принятых по этому вопросу.

— Совершенно естественно, — говорит т. Вышинский, — что к разрешению такой большой задачи, как организация выборов в Верховный совет и в советы депутатов трудящихся на местах на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, необходимо было подойти с перестройки коренным образом нашей партийной работы потому, что выборы будут представлять собою плацдарм классовой борьбы, который враждебные нам элементы, остатки старых разбитых и уничтоженных паразитических классов и их подголоски, — все эти троцкисты, меньшевики, эсеры попытаются использовать против нас в своих интересах, в своих целях. Характерный момент, который надо между прочим учитывать, — большое оживление в поповских кругах. Нет никаких сомнений, что попы сейчас разовьют большую организационную работу, недооценивать которую нельзя ни в коем случае.

Нельзя представлять себе положение вещей таким образом, что наша ведущая роль во всем социалистическом строительстве сама собой обеспечивает коммунистической партии ведущую роль в предстоящих выборах, что мы здесь сможем сохранить все свои позиции без борьбы. И одно из положений доклада т. Жданова заключалось именно в указании на необходимость мобилизовать внимание нашей партии на стоящих перед нею задачах сохранения за собой того руководящего положения, которое по праву принадлежит коммунистической партии, победившей в Октябрьской революции и побеждающей на всем протяжении нашей революции.

Доклад т. Жданова был направлен против самоуспокоенности, против этого «головокружения от успехов» в новых условиях, которые кое-кого могли бы соблазнить почить на лаврах в расчете на то, что раз победа в наших руках, то нам ничто уже не угрожает.

Тов. Жданов говорил, что изменения в избирательной системе означают усиление контроля масс в отношении советских органов и усиление

ние ответственности советских органов перед массами, а для того чтобы встретить этот поворот во всеоружии, партия должна обеспечить себе руководящую роль в предстоящих выборах в верховные органы страны.

Наконец, мы не можем провести в жизнь наши новые выборы, опирающиеся на последовательный, до конца доведенный социалистический демократизм, без того, чтобы эти самые принципы не были осуществлены и утверждены в нашей партийной жизни. Если наша партия будет строиться на иных основах, чем строится государственная жизнь, то это будет означать разрыв, который лишит возможности нашу партию быть признанным руководителем социалистического строительства. Это требует перестройки и нашей партийной работы.

Величайшее значение постановления, принятого пленумом ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова, заключается в том, что оно содержит в себе конкретные мероприятия, обеспечивающие дальнейший подъем партийной работы, дальнейшее укрепление принципов демократического централизма, выражением которого является устав нашей партии.

Тов. Вышинский переходит к подробному изложению постановления пленума ЦК ВКП(б) по вопросу об уроках вредительства, диверсии и шпионажа троцкистских агентов.

Говоря об исключительной принципиальной выдержанности решений пленума ЦК ВКП(б), в частности, по этому вопросу, т. Вышинский отмечает глубокое обобщение с точки зрения марксистско-ленинско-сталинской методологии уроков сопротивления наших классовых врагов, рассеянных в разных отраслях нашей государственной системы. Тов. Вышинский показывает, что в этих решениях содержится ряд в высокой степени новых важных мыслей, имеющих, несмотря на весь кажущийся излишний техницизм и практицизм, громадное принципиально-политическое значение между прочим и для советских юристов. Указание пленума, что троцкисты, ставшие наемным отрядом фашизма, восприняли приемы вредительства всех ранее раскрытых вредительских организаций в промышленности и на транспорте, что они аккумулировали весь опыт шпионской и вредительской деятельности, т. Вышинский иллюстрирует анализом приемов и особенностей вредительства, выявленных на ранее раскрытых процессах (Шахтинское дело, Промпартия, Метро-Виккерс и т. д.).

— Если посмотреть, — говорит т. Вышинский, — чем отличаются, скажем, шахтинские преступления от преступлений антисоветского троцкистского центра, то окажется, что это отличие между частным и общим, между слабым и суммой.

Шахтинский процесс показал нам своеобразную преступную деятельность вредителей и шпионов, первые, сравнительно робкие шаги преступников этого рода, забравшихся в наши хозяйственные организации. Шахтинские вредители характерны были различного рода саботажническими чертами. Шахтинские вредители-инженеры саботировали разработку пластов, они рассчитывали на скорый возврат хозяев, которые оценят их преданность. Само вредительство явилось итогом этих настроений в инженерно-технической, буржуазно-интеллигентской среде, где вредительство бы-

ло в то время модой, как говорил товарищ Сталин.

Особенность этого вредительства заключалась в том, что вредители были технически грамотнее нас, технически более вооружены, чем мы. При этой верхушке инженерно-технической интеллигенции, зараженной болезнью вредительства, коммунисты выполняли роль плохих комиссаров, мало понимая в технике. Поэтому вредители-шахтинцы имели перед нами техническое преимущество, поэтому они могли вредить, водить нас за нос.

Нынешнее вредительство, на которое пошли Пятаков, Ратайчак и др., отличается от шахтинского вредительства тем, что вредители последнего периода несколько не более грамотны, чем мы, преимущества технической грамотности у них уже нет. Это усиливает нашу ответственность, ибо, когда более грамотный обманывает менее грамотного, это более извинительно, а когда грамотный обманывает столь же грамотного, когда вредитель ничем не стоит выше тех, под носом у кого он осуществляет вредительство, это становится менее извинительным, это становится более социально опасным. Но здесь есть и другая сторона дела. У вредителей теперь в кармане партбилет, в активе Ратайчака, Князева, Пятакова, Шестова и тому подобных господ имелось наше доверие. В этом второе отличие нынешнего вредительства от прежнего.

То же самое надо сказать относительно Промпартии и относительно Метро-Виккерс. В этих процессах уже в большей степени чувствуется рука иностранной разведки.

В Промпартии мы чувствовали руку иностранных капиталистических, враждебных нашей стране правительственных кругов, но не таких специальных учреждений, какими являются полицейские охраны. В последних же процессах мы гораздо резче почувствовали руку полицейских охранок ряда капиталистических государств, пробравшихся в нашу среду, захвативших в плен некоторую, к счастью, незначительную часть наших инженерно-технических работников, использовавших их в своих преступных целях. И вот с этой точки зрения пленум ЦК ВКП(б) правильно устанавливает, что все методы вредительства и шпионажа, которые появились на нашей почве со времени шахтинского процесса, наши враги довели до высшей степени развития, используя при этом троцкистов как свою надежную, преданную, опытную и на все готовую агентуру.

С этой точки зрения резолюция пленума ЦК ВКП(б) об уроках вредительства и шпионажа приобретает исключительное значение, подготавливая нашу победу, а следовательно, и победу передовой демократии и мировой культуры в неизбежной предстоящей схватке с фашистским миром грабителей и разбойников.

Вот почему, когда было установлено, что японо-немецкие троцкистские агенты сосредоточили свой предательский удар именно на тех отраслях промышленности и железнодорожного транспорта, которые имеют решающее значение для обороны страны, — это сразу ввело нас в круг основных целей и установок троцкистских вредителей, диверсантов, направляющих свои усилия на то, чтобы наносить чувствительные удары по наиболее чувствительным местам.

Тов. Вышинский говорит о необходимости не только ликвидировать последствия вредительства во что бы то ни стало и в кратчайший срок, но и о необходимости также решить сейчас же и вторую задачу: организовать так руководство нашим хозяйством, чтобы прекратить доступ туда вредителям, диверсантам, шпионам, и найти средства разоблачать их еще до того, как они успели проникнуть на эти предприятия. Для этого нужно покончить с узким делячеством, замыканием в узко хозяйственных делах, аполитицизмом, отрывом от политической работы, которые порождают политическую слепоту, идиотскую болезнь беспечности.

Среди хозяйственников, и притом довольно ответственных, господствовала гнилая теория, что, кто хорошо работает, тот не может быть вредителем: фабрику он выстроил, завод освоил, план выполнил и перевыполнил, значит он не вредитель.

Товарищ Сталин жестоко высмеял на пленуме такую теорию. Он говорил, что такая работа — вовсе не доказательство преданности; таких вредителей, которые бы только занимались вредительством, не существует. Наоборот, вредитель потому-то и может быть вредителем, что он это свое вредительство сочетает по временам с хорошей работой, которой он умеет усыплять нашу бдительность до поры до времени. В том-то и хитрость вредителя, что он вредит в известной пропорции к тому, что он делает. И больше того, чем к более опасному преступлению он готовится, особенно на случай войны, тем больше он старается до наступления того момента, когда одним поворотом рубильника он взорвет какой-нибудь военный завод или крупный агрегат, делать все возможное, чтобы доказывать свою преданность советской власти, свое умение и желание работать. Это совершенно естественно, ибо большая игра строится на серьезных методах.

Тов. Вышинский особенно подчеркивает недопустимость нарушения дисциплины, всяких правил, приказов, инструкций и т. д. Это очень большой вопрос, ибо не все сознают в достаточной степени отчетливо, что означает нарушение дисциплины, нарушение выработанных инструкций, скажем, по технике безопасности, особенно в таких учреждениях как железнодорожный транспорт, шахтное хозяйство. Ясно, что там, где эта дисциплина расхлябана, там, где техника безопасности находится в загоне, где на это работники не обращают никакого внимания, прикрывая подчас свое вредительство грошевыми расчетами, ссылками на рационализацию, на экономию, там открывается достаточно широкий простор для всякого рода вредительских и даже диверсионных преступлений. Вот почему не случайно Центральный комитет обращает внимание, что подрывная работа возможна была только в условиях расхлябанности, нарушения трудовой дисциплины.

Пленум также подчеркнул, что одним из важнейших факторов предупреждения возможности диверсионных актов на предприятиях является усиление охраны труда, безоговорочное соблюдение эксплуатационных инструкций, доскональное знание обслуживающим персоналом агрегатов, правильная расстановка сил и надлежащая подготовка преданных квалифицированных кадров.

В свете этих решений пленума ЦК ВКП(б) т. Вышинский подвергает резкой критике недостатки работы Прокуратуры.

— Ясно, — говорит он, — что постановления пленума Центрального комитета выдвигают перед нами целый ряд в высокой степени важных и ответственных задач. Нужно сказать, что, к сожалению, в нашей работе очень много недостатков. Мне кажется, что о наших недостатках мы до сего времени были недостаточно осведомлены. Многие товарищи как будто самокритично настроены, но самокритику больше понимают как критику других, а не как критику самого себя, а когда начинают даже вскрывать свои недостатки, то делают это больше для приличия, потому что это стало хорошим тоном.

Прежде всего у нас не все в достаточной мере понимают, что люди — это ценнейший капитал, и посадить человека зря на 3 или 5 лет — это тоже удар и по нашему капиталу, и по нашим производительным силам, по счастливой жизни его самого, его семьи, друзей, это большой урон и для государства и для общества. И если мы вручаем судьбу людей работникам, которые не подготовлены к этому делу, то чем это не вредительство, чем это отличается от диверсии? Поэтому, если партия обращает особое внимание на правильную расстановку сил, на усиление политического и технического надзора для того, чтобы можно было предупреждать сознательную преступную деятельность, то я должен сказать, не проводя здесь полной аналогии, что из этого мы должны извлечь известный урок для себя — урок о необходимости правильной расстановки сил, кадров, людей, политической и технической подготовки наших работников к исполнению тех обязанностей, которые на них возлагаются.

Тов. Вышинский подробно останавливается на работе основных отделов Прокуратуры Союза.

— Наш отдел по гражданским делам, — говорит т. Вышинский, — является очень серьезной частью нашего аппарата. Одно только то обстоятельство, что за прошлый год по всей стране прошло через суды свыше двух миллионов гражданских дел при гораздо меньшем количестве уголовных дел, указывает на то, что такая гипертрофия в нашей работе, когда мы думаем только об уголовных делах, совершенно неправильна.

Гражданский отдел Прокуратуры Союза до сего времени не поднял еще своей работы на уровень требований, предъявляемых нам Сталинской Конституцией. Наш гражданский отдел до самого последнего времени совершенно неправильно разрешил дела о застройках, опираясь на формальное толкование закона о застройке, не понимая того, что мы защищаем закон, право только тогда, когда оно само не противоречит принципам социалистического строительства. Наш гражданский отдел не понял того, что закон о застройке должен корректироваться этими основными принципами, и объективно оказывал содействие тем, кто умел быть более наглым, быть пауком, умело высасывающим кровь из попадавшей в его руки жертвы. И в этом вопросе наш гражданский отдел во главе с т. Борисовым долгое время занимал позицию, сугубо формальную. Получалась чепуха, тем более обидная, что

когда я позвал к себе работников гражданского отдела и обратил их внимание на это, то мне пришлось с ними провести целую дискуссию, ибо работники гражданского отдела вместе с т. Борисовым пытались оспаривать мою точку зрения. Я их убедил. Я им предложил в точности выполнять мои указания.

Я заставил их подавать один протест, другой протест. Суды соглашались с ними. Правильная точка зрения восторжествовала против пауков и формалистов в худшем смысле этого слова.

Тов. Вышинский ставит вопрос о том, что, рассматривая гражданское дело, нужно уметь разглядеть действительные жизненные отношения, которые подчас скрываются за юридическими формулами, что укрепление советского закона отнюдь не означает фетишизацию юридической формы, что закон нужно укреплять не буквоедством, а правильным пониманием его смысла, ибо защищать мы должны только такое право, которое не противоречит принципам нашего социалистического строительства.

Тов. Вышинский напоминает при этом указания товарища Сталина, что бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества, в частности, и в жизни нашей, когда законы оказываются устаревшими и когда их надо отложить в сторону.

— Это, — говорит т. Вышинский, — не должно быть понято, однако, как допущение пренебрежительного отношения к закону, игнорирования закона: это значит только, что каждый закон должен оцениваться с точки зрения его духа и смысла, с точки зрения его соответствия принципам нашего социалистического строительства и его задачам.

Я считаю, что гражданский отдел, в особенности перед лицом новой Конституции, которая требует от нас перестройки работы во всех решительно направлениях, должен свою работу коренным образом изменить для того, чтобы уметь правильно защищать интересы советского государства и интересы советских граждан. Ст. 9 Конституции прямо кричит, обращаясь к нашему гражданскому отделу, о необходимости, опираясь на нее, корректировать ряд положений, чтобы предотвратить возможность перерастания личного хозяйства, личной собственности в частную собственность, вступающую на путь конкуренции с нашей общественной социалистической собственностью.

Гражданский отдел работает у нас еще плохо. Гражданский отдел еще не поднял своей работы на уровень политических задач нашего времени и здесь для него открывается непопечный край очень ответственной, серьезной и почетной работы.

Я считаю необходимым в порядке самокритики и себя упрекнуть в том, что я как руководитель Прокуратуры не сделал всех тех выводов, которые надо было сделать для изменения направления работы гражданского отдела, недостаточно проявлял инициативы в деле постановки перед правительством целого ряда проектов законов, которые обеспечили бы торжество и полное выполнение требований нашей новой Сталинской Конституции.

И до новой Конституции совершенно понятна была важность общего надзора, осуществляемого Прокуратурой Союза, ибо это та исконная функция советской прокуратуры, которая была возложена на нее еще положением о Прокуратуре 1922 г. С организацией Прокуратуры

Союза в 1933 г. эта функция в нашей работе должна была занять очень видное место. Нельзя сказать, чтобы в этой области нами ничего не было сделано. Целый ряд незаконных мероприятий, распоряжений, циркуляров и т. д. отдельных наркоматов нами опротестованы и были отменены либо наркоматами, либо СНК.

Должен сказать, что за последнее время у нас стали живее, внимательнее и лучше работать, но все-таки это еще не то, что нужно. Нужна планомерная работа, а не рывки, нужна органическая работа, а не партизанщина, нужна система, а не кустарщина, причем система, организованность и планомерность нужны не только здесь, но и на периферии, а это наше самое больное и уязвимое место. Вот почему я недоволен и работой отдела общего надзора, считая, что и он также не на высоте еще наших требований.

Уголовно-судебный отдел не научился еще обобщать свою работу и ставить общие принципиальные вопросы, которые касаются организации и прокурорской и судебной работы. Судебно-уголовный отдел Прокуратуры Союза имеет одним из важнейших своих назначений наблюдение за правильностью работы судебных органов, но судебным органам можно помочь только тогда, когда систематически изучаешь, обобщаешь эту работу, когда делаешь определенные выводы из всей практики работы отдела. Этого уголовно-судебный отдел как раз не делает. Возьмем такой пример: наряду с УПК существуют всевозможные циркуляры, изданные в прошлом, по преимуществу, Наркомюстом, который занимался этим делом, и о суде, и о работе прокуратуры и т. д. Прокуратура обязана была наблюдать за тем, чтобы эти циркуляры были отменены, чтобы они не нарушали нормальную работу, чтобы не было извращений, чтобы не было каких-то камер, действующих от имени народного суда и т. д. Это должна была сделать та часть прокуратуры, которая наблюдает за судами. В этом отношении наш судебно-уголовный отдел не занял положения руководящего органа, наблюдающего за тем, чтобы все делалось у нас по закону, он еще не стал на ту высоту своей работы, которая бы обеспечила твердость наших законов, стабильность наших законов, которая, по словам товарища Сталина, нам сейчас нужна больше чем когда бы то ни было.

Наши железнодорожная, водная и военная прокуратуры страдают теми же недостатками, о которых я говорил применительно к гражданскому отделу, отделу общего надзора и уголовно-судебному отделу. Это низкая квалификация самих работников, недостаточно планомерное и систематическое руководство отдельными работниками, дергание и т. д., которые привели к очень чувствительным прорывам в нашей работе.

Надо также сказать, что мы недостаточно оперативно руководим работой наших периферийных органов. Между тем, в этом отношении положение в военной прокуратуре, главной железнодорожной, главной водной прокуратурах несколько отлично от положения других отделов, потому что главные прокуратуры представляют собой наиболее централизованный аппарат, потому что их периферия находится в непосредственном подчинении цен-

трального аппарата. Поэтому здесь особые условия работы, другие представляются требования. Надо сказать, что те недостатки, которые тут имеются, сказываются с еще большей остротой, чем на других участках нашей работы, ибо если мы что-нибудь не доделаем с точки зрения руководства территориальной прокуратурой, то если лучше нас работает Прокуратура Республики, она восполнит этот недостаток. Этого нельзя сказать ни про одну из трех специальных прокуратур, где никто их не поправит, кроме нас.

— До сего времени, — говорит далее т. Вышинский, — не выкорчеван старый недобрый поряток, при котором каждый местный прокурор считал себя маленьким удельным князьком. Скажем, в Западной Сибири сидит хан Барков, в Московской области — удельный князь Филиппов, в РСФСР — исполняющая обязанности герцогини Юрина. Каждый чувствует себя самостоятельным, автократичным. Это означает, что наша прокуратура все еще не представляет собою стройной, систематически и планомерно работающей организации, подчиняющейся единому командованию и действующей по единому плану. Мы также забываем очень часто, что прокуратура должна заниматься не только непосредственной борьбой с контрреволюцией, троцкистами, всякого рода контрреволюционными вредительскими организациями, хотя это и составляет нашу важнейшую и первейшую обязанность, но надо, чтобы прокуратура сочетала эту борьбу с борьбой и на других участках нашего государственного строительства, потому что нарушение закона, нарушение прав граждан создают почву для того, чтобы троцкистские организации здесь орудовали и могли заработать свой преступный капитал.

Поэтому прокуратура должна понимать, что борьба за интересы нашего государства заключается не только в том, чтобы разоблачить и уничтожить гадов-вредителей, шпионов, диверсантов, — это наша первая, священная обязанность, — но и в том, чтобы уметь защитить права и интересы наших граждан, тем более целых групп граждан, потому что бюрократические извращения, нарушающие эти права, сплошь и рядом являются почвой, на которой пыльным цветом растут такие враги, как троцкисты.

До сего времени водно-транспортная прокуратура не овладела периферийной сетью, до сего времени там имеет место привлечение к ответственности за всякого рода мелочи. С этим недостатком мы боремся два года, а сломить его не можем. Те ничтожные успехи, которые мы имеем в водно-транспортной прокуратуре, не могут нас удовлетворить.

Задача руководства в этом и заключается, чтобы уметь повернуть человека его сильной стороной, его достоинствами в работе, здесь громаднейшая ответственность падает на долю руководителя. У нас слишком примитивно подходят к работнику: не подходит — снимают, а не подумают, чтобы переместить его на другую работу, использовать как-нибудь иначе. Между тем, на периферии у нас положение очень неблагоприятно, потому что у нас имеется очень много пустых, незаемченных вакансий.

Причины отмеченных недостатков заключаются в том, что мы имеем политически и культурно отсталые прокурорские кадры, что вме-

сто живого руководства заместители Прокурора Союза и начальники отделов занимаются писанием резолюций «Пр. пр.», что значит «прошу переговорить». Целый ряд мероприятий, которые мы проводим по повышению квалификации, оказывается далеко недостаточным. Конференции дают некоторый результат, однако они представляют микроскопическую долю в системе тех мероприятий, которые должны охватить всю нашу периферию. Юрминимум тоже неправильно проводится. Правильно поставлен вопрос, чтобы вместо юрминимума была организована такая система занятий с нашим прокурорским аппаратом, чтобы каждый наш оперативный прокурор, примерно, за три года работы в прокуратуре, прошел не сменя развернутый полный курс юридических наук высшего учебного заведения. На время скупиться не надо. Лучше пусть три года проучится, систематически из года в год пройдет курс юридических наук и через три года станет настоящим юристом, образованным, культурным, всесторонне развитым человеком. Тогда ему легче будет преодолевать трудности в работе, легче будет руководить периферией.

Заключительную часть своего доклада т. Вышинский посвящает последнему докладу, заслушанному на пленуме — докладу товарища Сталина и принятой по докладу резолюции, которая создает целую эпоху в деле перестройки наших партийных рядов и партийных организаций.

Подробно излагая содержание доклада товарища Сталина и резолюции по докладу, т. Вышинский говорит:

— Эта резолюция в кратких исторических формулировках показывает, как действительно наша партия и руководящий орган ее — Центральный комитет — понимают самокритику.

Самокритика была развернута на пленуме чрезвычайно широко и, главное, справедливо. На пленуме приводился действительно целый ряд очень ярких примеров недостатков, разоблаченных товарищем Сталиным.

Товарищ Сталин особо подчеркивал, что нельзя в жизни отделять политику от хозяйства. Задача состоит в том, чтобы не подменять одно другим. Сразу освободиться от хозяйственных мелочей не удастся, для этого нужно некоторое время.

Товарищ Сталин специально остановился на вопросе о вредителях, троцкистах, агентах японо-германской разведки. Он еще раз подчеркнул, что троцкисты уже 7—8 лет не являются политическим течением в рабочем движении, что они являются просто бандой преступников, как это показывают минувшие судебные процессы.

Далее товарищ Сталин перешел к вопросу проверки исполнения. Он говорил, что нельзя оставлять человека без контроля, отдавать ему работу на откуп, что надо людей проверять на работе ежедневно. Есть две проверки: сверху вниз и снизу вверх. Нужно сочетать эти обе проверки, нужно поставить так работу, чтобы и верхи проверялись низами, чтобы партийный актив и беспартийный актив, чтобы вся масса могла проверять руководителя.

И в этом смысле товарищ Сталин говорил о выборах партийных органов как одном из способов этой проверки.

Далее товарищ Сталин говорил о том, что надо уметь воспитывать кадры и во-время

исправлять их ошибки. Своевременное вскрытие своих ошибок, честное осознание этих ошибок и их исправление — это значит воспитывать кадры. Товарищ Сталин между прочим напоминал о головокружении от успехов 1930 г., указывая, что если бы ЦК тогда не вскрыл ошибок, если бы ЦК побоялся пойти против течения, против господствовавшего тогда настроения, тогда дело было бы загублено. Товарищ Сталин указал, что апрельский пленум 1928 г. вскрыл ошибки партийных организаций в шахтинском деле. Только таким образом мы смогли понять источники, причины, корни шахтинских преступлений и ликвидировать их.

Товарищ Сталин сказал, что не только надо учить массы, но также надо учиться у масс, учиться всегда, не ослабляя связи с массами.

Товарищ Сталин напомнил греческий миф об Антее, одном из героев древнегреческого эпоса. Никто не мог победить Антея, потому что Антей, сын Посейдона и Геры — богини земли, страстно любил свою мать и, когда ему было трудно, он всегда обращался к матери, прикасался к земле и от соприкосновения с землей приобретал непобедимую силу. Но Геркулес перехитрил его, он оторвал его от земли и задушил в воздухе, прежде чем Антей успел прикоснуться к земле.

«Я думаю, — сказал товарищ Сталин, — что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью — с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства».

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Тов. Сегал (главный транспортный прокурор) начинает с указания на величайшее историческое значение пленума ЦК ВКП(б), который дал большевистской партии оружие, как уберечь от капиталистического окружения единственную страну в мире, построившую у себя социализм, и как укрепить социализм дальше.

Далее т. Сегал останавливается специально на решениях пленума об уроках вредительства на железнодорожном транспорте.

— Неудивительно, — говорит т. Сегал, — что троцкистские шпионы и вредители сосредоточили свою подрывную деятельность наряду с тяжелой промышленностью и на железнодорожном транспорте, так как всякому понятно значение железнодорожного транспорта не только для народного хозяйства, но и для обороны страны.

Одним из главных методов троцкистского вредительства на транспорте являлась организация крушений. В этом пункте сказалась с особой яркостью аполитичность многих звеньев хозяйственного и политического аппарата транспорта, между прочим и органов прокуратуры, следствия и суда. При крушениях обычно констатировалось нарушение дисциплины и правил технической эксплуатации, наказывались непосредственно участники крушений, но действительная подоплека и подлинные организаторы оставались в тени. Троцки-

стские шпионы и вредители умело пользовались атмосферой расхлябанности во многих звеньях транспорта и прокуратуры и умело маскировали свою подлую диверсионную работу. В результате к целому ряду крушений, которые были организованы шпионами и диверсантами, прокуратура подходила под углом зрения лишь наличия грубых нарушений дисциплины.

Тов. Сегал иллюстрирует это положение целым рядом конкретных фактов и делает из этого вывод о необходимости коренной перестройки работы транспортной прокуратуры по борьбе с крушениями.

— Мы должны усвоить, что бдительность вовсе не сводится к словам и крикам о бдительности, она требует прежде всего огромной тщательности, добросовестности при анализе каждого дела, каждого, на первый взгляд даже мелкого, обстоятельства, причем анализа глубоко политического.

В настоящее время расследование крушений коренным образом перестраивается, причем решающая роль в этих делах возложена на железнодорожных прокуроров. Это выражение доверия партии к органам железнодорожной прокуратуры накладывает на нее громадную ответственность. Для выполнения этой задачи прокуратура должна коренным образом перестроить свою работу, добываясь вскрытия коренной каждого крушения, выяснения политической физиономии его участников, и на каждом деле учить прокуроров политической бдительности и большевистской непримиримости.

Далее т. Сегал переходит к критике руководства прокуратуры. Он говорит, что тт. Вышинский, Леплевский и Рогинский мало интересуются работой железнодорожного транспорта, недостаточно критикуют эту работу. Тов. Леплевский, как правило, не решает возникающих в процессе работы вопросов, перенося их на оперативное совещание или на совещание заместителей, которые приобрели делаческий характер: из-за большого количества дел многие из них не разрешаются месяцами, а главное — в этих конкретных казусах тонет действительное руководство.

В заключение т. Сегал выдвигает задачу выращивания кадров, выдвижения лучших периферийных работников в центральный аппарат, имея в виду, что среди прокурорских работников периферии имеется много талантливых, политически острых работников, которые, придя в аппарат Прокуратуры Союза, влили бы в работу союзной Прокуратуры новую, свежую струю.

Тов. Элькин (зам. главного транспортного прокурора) говорит о плохой работе партийной группы главной транспортной прокуратуры, которая за последние 6 месяцев не провела ни одного партсоборания, что т. Элькин объясняет потерей вкуса к партийной работе, отсутствием минимального контроля за работой партгруппы со стороны партийного комитета.

Недостатки в работе прокуратуры железнодорожного транспорта т. Элькин также объясняет неудовлетворительным состоянием партийной работы, и, хотя т. Вышинский считает работу главной транспортной прокуратуры несколько лучшей, чем работу других отделов, т. Элькин вынужден признать и эту работу неудовлетворительной.

Тов. Глузман (парторг спецотдела) говорит о том, что партрбота в спецотделе и в Прокуратуре Союза в целом велась формально, лишь бы как-нибудь отчитаться. Причину такого положения вещей, по мнению т. Глузман, надо искать в том, что у нас созданы все условия для того, чтобы не заниматься партрботой. Никто не знает случая, чтобы тот или иной работник забыл прийти на службу, а забыть прийти на партгруппу — это явление обычное. В этом виноваты все мы, говорит т. Глузман, и руководство Прокуратуры Союза, и бюро партийной организации, и каждый член партии в отдельности.

В заключение т. Глузман говорит, что в Прокуратуре Союза не созданы необходимые условия для повышения квалификации работников, и высказывает при этом пожелание, чтобы проект о трехгодичной учебе работников прокуратуры был проведен в жизнь.

Проф. Строгович (следственный отдел Прокуратуры Союза) посвящает свое выступление мероприятиям, направленным к повышению идейного, политического и правового уровня знаний наших прокурорских работников. Тов. Строгович говорит, что в этой области дело обстоит далеко неблагоприятно, и выдвигает предложение об изменении стиля работы в том направлении, чтобы она строилась не в плоскости школьных занятий, а главным образом на глубоком и серьезном изучении нашими прокурорскими работниками основных юридических дисциплин. Но для этого необходимо создать соответствующие условия для тех работников, на которых эта работа будет возложена.

Тов. Сольц (ст. пом. Прокурора Союза ССР) начинает свое выступление с указания, что мы живем в необычайное время.

— Дело в том, — говорит т. Сольц, — что мы вступили в особый новый период нашей жизни и нашей борьбы. Мы начинаем жить в эпоху, когда в одной стране построен социализм. Принятая Чрезвычайным VIII съездом советов Конституция это подтверждает.

Анализируя путь большевистской партии за период, непосредственно предшествовавший 1917 г., и за годы революции, т. Сольц показывает, почему с определенного времени Зиновьев, Каменев, Бухарин и др. стали открытыми врагами народа, с которыми нужно решительно расправиться.

Далее т. Сольц говорит о необходимости сочетать чуткость к людям с максимальной бдительностью.

— Мы должны знать, — говорит т. Сольц, — что в связи со строительством социализма встречаем громадное сопротивление всего капиталистического мира. Поэтому мы должны готовить тыл, мы должны увеличивать количество наших друзей и безжалостно расправляться с врагами.

В заключение т. Сольц указал, что основным недостатком своей работы он считает слабое наблюдение за тем, как разбираются жалобы в других отделах прокуратуры, что он увлекается личным рассмотрением жалоб, чтобы сейчас же помочь человеку. Между тем, основная задача отдела жалоб Прокуратуры Союза заключается не в том, чтобы здесь больше жалоб было рассмотрено, а чтобы правильно и хорошо была поставлена работа по рассмотрению жалоб во всех от-

делах Прокуратуры Союза, причем в этой работе еще очень многое не сделано, очень многое предстоит сделать.

Тов. Томский (пом. Прокурора Союза ССР) посвящает свое выступление кадрам. Он говорит, что изучение кадров, которое мы проводим на основе аттестации, идет недопустимо медленно, что план аттестации не выполняется. В этом т. Томский усматривает первый недостаток отдела кадров.

Вторым недостатком является отсутствие плана укомплектования прокурорских кадров. Материалы свидетельствуют о том, что в одном крае большее количество работников, причем лучших, а в другом — меньшее количество и притом худших. Задача заключается в том, чтобы правильным докомплектованием кадров в районах создать более или менее равномерное насыщение кадрами. К выполнению этой задачи отдел кадров как следует еще не приступил.

Третьим недостатком работы отдела кадров т. Томский считает отсутствие списков на выдвижение, в результате чего прокуратура оказывается в крайне тяжелом положении, когда необходимо наметить какую-нибудь кандидатуру на прокурорскую работу.

Далее т. Томский говорит, что в республиках, краях и областях часто неправильно подходят к нашим работникам, неправильно их расценивают. Стоит какому-нибудь работнику выступить против руководства, как он сразу получает кличку «бузотер», «скандалист», «склочник». Совершенно естественно, что при таком отношении к работникам мы кадры будем терять.

Тов. Томский также отмечает неповоротливость, отсутствие плановости, недостаточную решительность отдела кадров при постановке целого ряда вопросов, а также отсутствие контроля за работой соцсовместителей. Руководство периферией проводится только от случая к случаю.

Первая, основная задача, которая стоит перед отделом кадров, по мнению т. Томского, заключается в том, чтобы закончить в кратчайший срок аттестацию, изучить кадры, составить план перемещения, наметить резерв. Помимо этого необходимо поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) о возвращении всех старых прокурорских работников и следователей на работу в органы прокуратуры и добиться решения ЦК ВКП(б) о выделении новых партийных кадров для замещения прокурорских вакансий.

В заключение т. Томский останавливается на недостатках работы руководства некоторых отделов. Тов. Томский считает, что в основном начальники отделов работают нерешительно, со страхом. Начальники отделов имеют возможность решать вопросы самостоятельно, но этим правом пользуются крайне неохотно, стараясь уйти от ответственности за принятые решения.

Тов. Субоцкий (пом. Прокурора Союза ССР) говорит, что в аппарате военной прокуратуры еще до сего времени много трафарета, делячества, неразберихи и путаницы, что люди занимаются работой поверхностно, не видят порой внутреннего содержания тех явлений и фактов, которые перед ними проходят.

Плохое знание наших кадров и недостаточная информированность работников приводят к целому ряду ошибок.

Далее т. Субоцкий подвергает критике излишнюю централизацию работы военной прокуратуры и совершенно недостаточное вовлечение среднего звена в коллективное обсуждение основных вопросов работы военной прокуратуры.

В заключение т. Субоцкий отмечает, что парттрата в Прокуратуре Союза носит формальный характер, не учитывает квалификации значительного большинства членов парторганизации и не ставит интересных действительно нужных важных вопросов по-настоящему, теоретически глубоко. Даже вопросы Конституции, говорит т. Субоцкий, прорабатывались на недостаточно высоком уровне, без всякой увязки с вопросами марксизма-ленинизма.

Тов. Липсон (прокурор) говорит о том, что в парторганизации в Прокуратуре Союза самокритика не в почете, и иллюстрирует это некоторыми примерами.

— И на настоящем собрании, — говорит т. Липсон, — действительной большевистской критике товарищи не подвергают ни свою работу, ни работу своих отделов, ни работу руководства, которому они подчинены.

В заключение т. Липсон подробно останавливается на работе гражданского отдела Прокуратуры Союза, показывая на ряде примеров, что к разрешению важнейших вопросов гражданский отдел подходит бездушно и формально-бюрократически.

Тов. Ширвиндт (ст. пом. Прокурора Союза ССР) говорит о том, что до настоящего времени организационные вопросы в Прокуратуре Союза полностью еще не разрешены. Особенно в тяжелом положении находятся вновь организованные отделы, которые влчат пока жалкое существование.

Тов. Горбулев (пом. главного транспортного прокурора) посвящает свое выступление освоению техники работниками транспортной прокуратуры, засорению аппарата прокуратуры вследствие недостаточно критического подхода к подбору кадров.

В заключение т. Горбулев останавливается на работе Института юридических наук, указывая, что там имеются признаки подхалимства и что парторганизация в институте не на высоте.

Тов. Вавилов (военная прокуратура ВО НКВД Московской области) говорит о том, что пленум ЦК ВКП(б) дал парторганизациям, каждому члену партии и каждому непартийному большевику в отдельности программу работы в новых условиях.

Пленум вскрыл недостатки отдельных партийных организаций, которые в основном сводятся к тому, что многие парторганизации потеряли вкус к партийно-политической работе, а это в свою очередь приводило к ослаблению политической бдительности. Далее т. Вавилов говорит о необходимости еще шире развернуть самокритику, повести решительную борьбу с подхалимством, угодничеством, ибо в условиях подхалимства и угодничества широко развивается чувство безответственности.

Тов. Вавилов рассказывает, что в транспортной прокуратуре и в военной прокуратуре до сего времени царит такое отношение к работ-

никам: там, где прокурор не ладит с командованием, прокурора перебрасывают на другую работу, никогда не интересуясь, почему отношения сложились плохими и кто в этом виноват.

Тов. Вавилов жалуется, что работники периферии не чувствуют достаточного руководства со стороны главной военной прокуратуры, а те дела, которые поступают на периферию из главной военной прокуратуры, порой стыдно перед трибуналом защищать. Он приводит пример, когда из 12 дел 3 трибунал вынужден был вовсе прекратить, а 9 направить на исследование.

В заключение т. Вавилов говорит о необходимости чутко относиться к людям, обращающимся за помощью в Прокуратуру Союза.

Тов. Леплевский (зам. Прокурора Союза ССР) говорит, что он очень недоволен тем разворотом самокритики, который имеет место на настоящем активе. Раньше всего он недоволен как член партии тем, что все товарищи сосредоточили свое основное внимание на вопросах оперативной работы. Между тем, т. Вышинский выступал здесь не только как Прокурор Союза, а как член партии с докладом о пленуме ЦК ВКП(б).

— Я позволю себе, — говорит т. Леплевский, — прежде всего коснуться дела Бухарина, Рыкова. Поскольку т. Вышинский дал совершенно исчерпывающую картину морального и политического разложения лидера правых, Бухарина, я хотел бы добавить только пару слов о Бухарине, дать два штриха его политической биографии, а затем перейти к Рыкову. Тов. Леплевский напоминает, что в 1918 г. по вопросу о Брестском мире Бухарин предлагал отвергнуть условия Брестского мира и начать войну с германским империализмом, договорившись до того, что советская власть стала формальной. Это было сказано тогда, когда народ грудью отстаивал советскую власть, когда в стране шла ожесточенная классовая борьба, когда вся страна была окутана пороховым дымом Октябрьского восстания.

Начиная с 1925 г., Бухарин выступает в «Большевике» с рядом статей, в которых он проповедует гражданский мир в нашей стране. Это в то время, когда мы пошли по пути индустриализации страны и социалистической реконструкции сельского хозяйства, когда мы били кулака и развертывали социалистическое наступление на всех хозяйственных фронтах. В это время Бухарин позволил себе выступать с целым рядом статей о гражданском мире. Самые худшие идеи так называемого бернштейнианства, которые были идеями худших времен германской социал-демократии, воспринял Бухарин, и поэтому совершенно не случайно, что он стал теоретическим лидером правого уклона, правой оппозиции и по сути дела проводил с 1928 г. всю подготовку сопротивления социалистическому строительству на всех фронтах, проповедуя ослабление классового нажима на кулака, реставрацию капитализма.

— Надо ли поэтому удивляться, — говорит т. Леплевский, — что этот человек скатился в темную яму контрреволюции.

Далее т. Леплевский анализирует путь Рыкова, который с первых дней революции был в оппозиции к Ленину. В частности, т. Леп-

левский напоминает позицию Рыкова на апрельской конференции, когда Рыков отнесся не только отрицательно, но издевательски к тезисам Ленина по вопросу о превращении нашей страны в республику советов. Равным образом, когда товарищ Сталин, в полном согласии с предложением Ленина, выступил против вхождения в предпарламент, за бойкот его, вооружал массы на Октябрьское восстание, на революцию рабочих и крестьян, товарищ Сталин встретил резкую оппозицию со стороны Рыкова, который солидаризировался в этом отношении с Каменевым и Рязановым, которые были за вхождение в предпарламент, за парламентские пути борьбы, вместо прямого выступления на улицах Петрограда.

Октябрь 1917 г. Формируется правительство. Рыкову дается чрезвычайно важный пост — пост наркомвнудела. Он через 3—4 дня после образования правительства этот пост оставляет, оказавшись вместе со штрейкбрехерами — Каменевым и Зиновьевым, вышедшими из ЦК.

1920 г. IX съезд партии. Одним из основных вопросов был вопрос о единоначалии, которое сыграло громадную роль в деле укрепления советской власти. Рыков вместе с Томским борется против линии Ленина и Сталина на IX съезде партии.

В этом же году выдвигается знаменитый план электрификации нашей страны — ГОЭЛРО. Рыков самым решительным образом выступает в этом вопросе против Ленина. В том же 1920 г. обсуждается чрезвычайно тщательно вопрос об образовании Государственной плановой комиссии, имевшей и имеющей совершенно исключительное значение в нашей стране. Рыков выступает против планового начала в нашей стране.

В 1928 г. Рыков в качестве лидеров правой оппозиции саботирует чрезвычайные меры против кулачества.

Таков политический путь Рыкова на всем протяжении нашей революции, приведший этого человека к измене и предательству.

Далее т. Леплевский отмечает целый ряд недостатков в работе Прокуратуры Союза. Тов. Леплевский высмеивает тех товарищей, которые часто морщат нос по поводу самокритики, считая, что самокритика отрывает от дела. Таким товарищам он рекомендует вспомнить замечательные слова Владимира Ильича об умении большевиков сочетать митингование с управлением.

Тов. Леплевский призывает к усилению самокритики, которая нужна нам для улучшения работы, для вскрытия всех наших недостатков и ошибок. Но самокритика должна быть добросовестской, основанной на фактах, и диктоваться интересами дела, а не какими-то посторонними соображениями.

Тов. Леплевский полемизирует с т. Сегалом по вопросу о коллегиальном обсуждении. Леплевский выступает за коллегиальное обсуждение основных вопросов работы, имея в виду формулу товарища Ленина: сообща обсуждать, единолично решать. При этом т. Леплевский напоминает об указании товарища Сталина в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом, что единоличное решение, не проверенное коллективом, на 90% плохое решение.

Переходя к вопросам вредительства на правовом фронте, т. Леплевский вспоминает, что, когда он в 1930 г. был назначен СНК Союза председателем комиссии по пересмотру УК РСФСР и союзных республик, в эту комиссию входили в качестве членов и такие люди, как Пашуканис, Эстрин, Кузьмин и др.

— И случилось, к сожалению, так, — говорит т. Леплевский, — что даже такой квалифицированный большевик-криминалист, как т. Крыленко, оказался временно в плену у этих вредителей, отстаивая вместе с ними отказ от принципа дозировки репрессии и точного определения состава преступления, что в тех условиях по сути дела означало смягчение или ослабление борьбы с врагами пролетарского государства.

Тов. Леплевский бросает и себе упрек, что он борьбу с этими теориями ограничивал рамками официальных заседаний в комиссии, не вынося ее в специальную печать.

В заключение т. Леплевский говорит о необходимости максимального поднятия уровня наших прокуроров, имея в виду, что прокуроры, не обладающие знаниями, — прокуроры «митрофанушки» — несчастье для нашей страны.

Тов. Дрогов (районный прокурор Локнинского района, Калининской области) говорит, что доклад т. Вышинского помог ему еще больше подметить недостатки его собственной работы. Основным недостатком в работе прокуратуры т. Дрогов считает недостаточное знание людей, вследствие чего имеет место неправильная расстановка сил: более сильные районные прокуроры сидят в маленьких районах, а менее сильные как раз руководят большими ответственными районами.

В заключение т. Дрогов говорит о необходимости систематической учебы прокурорских кадров и более смелого выдвижения их на руководящую работу.

Тов. Розовский (главный военный прокурор) говорит о недочетах в работе главной военной прокуратуры. Основным недочетом в работе он считает бесплановость, работу рывком, неорганизованность, что в значительной мере дергает наших работников и вносит в общий стиль работы излишний нервный душок.

Вторым недостатком в работе главной военной прокуратуры т. Розовский считает некоторый отрыв руководства от прокурорских масс Москвы и периферии. Целый ряд серьезных документов, циркуляров, содержащих директивные указания, выработаны кабинетным порядком, причем ни работники главной военной прокуратуры, ни работники г. Москвы, где имеется большая армия военных прокуроров, не привлекаются для выработки этих документов и для участия в обсуждении работы отделов главной военной прокуратуры. В главной военной прокуратуре часто не прислушиваются к хорошим предложениям местных работников и недостаточно ориентируют периферийных работников; между тем, отсутствие надлежащей ориентировки периферийных работников приводит к тяжким последствиям.

К недостаткам работы в главной военной прокуратуре т. Розовский относит пренебрежение к теории и редкие выезды на периферию работников центрального аппарата,

вследствие чего они не знают дела и работников, которыми руководят.

Далее т. Розовский говорит, что кадры военной прокуратуры оказались в значительной степени засоренными, причем только после убийства т. Кирова в главной военной прокуратуре стали заниматься проверкой личных дел работников.

Недостатками в работе главной военной прокуратуры является также боязнь выдвигать молодых работников и недостаточная дисциплинированность «особого порядка», которая заключается в том, что приказы, издаваемые в Прокуратуре Союза, выполняются только в первый период их составления, а в дальнейшем совершенно забываются.

В заключение т. Розовский подвергает критике работу т. Леплевского, который мало помощи оказывает работе главной военной прокуратуры, и постановку партработы, которая проводится вяло, партгруппы созываются крайне редко, теоретические вопросы не разрабатываются.

Тов. Терентьев (председатель месткома Прокуратуры Союза ССР) говорит о том, что критика и самокритика в Прокуратуре Союза не были в фаворе, а пожалуй даже в загоне, что критику и самокритику у нас не особенно долюбляют.

Тов. Терентьев приводит примеры из практики стенной газеты. Мало-мальски серьезную заметку авторы предпочитают подписывать псевдонимами: «свисток», «сосед», «свой», а подписывать своими именами бояться.

— Далее, — говорит т. Терентьев, — критикуют обычно мелкую сошку, избегая критиковать людей повыше. В частности он указывает на недостаточную самокритику среди работников транспортной прокуратуры, хотя всем известно, что т. Сегал по несколько дней не принимает своих работников. Такое же положение у тт. Леплевского и Рогинского. Тов. Терентьев говорит, что народ в прокуратуре работает добросовестно, но эта работа не дает нужного эффекта, что объясняется недостаточной четкостью и продуманностью структуры и излишней перегрузкой многих. В частности т. Терентьев указывает, что в транспортной прокуратуре работники получают сразу по 50—60 дел, которые они обязаны в минимальный срок «провернуть». Естественно, что «провертывание» такого количества дел идет за счет тщательности их проверки.

В заключение т. Терентьев указывает, что с кадрами в прокуратуре плохо, что кадры не изучаются, их не знают, не вырачивают, для кадров не создаются настоящие условия повышения уровня их знаний.

Тов. Шляпочников (Институт юридических наук) указывает на то, что среди работников правового фронта имеет место недооценка того исключительно отрицательного влияния, которое оказала на уголовно-правовой фронт вредительская «теория» Пашуканиса. Концепция Пашуканиса представляет переплет контрреволюционных реставраторских, троцкистских и правых идей, стержнем которых явилось троцкистское отрицание существования социалистического права и тезис об отрицании советского государственного права с начала революции. Только отсутствием большевистской бдительности, самоуспокоенностью, дарившей среди работников правового фрон-

та, можно объяснить то, что эта вредительская «теория» многими отстаивалась до последнего времени.

Эта «теория» оказала свое вредное влияние и на уголовно-правовой фронт.

— Тов. Леплевский правильно подчеркнул в прениях, — говорит т. Шляпочников, — отрицательную роль, которую сыграл проект УК Комкадемии, тем более, что этот проект был политической платформой секции уголовной политики Института советского строительства и права Комкадемии, на основе которой строилась в 1930—1931 гг. теоретическая и преподавательская работа.

Этот проект Уголовного кодекса ИССП Комкадемии, основная идея которого сводилась к тому, что уголовно-правовая надстройка в переходный период отрицает (выветривается), представляя, по существу, право-левацкий документ, уходящий своими корнями в вредительскую теорию Пашуканиса и отражавший влияние идей буржуазно-социологической школы.

Влияние вредной «теории» Пашуканиса видно хотя бы из того, что и в последующих работах секции уголовной политики ИССП Комкадемии, в том числе и в работе т. Крыленко «Ленин о суде», не подчеркивался социалистический характер нашего уголовного права. Не случайно поэтому, что на нашем уголовно-правовом фронте нет учебников по уголовному праву, нет монографий по основным институтам советского уголовного права, которые могли бы нас сколько-нибудь удовлетворить.

Тов. Шляпочников отмечает далее чизкий идеологический уровень научно-технической работы как в секции уголовной политики ИССП Комкадемии, так и в бывшем Институте уголовной политики, за что и он персонально должен нести свою ответственность.

— За последние пять лет, — говорит т. Шляпочников, — не было ни одной серьезной дискуссии на фронте уголовного права. В 1932 г. была попытка поставить доклад т. Волкова — руководителя секции уголовной политики «О проблеме уголовного права в связи с задачами второй пятилетки». Однако тезисы были забракованы как неудачные, был забракован и самый доклад, и этим дело кончилось. Больше секция не делала попыток поставить хотя бы одну серьезную дискуссию.

Говоря о семейственности, которая существовала в Институте юридических наук, т. Шляпочников приводит ряд фактов. Так во втором номере журнала «Проблемы уголовной политики», подготовленного Институтом советского строительства и права Комкадемии, очерки уголовной политики расценивались в рецензии как высшие достижения марксистско-ленинской науки. Когда т. Вышинский полемизировал с т. Крыленко о дозировке, об аналогии в уголовном праве, редакция журнала «Проблемы уголовной политики» ограничилась тем, что указала о своем несогласии с т. Крыленко, вместо того, чтобы выступить с резкой критикой выдвинутых им положений.

К сожалению, эти уроки до сего времени не усвоены и самокритика в Институте юридических наук разворачивается очень медленно.

— Прошло два месяца после опубликования в газете «Правда» статьи т. Юдина «Против

путаницы, пошлости и ревизионизма», — говорит т. Шляпочников, а ее серьезное обсуждение до сего времени, по существу, не начато.

Всякие попытки сделать доклад встречают прямое противодействие и ссылку на некие рассматриваемые руководством института тезисы, что тормозит развертывание дискуссии.

В заключение т. Шляпочников говорит о необходимости коренным образом изменить методы научно-исследовательской и преподавательской работы в связи с решением пленума ЦК ВКП(б).

Тов. Красносельский (Прокуратура РСФСР) говорит, что руководители, которые зажимают самокритику, безусловно слабы, порочны и они стремятся свою слабость и свой порок скрыть.

Тов. Красносельский выражает уверенность, что по следам зажимщиков самокритики можно раскрывать большие преступления.

Поэтому т. Красносельский считает, что борьбу с зажимом самокритики надо поставить на такую же политическую высоту как с зажимом стахановского движения. Между тем, пока не видно таких тел, по которым привлекали бы к судебной ответственности за зажим самокритики.

В заключение т. Красносельский говорит, что прокурору в своей работе приходится очень часто сталкиваться с таким положением, когда из-за необходимости согласования санкций с руководителем хозяйственной организации дело тормозится несколько месяцев, в течение которых преступники продолжают вредить. Тов. Красносельский ставит вопрос о необходимости предоставить прокурорским работникам больше самостоятельности в тех случаях, когда они считают необходимым немедленно принимать меры против преступников, независимо от согласия или возражения руководителя хозоргана.

Тов. Хуторян (главная военная прокуратура) говорит, что без перестройки работы на основе решения пленума ЦК ВКП(б), без освоения техники работы с массами, без освоения большевизма, невозможно решить те большие задачи, которые стоят перед нашей партией, перед нашей страной.

Подвергая резкой критике работу аварийных комиссий, которые являются только регистраторами аварий, т. Хуторян отмечает что в решениях пленума ЦК ВКП(б) собраны все чаяния и настроения членов партии и что только коммунистическая партия может так обобщать материал, так выдвигать на первый план основные решающие звенья нашей работы.

Тов. Филиппов (прокурор г. Москвы и Московской области) посвящает свое выступление анализу ошибок Московской городской и областной прокуратур.

Тов. Филиппов критикует свое неумение организовать личную работу таким образом, чтобы за собой оставлять важнейшие участки, и вместо этого зачастую подменяет целый ряд работников. В результате районные прокуроры остаются без должного внимания, одновременно не получая ответов на поставленные вопросы.

Тов. Филиппов иллюстрирует это положение рядом примеров. В частности недавно прокуратура Московской области не реагировала на письмо прокурора Орехово-Зуевского рай-

она, в котором был поставлен серьезный вопрос о нарушениях Конституции в этом районе, и только после вмешательства Прокурора Союза вопрос был надлежаще разрешен.

Далее т. Филиппов подчеркивает свою серьезную ответственность за допущенные Моссоветом и Мособлисполкомом нарушения советской демократии, ибо он присутствовал на заседаниях президиумов Моссовета и Мособлисполкома, прекрасно знал, что там идет незаконная кооптация членов президиума, и не вел борьбы с этим.

Приводя еще целый ряд недочетов и ошибок в работе Московских городской и областной прокуратур, т. Филиппов говорит, что эти ошибки являются результатом политической близорукости.

Так очень часто прокуратура квалифицировала дела по ст. 111, и только после процессов антисоветского троцкистского центра т. Филиппов понял, что во многих случаях преступления надлежало квалифицировать как вредительство и что квалификация этих преступлений по ст. 111 является совершенно неправильной.

В заключение т. Филиппов подвергает критике работу Прокуратуры Республики, заявляя, что никакого руководства со стороны Прокуратуры Республики Московская городская и областная прокуратуры не получают и что Прокуратура Союза должна по-серьезному поставить вопрос об укреплении Прокуратуры Республики.

Тов. Андреев (пом. прокурора Дзержинской ж. д.) ставит вопрос о необходимости сокращения надзорных инстанций, так как это ведет к бюрократизму и излишней нагрузке прокуратуры.

Тов. Миронов (и. о. главного прокурора водного транспорта) говорит, что пленум ЦК ВКП(б) исключительно глубоко и правильно вскрыл перед нашей партией и всей страной недостатки и ошибки, которые имеются в работе советского и партийного аппаратов.

— Мы обязаны, — говорит т. Миронов, — прежде всего признать, что причиной недостатков в работе прокуратуры по водному транспорту является наше слабое разоблачение врагов народа, которые широко распространили свою подрывную, вредительскую, диверсионную работу на водном транспорте.

Еще в 1935 и 1936 гг. имелись многочисленные конкретные факты, по которым можно было при правильном подходе нащупать и разоблачить многочисленных врагов народа, но потеря большевистской бдительности у ряда прокурорских работников водного транспорта, в том числе и в главной водной прокуратуре, помешала этому и дала возможность этим предателям продолжить свою подрывную работу.

Тов. Миронов иллюстрирует это положение рядом фактов. В частности он указывает, что в Прокуратуре РСФСР разбиралось очень много дел о преступной деятельности ряда руководящих работников Балтийского пароходства, в частности, начальника Бронштейна, который, как сейчас установлено, является матерым контрреволюционером, прямым шпионом, диверсантом. Тогда, в навигацию 1935 г., он целую партию судов вывел на продолжительное время из строя тем, что дал распоряжение в совершенно недопустимых ледовых

условиях проводить суда из Ревеля в Ленинград. По распоряжению т. Нюриной, Прокуратура республики поставила этот вопрос перед Наркомводом, и Бронштейн получил только 10 суток ареста. Между тем, у прокуратуры уже тогда была полная возможность разоблачить этого диверсанта.

Активный зинovieвец, начальник Северо-Западного речного пароходства, уже в 1935—1936 гг. осуществлял вредительскую деятельность в Северо-Западном речном пароходстве и за один только год устроил аварий на сумму около 5 млн. руб. Это дело также не было тогда расследовано до конца.

Наряду с этим водная прокуратура занималась неосновательным привлечением к судебной ответственности таких лиц, которых привлекать не следует, а действительные аварийщики и преступники на водном транспорте оставались в тени.

Переходя к критике системы работы в Прокуратуре Союза, т. Миронов предъявляет также претензии к тт. Леплевскому и Рогиному, которые не проявляют достаточного интереса к условиям работы водной прокуратуры и ни разу к ним не заглянули.

Касаясь партийных собраний, т. Миронов подвергает критике практику избрания президиумов для ведения собраний в составе парткома, вместо того чтобы президиум был избран из состава собрания.

— Для ведения партсобрания надо выбирать отдельные кандидатуры, — говорит т. Миронов, — а не организацию.

В заключение т. Миронов говорит о необходимости объявления самой решительной борьбы делячеству и аполитичности, которые особенно большой вред нанесли работе водной прокуратуры.

Тов. Нюрина (Прокуратура РСФСР) усматривает основной и главный недочет в работе Прокуратуры РСФСР в том, что работа по выдвижению работников проводится в порядке кустарщины и партизанщины, что в Прокуратуре РСФСР нет плана выдвижения работников.

Следующим недочетом в работе т. Нюрина считает, что Прокуратура РСФСР не сумела овладеть работой по рассмотрению жалоб трудящихся и что в Прокуратуре Республики к жалобщикам относятся недостаточно чутко и внимательно.

Далее т. Нюрина говорит, что неумение растить кадры отражается на состоянии аппарата. Вместо прокурора часто сидит исполняющий обязанности, вместо заместителей — исполняющие обязанности и т. д. Т. Нюрина ставит вопрос о необходимости серьезно продумать структуру прокуратуры, надо работать над кадрами, иметь крепкий резерв, объявить борьбу самовлюбленности работников, которые считают, что им не надо учиться.

В заключение т. Нюрина говорит, что те огромные требования, которые предъявляет наша партия, те огромные задачи, которые ставит перед нами товарищ Сталин, диктуют необходимость, засучив рукава, не щадя себя, взяться за работу.

Тов. Орлов (ИТУ Прокуратуры Союза) подчеркивает плохое руководство периферией со стороны прокуратуры. Он указывает, что Прокуратура Союза совершенно не знает своих кадров, не учит их, как надо работать.

Далее т. Орлов приводит ряд фактов нарушения режима в местах заключения, с которыми прокуроры не борются как следует.

В заключение т. Орлов указывает на недовольство отдельных прокуроров, что им приходится выполнять много таких технических работ, которые могли бы выполнять работники, не имеющие прокурорской квалификации и специального образования.

Тов. Рахлин (главная военная прокуратура) говорит, что решения пленума ЦК ВКП(б) означают поворотный пункт в жизни нашей страны, в жизни каждого члена партии и беспартийного бойца, причем самым важным т. Рахлин считает, чтобы каждый понял громадное повышение личной ответственности за судьбу своего участка работы, за судьбу всего учреждения и, наконец, за судьбу нашей революции.

Самым серьезным недостатком нашей работы т. Рахлин считает самоудовлетворенность, самоуспокоенность, вред которых он иллюстрирует рядом примеров.

В заключение т. Рахлин критикует выступление т. Нюриной, которая занимается восхвалением руководства Прокуратуры Союза вместо того, чтобы поставить вопрос об изменении совершенно неудовлетворительных методов работы Прокуратуры РСФСР.

Тов. Куприянов (секретарь парткома Прокуратуры РСФСР) считает, что не все товарищи на активе самокритически подошли к оценке своей собственной работы, причем это он относит и к выступлению т. Нюриной. Т. Куприянов считает основным недостатком работы Прокуратуры РСФСР самотек в работе; не мы владеем работой, а работа владеет нами. Вместо тщательной проверки дел в Прокуратуре РСФСР занимаются их «провертыванием».

Далее т. Куприянов отмечает, что Прокуратура Республики руководит периферией пожарными методами, причем обычно едут тушить пожар, но не предупреждать его. Для примера он приводит Азово-Черноморский край, Курскую область, Ленинградскую область.

На ряде примеров из практики Ленинградской области т. Куприянов подвергает резкой критике работу по общему надзору и руководство повышением квалификации кадров. Т. Куприянов между прочим приводит факт, когда методбюро разослало всем следователям Ленинградской области задания, которые иначе как издевательством над методикой назвать нельзя.

Тов. Ога (главная транспортная прокуратура) считает, что главная транспортная прокуратура работает плохо и доказательством этого является вредительство на дорогах, которое транспортная прокуратура проглядела. Т. Ога объясняет это тем, что работники главной транспортной прокуратуры и прокуроры дорог оторваны от масс и не имеют своего актива, а там, где он был, его постепенно растеряли. Далее т. Ога останавливается на вопросе о согласовании привлечения к уголовной ответственности отдельных работников с управлением дорог или с наркоматом, указывая, что прокуроры на дорогах недостаточно твердо проводят свою политику в этом вопросе и часто идут на поводу у администрации железной дороги.

Недостатком в работе главной транспортной прокуратуры, по мнению т. Ога, также является излишняя перегруженность работников, которая не дает им возможности работать над собой.

В заключение т. Ога говорит о необходимости работникам главной транспортной прокуратуры пополнять свои технические знания особенно теперь, когда перед главной транспортной прокуратурой стоит такая большая работа, как борьба с авариями.

Тов. Терехов (следователь Окружной ж. д.) указывает на недостаточность самокритики в прокуратуре: как только дело касается руководства, сейчас же начинаются полупоклоны. Это свидетельствует об отсутствии у многих работников прокуратуры мужества довести свою критику до конца.

Отсутствие мужества у руководства прокуратуры Окружной дороги приводит к тому, что если начальник дороги возражает против суда над преступником, прокуратура не привлекает к ответственности, даже тогда, когда привлечь нужно.

Далее т. Терехов указывает, что мы не воспитываем своих кадров в партийном духе. В подтверждение этого он указывает, что на Окружной дороге партийные собрания созываются чуть ли не один раз в год, в партгруппе прокурора не критикуют, прокурор от своей партийной организации зачастую оторван, не несет никакой партийной нагрузки.

В заключение т. Терехов, указывает, что главная транспортная прокуратура не проявляет никакого интереса к работе окружной прокуратуры Окружной дороги, в результате чего ни один работник главной транспортной прокуратуры не посетил прокуратуры Окружной дороги.

Тов. Булатов (Институт юридических наук) говорит, что введение Сталинской Конституции в жизнь означает в жизни всей нашей страны громадный поворот, который особенно остро чувствует армия беспартийных большевиков, впервые как будто в истории партии вовлеченная в такую ответственную работу, как обсуждение решений пленума ЦК ВКП(б), что налагает на беспартийных большевиков определенные политические обязанности.

Переходя к положению на правовом фронте, т. Булатов указывает, что у товарищей, непосредственно не связанных с теоретической работой, от ряда выступлений может получиться такое представление, будто Пашуканис—это какой-то гигантский мыслитель-контрреволюционер. Между тем, знавшие его близко могут подтвердить, что это в достаточной степени мелкая фигура. Вредительская концепция Пашуканиса отождествляла советское право с буржуазным, объявляла правовую форму иррациональной. Эта концепция перекликается с троцкизмом, утверждающим невозможность построения социализма в одной стране, и с бухаринской теорией трудовых затрат, имевшей широкое хождение среди теоретиков права. Наряду с этим в концепции Пашуканиса много от классической школы уголовного права, от теории эквивалентного воздаяния. У Пашуканиса можно встретить, наконец, и взгляды, заимствованные из социологической школы, из антропологической школы, и т. д.

— В общем, — говорит т. Булатов, — вся «теория» Пашуканиса это эклектическая пох-

лебка не только для нищих, но, к сожалению, приходится сказать и для дураков. Несмотря на это, Пашуканис и его «теория» до последнего времени не встретила надлежащей критики в наших рядах.

Анализируя причины появления ошибок на правовом фронте, т. Булатов говорит, что их не учили советскому праву, правильному применению советского закона, не учили ленинизму. Учеба ограничивалась прохождением буржуазных теорий права, не подвергая их критике с точки зрения марксизма-ленинизма.

Далее т. Булатов указывает на атмосферу семейственности, которая царила в окружении Пашуканиса, и приводит факты, что когда на съезде марксистов-государственников многие заколебались по наиболее сложным проблемам, свои люди собрались отдельно от съезда, высказали свои колебания, но тут же решились на съезде об этих колебаниях ни слова не сказать.

В заключение т. Булатов подвергает критике проект УК, разработанный в свое время при ближайшем участии т. Ширвиндта, указывая, что этот проект, созданный в годы «Промпартии», предусматривал снижение репрессии по контрреволюционным преступлениям.

Тов. Волков (директор Института юридических наук) останавливается на серьезных извращениях в области теории права, которые были выявлены и разоблачены не теоретическими работниками в области права, а силами партийных организаций. Т. Волков показывает, что вредительская концепция Пашуканиса, отрицающая социалистический характер нашего права, признающая право и государство формально буржуазными категориями, с одной стороны, уходит своими корнями в троцкистскую теорию невозможности построения социализма в нашей стране, а с другой стороны, в бухаринские теории отмирания государства.

Т. Волков говорит, что практически эти теории привели к замене государственного права правоучением о государстве, к замене гражданского права — хозяйственным правом.

Подробно т. Волков останавливается на анализе ошибок т. Крыленко, от которых он не отказался до настоящего времени, в частности, на неправильное изложение взглядов т. Ленина по вопросу об объективной вине субъективно невиновных людей, на пренебрежительном отношении со стороны т. Крыленко к таким вопросам, как умысел, небрежность и т. д.

Т. Волков также останавливается на ошибках Булатова, который считал, что нужно отказать от «юридического барахла», на ошибках Шляпочникова и Маньковского, которые все преступления считают оптом формами классовой борьбы, что вульгаризирует вопрос о формах классовой борьбы, и на своих собственных теоретических ошибках.

В заключение т. Волков призывает взять под огонь самокритики все теоретические ошибки, тесно связать теоретических работников с практическими для разрешения стоящих перед наукой о праве вопросов.

Тов. Савицкий (главная военная прокуратура) указывает на особую опасность проникновения троцкистских германо-японских шпионов и диверсантов в Рабоче-крестьянскую

красную армию и призывает к исключительной бдительности и решительной борьбе с ними.

Особо т. Савицкий считает необходимым остановиться на хозяйственных преступлениях в РККА, ибо на ряде фактов можно убедиться, что там, где учет поставлен отвратительно, где государственное имущество расхищается, там очень часто прикладывает руку классовый враг.

Т. Савицкий считает недостаточно продуманной систему воспитания наших кадров, следствием чего является их слабая политическая грамотность и неумение самостоятельно работать.

В заключение т. Савицкий говорит, что вопрос о материальной оснащенности прокурорских кадров должен привлечь внимание руководства прокуратуры.

Тов. Шубияк (помощник главного военного прокурора) говорит о том, что выдвинутые пленумом ЦК ВКП(б) со всей большевистской прямотой недостатки в партийной жизни многих парторганизаций присущи и парторганизации прокуратуры. Основным недостатком партийной организации Прокуратуры Союза, по мнению т. Шубияк, является увлечение производственными вопросами в ущерб идейно-политической работе.

Переходя к недостаткам в работе отдельных партгрупп, т. Шубияк особо останавливается на партгруппе главной транспортной прокуратуры, указывая, что элементы делячества мешали т. Сегалу и всей партгруппе заниматься партийной работой.

Далее т. Шубияк указывает, что партком не возглавлял самокритику, что стенная газета «Соц. законность» признана нашим профсоюзом беззубой, так как она занималась мелочами, и если критиковала, то второстепенных работников.

Особо т. Шубияк останавливается на повышении квалификации работников прокуратуры, указывая, что в этом отношении сделано еще очень мало. на ФОН занимается сравнительно небольшой контингент работников и занятия часто срываются. Отсутствие достаточного внимания к кадрам и недостаточность самокритики привели к проникновению врагов в центральный и периферийный аппараты прокуратуры.

В заключение т. Шубияк говорит о том, что нам необходима настоящая большевистская самокритика, о безобразиях надо заявлять открыто с большевистской прямотой, а не шуткушечкой со сторонам.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Тов. Вышинский начинает свое заключительное слово с указания, что парторганизациям и, в частности, парторганизации Прокуратуры Союза ССР, не часто приходится обсуждать во-

просы такой исключительной важности, какие были предметом обсуждения в течение нескольких истекших дней.

— Можно было, — говорит т. Вышинский, — еще резче, еще откровеннее, чем это сделали выступавшие, поставить целый ряд вопросов нашей партийной и прокурорской работы и глубже вскрыть наши недостатки. Тем не менее мне кажется, что в основном свой долг большевика партийного и беспартийного выступавшие выполнили в эти дни неплохо.

И хотя со многим из того, что говорили товарищи, я не согласен, тем не менее я для себя извлек чрезвычайно ценные уроки и увидел очень много и очень многое с другой стороны, чем видел до последнего времени. Я не только заявляю, что принимаю эту критику полностью, но докажу партколлективу, что я сумел эту критику понять и воплотить в живую практику. Я думаю, что вы мне в этом можете, продолжая эту критику не только на ежемесячных активах, которые у нас будут, но и в промежутках, во время наших деловых встреч, в повседневной работе.

Тов. Вышинский выдвигает задачу укрепления авторитета Прокуратуры Союза среди советских органов как одну из важнейших задач. При этом он говорит, что этот авторитет не может быть создан одними обвинительными речами, он может быть создан только четкой работой всего аппарата прокуратуры, на базе подлинной большевистской самокритики.

Тов. Вышинский подвергает резкой критике работу отдельных звеньев прокуратуры и обещает организовать ряд оперативных совещаний при участии широкой аудитории, чтобы показать, с какими безграмотными документами ему приходится иметь дело, как у многих работников прокуратуры отсутствует чувство ответственности.

Подробно останавливаясь на вопросе о неблагоприятии с кадрами в прокуратуре, т. Вышинский доказывал целым рядом цифр и фактов слабость прокурорских кадров.

В заключение т. Вышинский выдвигает важнейшую задачу организации работы прокуратуры. До настоящего времени каждый прокурор предоставлен сам себе, начальники отделов не руководят работой прокуроров так, как должны руководить, давая поручения, не контролируют их выполнение.

Нашей партии и нам всем предстоят еще серьезные бои. Для этих боев, для победы над врагами мы должны ясно понимать наши задачи, мы должны выкорчевать все наши недостатки, мы должны обладать преданной и пламенной любовью к нашей партии и нашему великому вождю товарищу Сталину.

В принятой резолюции собрание полностью одобряет решения пленума ЦК ВКП(б), в частности, исключение из партии Бухарина и Рыкова за антипартийную работу.

Всесоюзное совещание прокуроров железнодорожного транспорта

10—14 апреля в Прокуратуре Союза ССР происходило Всесоюзное совещание прокуроров железнодорожного транспорта, на котором обсуждались вопросы перестройки работы транспортной прокуратуры в свете решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б).

Ниже мы приводим в сокращенном виде вступительное слово Прокурора Союза, доклад главного прокурора железнодорожного транспорта т. Сегала и прения.

Открывая совещание, Прокурор Союза ССР т. Вышинский сказал: совещание созвано в связи с недавно состоявшимся пленумом Центрального комитета партии. Вы все знакомы с постановлениями пленума, в частности, с постановлениями, которые имеют громадное значение для организации дальнейшей работы органов прокуратуры на железнодорожном транспорте. Мы считаем что органы прокуратуры на железнодорожном транспорте недостаточно подготовлены к тому, чтобы выполнять требования, предъявляемые сейчас к нам партией, что они должны срочно перестроить работу в соответствии с задачами, указанными пленумом Центрального комитета ВКП(б).

Мы считаем, что стоящие перед нами задачи требуют раньше всего пересмотра методов нашей работы и установления тех организационных и технических средств, при помощи которых мы могли бы эти задачи разрешить.

Процесс антисоветского троцкистского центра приносил в значительной степени завесу над тем, что приводило часто железнодорожный транспорт к тяжелым недугам. Несмотря на те громадные успехи, которые сделал транспорт под руководством Центрального комитета нашей партии и Л. М. Кагановича, несмотря на громадные сдвиги, на исключительный подъем, который на нашем железнодорожном транспорте характеризует работу в этой области за последние годы,—мы имели на транспорте очень чувствительные удары. Пленум Центрального комитета отметил, что, несмотря на то, что нашим врагам — троцкистам, японско-немецким агентам не удалось сорвать успешного роста социалистического хозяйства, и в том числе железнодорожного транспорта, все же они, эти враги, своими вредительскими актами нанесли колоссальный вред промышленности и транспорту.

Это ко многому обязывает органы прокуратуры, я бы сказал, именно органы прокуратуры, потому что на прокуратуре, занимающей особое место в государственной системе лежит в первую очередь обязанность разоблачить врагов, преследовать преступников, расчищать путь развития нашего социалистического хозяйства. Вы знаете, что на железнодорожном транспорте враги проникли на ряд ответственных постов. Процесс антисоветского троцкистского центра показал как факт проникновения врагов на ответственные посты в нашем железнодорожном хозяйстве, так и те ошибки, которые мы допустили, не будучи в состоянии своевременно разоблачить Князевых, Лившицев, Турочков и т. д. Громадная доля вины в этом лежит на органах прокуратуры. Эти факты свидетельствуют о слабости наших

органов, об их политической близорукости, о совершенно недопустимом благодушии, которое, очевидно, достаточно глубоко сидит в нас, и об очень часто наблюдающейся нашей технической беспомощности. Говоря о нашей технической беспомощности, я имею в виду вопросы и криминалистического и процессуального и вопросы материального уголовного права.

Конечно, наши прокурорские мероприятия в области железнодорожного транспорта, в области борьбы с преступлением на железнодорожном транспорте неразрывно связаны с техникой в собственном смысле этого слова. Безграмотность наша и в этой части мешала нам правильно распознавать различные преступные явления, правильно квалифицировать то или другое преступление так, как оно заслуживает этого по своей природе. Это приводило наши органы к грубейшим ошибкам, к неумению видеть руку врага там, где она в действительности была. Очень часто мы расследовали преступления на транспорте поверхностно, сводя часто все дело к простому должностному нарушению, не види, что данное преступление является ширмой, за которой скрывалось гораздо более серьезное и опасное преступление в виде диверсии, в виде вредительства. В решениях пленума ЦК нашей партии сказано, что главной причиной того, что диверсанты, шпионы в течение ряда лет могли вести свою работу и не быть разоблаченными, является узкое делчество, отрыв от партийно-политических задач и, как следствие всего этого, политическая близорукость.

Можем ли мы это применить к нашей работе и к нашим работникам? Можем в полной мере. Отсутствие большевистской проверки работников и слабая работа над политическим воспитанием наших кадров налицо. Сплошь и рядом оказывались за этими преступлениями наши враги или друзья врагов, а мы не умели видеть их и разоблачать их. Как правило, их разоблачали помимо нас и независимо от нас.

Мы плохо работаем над воспитанием наших людей, не знаем их, из-за благодушия, желания жить спокойно, неумения (а порой и нежелания) пользоваться острым оружием — большевистской самокритикой; из-за подхалимства и идиотской болезни беспечности в наших рядах около нас могли безнаказанно действовать наши враги.

Нынешнее совещание должно подвергнуть суровой критике нашу работу под углом зрения решений пленума ЦК ВКП(б), по-большевистски, незирая на лица, не оглядываясь по сторонам. Наше совещание имеет своей задачей на основе этой самокритики, на основе анализа наших недостатков в нашей работе наметить пути и средства к исправлению этих недостатков.

Мы глубоко уверены, что это совещание должно принести нам большую пользу, что оно поможет перестройке нашей работы таким образом, чтобы наши органы оказались в состоянии выполнить те в высокой степени ответственные обязанности, которые сейчас возлагаются на нашу прокуратуру и, в частности,

в важнейшей области борьбы с недостатками на железнодорожном транспорте в области борьбы с авариями и крушениями.

Нам необходимо хорошо продумать всю систему нашей дальнейшей работы на основе решений пленума ЦК ВКП(б) по железнодорожному транспорту.

Объявляю наше совещание открытым и слово для доклада предоставляю т. Сегалу.

ДОКЛАД ГЛАВНОГО ПРОКУРОРА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА т. СЕГАЛА Т. М.

Историческое значение решений последнего пленума ЦК нашей партии и доклада товарища Сталина на этом пленуме заключается в том, что они при огромных успехах нашей страны, увенчанных Сталинской Конституцией, когда в СССР в основном построено социалистическое общество, с большевистским бесстрашием, прямотой и откровенностью вскрывают недостатки нашей работы, которыми воспользовались агенты капиталистической охраны троцкистские диверсанты, шпионы и убийцы, действуя по прямым заданиям фашистских разведок. Наши враги один из основных и главных ударов направили на важнейший нерв экономической жизни страны — на железнодорожный транспорт. Троцкисты пользовались для этого самыми разнообразными методами. Они использовали теорию предела как знамя борьбы за срыв государственного плана перевозок. Они подрывали мероприятия по техническому перевооружению транспорта, сопротивлялись введению новых мощных паровозов «ФД», введению автоторможения, автосцепки, тепловой промывки и т. д., т. е. оказывали жестокое сопротивление всем тем мероприятиям, при помощи которых наша партия и правительство перевооружали транспорт, давая ему более высокое техническое оснащение и делая его более способным к выполнению тех грандиозных задач, которые ставит перед транспортом социалистическое хозяйство.

Организация крушений с человеческими жертвами — один из самых подлых методов троцкистского вредительства на железнодорожном транспорте.

Подготовка диверсии к началу войны, зашивка важнейших узлов, выведение из строя важнейших сооружений транспорта, некомплектное и нестандартное снабжение материалами и запасными частями железнодорожного транспорта, противодействие стахановскому движению и мероприятиям по улучшению материально-бытовых условий работы враги использовали все это в своей подлой подрывной работе против социализма.

Один перечень этих методов шпионско-диверсионного вредительства троцкистов заставляет вспомнить, что со многими вопросами мы не один раз встречались в нашей практической работе. К сожалению, нередко мы смотрели на все эти явления аполитичными глазами, мы не видели политической сущности этих явлений. Мы считали, что это — проявление разгильдяйства, расхлябанности, недисциплинированности, что это — нарушение дисциплины и т. п. Мы не видели, что за всеми этими явлениями кроется враждебная рука шпионов, диверсантов, террористов — агентов международной охран-

ки. Мы не видели этого, и в этом заключается главная наша политическая ошибка.

Товарищ Сталин в своем докладе на пленуме Центрального комитета сказал, что «если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей».

Вот, товарищи, ясный и исчерпывающий ответ на вопрос о том, почему и как могли вредить троцкисты, диверсанты и шпионы на нашем железнодорожном транспорте. Они обманывали наших людей, в том числе обманывали и нас с вами. Мы оказались близорукими, политически беспечными и не видели того, что на многих командных, высоко ответственных местах железнодорожного транспорта сидели непримиримые враги рабочего класса, враги социализма.

Наша задача заключается в том, что мы должны охранять железнодорожный транспорт от всяких посягательств классового врага. На нас ответственность за эту политическую безрукость, за это благодушие, за увлечение хозяйственными успехами ложится вдвое-втрое больше. Это мы должны понять и сделать из этого соответствующие выводы.

Прокуратура — боевой орган пролетарской диктатуры, значение которого со всей силой подчеркивает Сталинская Конституция. В чем заключается сила прокуратуры? Сила ее заключается в том, что прокуратура, будучи органом, независимым в своей оперативной работе от каких бы то ни было местных органов, имеет все возможности, чтобы с большевистской непримиримостью вскрывать и пресекать всякие нарушения социалистической законности и в первую очередь разоблачать врагов народа. Преимущество специальной железнодорожной прокуратуры заключается в том, что она больше, чем всякая другая прокуратура, связана с хозяйством, близко участвует в партийно-политической жизни транспорта, знает его кадры. Это громадное преимущество для того, чтобы иметь возможность вовремя расшифровать махинации классовых врагов.

Сумели ли мы использовать эти свои преимущества? Оказались ли мы на высоте своих задач? Я думаю, что сказать этого никак нельзя. И цель нашего совещания, как правильно сказал т. Вышинский, заключается в том, чтобы в свете решений пленума Центрального комитета партии и исторического доклада товарища Сталина подвергнуть жесточайшей критике нашу работу сверху до низу, не оставив не вскрытой ни одной прорехи, и на основании этой самокритики разработать ряд политических мер, при помощи которых прокуратура сумеет разрешить задачи, поставленные пленумом Центрального комитета партии, наметить, как мы должны работать дальше и с чем мы должны бороться.

Я начну с анализа нашей работы в области борьбы с крушениями. Нельзя отрицать того, что железнодорожная прокуратура проделала большую работу в области борьбы с крушениями и авариями. Начиная со второй половины 1935 г., оперативность наших прокуроров и следователей значительно выросла. Стали быстрее расследовать дела, более по-боевому

мы стали работать. Карательная политика стала у нас гораздо более суровой.

Но мы собрались с вами сюда не для того, чтобы рассказывать друг другу о наших успехах, тем более что эти успехи все же не так уж значительны. Процесс антисоветского троцкистского центра и решения пленума ЦК с исчерпывающей ясностью показывают, насколько относительно были эти наши успехи.

Мы недавно разослали всем дорожным прокурорам письмо, в котором дали анализ некоторых дел, рассмотренных на Южно-Уральской дороге и на дороге им. Кагановича. Эти примеры убедительно показывают, насколько близоруко было проведено расследование ряда дел на этих дорогах. Мы взяли дела для анализа без какого бы то ни было дополнительного расследования, просто в таком виде, в каком они были закончены следствием и переданы в суд. В этих делах следствие, прокуратура и суд прошли мимо целого ряда таких моментов, при помощи которых можно было бы докопаться до политических корней крушений на железнодорожном транспорте. Эти моменты остались нерасследованными. Наши следователи, наши прокуроры, наши суды ограничивались тем, что констатировали нарушения технических правил, нарушения дисциплины и считали на этом свою работу законченной.

Главный недостаток нашей работы заключается в том, что мы вели нашу работу в области борьбы с крушениями без учета того, что троцкистские вредители маскируют свою подлую, подрывную работу, что в этих делах нарушение Дисциплины служило маскировкой для троцкистских диверсантов.

Наша работа в области расследования крушений характеризуется еще слепым доверием к техническим актам. Дальше, когда я перейду к примерам, я приведу вам целый ряд случаев, когда наши прокуроры не вели расследования, ожидая, что скажут ученые мужи-эксперты.

Когда мы говорим о политической бдительности, это не просто фраза. Она требует не просто слов, а огромной тщательной работы. Нельзя проявлять большевистской бдительности при любом деле, если мы не будем анализировать всякие действия, если не использовать всех штрихов, которые на первый взгляд кажутся не имеющими серьезного значения, а потом оказываются решающими. Такое расследование содействует поверхностному отношению к выявлению действительных причин крушения, в результате такого расследования мы не сумеем вскрывать диверсантов, шпионов и вредителей на железнодорожном транспорте.

Мы провели недавно анализ дел по крупным катастрофам, рассмотренным линейными судами в 1936 г.

Этот анализ показал, что почти половина всех рассмотренных и расследованных нами дел чрезвычайно подозрительна по диверсии. В этих делах имеется целый ряд моментов, говорящих о том, что там орудовали классовые враги, которые сознательно и умышленно организовывали крушения. Но эти дела проходили как дела о простых нарушениях дисциплины.

Я думаю, что каждый из нас может привести немало примеров и образцов деячества

при расследовании таких дел из своей собственной работы и из работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, которая, к сожалению, исключения здесь не составляет. Но самое главное сейчас заключается в том, что и после решения пленума ЦК и после процесса антисоветского троцкистского центра мы имеем целый ряд случаев, когда прокуроры продолжают проявлять ту же политическую близорукость и продолжают также не видеть политических корней крушений. Это, товарищи, еще хуже. Кажется, решения пленума ЦК всколыхнули всю нашу страну, а вот есть такие прокуроры, которых эти решения не всколыхнули, которые не видят, как у них под носом орудует классовый враг. Разрешите привести несколько примеров. Вот одно дело по Орджоникидзской железной дороге. Недавно мы разослали всем железнодорожным прокурорам специальное письмо, в котором сообщали о крушении на ст. Киян, которое было организовано троцкистскими диверсантами как ответ на процесс антисоветского троцкистского центра. Крушение это, как известно, произошло 27 января, а за день до этого — 26 января на ст. Аполонская дежурный по станции Корчагин дал отправление под красным сигналом при таком же зеленом разрешении резервного паровоза вслед за ранее отправленным поездом № 948. Машинист, несмотря на хорошую видимость, наехал на этот 948 поезд, в результате 12 вагонов было разбито. Правда, здесь последствия были не такие, как 27 января, но причины крушения те же.

1 февраля диверсионный характер крушения 27 января на ст. Киян был полностью установлен, было установлено, что выпуск поезда при зеленом разрешении под красный светфор был контрреволюционной диверсией. Несмотря на это, прокурор т. Козырев продолжал расследовать дело о крушении на ст. Аполонская, которое произошло решительно при тех же обстоятельствах, под углом зрения обыкновенного нарушения дисциплины. Мало того, он не только продолжал расследовать это дело под дедаческим углом зрения, но он в таком виде передал это дело в суд. Только по нашему настоянию это дело было возвращено на доследование. В результате дополнительного расследования оказалось, что Корчагин был членом той же самой контрреволюционной троцкистской диверсионной организации, которая организовала крушение 27 января.

Я могу вам привести еще целый ряд примеров из практики расследования крушений уже после процесса антисоветского контрреволюционного троцкистского центра, уже после пленума Центрального комитета, которые покажут вам, что наши прокуроры еще не перестроились и по-прежнему занимаются дедаческой констатацией и не видят политической природы крушений. Вот, например, на Белорусской железной дороге 4 марта на перегоне Орша—12-й километр произошло серьезное крушение поезда № 1108. При расследовании оказалось, что причиной крушения была неисправность бандажа. Выяснилось, что на Кричевском пункте осмотра, с которого вышел вагон, вызвавший аварию, орудовали бандиты, которые занимались тем, что выпускали явно неисправные вагоны, неисправные оси, делая при этом отметку, что ось отремонтирована, осмотрена и доброкачественна.

Что же наш прокурор сделал по этому делу? Он в обвинительном заключении написал, что крушение явилось результатом экономической контрреволюции, и квалифицировал это по соответствующим статьям о контрреволюционных преступлениях. Казалось бы, что все в порядке, людей предают суду и виновников осуждают. Однако это дело было проведено политически близоруко. Почему? Потому, что мало констатировать, что в данном случае мы имеем контрреволюционное вредительство. Надо было докопаться до корней этого вредительства, надо было ликвидировать полностью банду, которая занимается вредительством. В некоторых случаях мы думаем, что, применяя суровую репрессию, мы приносим очень большую пользу транспорту. Между тем, в некоторых случаях бывает так, что, даже крепко осудив виновного, но не вскрыв корней его преступления, мы можем не только не принести пользы, а наоборот, можем принести вред, потому что организация, к которой он принадлежит, будет нам только благодарна за то, что мы помогли ей спрятать концы в воду, не вытащив на свет белый всю организацию. Так было и в случае, который я вам привел. Уже после того, как был вынесен приговор, обнаружилось, что там орудовала контрреволюционная организация, а виновник этого крушения был лишь одним из членов этой организации. Теперь нам придется этот приговор отменить и направить дело к доследованию для привлечения к ответственности главных виновников. Настоящее проявление бдительности заключается в том, чтобы до конца вскрыть организацию, чтобы до конца вскрыть корни крушений.

Существует указание Прокурора Союза, которое мы неоднократно подтверждали и выполнения которого неоднократно требовали, о пересмотре старых дел о крушениях и авариях под углом зрения выявления троцкистских диверсий и вредительства. Я должен сказать, что это указание выполняется чрезвычайно плохо. Большинство прокуроров пока еще не раскачалось и этим пересмотром не занимается. А некоторые прокуроры, вместо подлинной большевистской бдительности, проявляют нечто другое — по существу самотрахуются. Есть такие прокуроры, которые присылают нам дела с предложением отменить приговор а почему приговор нужно отменить — неизвестно, так как ничего не сделано, чтобы вскрыть руку врага в этих делах. Присылает прокурор дело и пишет: «Я думаю, что по этому делу орудовала вредительская шайка. Прошу вас отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение». А доказательства никаких не приводит, думая, очевидно, что он проявляет бдительность самым фактом просьбы о пересмотре. Но это не политическая бдительность, а просто гнилая перестраховка.

Нужно прямо сказать, что до сих пор улучшений или изменений в постановке дела расследования крушений мы не имеем. Если и можно говорить об изменениях, то они сводятся только к тому, что прокуроры трафретно доносят, что произошло крушение, и дело расследуется «под углом диверсии». А в то же время страшно затягивают сроки расследования. Можно ли сказать, что такая практика есть признак перестройки нашей ра-

боты? Пока что это только проявление самотраховки. Люди думают, что если они затянута расследование и напишут, что дело расследуется под углом зрения диверсии, то это и есть «перестройка работы». Сроки расследования должны быть короткими, чтобы все диверсионные махинации троцкистских вредителей раскрывались быстро, а не так, как теперь, пошлют дело в НКВД, никакого надзора за следствием не осуществляют и считают свою задачу оконченной.

Разрешите остановиться на целом ряде недостатков в области борьбы с крушениями, которые имеются и в работе наших дорожных прокуроров и в работе главной прокуратуры.

Мы проверили нашу практику предания суду. Что же оказалось? Оказалось, что ряд дорожных прокуратур ведут неправильную политику в области предания суду, которая прежде всего выражается в том, что количество дел о крушениях совершенно непропорционально количеству крушений на дороге.

Донецкая дорога по количеству крушений стоит на втором месте, а по количеству возбужденных дел — на восьмом месте.

Ленинская дорога по количеству крушений стоит на четвертом месте, а по количеству возбужденных дел — на 23 месте.

Турксіб по количеству крушений стоит на 12 месте, а по количеству дел — на первом месте.

Орджоникидзенская дорога по количеству крушений стоит на 14 месте, а по количеству дел — на 3 месте.

На Турксибе имеется ряд перегибов, ряд случаев предания суду, когда не нужно было предавать суду и достаточно было ограничиться дисциплинарными мерами. Вот почему получается такая огромная судимость, а это ведь отражается на карательной политике. Карательная политика на этой железной дороге слишком мягкая по сравнению с другими дорогами. И это совершенно понятно, потому что здесь тянут в суд по мелочам.

Вот несколько примеров. 18 ноября 1936 г. поезд № 801 прошел выходную стрелку. Оказалось, что не все тормоза действовали, вместо 32 действовало только 22 тормоза. Это было установлено в момент проезда стрелки. Что же выявлено при расследовании этого дела и кто был привлечен по этому делу к ответственности? Привлечен был к ответственности автоматчик по тормозам Грищенко по обвинению в том, что он плохо просмотрел состав и выдал неправильную справку о количестве тормозов, в результате чего машинист не мог удержать поезд. Что же из этого дела видно? Прежде всего, что на предыдущей станции тормоза были просмотрены и было установлено, что действовало не 22, а 26 тормозов. Значит, обвинять автоматчика Грищенко в том, что он выпустил поезд с 22 тормозами, нельзя было. Мало того, самое главное заключается в том, что машинист проехал выходную стрелку потому, что он не собирался остановиться на этом переезде и шел со скоростью 25 км в час и, только поровнявшись со станционным зданием, по сигналу дежурного, стал тормозить поезд. Выходит, что Грищенко привлекли к суду неправильно.

Надо признать, что у нас нередко судят людей, во-первых, по мелочам, а, во-вторых, по сомнительным основаниям.

Работая таким образом, действительных диверсантов, действительных вредителей мы не раскроем. Если за всякое отступление от правил, за всякое нарушение дисциплины будем людей отдавать под суд, мы этим притупим остроту наших репрессий, которое должно быть направлено на раскрытие действительных диверсантов и вредителей.

Прокурор Ленинской дороги т. Кондратьев оставляет без судебной репрессии целый ряд случаев, когда действительно надо было судить. Вот, например, 24 января на станции Тамбов был принят на занятый путь поезд № 901. Выяснилось, что виновником явился составитель Сусоров, который неправильно перевел стрелку и пустил на занятый путь маневровый состав. Крушения не произошло вследствие исключительной находчивости сигналиста, который перед самым поездом перевел стрелку и пустил его по свободному пути. Следствием было установлено, что Сусоров — чуждый элемент, кулак и, поступая на транспорт, скрыл это обстоятельство.

Это было в январе. В марте мы получаем сообщение с Ленинской дороги, что дело передано в суд, а 4 марта т. Кондратьев сообщил, что дело возвращено к доследованию и, по всей вероятности, будет прекращено. Почему «по всей вероятности будет прекращено» — неизвестно. Потом оказалось, что дело действительно было прекращено. В чем причина, почему Кондратьев не довел до суда это дело и целый ряд других дел? Он ссылается на решение дорожного оперативного совещания. Он, оказывается, это дело прекратил потому, что дорожное оперативное совещание вынесло решение о прекращении дела. У т. Кондратьева получилось, так: раз дорожное совещание решило ограничиться дисциплинарным взысканием, то ему, Кондратьеву, уже незачем думать — надо ли это дело направлять в суд или не надо, за него это решило дорожное совещание. Такая несамостоятельность т. Кондратьева привела к тому, что на этой дороге по целому ряду дел, по которым надо было людей судить за грубейшие нарушения дисциплины, их не судили. Здесь прямая вина прокуратуры, не проявившей в этих делах должной самостоятельности.

Несмотря на то, что у нас было очень много всяких указаний о необходимости срочного расследования дел, о необходимости оперативного вмешательства прокуратуры в каждое дело о крушении, мы до сих пор имеем в работе прокуратуры ряд вопиющих случаев отсутствия оперативности, волокиты, безрукости в области расследования крушений.

В первую очередь в этой связи надо упомянуть о Донецкой дороге. Донецкая дорога находится на одном из первых мест по количеству крушений. Обстановка для работы, условия для работы у прокурора Донецкой дороги лучшие, чем у какого-нибудь другого прокурора, не считая Окружной дороги, которая находится в Москве. Несмотря на то, что по своей величине и по количеству погрузки Донецкая дорога является одной из первых дорог, она расположена так, что почти в любой пункт Донецкой дороги можно быстро попасть на машине. Товарищи из аварийной группы главной прокуратуры железнодорожного транспорта могут продемонстрировать вам, ка-

кие у них разговоры бывают с Донецкой дорогой. Если в аппарате Донецкой прокуратуры случайно оказался следователь т. Бутович, они получают кое-какую информацию о делах по крушениям. Если же следователя Бутовича не оказалось в прокуратуре, тогда никакой информации вы не получите, потому что ни прокурор т. Любимов, ни его заместитель т. Гранкин, как правило, не знают и ничего не могут сказать по этим делам. В результате дела тянутся чрезвычайно, долго, к расследованию их приступают с большим запозданием, а когда мы начинаем нажимать, то просят продлить срок «в связи с углублением расследования».

В области сроков расследования дел о крушениях у нас за последнее время замечается очень большая затяжка. В особенности отличаются затягиванием сроков расследования такие дороги, как Ашхабадская, им. Куйбышева, Закавказская, Донецкая.

По Орджоникидзевской дороге за последний период 58,4%, по Юго-Западной 87% дел расследуется свыше 10 дней.

Прокуратура дороги им. Дзержинского еще недавно по оперативности была на одном из первых мест, а теперь стоит на последнем месте, 89,2% дел расследуется в сроки свыше 10 дней.

Нужно констатировать еще и то, что прокуроры выпустили из своих рук расследование крушений. Например, в марте процент дел, которые расследуются следователями, на Южно-Уральской дороге упал до 11, на Дзержинской дороге — до 25, на Октябрьской — до 38.

Есть и такие прокуратуры, которые попрежнему продолжают сами расследовать дела о крушениях, и, я бы не сказал, хуже других. Например, на Белорусской дороге почти 100% дел расследуется следователями, то же на Калининской, Западной. Значит, есть прокуроры дорог, которые не выпустили дела из своих рук, а большинство прокуроров выпустили, а теперь жалуются, что НКВД затягивает расследование дел.

Мы имеем ряд случаев, когда прокуроры дорожно плохо знают свои дела о крушениях.

Тов. Козырев по делу о проезде поезда на ст. Кизляр сообщил нам 9 декабря 1936 г., что это дело передано в суд, а 11 декабря поступило другое сообщение, что он это дело прекратил. Как же он мог прекратить дело, которое уже было передано в суд?

Тов. Ашихмин, прокурор Турксиба, сообщает, что обвиняемый Михайлов приговорен к 3 годам лишения свободы с запрещением занимать такие-то должности. Когда же мы получили приговор по этому делу, то в этом приговоре было написано, что ему запрещается работать на железнодорожном транспорте, но никаких 3 лет лишения свободы нет. К сожалению, такие случаи не единичны, когда прокуроры сообщают неправильные сведения. Можно ли мириться с такого рода безответственными и ложными сообщениями и грубыми нарушениями дисциплины? Нельзя мириться, и мы мириться с этими недопустимыми фактами не будем!..

Есть случаи, когда прокуроры передают дело в суд, а потом приходят в распорядительное заседание и говорят: товарищи, нельзя ли это дело прекратить? Так, например, прокурор Закавказской дороги т. Каландадзе передал в суд дело, по которому проходят двое обви-

няемых, а потом сообщает нам: я считал, что их предавать суду не нужно, но так как они уже привлечены, то во избежание дальнейшей задержки дела я утвердил обвинительное заключение, имея в виду на подготовительном заседании возбудить вопрос о прекращении уголовного преследования. Так он и сделал. Действительно, на распорядительном заседании суд согласился с мнением прокурора и дело было прекращено. Дальше этого ехать уже некуда, большего головотяпства и большей беспринципности придумать нельзя.

Недавно я получил от председателя дорожного суда Сталинградской дороги кучу определений распорядительного заседания, в которых суд констатирует безобразное проведение следствия, невыявление целого ряда серьезных моментов и т. д., констатирует смазывание дел, привлечение второстепенных виновников и непредание суду основных виновников. На этом распорядительном заседании, как правило, докладчиком является прокурор т. Малов. И что же, т. Малов спокойно съедает пилюли, которые ему преподносят с такими определениями, хотя они его будут смертным боем. Суд констатирует, что следствие проводится легкомысленно, что качество расследования безобразно, что предание суду неправильно и т. д. Все это записывается в протокол, а прокурор дороги проглатывает эту пилюлю и молчит. А раз молчит, значит согласен.

Так работать нельзя. Какой авторитет может иметь прокурор, который подходит к делам без всякой критической оценки, который передавая дело в суд, штампует то, что ему подсовывают, отдаст людей под суд, а потом берет дела обратно! Это же вопиющая безответственность. Как будто предать человека суду — это пара пустяков. А где же Сталинская Конституция, где же ответственность за предание людей суду?

Нужно прямо сказать, что в области борьбы с крушениями в нашей работе имеют место случаи грубейшего проявления бюрократизма. Я вам проиллюстрирую вопиющий пример того, как прокурор вместо того, чтобы докопаться до корней крушения, стал заниматься пересылкой материала с одной дороги на другую без всякого к тому основания, без всякого оправдания. Речь идет о такого рода крушениях, как крушение вследствие излома осей. Вы знаете, что процент крушений по причине излома осей очень высок, что это наиболее трудные для расследования крушения, такие крушения требуют большей тщательности, большего терпения для того, чтобы докопаться до корней. А между тем, от этих изломов осей бывают серьезные крушения.

22 октября 1936 г. на перегоне Р. А. — Волоконка Московско-Донбасской дорожке произошло за короткий период времени несколько крушений вследствие излома осей. Прокурор 2 участка Донбасской дороги получает от начальника дистанции пути материал и направляет его прокурору Западной дороги, так как по заключению комиссии виновен Витебский вагоно-ремонтный пункт Западной дороги, который производил ремонт этих вагонов 3 октября 1936 г. Заместитель прокурора Западной дороги т. Зегер, получив этот материал, направляет его прокурору Витебского участка с такой бумажкой: «Прошу заинтересоваться

этим делом». Не то, чтоб расследовать дело и привлечь виновных, а «заинтересоваться». Ну, тот заинтересовался и просит в первую очередь «заинтересоваться» этим делом т. Дерябина, своего следователя. Следователь тоже «заинтересовался». А между тем, 13 января т. Ривкин получает сообщение от начальника своего участка, что хотя вагон выпущен из вагоно-ремонтного участка 3 октября 1936 г., но там полного освидетельствования осей не производилось, а только дефектоскопом осмотрели, а полное освидетельствование производилось на Калининском вагоно-ремонтном заводе в апреле 1935 г. Ну, а раз полное освидетельствование производилось в 1935 г. на Калининском вагоно-ремонтном заводе, надо дело направить прокурору Октябрьской дороги. Так и делают. Что же делает прокурор Октябрьской дороги? Ах, Калинин? Ну, хорошо, в Калинин есть вагоно-строительный завод, дай-ка я pošлю прокурору Калининской области. Посылает калининскому областному прокурору. Прокурор Калининской области присылает нам материал и спрашивает: зачем же мне прислали? Я запросил объяснения у директора Калининского завода, тот говорит, что никогда ремонтом осей на заводе не занимались, завод делает новые вагоны. Так эта волокита тянулась полгода. Целый ряд прокуроров, чтобы спихнуть с себя материал, пересылали его один другому, и, наконец, материал попал к нам. Разве эта перепроска материала не есть самая махровая волокита и бюрократизм? Такого рода пересылка материалов чрезвычайно часто практикуется нашими прокурорами. Прокурор Куйбышевской дороги т. Курдов чрезвычайно любит заниматься подобными «делами». 2 января 1937 г. на заводе НКПС им. Куйбышева при открытии ворот кузнечного цеха упавшим козырьком был убит рабочий Рожков. Заметьте: 2 января 1937 года! Начинают расследовать. Оказывается, в 1934 г. при определении объема капитального ремонта кузнечного цеха комиссия указала, что необходимо закрепить козырек. Но этого не было сделано, а так как в 1934 г. там работал некий Пыжов, а сейчас этот Пыжов работает в Москве, то Курдов не находит ничего лучшего, как переслать нам это дело — пожалуйста, ищите этого Пыжова. В 1934 г. он не устроил козырек. Но ведь авария произошла в 1937 г., а за эти годы сколько там работников переработало после Пыжова! Можно ли так безответственно подходить к делу?

Вот, товарищи, те недостатки, которые я считаю необходимым указать в области расследования и без устранения которых мы не выполним решений пленума Центрального комитета и не обеспечим четкое большевистское расследование крушений.

Все эти недостатки прежде всего мы должны отнести на наш собственный счет — на счет главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Разрешите остановиться на тех недостатках в нашей работе, которые способствовали такой бюрократической, деляческой практике на дорогах.

В конце 1935 г. мы дали указание о том, чтобы не передавать ни одного дела в суд без технического акта, утвержденного начальником дороги. Мы руководствовались стремлением обеспечить большую техническую грамотность расследования. Это была до извест-

ной степени гарантия. Технические акты утверждались таким квалифицированным руководителем, как начальник дороги, и мы этой цели добились. С технической стороны расследование стало более грамотным. Но надо сказать, что это указание было чисто деловым и аполитичным. Мало того, чтобы сказать, что нужно требовать технический акт, утвержденный начальником дороги, надо было указать, что этот технический акт должен служить лишь ориентировкой, а не руководством. Такого упора мы не сделали и этим мы толкнули наших прокуроров на деловое отношение к делу расследования крушений.

Эсаулов. Дорожный штаб — это вторая ошибка.

Сегал. Если вы так ставите вопрос, то вы не правы. Создание дорожных оперативных совещаний и центральных совещаний при НКПС, безусловно, было положительным явлением. Раньше ни начальники дороги, ни начальники служб, ни начальники управлений НКПС вопросами борьбы с крушениями не интересовались. Создание оперативного совещания при наркоме и на дорогах внесло оживление в эту работу, заставило начальников дорог отчитаться, интересоваться причинами крушений. Никто не говорит, что оперативные совещания это панацея от всех бед. Оперативные совещания сыграли положительную роль в смысле усиления оперативности в борьбе с крушениями, но эти оперативные совещания страдали серьезными бюрократическими извращениями, заключавшимися в том, что вместо настоящего анализа крушений, мобилизации внимания начальников служб и отделений на борьбу с авариями и крушениями они стали на путь механического штампования репрессий, не докапываясь до технических и политических корней крушения. Мы в этом в значительной степени виноваты. В большинстве случаев решающую роль в этих оперативных совещаниях играла прокуратура и ответственность за формальное штампование лежит на нас. Оперативные совещания — это временная мера, направленная к тому, чтобы активизировать борьбу с крушениями. Сейчас организован новый институт ревизоров по безопасности движения, который независим от местных органов и должен стать боевым органом борьбы за соблюдение правил технической эксплуатации, за безаварийную работу железных дорог.

Мы создали аварийную группу (следственную). Нельзя сказать, что она не внесла некоторой оперативности в работу. Но оперативность эта носит чисто внешний и формальный характер. Работа нашей аварийной группы еще носит канцелярско-бюрократический характер. Это нужно сказать прямо. Сводится эта работа к тому, что, получив сводку, что произошло крушение, наш работник аварийной группы садится к телефону и требует от прокурора дороги сведений: ведется ли расследование, фамилию, имя, отчество привлеченных; если прокурор все эти сведения получает, то он считает, что им все уже сделано.

Прокуроры группы вместо того, чтобы наталкивать на действительно дело, чтобы на конкретных примерах учить как нужно вскрывать виновников крушений, «выполняют» эту задачу одним телефонным звонком. Одним сообщением по телефону эту задачу выполнить

нельзя. В отношении связи у нас имеются широкие возможности. Ни одна прокуратура не находится в таком благоприятном положении, как мы. Средства связи у нас идеальные. Но мы ими не умеем как нужно, пользоваться или для того, чтобы налаживать работу, для того чтобы по существу оперативно руководить расследованием.

Нужно указать еще один крупнейший пробел в области борьбы с крушениями в работе центрального аппарата — это то, что мы не давали совершенно методических указаний по борьбе с крушениями. Те отрывочные циркуляры и инструкции, которые мы давали, не исчерпывают вопросов методического руководства.

Вам передан проект инструкции по борьбе с крушениями. Это первая попытка дать методические указания. Может быть там имеются недостатки, я прошу их указать.

Мы должны методические указания ввести в практику, иначе наше расследование будет носить деловический характер.

Смазывание политической остроты дел имело место не только по крушениям. Оно имело место и по другим серьезным категориям дел, в частности, по делам о контрреволюционных преступлениях.

На дороге им. Дзержинского, заместитель прокурора т. Корзюков прекратил дело начальника сборочного цеха завода НКПС на ст. Тула Шишляникова, который обвинялся по ст.ст. 58¹⁰ и 58¹⁴ УК. Шишляников был осужден к 5 годам лишения свободы, но приговор был отменен Верховным судом и дело направлено для доследования и вторичного рассмотрения дела в суде.

Что делает т. Корзюков? Он проходит мимо того, что Шишляникову было предъявлено обвинение по ст. 58¹⁰ УК и что в деле имеются материалы, свидетельствующие о контрреволюционной агитации. Он считает, что здесь не было саботажа, дело прекращает и выдает Шишляникову справку, что возбужденное против него по ст. 111 дело прекращено. Когда мы попросили у т. Корзюкова объяснение, на каком основании он выдал такую справку, оказывается, он вынес постановление, что в этом деле нет ст. 58¹⁰, а есть ст. 111, и что за нецелесообразностью предания Шишляникова суду он дело прекращает, а потом выдает справку Шишляникову о том, что дело по обвинению его по ст. 111 прекращено. Впервые, почему по ст. 111, когда он привлекался по 58, а во-вторых, куда девались факты контрреволюционного порядка? Главное то, что т. Корзюков не понял того, что он допустил грубейшее нарушение закона в этом деле.

У нас имеется целый ряд случаев грубейшего политического смазывания дел т. Козыревым. Недавно т. Козырева проработали в «Гудке» и, судя по стилю работы т. Козырева, эти факты действительно имели место так, как они описаны в газете.

Мы имеем случаи, когда в силу безответственности прокурора у нас люди сидят под стражей, а потом их дела прекращаются.

Перехожу к работе следственного аппарата железнодорожной прокуратуры. Я думаю, что мне незачем вам доказывать, что следственный аппарат в нашей работе имеет решающее значение и что наша первоочередная задача за-

ключается в том, чтобы следственный аппарат укрепить, сделать его боеспособным, поднять его на большую политическую высоту.

Нужно сказать, что то использование следственного аппарата, которое у нас сейчас имеет место, является совершенно недопустимым. У нас есть прекрасные следователи, которые дают образцы высокой следственной техники и умения раскрывать дела. Правда, как это ни странно, наши следователи показывают свое искусство, печему-то, главным образом, на раскрытии дел об убийствах. Я приведу вам примеры того, как в результате прекрасной техники могут раскрываться такие дела, как всем известное дело об убийстве председателя ЦК дороги Юга, которое было блестяще расследовано т. Аноиченко. Совсем недавно старшим следователем Донецкой дороги т. Световым было блестяще раскрыто убийство сотрудницы управления дороги Журбенко. Отличительная особенность этого дела заключается в том, что не было известно об убийстве. Было известно, что сотрудница управления дороги Журбенко пропала и несколько дней не появлялась на службе. Не было ни труп, ни достоверных сведений об убийстве, никаких следов преступления. В течение 10 дней следователь сумел установить факт убийства, сумел найти убийцу, найти труп, найти соучастников убийства. Это образцовая, блестящая работа т. Светова.

Для чего, товарищи, я все это вам рассказываю? Для того, чтобы на этих примерах показать, что у нас имеются хорошие следователи, которые умеют расследовать дело и показывают образцы работы. Почему же эти хорошие следователи, которые умеют так хорошо расследовать дела об убийствах, не научились раскрывать диверсии? Я постараюсь проанализировать причины того, почему это так происходит.

Чем у нас в основном завалены следователи? Следователи у нас в значительной степени завалены орсовскими делами. Я должен сказать, что и в области орсовских дел мы проявляем настоящую апатичность. Мы имеем дела с большим количеством растрат. Как же мы расследуем эти дела?

Если следователь добрался до человека, у которого нехватает, скажем, 20—30 тыс. руб., и этот человек выпил две бутылки вина с кем-то, делается вывод, что все деньги пропиты. Может быть часть денег он и потратил на пьянство, а где гарантия, что часть денег, которые идут как растрата, не пошла на содержание контрреволюционной организации? Вы когда-нибудь по делу о растратах, даже крупных растратах, интересовались, куда деньги девались? Когда находится дело об убийстве, то следователи говорят: вот настоящее дело для расследования, а докопаться и вытащить за ниточку врага народа — разве это не важное дело? Мы заваливаем следственный аппарат хламом, а что это так позвольте продемонстрировать на ряде фактов.

Мы недавно обследовали положение дел у следователя Ярославского участка Ярославской дороги. Налицо оказалось 46 дел. Спрашивается, мог ли при таком количестве дел следователь проявить оперативность и быстроту? Конечно, мог. А какие дела находились у него в производстве? Дело о смерти работницы завода М. вследствие искусственного аборта, про-

изведенного в каком-то подпольном абортарии в поселке Лосиноостровская. Почему это дело должен расследовать транспортный следователь? Неизвестно.

Дальше. Дело по обвинению заведующего лосиноостровской физкультурной базой Филиппова в том, что он выдал фиктивную справку гр. Хохловой, которая по этой фиктивной справке неправильно получила пенсию. Почему это дело попало к железнодорожному следователю?

Или, например, дело по обвинению главного бухгалтер одного завода в хаотическом состоянии отчетности. Дело по этим материалам было против него возбуждено, потом прекращено, его уже уволили со службы, прошло порядочное время; теперь по тем же материалам вновь возбуждают дело о плохом состоянии отчетности, привлекают этого человека к ответственности.

Дальше дело о незаконном занятии квартиры инженера Карпова в марте 1935 г. В марте 1935 г. кто-то занял незаконно квартиру у инженера Карпова, и вот теперь в 1937 г. транспортный следователь ведет следствие по этому делу. (С места. А следователи на действия прокуроров не жалуются). Верно, не жалуются. А знаете, почему не жалуются? Потому, что прокуроры дорог, несмотря на то, что у них только несколько следователей, не удосуживаются хотя бы раз в месяц проверить, что у следователей делается. Если бы они проверили, если бы они за работой следователя наблюдали, то будьте уверены, что следователь стал бы вам жаловаться на действия участкового прокурора, потому что он знал бы, что с него завтра спросят. А отсутствие проверки и создает для следователя такие условия в работе. Следователь — самостоятельный боевой орган прокуратуры; это политический орган, а мы его превратили в какого-то замухрышку, который тонет в бумажном море и не видит, что вокруг него делается. Если бы у прокурора дороги было 50—70 следователей, тогда, я понимаю, проверять их было бы трудно. Но ведь товарищи, всего-то у нас 4—5 следователей. Неужели прокурор дороги хотя бы один раз в месяц не может их проверить и дать соответствующие указания? Не делает он этого и мы этого не делаем. Мы следственный аппарат должны сделать работоспособным, оперативным, политизировать следственный аппарат и опираться в нашей работе на него как на основную оперативную силу. Следователи неправильно используются не только в том смысле, что заваливаются никчемной перепиской, но и в том смысле, что на следователей наваливают не свойственные им функции. На каком основании наши следователи используются в качестве обвинителей? Есть прямое указание Прокурора Союза, которое запрещает это и указывает на то, что судебная трибуна есть главное место деятельности прокурора, что прокурор, который вместо себя посылает кого-то другого, по существу уклоняется от выполнения самой важной своей государственной обязанности.

Между тем, из всех дел, прошедших через линейные суды в 1936 г., по 14½% обвинение в суде поддерживали следователи. С этим надо покончить.

На Казанской дороге был такой случай: недалеко от Казани, на ст. Канаш слушается де-

ло о крушении. Прокурор дороги сидит на месте. Заместитель прокурора сидит в прокуратуре. А обвинение по этому делу поддерживает участковый следователь.

Теперь разрешите остановиться на вопросе о судебной работе прокуратуры.

Мы в свое время установили порядок, по которому прокурор дороги или его заместитель должны сами проверять каждое дело, направляемое в суд, а на самом деле это не делается. У нас дела штампуются и от этого мы должны как можно скорее избавиться.

Выступая на суде, прокурор должен на конкретных примерах пропагандировать социалистическую законность. Речь прокурора на суде должна быть наполнена глубоким содержанием, должна быть политически заостренной и тогда она будет иметь положительные результаты. Я не могу сказать, чтобы все прокуроры так выступали на суде.

Позвольте вам прочитать выписку из речи одного из московских участковых прокуроров. Выступая по делу проводника Филина, который обвинялся в продаже постельного белья и присвоении денег от продажи, этот прокурор сказал: «Граждане судьи, есть в литературе одна мысль, вернее не мысль, а произведение, где одна женщина и кается и делает, и кается и делает. Вот Филин мне напоминает эту женщину» и т. д.

Это анекдотическое выступление, но я вам это продемонстрировал потому, что считаю, что это не просто анекдот. Если стенографировать выступления наших многих прокуроров участковых и даже дорог, то таких анекдотов не оберешься. Почему? Потому, что люди легкомысленно относятся к своим выступлениям. Вы должны учесть, что аудитория, будь-то рабочие, колхозники, служащие — люди нашего Советского союза достаточно квалифицированы, они и газеты читают и радио слушают, слушают лучших наших ораторов и т. д. Какой же может иметь авторитет прокурор, который выступает с такими речами с важнейшей государственной трибуны?

Я спрашивал прокуроров дорог, присутствуют ли они на выступлениях своих участковых прокуроров? А ведь это важнейший пункт проверки работы участковых прокуроров, ведь участковые прокуроры выступают от имени нашей государственной трибуны?

Кстати, товарищи, я должен сказать, что даже тогда, когда прокуроры натыкаются на грубые ошибки, на извращения в работе участковых прокуроров и следователей, то часто вместо того, чтобы сделать из этого решительные выводы, они замазывают их. Так, поступил, например, в одном случае прокурор Юго-Восточной дороги т. Мазай.

И последнее замечание по вопросу о судебном надзоре заключается вот в чем: 28,5% дел мы направляем в народные суды. Что с этими делами там делают, мы, как правило, не знаем и эти дела из-под нашего надзора ускользают совершенно.

Разрешите теперь остановиться на вопросе о постановке общего надзора прокуратуры.

Этот вопрос имеет громадное значение. Что мы понимаем под общим надзором? Это есть прокурорский надзор за законностью. Только должная постановка общего надзора может нам обеспечить возможность вскрытия вредительств, диверсии, других махинаций врагов на-

рода и может помочь нам поставить надлежащую борьбу за государственную дисциплину на железнодорожном транспорте. Между тем, постановка общего надзора у нас совершенно неудовлетворительна. Практически те преимущества железнодорожной прокуратуры, о которых я говорил (непосредственная ее связь с хозяйством, участие в партийно-массовой работе), эти преимущества в некоторых случаях превратились в свою противоположность и привели к потере бдительности у прокуроров, к сращиванию прокуроров с хозяйственным аппаратом — неправоначальному сращиванию, доходящему иной раз до прямых преступлений. Разрешите это вам продемонстрировать на нескольких примерах. Прежде всего у нас имеется немало случаев, когда прокуроры помогают хозяйственникам страховать себя от ответственности за невыполнение государственных планов перевозок, ремонта подвижного состава, пути и т. д. Вот, например, прокурор Турксиба т. Ашихмин дает телеграмму начальнику дороги: «Станционные пути станции Чикмент имеют недопустимо загрязненный балласт. Я требую от вас провести сплошную балластировку пути, для чего настоятельно требую разрешить кредит, открыть карьер Ленгер, выделив 20 платформ при одном паровозе для вывозки 14 000 куб. метров балласта». Должен ли прокурор заниматься вопросом о том, сколько надо предоставить подвижного состава, сколько балласта надо вывезти и т. д.? Разве это дело прокурора? Допустим, что начальник дороги не прислал бы этот подвижной состав, а потом возникло бы дело по обвинению начальника дистанции в отвратительном содержании пути; вы его привлеки бы к ответственности, а он бы вам справедливо возразил: «Вы сами посылали телеграмму начальнику дороги, начальник дороги вашу просьбу не выполнил, что же теперь с меня спрашиваете?»

Прокурор Окружной дороги т. Маршев вызывает начальника службы пути и говорит: «Пиши требование в НКПС, чтобы тебе деньги отпустили. Нельзя же в таком виде путь держать». Разве начальник пути сам не знает, куда ему надо обращаться за деньгами? А для него очень выгодно получить такую бумажку от прокурора: это для него паспорт, это для него индульгенция, которой он будет прикрываться, когда его привлекут к ответственности за плохое состояние пути.

Позвольте вам привести еще один чрезвычайно характерный пример по дороге им. Ворошилова. Прокурор этой дороги т. Перфильев присылает нам сюда письмо начальника паровозо-ремонтного завода на имя прокуратуры, причем т. Перфильев просит принять через НКПС соответствующие меры. На Ворошиловскую дорогу поступили пассажирские паровозы серии «Л» и завод якобы не может отремонтировать эти паровозы потому, что подъемные краны не имеют соответствующей мощности, не могут поднимать котел паровоза и технический инспектор запрещает на этих кранах поднимать паровоз. Начальник завода посылает т. Перфильеву письмо с просьбой поставить об этом вопрос в НКПС. На этом заводе в 1922—1923 гг., когда на той же дороге ходили паровозы серии «Л», краны были в состоянии поднимать, а теперь почему-то не могут. То ли краны похудели, то ли паровозы

потолстели. Я запросил т. Перфильева, нет ли здесь перестраховки со стороны начальника завода, указав на необходимость проверки, почему раньше эти паровозы можно было ремонтировать, а теперь нельзя. Что же делает т. Перфильев? Вместо того чтобы пойти на завод и лично проверить (а это дело серьезное, речь идет о ремонте паровозов), т. Перфильев посылает мне копию письма начальника завода, в котором он опять повторяет, что не может ремонтировать паровозы, так как краны слабы.

Я написал т. Перфильеву письмо, в котором прямо ему указал, что такая работа — результат потери прокурорского лица. Если бы я хотел запросить начальника завода, то я его адрес знаю. Зачем нам тогда прокурор? Выполняйте то, что я от вас требую. Проходит некоторое время, наконец, т. Перфильев одумался, до него не сразу, но все же дошло. Тов. Перфильев взялся за дело по-серьезному, взял специалиста, пошел на завод, назначил экспертизу и пришел к выводу, что начальник неправильно ставит вопрос о том, что он не может ремонтировать паровозы серии «Л», что никаких препятствий к ремонту этих паровозов нет.

Вот вам яркий пример того, как прокуратура легко может превратиться в бюрократический придаток дороги. Это резко сказано, но, по существу, в ряде случаев это так. Тогда прокуратура не только не может вскрывать беззакония, саботажа и нарушений государственной дисциплины, но, наоборот, по существу покрывает их.

Я хотел вам продемонстрировать, как прокуроры иногда просто издеваются над жалобщиками. Есть такие прокуроры, которые не только ни одного жалобщика не могут понастоящему удовлетворить, а на которых, например, даже их собственные секретари обращаются с жалобой к председателю Совета народных комиссаров т. Молотову, что прокурор не платит им жалованья.

Жалобщики жалуются, что нет ответа, жалуются они и в КПК, и в КСК, и в секретариат товарища Сталина, что нельзя добиться от соответствующего прокурора никакого ответа, а после многомесячной волокиты оказывается, что жалоба была правильна. Разве это похоже на то, что требует от нас Сталинская Конституция? Прокуроры забыли, что за каждой жалобой стоит живой человек, гражданин Советского союза. Таких случаев беспримерной волокиты у нас очень много.

Я убежден, что один из серьезнейших корней наших недостатков и нашей аполитичности является отрыв прокуратуры от масс. Был когда-то у нас актив, теперь актива нет. Наши работники совершенно забыли о связи с массами. В результате мы растеряли актив.

Одна из первейших задач прокурора — это организация боеспособного большевистского актива на железной дороге, который не только бы сигнализировал прокуратуре о всех машинациях классовых врагов, но который бы и критиковал работу своей прокуратуры. Нельзя из-за того, что кто-то боится, чтобы актив не попал жулики, ставить вопрос так, что вообще нет людей. Есть здоровая масса, преданная советской власти. Из этой массы мы должны брать людей, воспитывать и вербовать в свой актив. Если будут бояться вербо-

вать актив, то провалятся на первых же шагах, когда приступят к выполнению решений пленума ЦК.

Я уже говорил вам, что один из основных недостатков нашей работы — это отсутствие систематической проверки наших работников, как со стороны дорожных прокуроров, так и со стороны главной прокуратуры железнодорожного транспорта.

Последний недостаток по порядку, но не последний по своей важности, — скверная организация работы нашей главной прокуратуры, прямая текучка, наш аппарат завален огромным количеством дел, и в этом огромном море теряется большое количество важных вопросов. Эта текучка ведет к тому, что мы не умеем вовремя охватить все процессы, происходящие в работе, как на самом железнодорожном транспорте, так и в нашем аппарате.

Большим недостатком в нашей работе является отсутствие системы, отсутствие самокритики.

Если мы хотим понастоящему руководить, мы должны вкоре перестроить работу нашего аппарата, сделать его действительно оперативным и боевым. Мы считаем необходимым перестроить структуру нашего аппарата. Вместо существующих территориальных отделений, которые занимаются и судебным, и общим, и следственным надзором, мы хотим организовать самостоятельный судебный отдел, следственный отдел, отдел общего надзора, которые будут специализироваться на этих отраслях работы. Когда мы выделим следствие, мы сумеем наладить методическое руководство и тем самым обеспечить должное расследование крушений.

Какие же задачи перед нами стоят с точки зрения решений пленума ЦК нашей партии? Первой и основной задачей является то, что мы должны вкоре изменить систему расследования дел о крушениях.

Пленум ЦК возлагает на железнодорожные прокуратуры чрезвычайно большую и почетную задачу. Решения пленума ЦК мы должны рассматривать как акт величайшего политического доверия нам.

Пленум ЦК считает, что основной задачей железнодорожного транспорта в 1937 г. является обеспечение безаварийной работы и ликвидации крушений. Выполнение этой основной задачи в значительной части возложено на транспортную прокуратуру. Из этого мы должны сделать для себя соответствующие выводы. Прежде всего, не нужно забывать, что точное выполнение правил технической эксплуатации лишает вредителя на 99% возможности устраивать крушения. Если правила выполняются безукоризненно, если дисциплина никем не нарушается, нет расхлябанности и разгильдяйства, то вредителю нечего делать, ибо он будет сразу разоблачен.

Для того чтобы лишить вредителей возможности вредить, первой нашей задачей является борьба за дисциплину, за правила технической эксплуатации, за соблюдение правил и инструкций НКПС.

Таким образом задача борьбы с разгильдяями и с нарушителями дисциплины не только не снимается, а наоборот, еще больше заостряется и приобретает политический характер. Задача борьбы с разгильдяйством приоб-

ретае характер борьбы с маскировкой троцкистского вредительства, борьбы за выкорчевывание почвы, на которой троцкистское вредительство может иметь место.

Самая трудная задача заключается в том, чтобы настолько поднять политический уровень наших работников, настолько поднять их культуру, их технический уровень, чтобы они умели из среды разгильдяев и нарушителей дисциплины выделять сознательных вредителей, замаскировавшихся врагов. Надо научиться анализировать не только факты, но и людей со всем их настоящим, со всем их прошлым, со всем их нутром.

Перед нами стоит задача перестроить общий надзор и сделать его целеустремленным.

Речь идет об общем надзоре прокуратуры за законностью. Его нельзя понимать узко — прочесть приказ и посмотреть, нет ли каких-либо нарушений статей закона. Общий надзор — это значит надзор за тем, как выполняют законы, не орудует ли классовый враг, нет ли щели, куда могут пролезть враги и свить свое гнездо.

Общий надзор надо перестроить, сделать его более самостоятельным.

Какие объекты должны быть в области общего надзора?

1) Вопрос о выполнении правил технической эксплуатации и приказов НКПС в области обеспечения безопасности движения.

2) Борьба с простоями подвижного состава. Сейчас это вопрос чрезвычайно остро стоит. Большинство дорожных прокуроров никакой активности в этом деле не проявляют, а если проявляют, то односторонне, т. е. клиентуру за простои наказывают, а железнодорожников нет. Разве это не своего рода угодничество — своих не трогать? Разве так должен прокурор работать? Борьба с простоями, надо быть виновных и клиентуру, и работников железнодорожного транспорта, а не превращаться в руках железнодорожной администрации в дубинку, бьющую только клиентуру.

3) Борьба с травматизмом. Вы знаете, что организация всякого рода несчастных случаев есть один из методов троцкистского вредительства.

4) Борьба с приемом на занятый путь и с проездом сигналов.

Последний вопрос — это, что нам нужно сделать для того, чтобы выполнить стоящие перед нами задачи и оправдать доверие, которое нам оказывает партия.

Первая задача — пересмотреть кадры железнодорожных прокуратур под углом зрения их политической надежности, выдержанности и работоспособности. Нам необходимо пополнить кадры новыми работниками. Мы должны довести количество прокурорских участков до количества отделений службы движения. На ряде участков мы считаем необходимым поставить вместо одного двух следователей, для этого нам нужны новые кадры. Я предупреждаю товарищей, что если вы будете думать, что вам всех людей пришлют из Москвы, то вам придется в этом разочароваться. Мы разослали письма прокурорам дорог, в которых просили посмотреть свой актив, нет ли там людей, которых можно выдвинуть. Некоторые прокуроры ответили, что у них нет таких людей, человек 7—8 ответили, что такие люди найдутся, а большая часть прокуроров ничего

не ответила. Это говорит о плохой связи с массами, об отрыве от политической массовой работы.

Прокуроры в смысле пополнения кадров проявляют слабую активность и не видят, откуда можно найти людей, не знают своих партийных организаций, оторваны от этих организаций. Если бы этого не было, то найти несколько человек для каждой дороги не было бы так трудно.

Необходимо обеспечить систематически юридическую и политическую учебу кадров. Нам нужно забыть то время, когда прокуроры дорожно не интересовались политическим уровнем своих работников. Нужно людей контролировать, своевременно вскрывать их недостатки и учить их. Мы должны организовать политическую учебу, это задача не только партийных организаций, это наша задача как руководителей. Если мы ее не выполним, то как мы будем вскрывать диверсии и разоблачать врагов?

Мы должны представлять собой боевой, сплоченный аппарат, крепко скованный снизу доверху, где не было бы ни одного пятнышка, где не было бы ни одного гнилого человека, чтобы наш аппарат, стоя на том месте, на которое его поставила партия, мог бы свою почетную задачу выполнить полностью. Мы должны положить все силы, чтобы оправдать доверие партии, крепко работать по-новому, доказать, что мы действительно перестроились по-настоящему, по-большевистски, что мы по-настоящему овладеваем большевизмом, что мы умеем по-настоящему вскрывать и разоблачать махинации врагов, доказать, что мы можем выполнить те решения, которые пленумом Центрального комитета вынесены и которые возлагают на нас ответственные и почетные обязанности.

Тов. Куклев (Московско-Казанская дорога) говорит, что постановлением пленума ЦК партии работникам транспортной прокуратуры оказано большое политическое доверие и на них возложена большая ответственная задача в деле борьбы с крушениями и авариями, которая должна стать стержнем работы транспортной прокуратуры.

Указание Прокурора Союза и главного прокурора железнодорожного транспорта о 3-дневном сроке проведения следствия по делам о крушениях, как правило, не выполняется. Трехдневные сроки расследования по крушениям являются исключением, а в среднем на каждое расследование уходит 7—10 дней, причем качество следственной работы заставляет желать много лучшего.

Основным недостатком в работе транспортной прокуратуры т. Куклев считает то, что корни вредительства редко вскрываются.

Тов. Крук (Оренбургская дорога), подвергает критике работу главной прокуратуры железнодорожного транспорта за отсутствие повседневной конкретной помощи местам и транспортную коллегию за слабую карательную политику по делам о крушениях и приговоры по таким делам, по которым этого делать нельзя. Тов. Крук иллюстрирует это рядом конкретных дел.

Далее т. Крук останавливается на неудовлетворительной работе Оренбургской дороги, считая это прямым следствием существования на дороге вредительской организации, которую

прокуратуры дороги не сумели своевременно разоблачить.

В заключение т. Крук останавливается на вопросе о кадрах на Оренбургской дороге, указывая на их неукomплектованность, засоренность, недостаточность технического аппарата прокуратуры дороги и на неповоротливость отдела кадров главной прокуратуры железнодорожного транспорта, который не реагирует на представления прокурора дороги.

Тов. Рубаненко (Ташкентская дорога) говорит, что следственная группа главной прокуратуры железнодорожного транспорта своей задачи не выполняет, что она превратилась в информационную группу, которая ограничивалась собиранием фактов, когда произошло крушение, и т. д.

Далее т. Рубаненко на примере крушения на ст. Ташкент-пассажирская показывает, что главная прокуратура железнодорожного транспорта, не отстаивает в транспортной коллегии утверждения приговоров в отношении лиц, привлечение которых было своевременно согласовано с главной транспортной прокуратурой, виновность которых полностью доказана.

Тов. Рубаненко критикует практику работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, не отстаивает в транспортной коллегии жалобы по существу, предлагает прокурору, оставившему жалобу без последствий, вновь ее проверить, что никакого результата не дает.

Тов. Лapidус (Амурская дорога) говорит, что беспечность, несвоевременное вскрытие вредительства характерны и для работы Амурской дороги. Тов. Лapidус указывает, что прокуратура Амурской дороги имела ряд сигналов о неблагополучии с состоянием паровозного хозяйства и если бы эти сигналы были восприняты политически, а не делчески, классовый враг на дороге был бы значительно раньше раскрыт. Далее т. Лapidус говорит об острой нужде в кадрах на Дальнем Востоке, которая не дает возможности обеспечить нормальную работу прокуратуры. Тов. Лapidус на ряде примеров показывает, что главная военная прокуратура своевременно не реагирует на целый ряд представлений об изданных неправильных приказах. В области руководства т. Лapidус ставит вопрос об обмене опытом между прокуратурами соседних дорог, чтобы можно было позаимствовать хорошее из практики работы другой прокуратуры. Тов. Лapidус ставит вопрос о правильной ориентировке прокуроров дорог по основным вопросам, об оказании им методической помощи и помощи кадрами.

— Если руководство транспортного отдела главной военной прокуратуры, — говорит в заключение т. Лapidус, — будет таким же, как было до сего времени, мы стоящих перед нами больших задач не разрешим.

Тов. Подкаминский (участковый прокурор Московского участка Октябрьской дороги) ставит вопрос об освобождении железнодорожной прокуратуры от нетранспортных дел, которые могут быть переданы территориальным прокуратурам, с тем, чтобы транспортная прокуратура занялась более серьезными делами, связанными с обеспечением безаварийной работы транспорта. Тов. Подкаминский ставит также вопрос о привлечении к судебной ответственности за волокиту с жалобами трудящихся.

Тов. Коробко (главная прокуратура ж.-д. транспорта) указывает, что ряд прокуроров дорог, несмотря на постановления пленума ЦК ВКП(б), до сего времени не перестроили своей работы, плохо, поверхностно ведут расследование дел. Тов. Коробко в подтверждение этого ссылается на целый ряд фактов, когда при расследовании не выявляются вдохновители, стоящие за спиной технических исполнителей преступления. Переходя к недостаткам работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, т. Коробко считает нарекания некоторых прокуроров совершенно правильными, начальники отделений не руководят по-настоящему работой, занимаются мелкой опекой прокуроров дорог, автоматически пересылают начальникам дорог для расследования массу жалоб, не контролируя выполнения. Далее т. Коробко указывает, что т. Вышинский правильно поставил вопрос, что согласование прокурорами дорог отдельных вопросов с главной прокуратурой железнодорожного транспорта должно носить официальный характер, и показывает на примере, к какому конфузу приводит согласование по телефону без оставления письменных следов. В заключение т. Коробко указывает на недостаточность указаний, которые даются из центра по отдельным конкретным делам.

Тов. Конов (старший следователь прокуратуры ж. д. им. Куйбышева) говорит, что работа транспортной прокуратуры является делической и что к вопросу о борьбе с авариями транспортные прокуроры подходят аполитично. Наряду с этим и технические причины аварий не выявляются достаточно. Переходя к недостаткам работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, т. Конов говорит о том, что дела о крушениях не популяризируются, обмен опытом отсутствует, каждый следователь подходит по-разному, отдельных ошибок никто не критикует, следователи загружаются несвойственными им функциями, а главная прокуратура железнодорожного транспорта ограничивается присылкой общих циркуляров и писем. В заключение т. Конов говорит о необходимости подходить конкретно к каждому делу, анализировать отдельные ошибки и на основании этих выводов наметить пути, обеспечивающие выполнение указаний пленума ЦК ВКП(б).

Тов. Кондратьев (Ленинская дорога) говорит, что исторический пленум ЦК ВКП(б) заставил каждого работника критически пересмотреть всю свою работу, найти причины своих ошибок, дать им правильную политическую оценку и приступить к немедленному их исправлению.

Переходя к анализу своих ошибок, т. Кондратьев указывает, что на Ленинской дороге с 1931 г. орудовала шайка диверсантов и японских шпионов. Эта шайка умело втирала очки руководству дороги, в том числе и ему как прокурору дороги. Пользуясь политической слепотой и благодушием, пользуясь неограниченным доверием, основанным на подхалимстве по отношению к руководству дороги, участники этой банды изо дня в день готовили диверсии, формировали контрреволюционные организации для того, чтобы к началу войны или накануне ее вывести дорогу из строя. Десятки крушений были организованы этим диверсантом и завербованной им группой. В апреле

1936 г. т. Каганович обратил внимание начальника дороги и начальника политотдела на неблагоприятное положение дороги и указывал, на каких дистанциях имеются аварийные гнезда, но руководство дороги и прокурор дороги оказались в плену благодушия, оказались зараженными политической близорукостью и не сумели своевременно разоблачить врага.

Тов. Кондратьев говорит об основательности обвинения его в потере связи с массами, ибо 2—3 года назад у него был неплохой актив, но он его плохо использовал. В настоящее время прокуратура Ленинской дороги опять решила вернуться к работе с активом, чтобы при его помощи проверить десятки пораженных диверсиями дистанций, и уже успела обнаружить сотни лопнувших рельс на перегонах.

— Если бы такую работу мы провели год назад, — говорит т. Кондратьев, — мы давно бы раскрыли глаза руководства дороги на то, что на дистанциях вредительство. Это не было сделано и это лишний раз подчеркивает, что нельзя забрасывать работу с активом и отрывать от масс.

Подробно останавливается т. Кондратьев на недопустимой работе линейного суда дороги, который вынес целый ряд неправильных оправдательных приговоров по делам о контрреволюционных преступлениях и ставит перед руководством прокуратуры вопрос о необходимости из этого сделать соответствующие политические выводы.

В заключение т. Кондратьев возражает против фиксации 3-дневного срока для расследования дел об авариях.

— Нельзя лишать права меня как прокурора дороги, — говорит т. Кондратьев, — решить вопрос о том, сколько дней требуется для расследования данного крушения, ибо я должен искать диверсантов и руку классового врага и потому вопрос о сроке должен быть решен самим прокурором дороги, но зато мы отдадим все для того, чтобы это дело раскрыть полностью.

Тов. К а л а н д а д з е (Закавказская дорога) говорит, что Закавказская дорога находится в числе аварийных дорог, потому, что долгое время руководство дорогой находилось в руках врага народа, диверсанта, троцкиста Розенцвейга, который вместо борьбы с крушениями вредил. Далее т. Каландадзе говорит, что проверка 4 прокурорских участков выявила плохое руководство следователями со стороны прокуроров.

Сплошь и рядом следователи перегружены мелкими, несвойственными им делами, а более важные, — производственные дела находятся в загоде. Вместе с тем т. Каландадзе обращает внимание на отказ территориальных судов и прокуратур от рассмотрения мелких дел, проходящих по транспорту. На ряде примеров т. Каландадзе показывает, что линейный суд хромает, что в деле репрессии проводится определенная либеральная политика, что протесты очень туго рассматриваются и удовлетворяются. Особо т. Каландадзе обращает внимание на вопрос конвоирования.

Тов. Каландадзе ставит важный вопрос о недооценке выступлений прокуроров в судебных процессах. Когда прокурор выступает слабо и наряду с ним выступает сильный защитник, то в аудитории создается впечатление, что осудили невиновного человека.

Тов. Каландадзе говорит о плохой работе с активом, об отсутствии надлежащей работы с соцсовместителями.

— Громадные задачи на нас возлагаются в связи с решениями пленума ЦК нашей партии, — говорит т. Каландадзе. — Я думаю, что с помощью местных партийных организаций, с помощью ЦК Азербайджана, Армении и Грузии, с помощью Прокуратуры Союза мы с этими задачами справимся и оправдаем доверие, которое оказывают нам партия и советское правительство.

Тов. Элькин д (Зам. главного прокурора железнодорожного транспорта) начинает свое выступление с указания, что речи целого ряда товарищей его не удовлетворяют с точки зрения жесткой и беспощадной самокритики, которая нужна для усиления руководства, для того, чтобы выполнить указания товарища Сталина. Далее т. Элькинд указывает, что основное в большевистском руководстве — проверка людей и проверка исполнения отсутствовали в работе прокуратуры железнодорожного транспорта.

— Что значит назначить прокурора дороги? — говорит т. Элькинд. — Это не значит дать ему дорогу на откуп. Если мы хотим руководить по-настоящему, мы должны систематически его контролировать, систематически помогать ему в работе, систематически бывать у него на месте и проверять его работу. Между тем, мы годами не бываем на дорогах, мы годами не проверяем работу отдельных прокуроров дорог. Только безнадёжные бюрократы, ничего в политике не понимающие, могут думать, что можно руководить работой прокуроров дорог, сидя здесь, читая пустозвонные бумаги, которые поступают в огромном количестве. Чтобы по-настоящему руководить работой дороги, нужно организовать проверку не гастролерскую, не кавалерийским наскоком, а нужно, чтобы руководство систематически бывало на дороге, копалось в делах, проверяло детали дела. Эту задачу надо перед собой поставить и во что бы то ни стало выполнить, а для этого надо перестроить работу центрального аппарата, надо освободиться от целого ряда ненужных дел, которыми мы здесь занимаемся, надо центр тяжести руководства перевести на проверку на местах.

Работу центрального аппарата нужно построить по определенным отраслям: создать судебный отдел, следственный отдел, отдел общего надзора, спецотдел, причем это дело надо максимально форсировать.

Далее т. Элькинд на ряде конкретных фактов подвергает резкой критике бюрократизм центрального аппарата прокуратуры железнодорожного транспорта. Крупным недостатком в работе центрального аппарата является недостаточное большевистское мужество, чтобы со всей остротой поставить тот или иной вопрос, что приводит к делячеству, к смазыванию целого ряда вопросов.

В подтверждение этого т. Элькинд приводит случай с прокурором Омской дороги Мазуром.

— Я, будучи на Омской дороге, — говорит т. Элькинд, — убедился в том, что Мазур находится в совершенно недопустимых для прокурора отношениях с начальником дороги. Я понимал, что это дело гиблое, я с Мазуром на эту тему говорил на месте, а приехав в Москву, рассказал об этом т. Сегалу, но я не

нашел в себе достаточной политической остроты, чтобы из этого факта сделать выводы, чтобы немедленно произвести ревизию, мы оказались недостаточно партийно-острыми людьми к ряду провалов в работе.

Недостатком в работе центрального аппарата является также отсутствие систематизации опыта работы, отсутствие надлежащей информации прокуроров по отдельным наиболее интересным делам. Т. Элькинд выдвигает задачу организации оперативной, в ряде случаев даже телеграфной информации, организации выпуска ежемесячного бюллетеня.

Переходя к критике работы прокуроров дороги, т. Элькинд указывает, что крупным недостатком их работы является плохая борьба с нарушениями трудовой дисциплины, которая приводит к крушениям. Т. Элькинд иллюстрирует это следующим примером. 23 декабря дежурный по станции разъезда Веселое Корчмин, напившись пьяным, совершил исключительный по своей наглости поступок. Корчмин подъехал на лошади пьяным к станции, отстранил дежурного от работы и начал обучать свою лошадь диспетчерскому командованию. Этот дежурный по станции был осужден только к одному году принудительных работ. Вторым недостатком работы дорожных прокуратур является возмутительная волокита с расследованием дел о крушениях. Наряду с этим т. Элькинд отмечает образцы работы по Западной дороге, где дела о крушениях заканчивались в 3—5 дней.

Для характеристики слабости работы по общему надзору т. Элькинд приводит ряд фактов. Начальник Южно-Уральской дороги Бадбилов издал приказ об отмене всех приказов и распоряжений, подписанных бывшим начальником дороги диверсантом, шпионом, вредителем Князевым, и ничего не дал взамен этих приказов, думая, очевидно, что он одним ударом ликвидировал вредительство, а прокурор дороги не опротестовал этого нелепого приказа.

На оперативном совещании той же Южно-Уральской дороги выносятся решения, в связи с крушением построить на протяжении 3 км забор, чтобы никто не мог подойти к линии, а прокурор ничего не делает, чтобы отменить такое нелепое решение.

В заключение т. Элькинд говорит о необходимости коренным образом перестроить работу аппарата. Надо наладить систематический контроль и проверку того, что на дорогах делается. Надо развернуть самокритику в аппарате дорожных прокуратур. Надо отчитываться на рабочих собраниях.

— Если все это будет сделано, — говорит т. Элькинд, — тогда те большие задачи, которые на нас возложены пленумом Центрального комитета, будут с честью выполнены.

Тов. Романенко (дорога им. Л. М. Кагановича) говорит о том, что за вредительство и безобразия, которые имели место на дороге Л. М. Кагановича, он как прокурор дороги также должен нести политическую ответственность. Основными причинами того, что вредительство на дороге не было раскрыто, заключается в оторванности от масс, в деляческом подходе к оценке крушений, в неправильном определении причин крушений.

Тов. Романенко приводит ряд фактов безобразного расследования крушений. 26 апреля

1936 г. было крушение пассажирского поезда № 76 на станции Свердловск-Сортировочная в тот самый день, когда в Москве вручались ордена железнодорожникам.

— На это крушение я выезжал лично, — говорит т. Романенко, — вместе со мной выехали на крушение заместитель начальника дороги Наумов и заместитель начальника службы пути Алексин, впоследствии оказавшиеся вредителями. Они свели вопрос к тому, что давно не меняли шпал, что путь неспособен пропускать поезда на этом участке со скоростью 65 км и т. д. И вот мы не сумели в этом крушении нащупать руку врага-диверсанта, хотя за 4 дня до этого на том же самом участке, на том же самом околodке, у того же самого мастера было аналогичное крушение. Между тем, нам должно было показаться крайне подозрительным, что в тот именно день, когда наши лучшие железнодорожники получали ордена, было два крупнейших крушения. Уже этот один факт обязывал нас насторожиться, что могло бы нам помочь разоблачить это дело, но этого мы не сделали.

В октябре 1936 г. было крупнейшее крушение на перегоне Казьял—Шалмара. В этом крушении было побито около 30 вагонов. Крушение произошло потому, что оказались открытыми концевые краны между тендером паровоза и первым вагоном. Осудили машиниста, поездного мастера и главного кондуктора. Я был на следствии, выезжал сам на место, выступал в процессе и квалифицировал это дело как простое крушение по ст. 53³⁹ УК в отношении Колмогорова — машиниста, причем Колмогорову я требовал высшей меры наказания, мастеру Леонтьеву 10 лет лишения свободы, начальнику участка 3 года лишения свободы. Впоследствии оказалось, к моему стыду, что основными виновниками этого крушения были вредитель поездной мастер Леонтьев, которому дали 10 лет и для которого я не просил расстрела, затем начальник участка, которому дали 3 года. Машинист же, для которого я требовал высшей меры наказания, не был главным виновником.

Далее т. Романенко на примерах показывает, что прокуратура дороги недостаточно крепко боролась за осуществление своих прокурорских прав; польщенная тем, что дорога работает с хорошими показателями, прокуратура шла по течению, не делала так, как требует партия.

Тов. Романенко ставит вопрос о перестройке работы, выдвижении новых кадров из состава соцсовместителей, состава парторгов, но для этого им нужно создать необходимые условия для работы, чтобы приход на работу в прокуратуру не привел к ухудшению их бытовых условий.

В заключение т. Романенко ставит вопрос о переподготовке прокуроров дорог, о повышении их теоретических знаний.

Тов. Дикань (Минводский участок Орджоникидзевской дороги) говорит, что решения пленума Центрального комитета и доклад товарища Сталина со всей ясностью вскрывают глубину наших ошибок. Они также содержат целую программу действий по исправлению ошибок и недостатков, которые имеются еще и теперь.

Тов. Дикань на примере своей работы показывает, как на бывшей Северокавказской, ны-

не Орджоникидзевской дороге, целая серия, целый клубок вредителей, убийц, диверсантов и шпионов не был разоблачен, несмотря на то, что он сам выезжал на места крушений, принимал участие в расследовании тех или других крушений.

— Это свидетельствует о том, — говорит т. Дикань, — что мы недостаточно были чутки, недостаточно зорко всматривались в отдельные крушения, в отдельные действия, которые творились на железной дороге. Это также говорит о том, что он сам недостаточно был связан с массами, хотя с самого начала и получал сигналы от отдельных рабочих.

На опыте своей работы т. Дикань считает, что намечаемые сейчас сроки для расследования ни в коей мере себя не оправдывают, так как за 3—5 дней нельзя будет в достаточной степени глубоко расследовать и проанализировать дела, особенно по диверсиям.

Тов. Дикань обращает внимание на то, что мы взялись сейчас за верхушки, не оставили без внимания низы, между тем, верхи без низов не работают. И на опыте своей работы он показывает, что к вредительству на транспорте враги народа сумели привлечь стрелочников, составителей, сигнальщиков и отдельных служащих.

Тов. Шарлот (транспортный отдел главной военной прокуратуры) посвящает свое выступление показу того, как мы не сумели разглядеть врага даже тогда, когда он был в наших руках. Когда от прокуратуры Томской дороги были получены данные о том, что на линии Эйхе-Сокур созданы совершенно невероятные условия для рабочих-строителей этой линии — тяжелые жилищные условия, несвоевременная выплата зарплаты, необеспечение элементарных человеческих материально-бытовых условий — к этому отнеслись, как к сигналу об отсутствии человеческого отношения к рабочим-строителям этой линии, и жалоба соответственно была разрешена, т. е. были приняты меры к своевременной выплате зарплаты, к улучшению жилищных условий и т. д. Только после показаний шпионов, вредителей, диверсантов, которыми и руководил троцкистский сибирский центр (Богуславский, Муралов и др.), стало ясно, что на линии Эйхе-Сокур, являющейся исключительно важным звеном Сибирской магистрали, орудовал враг, пытаясь сорвать обороноспособность страны.

Тов. Шарлот говорит о том, что диверсанты очень часто вредят в мелочах — недоделка ремонта паровозов, передача управления паровозом помощнику машиниста, не обладающему правом управления паровозом. Таким образом скрывается характер их преступной деятельности, а дело сводится к дисциплинарным нарушениям. Порой вредительство маскируется соображениями ускорения работы и внедрения рационализаторских мероприятий, которые на самом деле являются глубоко упрощенческими мероприятиями, которые приводят к недоделкам, авариям.

Приводя целый ряд фактов контрреволюционной диверсионной деятельности, т. Шарлот говорит, что одним из орудий вредительства на некоторых дорогах были поджоги, которые долгое время рассматривались как результаты случайного неосторожного обращения с огнем.

Тов. Шарлот призывает к обобщению опыта расследования методов вредительства на до-

рогах, чтобы больше не повторять ошибок и честно выполнить решения пленума ЦК ВКП(б).

Тов. Спиридонов (Горьковская дорога) говорит, что решения пленума Центрального комитета партии требуют от прокуроров в работе по борьбе с крушениями и авариями большей оперативности, большей ответственности, чем когда бы то ни было. Но этой оперативности можно добиться лишь тогда, когда прокуратуре будет возвращена присвоенная ей по закону самостоятельность и если будут отменены существующие ограничения в части согласования как арестов, так и привлечения к ответственности железнодорожников.

Переходя к критике работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта, т. Спиридонов говорит, что у каждого из прокуроров имеется много примеров, когда большие острые вопросы, поставленные в главной прокуратуре, месяцами не получают своего разрешения. В подтверждение этого т. Спиридонов приводит следующие два примера: 7 марта на Горьковской дороге было большое крушение с курьерским поездом № 1: спустились под откос 6 вагонов, 18 человек ранено, 6 вагонов было разбито. Основным виновником должен быть признан начальник дистанции пути Удальцов, причем только успели ликвидировать последствия этого крушения, как на следующий день поезд № 2 попал в такое же крушение, которое было предотвращено. Удальцов развалил дистанцию. Тов. Каганович дает распоряжение дать 40 рельс годных, а Удальцов направляет совершенно непригодные обрезки рельс, а от старшего мастера требует справку, что дал годные.

В последнее время получены сведения, что, по заданию Миронова, Удальцов совершил крушение в октябре 1936 г. Между тем, с начала марта нельзя добиться согласия на арест и привлечение к судебной ответственности этого Удальцова.

По Котласу был получен ряд сигналов о неблагополучии на этой станции. Проведенные на этой станции судебные процессы ничему не научили работников. Тогда был поставлен вопрос о замене начальника станции Лебедева. Начальник дороги не согласился и сказал, что это лучший работник и снимать его не нужно. На обращение в главную транспортную прокуратуру был получен ответ о необходимости дополнительного обследования положения на станции. Это обследование показало, что ст. Котлас действительно является аварийным очагом, на этой станции трудовая дисциплина расшатана, на дежурства являются в пьяном виде, стрелки находятся в безобразном состоянии, аварии скрываются (из 132 зарегистрировано 80 аварий) и т. д. Главная прокуратура железнодорожного транспорта три месяца не может согласовать вопроса о снятии с работы и привлечении к ответственности Лебедева.

Тов. Егiazаров (Северная дорога) говорит о том, что ноябрьская директива о методах борьбы с авариями и крушениями в самом начале дала неправильную ориентировку, делая акцент на борьбу за исполнение правил технической эксплуатации. Тов. Егiazаров говорит далее о невозможности любое дело по авариям и крушениям расследовать и закончить с коммерческой скоростью 100 км, потому что существуют разные категории дел, каждое дело требует особого метода расследования, особых

условий и различного времени. Особо т. Егiazаров останавливается на качестве следственного аппарата, говоря о необходимости отказаться от халтурной работы, от недостаточно грамотных обвинительных заключений, а нужно требовать от каждого из следователей квалифицированного следственного материала, квалифицированной работы. В действительности же даже «импортные» следователи, которых дороги получают из главной прокуратуры, часто окончившие высшие учебные заведения, катастрофически неграмотны. Тов. Егiazаров иллюстрирует это положение рядом характерных примеров, когда следователи, имеющие дипломы, пишут: «Мертвый труп убитой женщины неопределенно молодого возраста» или: «Совершил хулиганство, который был в степени нетрезвого состояния».

В заключение т. Егiazаров говорит о неудовлетворительной связи, которая существует между прокуратурами дорог и главной прокуратурой железнодорожного транспорта, о редком посещении дороги руководящими работниками главной прокуратуры железнодорожного транспорта, о неаккуратных ответах на запросы мест.

Тов. Ога (прокурор главной прокуратуры ж.-д. транспорта) подвергает критике работу главной прокуратуры железнодорожного транспорта, показывая на ряде случаев, когда главная прокуратура железнодорожного транспорта бумажно относится к важнейшим вопросам, требующим согласования с НКПС, не умеет настойчиво требовать и добиваться результатов от НКПС, вследствие чего страдает авторитет главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Далее т. Ога указывает, что прокуроры главной прокуратуры железнодорожного транспорта превратились в дополнительных докладчиков по делам в транспортной коллегии, часто зная лучше дела, чем члены транспортной коллегии. И потому транспортная коллегия охотно откладывает дело, если по каким-нибудь причинам прокурор не может участвовать в заседании транспортной коллегии. Надзора за транспортной коллегией главная прокуратура железнодорожного транспорта не осуществляет, тогда как от прокуроров дороги требуют, чтобы они отвечали за работу линейного суда.

— Мы ругаем, — говорит т. Ога, — прокуроров дороги за то, что они плохо наблюдают за прохождением жалоб, требуем, чтобы прокуроры дорог отвечали за соответствующее выполнение постановлений пленума КСК. А что мы делаем в отношении центрального бюро жалоб НКПС? Решительно ничего, хотя мы имеем немало сигналов, что несколько месяцев материалы лежат в ЦБЖ без разрешения. Касаясь связи с массами, т. Ога указывает, что жалобы трудящихся являются не только формой обслуживания трудящихся, но и методом наущивания через живых людей слабых звеньев в работе дороги.

Тов. Малов (прокурор Сталинградской дороги) говорит о том, что дележеский подход привел к тому, что дорожные прокуроры не сумели расшифровать вредительские действия, которые бесспорно имеются на Сталинградской дороге, особенно по путевому и паровозному хозяйству. Далее т. Малов говорит о своих ошибках в области жалоб, когда у прокуратуры дороги нехватает решимости довести до

конца дела по жалобам вследствие неумения крепко ставить вопросы.

Тов. Скоморохов (Юго-Западная дорога) указывает, что на Юго-Западной дороге не осталось ни одного хозяйственного звена, которое не было бы поражено предательской, троцкистской, вредительской деятельностью, и прокуратура дороги в деле их разоблачения не явилась застрельщицей. Объясняется это тем, что прокуратура дороги переоценивала факты перевыполнения хозяйственными организациями на протяжении ряда месяцев и кварталов своих производственных планов. В одних случаях план застигал глаза, в других случаях — высокий чин, третьих — наличие партийного билета в кармане мешали объективно уяснить положение вещей. Тов. Скоморохов рассказывает, что в марте 1935 г., т. е. через полтора-два месяца после его назначения прокурором дороги, он обнаружил, что на дороге имеется целый ряд объектов строительства, по которым омертвлен капитал в сумме 15 млн. руб. Он поставил этот вопрос перед политическим и хозяйственным руководством дороги, перед ЦК КП(б)У, перед т. Сегалом, наконец, перед политуправлением и Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б). Ответа не получил. Между тем, этот факт должен был явиться серьезным сигналом, предупреждающим о наличии вредительства на дороге.

Далее т. Скоморохов указывает, что, когда он занялся изучением штрафной политики, ему сразу стало ясно, что штрафная политика на дороге проводится совершенно неправильно: за курение в очереди штрафуют инженера, получающего 500 руб., на 5 руб., а рабочего, получающего 100 руб., — на 25 руб. Несмотря на то, что о штрафной политике был поставлен остро вопрос и документ был весьма убедительным, никаких результатов не получилось.

Между тем, при правильном подходе к этим двум документам можно было наущить вредительство, но главная прокуратура железнодорожного транспорта реальной помощи т. Скоморохову не оказала, недооценив их политического значения.

Тов. Скоморохов заявляет, что может привести значительное количество вопросов, которые не решаются в главной прокуратуре железнодорожного транспорта так, как это должно было бы быть, что рассмотрение вопросов тянется два и больше месяцев. Тов. Скоморохов объясняет это излишней перегрузкой работников при неумении выбирать принципиальные вопросы и решать их немедленно.

По вопросу о сроках расследования т. Скоморохов высказывается за дифференциацию предельных сроков ведения следствия по отдельным делам, имея в виду, что дело о простом крушении возможно закончить в 2—3 дня, а дела, где имеется диверсия и где требуется выяснение целого ряда вопросов, должны расследоваться в иные сроки.

В заключение т. Скоморохов ставит вопрос об увеличении кадров в связи с возложением на прокуратуру почетной обязанности по активному участию в расследовании аварий.

Тов. Перфильев (дорога им. Ворошилова) говорит, что просмотр дел о крушениях показал, что прокуратура дороги допустила целый ряд крупнейших политических ошибок. При этом т. Перфильев приводит целый ряд фактов, когда по ходатайству диверсанта Ливши-

ца прокуратура ставила вопрос о снижении наказания ряду осужденных, которые, как установлено в настоящее время, являются задержанными вредителями, шпионами-диверсантами.

Далее т. Перфильев подвергает критике работу главной прокуратуры железнодорожного транспорта, указывая, что главная прокуратура в течение ряда месяцев не рассматривает протестов дороги по важным делам, что в своих обзорах и директивах не было политической линии, что методы работы были сугубо бюрократическими. Присылаемым прокуратурой дороги статистическим отчетам значения не придается, они не контролируются, огромный цифровой материал не анализируется, статистические обзоры опаздывают на 4—5 месяцев, в результате вся эта работа теряет смысл.

По вопросу о сроке и качестве расследования т. Перфильев высказывается за 5-дневный, считая, что этот срок будет реальным.

Тов. Пелих (прокурор Дальневосточной дороги) указывает, что работа прокуратуры на военизированных дорогах ни в какой степени не отличается в смысле недочетов и плохой работы от работы прокуратур невоенизированных дорог: та же политическая слепота, в результате которой крупные вопросы оказались вне поля зрения прокуратуры.

Основную причину плохой работы т. Пелих усматривает в том, что работники транспортной прокуратуры сути дела не знают, не знают производства, людей, что вследствие отсутствия актива у них отсутствует связь с массами.

Тов. Пелих ставит вопрос о пересмотре работы прокуратуры железнодорожного транспорта, об освобождении ее от некоторого числа дел, которые никакого отношения не имеют к движению поездов и, по сути дела, не являются решающими для работы транспорта.

— Нужно перестать заниматься воровством в буфетах и ресторанах на железнодорожном транспорте, — говорит т. Пелих, — и заняться делами, имеющими непосредственное отношение к транспорту.

Далее т. Пелих указывает, что, ведя в 1934 г. правильную линию по вопросу о борьбе с авариями и крушениями, прокуратура дороги в 1935 и 1936 гг. получала установки, что судить нужно поменьше, что вопрос о предании суду нужно согласовывать с начальником дороги и начальником политотдела, и в результате борьба с авариями была ослаблена в последние годы.

Наконец, т. Пелих ставит вопрос об отсутствии в ДВК достаточного количества членов коллегии защитников, и для того, чтобы прокурор мог выступить в суде, для защиты подсудимого, привлекается работник профсоюза. Был даже такой случай, когда обвиняемый подал кассационную жалобу, в которой пишет, что его защищал не член коллегии защитников, а человек, юридически неподготовленный, тогда как прокурор был во всеоружии, и в результате его якобы незаконно засудили.

Тов. Сычиков (прокурор Калининской дороги) указывает, что наличие волокиты по делам и по жалобам, наличие деляческих подходов при разрешении дел об авариях и крушениях, политическая слепота, отсутствие самокритики характерны и для работы прокуратуры Калининской дороги.

Касаясь инструкции, которая рекомендована для обсуждения, т. Сычиков указывает, что она является технической инструкцией, что она должна быть дополнена вопросами политическими.

Далее т. Сычиков ставит вопрос, что главная прокуратура железнодорожного транспорта должна сейчас, на основе всех вскрытых дел о вредительстве, дать дорогам такой анализ практики вредительства, тактики вредительства, который помог бы прокурорам дорог и в дальнейшей работе.

По вопросу о переподготовке кадров т. Сычиков рекомендует брать пример с партийных кадров, т. е. взять несколько прокуроров дорог, освободить их на 2—3 месяца от работы и за эти 2—3 месяца как следует обучить. Тов. Сычиков ставит вопрос, что в территориальных прокуратурах работают следователями и районными прокурорами бывшие железнодорожники, которых необходимо направить на работу в транспортную прокуратуру.

В заключение т. Сычиков говорит о необходимости не забывать обязанность прокуратуры бороться с хищением грузов на транспорте.

Тов. Терехов (следователь Окружной дороги) вносит ряд дополнений к инструкции. Далее т. Терехов ставит вопрос о том, чтобы при главном ревизоре по безопасности в НКПС было создано нечто вроде бюро технической экспертизы, куда входили бы наиболее знающие и безусловно преданные лица, которым можно было бы доверить техническую экспертизу. И, наконец, чтобы прокуроров и следователей знакомить с методами работы диверсантов, с их тактикой, с применяемыми ими способами проникновения на транспорт и т. д. для того, чтобы уметь диверсантов скорее распознавать.

Тов. Терехов ставит вопрос, что у некоторых прокуроров наблюдается сращивание с начальниками дорог и потому решения дел проходят в семейном порядке. Со стороны отдельных следователей наблюдаются беспринципность и угодливость при решении целого ряда дел, причем хотя следователь и несогласен с мнением прокурора, но указание прокурора безоговорочно выполняет. Объясняется это тем, что следователи в большей части люди беспартийные, а главная прокуратура железнодорожного транспорта, к сожалению, не воспитывает ни прокуроров, ни следователей в духе большевистской непримиримости.

Тов. Петров (прокурор Белорусской дороги) указывает, что главная прокуратура железнодорожного транспорта руководит абсолютно неудовлетворительно, что она, по существу, превратилась в учетно-статистическое бюро, которое регистрирует и собирает отчетность, кое-как ее оформляет и больше ничего.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

— Главное, что сейчас от нас требуется — это добросовестно понять, в чем заключаются недостатки и ошибки в нашей работе, ибо если мы этого не поймем как следует, то едва ли мы сможем эти недостатки исправить и избежать их в будущем. К сожалению, наше совещание как раз для ответа на этот вопрос дало пока очень мало материала.

Значит ли это, что у нас этих недостатков нет? Конечно, не значит. Раньше всего надо постараться вскрыть недостатки нашего руководства и сказать об этих недостатках, потому что качество руководства в значительной степени обуславливает собой качество работы тех органов, которыми руководят. Если посмотреть на нашу работу с точки зрения решений пленума ЦК ВКП(б) и требований, которые к нам предъявляются, то нужно сказать, что мы не имеем подлинно живого руководства, хотя и нельзя умолчать о некоторых безусловных успехах главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Наоборот, можно сказать, что в целом ряде вопросов имеются сдвиги, и наша транспортная прокуратура помогает транспорту. Все же я подчеркиваю, что она мертво руководит.

В главной прокуратуре железнодорожного транспорта имеется 18 работников и, когда я спросил т. Сегала, сколько человек у него на периферии, то оказалось, что только 3 и больше на периферии не бывает. Это совершенно неправильно, и это основной порок работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта. Я считаю, что если у нас в центральном аппарате 18 оперативных прокуроров плюс 19 — зам. главного прокурора, плюс 20 — главный прокурор железнодорожного транспорта, то, как правило, на периферии должна находиться, по крайней мере, половина этих работников, ибо правильная организация работы главной прокуратуры железнодорожного транспорта требует, чтобы органы, руководящие оперативной работой, сами были на колесах. При этом нужно учесть, что если толковые работники главной прокуратуры железнодорожного транспорта будут на местах, то меньше с мест будут писать сюда, ибо целый ряд вопросов, которые обычно остаются неразрешенными и создают необходимость вести переписку, будут оперативно разрешены на месте. Далее т. Вышинский предлагает установить такой порядок, чтобы дело, которое идет в коллегию Верховного суда в кассационном порядке, обязательно имело при себе протест или заключение прокурора дороги, причем если дело заслуживает внимания, то вызывать в Москву прокурора к моменту рассмотрения дела.

— И поверьте, — говорит т. Вышинский, — это будет экономнее и выгоднее, а главное это укрепит организационную увязку в работе, ибо каждый приезд прокурора сюда всегда окупится той связью, тем контактом и той пользой, которую даст ему общение с центральным аппаратом. Тов. Сегал рассматривает нашего дорожного прокурора как сторону по отношению к себе в процессе: дорожный прокурор — одна сторона, а главный прокурор железнодорожного транспорта — это другая сторона. Я смотрю на это дело так, что дорожные прокуроры — это наши представители, это наши помощники на местах, и подобно тому, как я могу поручить то или другое дело работнику главной прокуратуры железнодорожного транспорта, я могу поручить прокурору дороги поддержать тот или иной протест. Я думаю, что эту меру надо провести в жизнь. Это значит отказаться, как правило, от дачи кассационных заключений только силами аппарата главной прокуратуры железнодорожного транспорта, а перенести

центр тяжести этой работы на самих дорожных прокуроров. Я считаю, что если дорожный прокурор подает кассационный протест, то он сумеет его защитить и этим облегчит работу центрального аппарата, если же он протеста не подает, то должен дать заключение по кассационной жалобе осужденного. Это заключение по жалобе будет показывать, способен ли этот прокурор понять, что пишет кассатор в своей жалобе, способен ли он опровергнуть доводы кассатора, способен ли он защитить свои позиции и, наконец, насколько он знает дело по существу. Это будет экзаменом для каждого прокурора. И когда главная прокуратура железнодорожного транспорта будет пропускать такое дело через свои руки, она изучит работу прокурора и получит возможность руководить этим прокурором по-настоящему на живых конкретных делах. Мне кажется, что это мероприятие должно дать свои результаты, но для этого нужно одно условие. Нужно, чтобы в самом центральном аппарате нашей прокуратуры были товарищи, которые понимают, что от них требуется, и которые умеют руководить такой армией, как наши дорожные прокуроры.

Те примеры, которые здесь приводили, показывают, что часто неплохие прокуроры главной прокуратуры железнодорожного транспорта не понимают, как нужно руководить, и в результате на места направляются такие письма, которые служат предметом иронического отношения или даже издевательства со стороны периферийных работников. Значит, необходимо поставить вопрос о повышении качества работы центрального аппарата.

Подвергая критике работу главной прокуратуры железнодорожного транспорта, где руководство тонет в мелочах, т. Вышинский указывает, что ответы главной прокуратуры железнодорожного транспорта на конкретные вопросы, поставленные прокурорами дорог, должны даваться лично главным прокурором или его заместителями и никем другим.

— Если руководить по-настоящему, то нужно по каждому конкретному вопросу давать четкие практические указания, ставить необходимые принципиальные вопросы в порядке собственной инициативы.

Нельзя, товарищи, передоверять руководство своему аппарату. Непорядок, если звонят в главную прокуратуру и не могут говорить с главным прокурором. Связь у нас должна быть установлена тесная и оперативная. Вам легче, чем кому-либо другому иметь эту связь с Москвой. В вашем распоряжении все средства связи — и телефоны, и селекторы, и прочие вещи. Нужно только, чтобы у вас был специально дежурный прокурор на телефоне, который бы принимал ответственные задания, всякие разговоры и передавал бы их руководству со всей ответственностью и точностью.

Я считаю, что главный недостаток в нашем руководстве заключается, во-первых, в том, что наше руководство не централизовано в руках самого т. Сегала, что т. Сегал меньше руководит оперативной работой прокуроров дорог, чем занимается текучкой, так называемыми «текущими делами». Ему нужно больше самому выезжать на места. Если у вас в группе прокуроров имеется три человека, то два прокурора должны быть на местах, а один

прокурор может быть здесь. Если этого мы не сделаем, будут постоянные нарекания, будет постоянный разрыв между главной прокуратурой и периферией, будут постоянные недоразумения, противоречия, одним словом, будет то, что вы наблюдали на этом совещании.

Второе. Нужно изменить порядок продвижения дел в надзорном и кассационном производстве в направлении сокращения перечня тех преступлений, по которым обязательно участие нашей центральной транспортной прокуратуры в кассационном производстве. Я думаю, может быть, надлежит выделить нам здесь, в центральной прокуратуре, специальному одному или двух прокуроров по кассационному наблюдению, по кассационному производству. Далее, надо создать судебный отдел, который бы сосредоточил в своих руках наблюдение за прохождением дел в судебных местах, т. е. в линейных судах и транспортной коллегии Верховного суда, который мог бы подытожить и обобщить нашу судебную политику и на основе этого обобщения давать единые указания местам, который концентрировал бы наблюдение за всеми судебными делами, и как прокуроры квалифицируют дела, и как ведется судебный процесс, и какая складывается судебная практика, кассационная практика и т. д. Если мы проведем такую реорганизацию, я убежден, у нас будет больше единства, согласованности, больше судебного опыта, больше порядка.

Рядом с судебным отделом мы должны организовать полнокровный стопроцентный следственный отдел, отдел общего надзора, потому что здесь сосредоточивается участие прокуратуры в борьбе за дисциплину на транспорте, причем, я думаю, не избежать того, чтобы по крайней мере на первое время начальником одного из отделов был сам т. Сегал, а начальником другого важнейшего отдела был т. Элькинд. И нечего бояться, что это может отразиться на качестве общего руководства.

Я считаю необходимым особо остановиться на необходимости организации следственного отдела потому, что в деле ведения следствия мы люди еще в высшей степени невинные, малограмотные. Ведь быть следователем — это означает, конечно, раньше всего иметь высокую политическую квалификацию.

— Если у нас так обстоит со следствием, как здесь говорил т. Терехов, то, ведь, это положение кошмарное, когда следователь дает своему прокурору на подпись обвинительное заключение, с которым он несогласен, прокурор подписывает, а Терехов стоит в стороне. И хуже всего то, что он не стесняется все это рассказывать, причем не в порядке самокритики, а в порядке простой констатации. Он говорит: я несогласен, но звездочки действуют на меня. Тов. Терехов, очевидно, не понимает своего положения, как следователь. Ведь следователь есть следственный судья, и мы об этом не раз твердили, следователь должен обладать необходимой оперативной самостоятельностью, и тот прокурор дорожки, который в своем следователе не воспитал чувства следовательской самостоятельности, — это плохой прокурор. Каждый дорожный прокурор должен понимать, что следователь должен быть самостоятельным, независимым и таким следователем нужно дорожить, а следователь вроде складного аршина, следователь с психо-

логией «чего изволите» ничего, кроме зла, не принесет следствию. Следователю должна быть обеспечена настоящая деловая, следовательская самостоятельность, если вы гонитесь не за фиктивными данными и результатами, а преследуете то, что требует наш процесс, т. е. установление материальной истины.

Поэтому перед нами сейчас стоит громадная задача, в особенности в связи с теми решениями, которые вынес пленум ЦК нашей партии, — создать нового следователя, перевоспитать нашего следователя, воспитать в нем чувство политической ответственности, воспитать в нем деловую практическую творческую самостоятельность. Я целиком присоединяюсь к мнению одного из выступавших здесь товарищей, которые говорили о следствии как о творческой работе. Это творческая работа, требующая большой культуры, и здесь прокурор имеет право оперативно вмешиваться тогда, когда он не уступает своему следователю в следственной подготовке, не уступает своему следователю в культуре, не уступает своему следователю в политической грамотности, потому что следователь одновременно и политический боец, и специалист своего дела. И совершенно нетерпимо положение, когда дорожный прокурор говорит с видом победителя, что он умеет снимать следы преступления, не знает, что такое дактилоскопия. Мы должны это знать, мы должны уметь это делать. Тут товарищи говорили обо всем, о чем хотите — об автомобилях, о комнатах, о деньгах, все это нужно, нам необходимо иметь материальные условия, чтобы работать, но о самом главном, как разрешить задачи, поставленные перед нами во весь рост пленумом ЦК ВКП(б), как мы на основе этих решений должны переквалифицироваться, об этом никто не говорил. Нам нужно подумать о том, чтобы помочь прокурорам в деле технической переквалификации, нужно обратиться к помощи НКПС, инженеров, просить их дать популярную литературу, справочники, чтобы вы могли ориентироваться в технических вопросах.

В центре должна стоять следственная работа и методы следствия. У нас имеется методический совет, мы имели несколько заседаний методсовета, очень плодотворных, у нас в наборе 4 методических письма, они не касаются следствия по железнодорожным делам. Мы до этого еще не дошли, а методические письма по целому ряду вопросов нам нужны во что бы то ни стало. Между прочим, важно осуществить и такое мероприятие, как разбор определенного конкретного следственного дела по определенной категории преступлений, а рассылка результатов на места с анализом и выводами, дабы можно было на этом материале учиться и избегать аналогичных ошибок в будущем.

Все это должен будет сделать следственный отдел. Это колоссальная работа. Мы не можем обобщить все это сразу. Дорожные прокуроры в этой работе тоже могут во многом помочь, они могут давать типичные случаи, они должны установить тесную связь на почве взаимной информации с квалифицированными консультантами. Для этого нам нужно иметь специальное консультационное бюро, нужно договориться с НКПС о выделении нескольких инженеров для того, чтобы оказывать помощь, давать ответы и консультацию

нашим работникам. Если раньше познание вещей во время крушений было предоставлено начальнику дороги, а прокурор только присутствовал при сем, то теперь мы не можем мириться с таким положением вещей, ибо ответственность вы будете нести и техническая консультация вам будет нужна во что бы то ни стало.

— Я думаю, что т. Сегал правильно делает, если примет сейчас меры к тому, чтобы иметь таких технических консультантов из квалифицированных инженеров.

Задачи, которые стоят сейчас перед следственными органами, не ограничиваются этими важнейшими вопросами. Следователь должен быть широко образованным, культурным человеком. Неправильно некоторые товарищи думают, что я говорю сейчас о культуре в обычном понимании этого слова. Товарищ Сталин говорит, что нашей задачей является в настоящее время овладение большевизмом. Это означает овладение той большевистской культурой, которая не исчерпывается только принадлежностью к партийной организации; это овладение определенной суммой идей, взглядов, привычек, традиций, методов борьбы, принципов. Это значит уметь ориентироваться в политике и общественной обстановке, уметь выбирать необходимые и достаточные средства для борьбы, уметь их применять, бороться за них и преодолевать препятствия. Если следователи останутся на низком культурном уровне, то вы встретитесь с трудными задачами, которые для многих окажутся неразрешимыми.

Далее т. Вышинский подвергает критике точку зрения противников согласования с руководителями хозяйственных организаций вопросов о привлечении к уголовной ответственности.

— Многие думают,—говорит т. Вышинский,—что согласовать—это значит слушать то, что тебе скажет начальник участка или начальник дороги. Многие думают, согласовать—это значит обязательно поступать так, как хочется начальнику дороги. Это есть извращение понятия согласования. Нет, согласовать—это означает изложить свою точку зрения и свои требования прокурора, обосновать их и добиться решения вопроса так, как ты этого хочешь. Разве согласовать—это значит обязательно плыть по чужому течению? Разве согласовать—это значит обязательно соглашаться? Нет, согласовать—это значит доказать свою правоту, доказать, что ваше предложение соответствует интересам советского государства, доказать, что преступление налицо, что есть основания, достаточно убедительные, считать преступление несомненным и ставить вопрос о тех мерах, которые прокурор считает необходимым принять. А если тот при всех этих доказательствах все-таки несогласен, то разве у большевиков нет средств сломить это сопротивление? Конечно, есть. В чем же дело? Дело в небольшом, но в самом трудном. Во-первых, дело в том, чтобы поймать действительного врага, во-вторых, обнаружить те факты, те данные, которые будут убедительны для того, с кем надо согласовать и таким образом его убедить. Согласование—это очень легкое дело, если вы имеете под своими ногами твердую почву. Если у прокурора в руках имеются твердые

факты, если имеется достаточно данных, тогда согласовать не трудно. А если ничего этого нет, то как можно настаивать, чтобы руководитель хозяйственной организации обязательно согласился с прокурором?

Нельзя забывать, что работа всегда накладывает известный отпечаток на людей, и когда мы изо дня в день подписываем ордера на арест, когда изо дня в день выносим приговоры на 3—5—10 лет и дальше, то мы так к этому делу привыкаем, что у нас создается известная профессиональная притупленность ощущений. С этой точки зрения согласование бывает полезно.

Здесь была высказана точка зрения относительно необходимости во что бы то ни стало направить дело в суд, даже хотя бы тогда, когда подсудимому грозит «маленькое наказание». Я думаю, что эта позиция является неправильной. Это решительным образом расходится с основными установками нашей партии о карательной политике. Нельзя забывать, что если человеку объявить общественное порицание через суд, то к этому добавляется дополнительный ассортимент—вызов, допрос как обвиняемого, подписка о невыезде. Поэтому совершенно неправильная такая точка зрения, что хотя маленькое наказание, но обязательно это наказание нужно дать через суд.

19 декабря 1935 г. было специальное постановление ЦК и СНК, чтобы не привлекать колхозников по пустяковым основаниям. Остается ли в силе для нас это постановление или нет? Безусловно, остается. Тов. Каганович говорил, что суд это есть крайнее средство. Товарищ Сталин говорил об этом же и раньше и позже этого. А мы что делаем? Мы думаем, что хотя бы маленькое наказаньишко, но надо дать, потому что это, говорят, воспитывает. Почему не воспитать другим путем? Кстати, о товарищеских судах никто не вспоминал. Есть другие методы воздействия, кроме уголовного суда, кроме дисциплинарного взыскания. Можно этот вопрос поставить на общем собрании. Зачем обязательно уголовный суд?

В заключение т. Вышинский останавливается на вопросах о кадрах. Он указывает, что никто не будет давать готовеньких прокуроров, потому что прежде всего их нет. Кадры нужно самим выращивать и прежде за счет наших групп содействия и затем за счет решительного выдвижения молодежи, работающей у нас на дорогах; кое-кого выдвинуть и передвинуть из центрального аппарата на места и, наоборот, с мест взять сюда в центральный аппарат. И, наконец, необходимо организовать серьезные курсы по переподготовке наших руководящих кадров на дорогах.

— Все это вместе взятое,—говорит т. Вышинский,—обеспечит нам успех в нашей работе и позволит заверить ЦК, что требование, которое к нам предъявляется, мы выполним во что бы то ни стало.

Тов. Герштейн (Октябрьская дорога) для характеристики руководства главной прокуратуры железнодорожного транспорта приводит пример с отчетом на производственном совещании главной прокуратуры железнодорожного транспорта о работе прокуратуры Октябрьской дороги, который он делал в июле 1936 г. Постановка этого доклада носила характер самого неприкрытого бюрократизма.

Во-первых, предварительно до постановки доклада никто его работы не проверял на месте, не вскрыл серьезных недочетов, которых он сам мог не заметить, и потому обсуждение его доклада вращалось вокруг тех вопросов, которые выдвинул сам т. Герштейн. Свой отчетный доклад т. Герштейн делал накануне отпуска и потому он не сразу приступил к реализации замечаний, которые получил в главной прокуратуре железнодорожного транспорта, когда на поставленный 20 октября 1936 г. перед т. Сегал срочнейший вопрос о привлечении к уголовной ответственности ряда лиц он не получил ответа до настоящего времени.

Тов. Овсянников (Одесская дорога) подвергает резкой критике выпущенный документ к IV кварталу 1936 г., несмотря на то что в это время состоялся уже процесс троцкистско-зиновьевской банды, что было уже много данных относительно положения на железнодорожном транспорте. В этом документе можно найти что угодно, только не мобилизацию прокуроров дороги на борьбу с диверсантами, классовыми врагами и т. п. В документе говорится о борьбе с нарушениями трудовой дисциплины в различных районах, в различных отраслях: о том, что прокуроры дороги обязаны перестроить свою работу и работу участковых прокуроров и следователей так, чтобы ежедневно быть в курсе основных показателей своей дороги, правил технической эксплуатации, что на прокуроров возлагается задача осуществления надзора за законностью работы в области железнодорожных школ, и ни одной политической директивы по важнейшим вопросам работы этот документ не содержит.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. СЕГАЛА

— Товарищи, в тех прениях, которые развернулись на нашем совещании, в основном была развернута правильная и деловая критика всех серьезных недостатков и крупных прорывов и пробелов в работе, которые имеются и в нашем центральном аппарате и в аппарате дорожных прокуратур, пробелов и недостатков, которые мы должны изжить во что бы то ни стало для того, чтобы быть способными выполнить те огромные задачи, которые поставлены перед нами решением ЦК нашей партии.

Я думаю, что на нашем совещании с особенной яркостью вскрылось, какое огромное значение для организации всей работы нашей сети имеет наш центральный аппарат. Нужно прямо сказать, что иной раз недооценивали значение центрального аппарата. У меня лично был иной раз такой подход к делу подбора работников, что важнее посадить хорошего работника на дорогу или на участок, чем в центральный аппарат. Этот недостаток правильно со всей остротой был вскрыт участниками совещания, ибо от работы центрального аппарата зависит боеспособность и работоспособность наших дорожных прокуратур, зависит правильное направление и проверка работы людей.

Каковы недостатки, вскрытые на нашем совещании? Во-первых, основной порок руководства со стороны центрального аппарата заключается в его бюрократизме, в формаль-

ном разрешении вопросов. Допустим, поступает к нам какой-нибудь материал. Очень часто бывало так, что если этот материал недостаточен, мы, вместо того чтобы заинтересоваться этим материалом, чтобы добиться исследования и дополнения его необходимыми данными, просто отставляем его в сторону, считая, что незачем с ним возиться. Так обстояло дело с материалом о начальнике службы пути Московско-Киевской дороги Штиггольда, в отношении которого т. Куклин ставил вопрос о привлечении к ответственности. Если бы я продемонстрировал материал, представленный Куклиным, то вы увидели бы, что для постановки вопроса о привлечении Штиггольда к ответственности этот материал недостаточен. Но мы должны были этот недостаток достаточно проработанный сигнал, поступивший от прокурора дороги, продумать и исследовать, а мы ограничились указанием т. Куклину, что по такому материалу ставить вопрос о привлечении к ответственности начальника службы пути мы не можем. Теперь оказывается, что на Московско-Киевской дороге орудовала вместе с Штиггольдом группа людей, которая разваливала дорогу, распыляла средства, основные участки оставляла неотреставрированными.

Нужно было выступить беспартийному начальнику дистанции т. Шабану и развернуть всю картину безобразной вредительской работы для того, чтобы эти сигналы были подхвачены наркомом, и для того, чтобы открылась необходимость привлечь к уголовной ответственности работников дороги во главе со Штиггольдом. Если бы мы не подходили бюрократически к сигналам т. Куклина, мы давно раскрыли бы это дело.

Просматривая целый ряд материалов, я установил, что часто, получая материал от прокурора дороги о том, что ведется следствие, наш аппарат пишет на материале: «К сведению», вместо того чтобы взять на активный контроль, чтобы ухватиться за ниточку, раскрыть все, что происходит на данном участке.

Второе, на что надо обратить внимание, — это текучка в нашем аппарате; мы тонем в огромной массе бумаг, и в результате у нас не остается времени для руководства, которое в значительной степени является случайным, распространяясь, главным образом, на отдельные факты и на отдельные конкретные дела без обобщения работы. То, что говорили товарищи, выступавшие в прениях по этому вопросу, является совершенно правильным. Возьмем работу в области борьбы с крушениями. Нельзя сказать, чтобы мы не давали указаний, но они носили, главным образом, характер текущей оперативной работы и говорили о необходимости установления таких-то и таких-то методов расследования (внешней организации расследования), о необходимости соблюдения таких-то сроков, проведения такой-то карательной политики и т. д. Давались указания на опыте отдельных прокуроров, отстающих в той или иной работе, были даны указания по части сигнализации прокурорам о тех делах, которые неправильно были расследованы и по которым не были вскрыты диверсии, но этого совершенно недостаточно для прокуроров. Мы упустили один из очень важных методов руководства — методическое руководство. Сейчас эту задачу мы должны

перед собой поставить и ее выполнить. Мы должны дать нашим дорожным прокурорам и следователям методическое руководство по расследованию отдельных наиболее серьезных видов крушений. Первый опыт в этом отношении нами уже сделан—это та инструкция, которую товарищи вместе с нами разбирали в комиссии. Это руководство по вопросу о том, как составлять первоначальный акт о крушении и т. д. Но этого недостаточно. Нам нужно широко развернуть методическое руководство по вопросу о расследовании различных видов крушений во всем объеме. Например, если мы имеем дело с проездом сигнала или с приемом на занятый путь, мы должны дать такие указания на основе богатейшего опыта, который у нас имеется: на какие моменты должно быть особо обращено внимание, чтобы дело было расследовано юридически грамотно, политически грамотно, технически грамотно и чтобы не уплыл ни один момент, за который можно вытащить контрреволюционную организацию или отдельных вредителей, которые устраивают крушения. Я бы не сказал, что это легко. Для того чтобы эту задачу выполнить, нам нужно прежде всего самим проработать громадное количество материалов, критически их осмыслить. Может быть, на первых порах будут ошибки в этом руководстве, может быть, это руководство будет не исчерпывающим. Но тогда будет критика с вашей стороны, и мы это дело в конце концов наладим.

Нам нужно освободиться от той громадной текучки, от всего этого завала мелкими вопросами, которые имеют место в нашем аппарате. Нам нужно реорганизовать систему нашей работы так, чтобы эта текучка не отвлекала нас от основных и важнейших вопросов.

Имеется в нашем аппарате очень серьезная волокита, которая заключается в том, что мы очень медленно и туго подчас реагируем на сигналы дорожных прокуроров, на протесты дорожных прокуроров. Иной раз они у нас залежываются месяцами, иной раз месяцами задерживается разрешение в НКПС вопроса о привлечении тех или иных лиц к ответственности. Тут, конечно, может быть, виноват и НКПС, но наша вина заключается в том, что, обладая всеми способами для того, чтобы добраться до заместителя наркома или до самого наркома и этой волоките положить предел, мы часто ограничиваемся тем, что посылаем в наркомат соответствующее сообщение, а потом не следим, как на это сообщение реагируют. Отсюда спрашиваемые жалобы наших товарищей на то, что им бывает очень трудно разрешить вопрос о привлечении к ответственности того или иного работника.

Для того, чтобы эти недостатки нам ликвидировать, для того, чтобы выполнить те задачи, которые перед нами стоят, мы должны работу нашего центрального аппарата перестроить. В значительной степени этот вопрос исчерпан выступлением т. Вышинского. Я думаю, что мы работу нашего центрального аппарата должны перестроить таким образом. Во-первых, мы его организуем иначе, чем он был организован до сих пор. Организация по территориальному делению, которая была до сих пор, которая на первый взгляд имеет преимущества в том смысле, что наблюдение за

дорогами юга, востока, центра дает нам возможность охватывать весь комплекс вопросов, связанных с прокурорской работой этих дорог,—организация эта, на первый взгляд очень хорошая, на практике оказывается неправильной системой. Неправильной потому, что тут нет никакой специализации, все занимается всем; каждый прокурор в нашем центральном аппарате занимается и судебным надзором, и следственным надзором, и общим надзором, а на деле нет ни того, ни другого, ни третьего, ни одним из этих надзоров прокурор не занимается как следует.

Нам нужно надлежаще организовать нашу судебную работу, а в судебной работе важнейшим являются дела о крушениях, дела по закону от 7 августа 1932 г., дела о ремонте паровозов, пути, дела, связанные с высшей мерой наказания, и дела о контрреволюционных преступлениях. Вот эти дела будут у нас стоять как главные в нашей кассационной работе, а остальные—в порядке последующего надзора.

Нам необходимо добиться такого положения, чтобы прокуроры дорог давали свои заключения по кассационным жалобам. Проведение в жизнь этого мероприятия облегчит работу центрального аппарата и сильно поможет прокурорам в работе по судебному надзору.

Наша железнодорожная прокуратура участвует в суде больше, чем другие прокуратуры, в 75% дел, проходящих через судебные инстанции, участвуют прокуроры, но кассационных протестов по железнодорожным делам очень мало, и это значит, что судебный надзор поставлен очень плохо.

Если мы заставим прокуроров заняться изучением кассационных жалоб, мы тем самым активизируем судебный надзор и увеличим процент кассационных протестов.

Судебный отдел главной прокуратуры железнодорожного транспорта должен будет заниматься не только кассационной и надзорной практикой, но и обобщением работы прокуроров в области судебного надзора.

Работа в распорядительных заседаниях, где решается вопрос о предании суду, поставлена плохо. Задача судебного отдела заключается в том, чтобы поднять качество и организовать по-настоящему работу прокуроров и в распорядительных заседаниях.

На следственный отдел должна быть возложена работа по руководству расследования крушений и не по такому руководству, какое осуществляет сейчас аварийная группа, т. е. не только получать сведения, а оперативно руководить работой. Если вчера произошло крушение, то сегодня мы должны уже знать, что же скрывается за этим крушением, какие люди, какие факты породили это крушение. Это тяжелая, трудная работа, но и самая боевая часть работы всего нашего аппарата.

Надзор за дисциплинарным уставом находится не на должной высоте, причем за последнее время этот надзор стал гораздо хуже осуществляться, чем раньше. Раньше прокурор интересовался состоянием дисциплины на участке, проверял дисциплинарные взыскания, ставил вопрос о выправлении. За последнее время, по нашей вине, наши прокуроры систематической работы по наблюдению за дисциплинарным уставом не ведут, в результате

получается, что мы занимаемся единственно жалобами и то занимаемся часто плохо, формально, бюрократически.

Надо работу по общему надзору поднять, ни в коем случае не отрывая ее от главной нашей задачи — борьбы с крушениями, ибо дисциплинарный устав создан для того, чтобы бороться с крушениями.

Особое внимание надо обратить на приказное творчество. В аппарате НКПС этот вопрос урегулирован, потому что, как только т. Каганович пришел в НКПС, он немедленно и в первую очередь поставил вопрос об упорядочении приказного творчества. На дорогах же приказное творчество идет еще неорганизованно, причем не проверяется, соответствует ли издаваемый приказ приказам НКПС, советским законам и т. д. Несмотря на все это, прокуроры дорог и участков не приносят протестов на неправильные приказы пачальников дорог.

Эта работа имеет большое политическое значение для организации борьбы с крушениями. У нас был целый ряд случаев, когда начальники дорог издавали приказы, противоречащие правилам технической эксплуатации, причем в этих приказах была вредительская рука, а прокуроры этим делом не занимались. Нам нужно перестроить работу в этом отношении.

Роль спецотделения вам понятна: оно должно вести наблюдение за НКВД и осуществлять надзор за расследованием дел, которые ведутся в аппарате НКВД.

Так в общих чертах намечается структура нашего аппарата, которая должна помочь устранить те крупные недостатки, о которых говорили на настоящем совещании, и помочь нам выполнить серьезнейшие задачи, поставленные перед нами пленумом Центрального комитета ВКП(б).

Борьба с браком в работе должна быть у нас теснейшим образом увязана со степенью аварийности дороги. Если на дороге много крушений, то тогда мы должны более жесткий наносить удар и по браку в работе, потому что брак в работе есть то, что порождает крушения. Если на дороге крушения уменьшаются или эта дорога менее аварийная, чем другие дороги, то мы там должны иначе поставить борьбу с браком в работе — путем профилактики и т. д.

Касаясь вопроса о сроках следствия, т. Сегал говорит, что быстрота и решительность должны быть положены в основу расследования всех дел о крушениях, чтобы каждый знал, что если он осмелится принять поезд на занятый путь или пройти закрытый семафор, то он через самое короткое время предстанет перед пролетарским судом.

— Когда мы приступаем, — говорит т. Сегал, — к расследованию конкретного дела, в

первоначальном составлении акта участвуют: прокуратура, НКВД, ревизор безопасности движения НКПС. Первое, к чему они должны приступить, это осмотр места крушения и производство необходимых измерений. Как только основные моменты зафиксированы, работа распределяется так, что следователь ведет следствие, органы НКВД должны немедленно употребить все усилия, чтобы расшифровать людей, ревизор по безопасности движения должен копаться в технике этого дела, должен достать технические распорядительные акты станции, историю крушений и аварий на станции. Это целая бригада, которая должна работать организованно и четко. При такой постановке работы вы на след диверсии в течение 2—3 суток, безусловно, натолкнетесь. Никто не требует того, чтобы вы сразу ее раскрыли, но признаки диверсии вы в течение 3 дней, безусловно, выявите, для того чтобы потом глубоко и тщательно расследовать дело. В противном случае надо быстро кончать дело, для того чтобы удар по аварийщикам и разгильдяям был громовым и сокрушительным, иначе мы не добьемся решения задач, о которых говорит пленум ЦК.

Наша прокурорская задача заключается в том, чтобы за каждым крушением, за каждой крупной аварией найти настоящего виновника. Будет трудно, но задача почетная и эту задачу мы должны выполнить во что бы то ни стало. Мы должны организовать работу так, чтобы как можно меньше делать этих ошибок. Мы договоримся с т. Постниковым, чтобы в НКПС была постоянно действующая техническая консультация.

Задача для нас ясна, перспектива ясна, и я думаю, товарищи, что выражаю единодушное мнение участников совещания, если скажу, что со всеми трудностями мы справимся и задачу, поставленную перед нами Центральным комитетом партии, с честью выполним и поможем нашему транспорту под руководством т. Л. М. Кагановича в 1937 г. добиться безаварийной работы.

Совещание прокуроров железнодорожного транспорта приняло проект инструкции о порядке установления причин крушений и аварий и первоначальном составлении актов, а также решения о штатах, об укомплектовании кадров, о систематической учебе работников прокуратуры железнодорожного транспорта, об участии районных прокуроров в первоначальном составлении актов о причинах крушений, о расследовании диверсий, о последственности дел о крушениях, о прокурорском надзоре по внутризаводскому транспорту, об осуществлении надзора за железнодорожными буфетами и об охране помещений железнодорожной прокуратуры.

Коренным образом улучшить работу с жалобами

В ночь на 10 апреля 1937 г. Прокуратурой Союза ССР было проведено совещание по радио с прокурорами некоторых союзных республик, областей и краев по вопросу о работе с жалобами в органах прокуратуры.

У микрофона, в студии радиосовещания, присутствовали руководящие работники Прокуратуры Союза ССР и Прокуратуры РСФСР.

Открывая радиосовещание, т. Вышинский сказал:

— Мы организовали совещание по чрезвычайно важному вопросу, по вопросу о том, как нам работать дальше с жалобами, как добиться перелома в этой работе, как обеспечить такое продвижение в наших органах всякого рода заявлений, содержащих в себе претензии или жалобы на то или другое нарушение интересов нашего государства и прав граждан, которое обеспечило бы максимальную быстроту и максимальный эффект рассмотрения этих заявлений и жалоб. До сих пор в этой области дело обстоит крайне неудовлетворительно. В местных органах прокуратуры, да и в центральных органах прокуратуры, сплошь и рядом к жалобам относятся самым безобразным образом: на жалобу смотрят как на что-то постороннее, чуждое работе прокуратуры, жалоба рассматривается часто как своеобразный принудительный ассортимент. Отсюда и соответствующее отношение к жалобе — ее стараются или не замечать, или спихнуть куда-нибудь в другое учреждение, лишь бы самим ею не заниматься. Между тем, требования нашей партии и правительства, нашедшие свое наиболее точное выражение в великой Сталинской Конституции, говорят о необходимости внимательного, чуткого, честного, сознательного отношения к жалобщику, к человеку, который обращается в прокуратуру со своей обидой, который рассчитывает и ждет от прокуратуры защиты и помощи.

Однако краевые и областные прокуроры, прокуроры союзных республик и автономных республик, районные прокуроры, стоящие ближе всего к массам населения, как будто бы до сих пор не понимают всего того значения, которое принадлежит этому участку работы, не понимают, что тысячи людей, обращающихся в органы прокуратуры за советом и помощью, за защитой против несправедливого и незаконного нарушения их прав, вправе ожидать внимательного и делового отношения к своим заявлениям.

Мы надеемся, что сегодняшнее совещание позволит нам, окинув взором нашу работу, отметить в ней недостатки и непорядки, подвергнув эту работу жестокой большевистской самокритике, поднять качество этой работы на достаточно высокую ступень и обеспечить этой работе те результаты, которые позволили бы нам, прокурорам советской страны, считать свою обязанность, свой долг перед родиной и многомиллионными массами рабочих и крестьян социалистического государства выполненными.

Нам нужно покончить с бюрократизмом, неведением, волокитой, нам нужно научиться в жалобе находить не только ответ на отдельные частные вопросы, которые трогают и вол-

ную отдельного человека, нам нужно научиться в этих жалобах находить и материал для того, чтобы общими усилиями исправлять недостатки нашего государственного механизма и тем самым усиливать и укреплять мощь пролетарского государства и социалистического правопорядка.

Сегодняшнее совещание должно еще раз напомнить нашим прокурорским работникам об их громадной ответственности перед родиной за охрану советского закона, за охрану интересов каждого трудящегося, каждого гражданина нашей страны.

Пусть это совещание поможет нам исправить наши недостатки, устранить их, поднять работу с жалобами на ту высоту, на которой она должна стоять, отвечая требованиям нашей эпохи, эпохи великой Сталинской Конституции.

Сегодня в переключке, имеющей задачей осветить положение этой прокурорской работы и выработать мероприятия по улучшению этой работы, мы пригласили принять участие 12 прокуратур союзных республик, областей и краев.

В процессе обсуждения вопросов, которые будут выдвинуты, мы постараемся наметить дальнейшие пути нашей работы и постараемся вскрыть недостатки и недочеты в нашей работе.

Затем слово получила прокуратура Свердловской области. Начальник следственного отдела областной прокуратуры т. Миролюбов сказал:

— Работа нашей прокуратуры по жалобам характеризуется за вторую половину 1936 г. следующими данными: за этот период к нам поступило 20 519 жалоб, причем жалобы эти по срокам прохождения распределяются следующим образом: разрешено до 10 дней — 581 жалоба, от 10 дней до 1 месяца — 680, свыше одного месяца 1143 жалобы.

В порядке самокритики мы должны признать, что значительный процент жалоб задерживается у нас свыше одного месяца, что, разумеется, является самым существенным недостатком в нашей работе.

Вышинский. Тов. Миролюбов, скажите, какие вы принимаете меры к тому, чтобы сроки рассмотрения жалоб свыше одного месяца сократить до пяти дней? Каковы причины такой медлительности?

Миролюбов. Причины этого ненормального явления сводятся к тому, что у нас не был укомплектован наш отдел жалоб. Наша задача сейчас заключается в том, чтобы этот отдел привести в надлежащее состояние. Полагаю, что нам эту задачу выполнить удастся в самое ближайшее время. Во всяком случае, областной прокурор, недавно вернувшийся из Москвы, т. Лейман...

Вышинский. Лейман занимается жалобами?

Миролюбов. Он стремится...

Вышинский. Он занимается жалобами или вы занимаетесь? Кто у вас начальник отдела жалоб?

Миролюбов. Ремизов.

Вышинский. Кто руководит, вы, или Лейман, или его заместитель Болдырев? Сколько жалоб проходит через Леймана или Болдырева?

Миролюбов. В среднем 15—20 жалоб.

Вышинский. Тов. Миролюбов, факты говорят, что, несмотря на ваши, как вы говорите, мероприятия, у вас с жалобами отчаянная волокита. Для примера приведу следующий факт: 15 декабря 1936 г. было вам направлено заявление Смирнова с предложением проверить и вернуть это заявление обратно. До сих пор от вас ничего нет, ни ответа, ни привет, несмотря на несколько напоминаний. Последнее напоминание было послано 17 марта. Прошу завтра же проверить и сообщить результаты рассмотрения жалобы Смирнова А. И.

5 октября 1936 г. в «Уральском рабочем» была статья «Своевременно отвечать на письма трудящихся». Райпрокурор Фомин прислал объяснения в прокуратуру по этому поводу. Очень обижен. Объяснения эти по существу никуда не годятся. Мы запросили по поводу Фомина облпрокурора. Это было 28 февраля, но до сих пор мы от вас ответа не имеем. По этому поводу также дайте мне объяснения.

Миролюбов. Завтра будет исполнено.

Вышинский. Передайте т. Лейману, что мы считаем положение с жалобами у вас неудовлетворительным и предлагаем по-настоящему перестроить эту работу. Примерно через месяц мы произведем ревизию и сделаем соответствующие выводы.

ЧУВАШСКАЯ ССР (прокурор республики т. Елифанов)

За вторую половину 1936 г. рассмотрено 16 798 жалоб, а за три месяца 1937 г. — 6635 жалоб, до 40% поступающих жалоб направляли в различные учреждения. Сроки рассмотрения жалоб: до 10 дней — 71%, свыше одного месяца 3,2%. Характер жалоб: нарушение устава с.-х. артели 150, трудовые 498, алиментные 595, красноармейские 112.

Вышинский. Как у вас организовано рассмотрение жалоб красноармейцев?

Елифанов. Они у нас на особом учете, берем их под особый контроль, следим за ними.

Вышинский. Сами следите?

Елифанов. К сожалению, сам этого не делаю полностью.

Вышинский. А как рассматриваются письменные жалобы у вас в аппарате?

Елифанов. Рассматривает отдел жалоб.

Вышинский. А вам докладывают результаты рассмотрения жалоб?

Елифанов. Обязательно.

Вышинский. По каждой жалобе?

Елифанов. Если я не успеваю, то заместитель Крелин это делает.

Вышинский. Значит за каждую волокиту с вас взыскивать надо?

Елифанов. Да, это я так понимаю. У нас много волокиты с делами, истребованными в порядке надзора. Я хочу сказать относительно районов. В 1936 г. в Янском районе из 652 жалоб удовлетворенными оказались только 13 жалоб, 241 жалобу рассмотрели по существу, остальные спихнули.

Вышинский. А у вас сколько «спихивают»?

Елифанов. В среднем 26%.

Вышинский. Это правильно или неправильно?

Елифанов. Мы требуем от каждого районного прокурора по основным жалобам, о бе-

зобрациях в колхозах или сельсоветах, чтобы они обязательно выезжали на место, большинство выполняет, но не все. Это основная задача, поставленная перед нами.

Вышинский. Как у вас в Ядринском районе? Улучшилось положение?

Елифанов. Сейчас, к сожалению, нет. Из рассмотренных 90 жалоб 58 отклонены.

Вышинский. Почему отклоняете, правильно ли?

Елифанов. К сожалению, отклонения неосновательны.

Вышинский. Красно-Читаевский район?

Елифанов. Этот район самый неважный.

Вышинский. А Канаевский район?

Елифанов. Завтра я туда выезжаю и тогда полностью специальным письмом доложу о состоянии района.

Вышинский. Вы, конечно, помните заметку в «Красной Чувашии» о грубом нарушении постановления о порядке рассмотрения жалоб и постановления III пленума КСК. Я прошу на это дело обратить серьезное внимание. Под этим углом зрения вы должны будете в течение апреля и начала мая проверить работу всех своих районов или работу наиболее отстающих районов и примерно 25 мая — 1 июня представить мне краткую справку о том, какое положение вещей в этом районе и какие меры вы реально приняли для того, чтобы работа с жалобами была поставлена правильно.

Елифанов. Я 25 районов не берусь обследовать, но районов 12—13 обследую.

Вышинский. Остальные обследуете в следующие месяцы. Добейтесь, чтобы у вас так же хорошо работали с жалобами, как хорошо работали с дорогами.

Елифанов. Примем все меры, весь коллектив здесь. Я хотел еще доложить, что у нас в рике и райзо 77 жалоб совершенно утеряно. 29 марта мы возбудили против виновных уголовное преследование, привлекаем к ответственности.

Вышинский. Нужно не только привлекать к ответственности, но и действовать воспитательными мерами, а главное—нужно в отношении самих себя принять меры, чтобы быть активным и постоянно действующим контролем и руководящим органом.

ЗАПАДНОСИБИРСКИЙ КРАЙ (крайпрокурор т. Барков)

После постановления КСК у нас все время работает в отделе жалоб 3 человека. На каждого работника приходится по 500—600 жалоб. За 1936 г. и I квартал 1937 г. мы обследовали 15 районов и горпрокуроров с точки зрения их работы с жалобами. Кроме этого, как правило, обследуемые нами райпрокуроры вызывались на оперативные совещания с докладами об их работе с жалобами. В марте 1936 г. на оперативных совещаниях мы заслушали 13 райпрокуроров о работе с жалобами, а в первом квартале 1937 г. мы заслушали 18 райпрокуроров и горпрокуроров.

За волокиту по жалобам и другие преступления был снят с работы и предан суду райпрокурор Иванов. За бюрократическое отношение к жалобам был снят с работы райпрокурор Ефремов, райпрокурорам Вихрову и Меньшикову объявлены строгие выговоры с предупреждением за волокиту по жалобам.

Руководство отделом жалоб возложено на моего первого заместителя т. Позднякова. Я принимаю по преимуществу людей, которых не удовлетворяет мой старший помощник — начальник отдела жалоб и мой заместитель т. Поздняков.

Вышинский. Мы вам послали список жалоб, по которым мы не имеем ответа.

Барков. Я получил этот список, я еще раз проверил. Я ответил. Имеются много случаев и со стороны Прокуратуры Союза и со стороны Прокуратуры республики, когда мы отвечаем по 3—4 раза.

Вышинский. Вы сообщите несколько таких случаев, чтобы я у себя тоже мог навести порядок.

Барков. Я хотел бы поставить следующий вопрос. Мы недавно проводили совещание. После объединенного совещания прокуратуры и суда по гражданским делам мы обратили внимание, что судебные исполнители стараются освободиться от алиментных дел. Утверждаю, что суды безответственно относятся к жалобщикам по алиментным делам. Я поставил в краевом исполкоме вопрос о недостатках в работе с жалобами.

Вышинский. Тов. Барков, у вас имеется не мало случаев крайней волокиты и недисциплинированности прокуроров. Поэтому мы должны проводить систематическую проверку того, как прокуроры обращаются с жалобами. Я вам рекомендую организовать кустовые совещания специально по жалобам. Тот громадный поток жалоб, который значительно увеличился по сравнению с тем, что мы имели месяца два назад, свидетельствует о том, что население имеет, к сожалению, на что жаловаться и что на прокуратуру смотрят как на учреждение, которое может помочь в таких случаях.

Барков. Прокуратура Союза и Прокуратура РСФСР часто не учитывают наших географических условий. Нам дают такие сроки расследования (10 дней), в которые мы уложиться не можем.

Вышинский. Беда в том, что вы не выполняете наших поручений и в месячный срок. Однако ваши предложения я учту.

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ (заместитель прокурора т. Любошевский)

— Я хочу сказать о положительных моментах.

Вышинский. Лучше об отрицательных. Какие меры принимаете, чтобы покончить с волокитой и безответственностью в прямом смысле слова, т. е. с оставлением жалоб без ответа?

Любошевский. У нас таких случаев сравнительно немного. По срокам, в областном масштабе, свыше 20 дней рассматривается 15—17 жалоб, если же взять отдельно областной аппарат, то здесь положение хуже, примерно до 40% жалоб разрешается с нарушением законных сроков, т. е. больше одного месяца.

Вышинский. А больше трех месяцев?

Любошевский. У меня учета таких случаев нет.

Вышинский. Почему вы так скромны в этом отношении?

Любошевский. Я подсчитал количество жалоб, задерживающихся свыше месяца, и цифра в 40% сама по себе является угрожающей.

Вышинский. До одного месяца сколько у вас процентов?

Любошевский. В областном аппарате до одного месяца рассматривается до 60% жалоб, причем эту цифру могу подразделить на дни: до 7 дней 25%, от 7 до 15—21%, от 16 до 20—5% и от 21 до 30—7%. За исключительную волокиту и бюрократическое отношение к делу мы кое-кого привлекли к ответственности: один райпрокурор переведен на должность следователя за бездушное отношение к жалобам. Это прокурор Карпенко.

Вышинский. А вы думаете, что следователем может быть человек, который бездушно относится к жалобам?

Любошевский. Нет, это для него является наказанием, которое может послужить к его исправлению.

Вышинский. Нельзя смотреть на работу следователя как на понижение, как на наказание. Это неправильно. Работа следователя не есть меньшая по своему значению работа, чем работа прокурора. Поэтому наказывать понижением прокурора по должности следователя это значит подрывать авторитет следователя, а нам нужно бороться за повышение авторитета следователя.

Любошевский. Может быть, мы ошиблись, но нам казалось, что этим путем можно содействовать его исправлению. Это было еще в последнем квартале 1936 года.

Вышинский. Я не думаю, чтобы у вас за два квартала изменилась точка зрения, в будущем обеспечьте руководство так, чтобы не назначали следователем в наказание.

Любошевский. Хорошо, я учту ваше указание. У нас большой остаток, около 2000 нерассмотренных жалоб на каждое первое число каждого месяца.

Вышинский. Какой остаток жалоб в областном аппарате?

Любошевский. В среднем у нас проходит около 600 жалоб. Остаток на сегодняшний день в областном аппарате 370 жалоб. Причем, я должен отметить, что в числе жалоб самое большое место занимают жалобы на волокиту в разных организациях, затем идут жалобы по алиментным делам, трудовым делам, большое количество жалоб поступает по вопросам налоговым, многие из этих жалоб даже рассмотрению не подлежат. Это свидетельствует о том, что у нас недостаточно воспитаны люди в отношении порядка подачи жалоб и что порядок передачи жалоб недостаточно хорошо усвоен.

Вышинский. О порядке подачи жалоб нужно меньше думать потому, что это зависит не от нас — население подает и нам это регулировать трудно, а порядок рассмотрения зависит от нас целиком. У нас есть заявление гр-ки Артеменковой Федосии об убийстве ее сына. Она жалуется, что виновные в этом убийстве до сих пор к ответственности не привлечены. Это заявление было направлено вам 20 января, 2 марта сделано напоминание, 11 марта мы получили ответ, что это дело прокуратура только что истребовала для проверки. Возникает вопрос, почему вы не могли это сделать за прошедшие почти два месяца? Вам незнакомо это дело?

Любошевский. Не помню такого дела.

Вышинский. Запишите. Заведите на будущее время такой порядок, чтобы из жалоб

выделялись наиболее яркие, наиболее важные или по характеру своему, или по обстоятельствам, требующим особого внимания, и берите эти жалобы под свой личный контроль, прокурора области или его заместителя. Это вы делаете или нет?

Любошевский. Это у нас делается.

Вышинский. Скажите, сколько за вчерашний день вами взято на контроль таких жалоб?

Любошевский. Я взял не больше трех жалоб.

Вышинский. Назовите их.

Любошевский. Я не помню.

Вышинский. Значит, вы их не взяли на контроль.

Любошевский. Я не подготовлен для этого ответа.

Вышинский. Для этого не надо готовиться. Если я сегодня из своей почты взял две жалобы на контроль, то я должен помнить содержание этих жалоб и вы должны помнить, а если вы не помните, то никакой жалобы вы на свой личный контроль не взяли.

Любошевский. К сожалению, я не помню...

БАШКИРИЯ (исполняющий обязанности прокурора республики т. Лизунов)

У нас отдел жалоб объединен с отделом общего надзора. У нас за 1936 г. поступило 23 919 жалоб. Из них рассмотрено до 10 дней — 17 370 (73%), от 10 до 30 дней — 4643 (10,9%) и свыше одного месяца — 7,5%. Удовлетворено из рассмотренных жалоб 77%, отклонено 33%. Волокита с жалобами, медленное рассмотрение этих жалоб — самое больное место, которое следует отметить в работе нашей прокуратуры. И второе. Прокурор республики Хазов не всегда принимает аккуратно жалобщиков. Часто бывают перебои. В то время когда нужно принимать жалобщиков, его вызывают или на заседание Совнаркома, или в ЦИК.

Вышинский. Значит, Совнарком виноват? Разве нет постоянных дней и часов приема?

Лизунов. Дни и часы установлены, но, к сожалению, бывают частые вызовы, что не может не отразиться на работе. Затем плохо обстоит дело с жалобами на местах. В основном это объясняется тем, что у нас в центральном аппарате прокуратуры значительный недокомплект работников. В 1936 г. мы проверили всего 15 райпрокуроров по жалобам. Следует признать, что это недостаточно, и наша задача заключается в том, чтобы в 1937 г. значительно усилить эту работу непосредственными выездами на места. Мы недостаточно внимания уделяем отделу жалоб на местах. Мы выяснили, что некоторые начальники отделов не принимают жалоб. Председатель рика в течение трех месяцев не принял ни одного человека.

В связи с выездом по посевной кампании я проверял движение жалоб у прокуроров района; следует заметить, что у них дело обстоит неблагоприятно. Особенно возмутительная волокита была с жалобой Беякова. Следует отметить, что райпрокурор не выполнил предложения в части ответов. В этом отношении мы принимаем различные меры. Мы ставим перед собой задачу, главным образом, воспитательного воздействия на прокуроров. В край-

них случаях прибегаем к дисциплинарному взысканию. В 1937 г. мы провели оперативное совещание со всеми райпрокурорами нашей республики по вопросу общего надзора и, главным образом, по жалобам. Таким образом в 1937 г. побывали у нас все райпрокуроры, причем вопрос о жалобах был поставлен довольно крепко.

Провели мы всего 16 обследований, причем во всех случаях мы непременно на местах устраивали оперативные совещания.

С техническим аппаратом плохо и в республиканской прокуратуре и особенно плохо на периферии. Это в значительной степени ослабляет работу с жалобами, потому что жалоба оперативно выполняется, а технически обрабатывается плохо.

Вышинский. Вам надо было бы провести курсы технических секретарей.

Лизунов. Мы предусмотрели в плане и хотим это провести, но этот вопрос упирается в денежные средства. Мы писали т. Нюриной, чтобы она нам отпустила 6000 руб. И представьте себе, денег не дали и даже не изволили ответить.

Вышинский. Тов. Лизунов, прошу вас обратить внимание на необходимость систематического контроля за жалобами. Факты, которыми мы располагаем, показывают, что как раз по наиболее простым заявлениям и жалобам ответов нет. Например, жалоба Тусова у вас волокитится с декабря 1936 г., человека не принимают на работу, почему, — неизвестно. Конституция провозглашает право на труд. Это право на труд у нас реально, а прокуратура не помогает в борьбе с бюрократами, которые извращают этот высокий принцип. Жалоба Синюшкина, жалоба Титова на прокурора Янаульского района. У вас эта жалоба волокитится с 8 декабря. 13 марта мы послали вам специальный запрос. Вы не ответили.

Лизунов. Завтра же дам ответ.

АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (прокурор республики т. Скудра)

У нас за вторую половину 1936 г. было рассмотрено 6431 жалоба, удовлетворено 3200 — 45%, отклонено 1200 — 18%, отправлено в другие организации 2015 — 35%; нерассмотренных 425 жалоб.

Сроки рассмотрения: до 10 дней — 37,6%, в один месяц — 18%, свыше одного месяца — 17%. Надо отметить, что в первом квартале 1937 г. по сравнению с последним кварталом 1936 г. количество жалоб значительно увеличилось. По центральному аппарату в последнем квартале 1936 г. поступило 600 жалоб, а в первом квартале 1937 г. — 802 жалобы.

Вышинский. Как организовано рассмотрение жалоб?

Скудра. Все жалобы, как правило, поступают непосредственно в отделы и каждый заведующий отделом рассматривает жалобу и решает, принять ли ее к своему производству, направить ли прокурору или передать другой организации. У нас специального отдела жалоб нет, потому что прокуратура небольшая. Контроль исполнения организован в каждом отделе, кроме того, в общей канцелярии имеется специальный секретарь, ведущий учет жалоб.

Вышинский. Все-таки было бы целесообразнее, если бы вы поручили кому-нибудь, работающему под вашим руководством, контроль исполнения за тем, как идут жалобы и как они перерабатываются.

Скудра. Я и мой заместитель занимаемся проверкой наиболее важных жалоб.

Вышинский. Объединенного контрольного центра у вас нет?

Скудра. Единого центра нет.

Вышинский. Сколько у вас помощников?

Скудра. Одиннадцать.

Вышинский. Я предлагаю вам на одного из помощников возложить контроль за движением жалоб и сообщить мне его фамилию. Пусть он проверяет, заботится о движении жалоб, докладывает вам о не порядках в работе с жалобами.

Скудра. До сих пор у нас эти функции исполнял секретарь прокуратуры.

Вышинский. Жалобы слишком ответственное дело для того, чтобы поручать их техническому работнику. Этим должен заниматься или ваш заместитель, или один из старших помощников. Продолжайте.

Скудра. В облпрофсовете в отделе пенсий мы имеем безобразные случаи волокиты: дела о пенсиях не разрешаются по 6—7 месяцев, дела теряются. Мы возбудили уголовное преследование против виновных.

Вышинский. Когда возбудили уголовное преследование?

Скудра. Месяц назад.

Вышинский. Когда дело будет в суде?

Скудра. Дело будет в суде дней через 10—15.

Вышинский. Почему такая волокита?

Скудра. В облпрофсовете в течение 1936 г. сменилось несколько заведующих; когда стали искать виновников, то не найдешь волокитчиков, но мы принимаем все меры к тому, чтобы виновных найти.

Вышинский. Следствие закончено?

Скудра. Следствие не закончено.

Вышинский. Когда закончите?

Скудра. Дней через 10—15.

Вышинский. Через 10—15 дней уже нужно, чтобы было решение суда.

Скудра. Хорошо, я обещаю принять все меры к тому, чтобы выполнить ваше предложение.

Вышинский. Буду ждать через 15 дней результаты.

Скудра. У нас слаба дисциплина как в центральном аппарате, так и на местах. Два ваших запроса остались без ответа по вине нашего аппарата.

Вышинский. Постарайтесь эти промахи исправить, дела у вас в прокуратуре не плохи, а с жалобами хуже, чем на других участках.

Скудра. Это правильно, я обещаю принять меры. Примерно до октября я жалобников лично не принимал, а когда стал принимать, то вскрыл ряд исключительно нехороших дел.

Вышинский. Нужно усилить прием.

Скудра. Я стараюсь сам лично принимать жалобников побольше, я слышал ваши указания другим о непосредственном приеме жалобников.

АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКИЙ КРАЙ (исполняющий обязанности крайпрокурора т. Зайцев)

Я хочу сообщить о том, какая работа была проделана во исполнение вашей директивы от 3 июня и решений КСК от 26 мая. Организационная работа была проведена немалая. Например, во второй половине 1936 г. и в этом году в краевую прокуратуру вызывались 71 районный и городской прокурор специально по жалобам. Кроме того, что давались указания всем прокурорам, на 39 райпрокуроров и следователей наложены взыскания.

Вышинский. А результаты проверили?

Зайцев. С июня по 8 апреля специально по жалобам проведено 11 оперативных совещаний. Проведено обследование специально по жалобам 38 районов тоже за этот же срок (во второй половине 1936 г. и начале 1937 г.), с 7 июня 1936 г. по вчерашний день проведено также 18 оперативных совещаний, на которых заслушаны сообщения 43 районов. Но все же дело у нас обстоит плохо. Жалоб поступает в прокуратуру очень много. Если в 1935 г. поступило 53 903 жалобы, то в 1936 г. поступило уже 82 179 жалоб. Примерно процентов на 34—35 увеличилось по районам.

Вышинский. А за три месяца 1937 г.?

Зайцев. За два месяца есть сведения. По районам поступило 10 244 жалобы, а всего по краевому аппарату получено 15 475 жалоб. Очень большое количество жалоб было за два месяца 1936 г. — 22 869. Какие категории жалоб дают такое громадное увеличение. Жалуются главным образом лица, уже осужденные судами.

Вышинский. Следовательно, у вас громадное количество жалоб на судебные приговоры?

Зайцев. Не только на судебные приговоры, но и на неправильные действия.

Вышинский. Скажите, как у вас со сроками движения жалоб?

Зайцев. В 1936 г. по районам в сроки до 10 дней рассмотрено было 36 292 жалобы, т. е. 45%, от 10 дней до 1 месяца — 19%, свыше одного месяца — 9%. Это по районам, а по краевому аппарату до 10 дней было рассмотрено 1282 жалобы (23%).

Вышинский. Выходит так, что в районе у вас до 10 дней рассматривается большее количество жалоб, чем в аппарате?

Зайцев. Да.

Вышинский. Я должен вам посоветовать поменьше устраивать совещаний, нужно живое руководство, контроль, что даст немало пользы для правильной организации работы. Вы должны поставить своей очередной задачей: первое — это правильное разрешение жалоб по существу; второе — добиться быстрого рассмотрения жалоб, чтобы ни одна жалоба не оставалась нерассмотренной на следующий день; третье — контроль, добиться, чтобы обязательно сообщали о рассмотрении жалоб своевременно.

ИСПОЛНЯЮЩАЯ ОБЯЗАННОСТИ ПРОКУРОРА РСФСР т. НЮРИНА

Целый ряд товарищей говорит, что у них имеются большие достижения. Мы, однако, в Прокуратуре республики имеем факты обратного порядка. Нам пришлось вызывать т. Лей-

мана, прокурора Свердловской области, с 60 заволокиченными жалобами, затянувшимися на два и больше месяца. Выяснилось, что в большинстве случаев эти жалобы легко было разрешить. Самая дисциплинированная прокуратура — это прокуратура Западносибирского края, но и там имеется ряд жалоб, по которым посылаем бесконечное количество писем, телеграмм, напоминаний. Мне кажется, что самое важное, чего не сказали товарищи с мест, заключается в чисто формальном их подходе к рассмотрению жалоб. Считается, что конец рассмотрению жалоб наступает с момента затребования дела, но жалобщику не легко от того, что его затребованное дело лежит потом подолгу в разных отделах. Жалобщик ходит, обращается к ним, к нам, бывает в Прокуратуре Союза, мы пересылаем жалобы к вам, начинается переписка. Я получаю гораздо больше телеграмм и запросов по жалобам, чем по каким-либо другим вопросам. Товарищи отвечают, что жалоба разрешена, а на самом деле только затребовано дело или послано прокурору.

Жалоба может считаться разрешенной только тогда, когда по ней достигнуто разрешение вопроса по существу. Имеются случаи, когда жалоба идет из КСК или КПК и она стоит на контроле до того момента, пока не пересылается в другую прокуратуру, а там уже теряется всякий след.

Некоторых прокуроров мы вызывали сюда, у нас есть очередность вызовов. За март вызвали пять областных прокуроров. Товарищи приезжают со всем количеством залежей, мы тут же на месте их рассматриваем и принимаем те или другие меры. Надо установить такой порядок, чтобы покончить с этой работой на холостом ходу. У нас огромный отдел жалоб, масса народу сидит, минимум 50% работы на холостом ходу.

Мы нередко получаем нелепые ответы, из которых видно, что жалоба не прочитана и не проработана. Мы должны добиться, чтобы тот, кто должен жалобу разрешить, разрешал ее до конца, должны добиться контроля за жалобами.

ОРДЖОНИКИДЗЕНСКИЙ КРАЙ (крайпрокурор т. Гарин)

Первое, на что, с моей точки зрения, стоит обратить внимание, это на увеличивающийся рост поступления жалоб в райпрокуратуры. Если в 1935 г. в крайпрокуратуру поступило 8788 жалоб, то в 1936 г. поступило 11 718 жалоб. Такой же рост мы имеем по райпрокуратурам. В первом квартале 1937 г. поступило 4097 жалоб. Таким образом первый квартал 1937 г. показал дальнейший рост увеличения количества поступающих жалоб в крайпрокуратуру. В органы прокуратуры в 1935 г. поступило 24 427 жалоб, в 1936 г. 30 787 жалоб. Мы можем прийти к выводу, что сравнительные данные свидетельствуют о неуклонном росте поступающих жалоб в органы прокуратуры. С нашей точки зрения, рост числа жалоб в Орджоникидзенском крае (особенно во второй половине 1936 г.) является результатом огромного политического роста народов нашего края и, кроме этого, более повышенных требований к государственному аппарату, большей заботы трудящихся об охране социалисти-

ческой собственности и защите своих законных прав и интересов.

Вышинский. Эти общие ваши соображения совершенно справедливы, но интересно, как у вас со сроками движения жалоб?

Гарин. Со сроком движения жалоб у нас дело обстоит таким образом: в 1936 г. рассмотрено до 10 дней 44%, до одного месяца — 40%, свыше одного месяца — 16%. Следует обратить внимание на характер самих жалоб. Если за вторую половину 1935 г. жалоб о расхищении социалистической собственности поступило 664, то во второй половине 1936 г. — 309 жалоб. Во второй половине 1935 г. жалоб на нарушения при проведении хозяйоткаманий — 1306, во второй половине 1936 г. — 306. Зато по алиментным делам во второй половине 1935 г. — 1303, во второй половине 1936 г. — 2062 жалобы. Значительное снижение жалоб мы имеем по уголовным делам: во второй половине 1935 г. — 3461 жалоба, во второй половине 1936 г. — 2216 жалоб.

Жалобы по алиментным делам увеличились на 58%.

Вышинский. Ведется ли у вас книга записей приема?

Гарин. У меня лично нет, она ведется в отделе жалоб.

Вышинский. Вы записываете, кто к вам пришел, его адрес, фамилию, имя, отчество, содержание жалобы, вашу резолюцию и составляйте график для контроля, а затем ваша канцелярия на следующий день должна брать это дело на контроль и следить за исполнением. Периодически заглядывайте в свою книгу приема, проверяйте ту или иную жалобу или тот или другой вопрос, который требует вашего особого внимания.

У вас существует книга жалоб в прокуратуре?

Гарин. Такой книги жалоб нет, но думаю, что книгу жалоб в прокуратуре не следует иметь.

Вышинский. Я держусь другой точки зрения: что не должно быть жалоб в прокуратуре, но для того, чтобы не было жалоб, должна быть книга жалоб, чтобы можно было бороться с недостатками, имеющимися в прокуратуре. У нас в Прокуратуре СССР вывешены плакаты о том, что о всех замеченных нарушениях и неправильных действиях работников прокуратуры можно заносить в жалобную книгу, хранящуюся у дежурного команданта. Книга жалоб выдается безоговорочно по первому требованию. Я обязательно каждый день получаю эту книгу жалоб и просматриваю ее, делаю отметки и контролирую, каковы порядки в Прокуратуре Союза.

Вышинский. Скажите еще, сколько жалоб поступает каждый день?

Гарин. 4097 жалоб за три месяца, в среднем 57 жалоб в день.

Вышинский. Неужели 57 жалоб в день 3 человека не могут рассмотреть как следует?

Гарин. Нужно иметь в виду, что они не только рассматривают жалобы, но и принимают жалобщиков. На рассмотрение жалоб уходит гораздо меньше времени, чем на беседу с людьми. Я наблюдал, как работают мои товарищи в отделе жалоб. Конечно, они работают несовершенно. Я смотрел, как они разговаривают с людьми; в среднем на разговор с человеком уходит 12—15 минут, не менее 30

человек в день проходит, нужно не меньше 4 часов.

Вышинский. Я хочу с вами договориться о том, что вы примете меры к тому, чтобы, скажем, с 15 апреля в отделе жалоб ни одной нерассмотренной жалобы на следующий день не было.

Гарин. Этого можно добиться, и мы добьемся.

Вышинский. Можно внести в протокол: принять к сведению заявление т. Гарина, что с 25 числа он обеспечивает рассмотрение жалоб с тем, что ни одна жалоба на следующий день переходить не будет?

Гарин. Можно, согласен.

ОДЕССКАЯ ОБЛАСТЬ (исполняющий обязанности прокурора т. Макаренко)

В 1936 г. прошло 57 000 с лишним жалоб, в первом квартале 1937 г. — 13 000 жалоб. Устных жалоб мы не учитываем. Только в последнее время установлен порядок, по которому будем учитывать и устных жалобщиков. Сроки рассмотрения за 1936 г.: до 10 дней — 8%, до 30 дней — 29%, больше одного месяца — 12,9%. Примерно такое же положение остается и в первом квартале 1937 г. Отдел жалоб состоит из двух работников. Мне установлено в отделе жалоб 3 человека. Я думаю, что на первое число отдел жалоб будет полностью укомплектован. Характер жалоб: первое место занимают жилищные жалобы, они нас буквально засыпают, потом алиментные, возвращение хозяйств и усадеб. Это — основной контингент. Что мы делаем, чтобы проявить оперативность при рассмотрении жалобы? 1) практикуем посылку на места представителей областной прокуратуры; 2) связь по телефону с районными прокурорами, посылаем телеграммы, вызываем в Одессу и 3) командидуем ответственных представителей на места по линии ведомств. В последнее время было заслушано несколько докладов ответственных товарищей области для того, чтобы поднять ответственность по линии ведомств. Мы передали дело в суд о работниках облпрофсовета, виновных в волоките.

В нашем аппарате безобразно обстоит дело с Кировской прокуратурой. Я понимаю, что жалоба нуждается во внимательном рассмотрении со всех сторон, но дело в том, что нужно поднять ответственность ведомств к рассмотрению жалоб. Скажем, вопрос неправильного увольнения; здесь мы не имеем точных указаний о разграничении наших обязанностей по отношению к ведомственным отделам жалоб.

Вышинский. У нас было постановление всесоюзного совещания при т. Акулове о пределах полномочий районных прокуроров по рассмотрению жалоб. Я посоветую обратиться к этим материалам, там вы найдете интересный вас ответ.

МОЛДАВСКАЯ АССР (пом. прокурора Молдавской республики т. Колодин)

У нас бюро жалоб не организовано. Жалобы принимает непосредственно прокурор республики или же его заместитель. Все жалобы, которые поступают в центральный аппарат прокуратуры и направляются орготделом, бе-

гутся на особый контроль. Карточки заполняются в двух экземплярах, одна остается в контрольном отделе, вторая заполненная карточка передается на исполнение одному из помощников прокурора.

В 1936 г. поступило в центральный аппарат прокуратуры 1267 жалоб; из них 377 удовлетворено, отказано по 580 жалобам, направлено другим организациям 310 жалоб. По областным и районным прокуратурам поступило 8969 жалоб, удовлетворено 3176, отказано по 5547 жалобам и направлено другим организациям 246 жалоб. Характер жалоб: алиментные дела — 2150, нарушение сельхозустава — 2700, красноармейские — 88. В первом квартале 1937 г. поступило в центральный аппарат всего 575 жалоб, по районам 2768. По сравнению с 1936 г. мы имеем в первом квартале увеличение поступления жалоб на 27%. Прохождение жалоб: за 1937 г. до 10 дней рассмотрено 79%, свыше 10 дней 10%, до одного месяца 17%, свыше одного месяца 13%. Жалобы, которые рассматриваются до одного и свыше одного месяца, относятся исключительно к алиментным делам. Это объясняется тем, что многие жалобы, в особенности о взыскании на содержание детей, связаны с розыском в других областях и с необходимостью переписки.

Прокуратура занималась проверкой прохождения и рассмотрения жалоб районными прокурорами, а также государственными учреждениями. Например, нами были проверены в Котовском районе сроки прохождения жалоб и правильность их разрешения.

Вышинский. Мы считаем, что в Молдавской прокуратуре в постановке учета и контроля дело обстоит лучше, чем в целом ряде других прокуратур. Дела по жалобам у вас ведутся, как правило, довольно прилично и в силу этого специальных замечаний у меня к вам нет. Нужно пожелать, чтобы Молдавская прокуратура проявляла большую настойчивость в доведении до конца борьбы с разного рода беззакониями, раскрываемыми в результате проверки прохождения жалоб. Вы должны иметь в виду, что возбуждение уголовного преследования и недоведение его до конца действуют отрицательным образом на самих работников прокуратуры. Или не привлекайте к ответственности или, если привлекаете, то доводите дело до конца. Если не умеете сами справиться, обращайтесь в Украинскую прокуратуру или в Прокуратуру Союза. На полдороге в борьбе не нужно останавливаться.

ССР ГРУЗИИ (зам. прокурора ССР Грузии т. Меликадзе)

Поступающие к нам жалобы мы распределяем по отделам. С исполнением у нас неблагополучно. Мы к организации контроля приступили немного поздно. Контроль у нас налажен неважно, потому что карточки завели недавно. Бываем на предприятиях, но очень мало.

Вышинский. Скажите, какое количество жалоб приходится на одного работника?

Меликадзе. У нас все жалобы разрешает один человек — начальник отдела жалоб. Дела в порядке надзора мы поручаем отделу общего надзора, так как в отделе жалоб прокурора нет. Начальником отдела жалоб состоит старший помощник прокурора республики,

он сам рассматривает жалобы и ему одному очень трудно.

Вышинский. Надо дать ему помощника.

Меликадзе. Дадим помощника обязательно.

Вышинский. Волокита большая?

Меликадзе. У нас волокита имеется. Мы приняли кое-какие меры, но недостаточные. Мы устраиваем совещание с представителями редакций.

Вышинский. Это очень хорошо.

Меликадзе. У нас имеется пять районов, в редакцию поступило из этих районов 19 жалоб, 13 мы разрешили. Мы привлекаем к этой работе местные организации, группы содействия.

Вышинский. Как у вас со сроками исполнения жалоб?

Меликадзе. Некоторые жалобы рассматриваем в 5—10 дней, иногда один месяц, а есть и по три месяца. Большинство жалоб рассматриваем по жилищным делам, эти жалобы идут в 10 дней.

Вышинский. Есть какие-нибудь вопросы?

Меликадзе. Я хочу, чтобы в ваш аппарат вызвали нашего сотрудника в отдел жалоб, я хочу прислать, чтобы он подучился.

Вышинский. Хорошо, вызовем. Привет.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРОКУРОРА СССР т. ВЫШИНСКОГО

Товарищи, можно подвести итоги нашего совещания. Мы охватили сегодняшним сообщением 14 прокуратур. Вы все слышали сообщения с мест и вы, конечно, обратили внимание на то, что по этим сообщениям выходит, будто бы дело с жалобами обстоит не так плохо. Выходит так, что громадное большинство жалоб рассматривается в срок до 1 месяца, выходит так, что особенно вопиющих случаев волокиты не наблюдается.

Вообще надо сказать, — если судить по сообщениям с мест, — что в отношении жалоб дело у нас обстоит более или менее благополучно. Но в действительности это, к сожалению, не так. Я уже называл отдельным товарищам ряд случаев, когда можно поражаться исключительно бездушным отношением к отдельным жалобам и возмутительной волокитой по рассмотрению этих жалоб, наблюдаемым в разных местах. Но я приводил 1—2 примера на область или край. В действительности можно было бы привести таких примеров гораздо больше, таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Первый вывод, который нужно сделать из сегодняшнего совещания, — что краевые и областные прокуроры представляют себе положение работы с жалобами гораздо лучше, чем есть в действительности, что они заражены оптимизмом, который никогда не бывает полезен в работе.

И первое, что нужно сделать, это познать действительное положение вещей и не прикрашивать эту действительность, помнить, что те сведения, которые в статистическом выражении говорят иногда об удовлетворительном положении дел, в действительности являются гораздо худшими, говорят иное, чем хочется тем, кто оперирует этими цифрами.

Нельзя отрицать трудностей в работе с жалобами, но если бы была правильно организо-

вана работа с жалобами, то с этими трудностями можно было бы справиться лучше, чем мы справляемся. Нельзя считать нормальным положение, когда при 4 работниках; при поступлении 180 жалоб в день, жалобы переходят на другой день. С таким положением вещей мириться нельзя. А между тем, такое положение вещей наблюдается не только в Азово-Черноморском крае, как говорил т. Зайцев, но и в целом ряде других краев и областей.

Выводы. Необходимо подумать о правильности организации разбора жалоб, об обязательном рассмотрении жалоб быстро и вдумчиво. Жалобы, своевременно не рассмотренные, теряют свой смысл. Поэтому наше основное требование так работать с жалобами, с такой быстротой, которая соответствовала бы своевременному рассмотрению жалоб. Эта быстрота в рассмотрении жалоб и выполнение соответствующих требований закона в рассмотрении жалоб по существу дела должны играть огромную роль.

В некоторых местах из-за незначительного состава штатных единиц нет возможности выделить самостоятельный отдел жалоб. В некоторых местах отдел жалоб соединяется с другим отделом, и рассмотрение жалоб тонет в работе другого отдела. С этим приходится мириться, но необходимо в качестве коррективы создать одну должность помощника прокурора, специально организующего и контролирующего работу с жалобами по другим отделам. Пренебрежение к технике организации, пренебрежение к задаче контроля и общего руководства работой по жалобам повлечет за собой отставание в работе и отрицательные явления, которыми так богата, к сожалению, наша прокурорская практика.

Необходимо продумать и немедленно правильно организовать работу с жалобами. Я уже не говорю о том недопустимом положении, когда краевые прокуроры принимают жалобщиков как исключение. Ведь в некоторых местах только за последнее время краевые и областные прокуроры начинают принимать жалобщиков. Это ненормальное положение. Краевой прокурор должен быть в гуще жалобщиков, он должен следить за движением жалоб, он должен изучать жалобы. К сожалению, наши товарищи и до сих пор не понимают, какое громадное значение имеет работа с жалобами для организации всей работы прокуратуры в целом. Жалобы сплошь и рядом отражают очень большие вопросы, жалобы наталкивают на необходимость постановки громадных вопросов нашей оперативной и практической работы. Жалоба всегда дает громадный материал для правильного понимания и ориентировки не только в вопросах, непосредственно касающихся органов прокуратуры, но и в ряде вопросов, имеющих общеполитический или общегосударственный характер.

Жалоба часто ставит наряду с конкретным вопросом, затрагивающим интересы жалобщика, вопрос, имеющий общегосударственное значение. В этом смысле работа с жалобами обогащает нас громадным опытом, пренебрегать которым никак нельзя. Вот почему работа с жалобами должна занять должное место во всей работе прокуратуры.

Нужно покончить с отношением к жалобе, как к чему-то второстепенному. Жалоба неотделима от человека, а интересы человека

неотделимы в нашей стране от интересов социалистического государства.

Заканчивая совещание, я от имени Прокуратуры обращаюсь ко всем краевым, областным прокурорам, прокурорам союзных и автономных республик с категорическим требованием обратить внимание на положение с жалобами, принять самые энергичные меры к тому, чтобы работа с жалобами была поставле-

на на надлежащую высоту и заняла в общей работе прокуратуры то место, которое принадлежит ей по самому значению и характеру вопросов, постоянно затрагиваемых в многочисленных жалобах населения.

Надо двинуть это дело вперед в интересах нашего социалистического отечества, в интересах успешного развития нового социалистического общества.

Право-процесс-судостроительство в капиталистических странах

Уголовное законодательство фашистской Италии

(Очерк второй)

1.

Ни введение в действие обоих итальянских кодексов уже чисто фашистского типа — уголовного и уголовно-процессуального — ни упразднение судов с присяжными заседателями и замена их судами с ассессорами-заседателями, этими безличными и покорными проводниками требований правительства (вроде сословных представителей царских судебных палат), не привели к «нормализации» итальянской фашистской «юстиции», как мы пытались доказать в нашем предыдущем очерке, посвященном итальянскому фашистскому исключительному законодательству.

Попрежнему, несмотря на введение кодексов и создание судов с ассессорами, сохранен для противников режима и в первую очередь для коммунистов чрезвычайный (особый) трибунал для охраны государства, срок действия которого недавно продлен на третье пятилетие. «Заслуги» этого трибунала, учрежденного «временно», но благодаря «продлениям» ставшего постоянным, настолько высоко ценятся фашистским правительством, что первым продуктом «цивилизации», который подвергся экспорту из Италии в Абиссинию, был именно указанный трибунал, сразу пожавший, как видно из газет, исключительно богатую жатву.

Никаким изменениям не подвергся после введения обих кодексов — уголовного и уголовно-процессуального — и кодекс полиции безопасности, если не считать редакционных поправок, внесенных в него в порядке согласования с вновь изданным уголовным кодексом (напомним, что издание кодекса полиции безопасности опередило введение в действие уголовного кодекса почти на целых пять лет). Роль и состав полиции безопасности очерчены нами в предыдущем очерке; с введением уголовно-процессуального кодекса 1930 г. роль полиции безопасности еще значительно возросла, поскольку центральным моментом ведения уголовного дела, предпрещающим его дальнейшую судьбу, стали «действия, предшествующие предварительному следствию» (ст.ст. 219—230, а также ст.ст. 231—234 фашистского уголовно-процессуального кодекса).

Уголовный кодекс фашистской Италии, на характеристике которого мы остановимся в настоящем очерке, вступивший в действие 1 июля 1931 г., не подвергся за это время существенным изменениям. Можно сказать даже больше: эти изменения носили самый незначительный, второстепенный характер. Из изменений, которым подвергся за это время уголовный кодекс, заслуживают быть названными только те, которые были внесены в него новым законом о суде для несовершеннолетних. Однако эти изменения касались хотя и важной, но специальной области. При этом интересно отметить, что новый закон и разгоревшаяся вокруг него полемика различных школ и течений буржуазного уголовного права еще глубже обнаружили внутреннюю несогласованность и принципиальную разнородность (эклектизм) уголовного кодекса, на чем мы еще остановимся в дальнейшем.

Чем объяснить, что итальянский фашизм считает возможным сохранить в неизменности уголовный кодекс, несмотря на то что вскоре после своего вступления в действие этот кодекс подвергся резким нападкам как вне, так и в самой Италии? Это объясняется максимальной суровостью кодекса, его доведенной до предела террористичностью. Это один момент. Другой заключается в том, что кодекс уделяет особое внимание разработке того раздела его особенной части, который посвящен политическим преступлениям (раздел 1-й «(1) преступлениях против личности государства», пять глав, ст.ст. 241—313). Этот раздел представляет подлинный «кодекс в кодексе» в миниатюре и вызывает восторги у германского фашистского правоведа Георга Дамма в его работе, посвященной сравнительной характеристике германского и итальянского фашистского уголовного законодательства. Точно так же правоверный итальянский фашистский юрист Корзо Бовио в своем труде «Преступления и преступники по новому уголовному кодексу» с пафосом восклицает, отмечая самую крупную с его точки зрения заслугу кодекса: «Раньше наиболее серьезными казались преступления против личности отдельного человека, Рокко и его кодекс сделали наиболее

серьезными преступлениями против личности государства». Каучуковые параграфы раздела первого книги второй «О преступлениях против личности государства» дают возможность расправиться с малейшими оттенками антифашистского мышления или антифашистской деятельности, и не удивительно, что фашистское правительство не находит необходимым издание каких бы то ни было новелл в области материального уголовного законодательства. Эта часть «кодекса в кодексе» учла также опыт мировой войны с точки зрения интересов фашизма и знает такие составы преступлений, как «политическое поражение» (ст. 265), как «антинациональная активность за границей» (ст. 269), получившие широкое применение во время абиссинской агрессии.

Жесткая репрессивность кодекса, с одной стороны, разработанность в нем отдела о политических преступлениях, с другой, в желательном для фашизма направлении привели к тому, что не появилось сколько-нибудь значительных законодательных новелл, изменяющих или дополняющих кодекс. Зато в эти пять — шесть лет выросла значительная юридическая литература, посвященная уголовному законодательству итальянского фашизма. Мы имеем в виду как итальянские, так и внеталланские источники. Внутренняя несогласованность фашистского уголовного кодекса, его эклектизм и полная беспринципность (на чем мы остановимся дальше) выявились с такой отчетливостью, что даже фашистские правоведы не могут замолчать этих сторон кодекса и невольно дают весьма интересный материал для его критики.

Выросла за это время и значительная кассационная практика, причем решения кассационного суда систематически печатаются в целом ряде журналов.

Однако большим теоретическим авторитетом кассационный суд, повидимому, не пользуется: это можно заключить из того, что, не считая многолетнего курса по уголовному праву В. Манчини, чрезвычайно редко можно найти не только в монографиях, но даже в комментированных изданиях кодексов ссылки на руководящие определения кассационного суда.

Кроме того, необходимо отметить два обстоятельства: 1) уходит от кассационных толкований весь раздел уголовного кодекса, говорящий о политических преступлениях (дела о политических преступлениях подсудны исключительно суду — чрезвычайному трибуналу для охраны государства и, кроме того, вообще не подлежат кассационному обжалованию, эти дела, отметим кстати, ускользают также от статистики), и 2) разъяснения по вопросу о мерах безопасности, даже применяемых в «судебном» порядке (мы видели, что ряд мер безопасности применяется полицией), как правило, даются не кассационным судом, а только делегированным советником этого суда единолично (хотя и публикуются наравне с определениями кассационного суда).

Однако анализ определений кассационного суда за истекшие пять — шесть лет с момента вступления в действие уголовного кодекса вывел бы нас далеко за рамки настоящего очерка. Если эти определения и представляют более широкий интерес, то скорее не сами по себе, а тем, что изложенные в них фактические обстоятельства дел позволяют соста-

вить себе некоторое представление о практике фашистских судов, включая кассационный суд, о характере проходящих через них дел, о выносимых наказаниях — почти единственный источник, из которого можно почерпнуть сведения о фашистской судебной хронике (за исключением, как мы видели, политических дел).

2.

На основании королевского декрета от 14 сентября 1919 г. Мортар (министр правительства Нитти) организовал медико-юридическую комиссию, на которую была возложена задача изыскать более «действительные и надежные» средства борьбы против «привычной преступности» и в этой части предложить реформу уголовного законодательства. Как отмечает В. Манчини, эта комиссия, в которой председательствовал Э. Ферри, превысила свои полномочия и занялась коренной реформой уголовного кодекса. Эта комиссия приняла в 1921 г., то есть за год до прихода фашизма к власти в Италии, составленный Э. Ферри проект, известный под именем «уголовного кодекса без вины и наказания».

Была составлена, впрочем, только общая часть проекта уголовного кодекса (особенная часть так и не увидела света), но силы закона не получила. Итальянский фашизм подверг кодекс Ферри резкой критике, хотя не подлежит сомнению, что идеи антропологической и позитивной школы и самый проект Ферри оказали сильнейшее влияние на фашистский уголовный кодекс. В. Манчини, представитель наиболее безыдейной из всех школ буржуазно-уголовного права, но именно той, которой принадлежит авторство уголовного кодекса 1930 г. («технико-юридической» школы, сводящей науку права целиком к голой догматике и отвергающей какую бы то ни было связь уголовного права с философией), называет проект Ферри эклектическим, бессмысленным, ставящим «на место традиционных институтов уголовного права абсурдную и безнравственную попытку уподобить активность нормальных людей активности умалишенных». Мы сейчас не можем заняться критикой проекта Ферри, но не подлежит сомнению, что установки своей школы Ферри проводил в проекте довольно последовательно.

Этот проект целиком строился на принципе «социальной опасности» и «легальной ответственности», решительно отходя от установок классической школы с ее понятием «моральной вины» и «наказания-возмездия».

Однако фашистский законодатель не мог отказаться от понятий «моральной вины» и «наказания-возмездия», так как эти понятия были теснейшим образом связаны с «религиозно-нравственными началами, которые входили неизбежной составной частью в идеологию фашизма и нужны были ему для обмана и эксплуатации масс.

Фашистская концепция «государства-лица» (особенно в том виде, как она развита у Д. Джентиле) насквозь проникнута этими «этико-религиозными началами». От элементов «морального осуждения» фашизму не позволили бы отказаться и католическая реакция, с которой фашизм заигрывал с самого своего прихода к власти и с которой в конце концов вступил в теснейший союз.

Однако не хотелось фашизму отказываться и от столь удобного по своей неопределенности понятия «опасного состояния» и от «мер социальной защиты», понятий, перебрасывающих мост между уголовным кодексом и кодексом полиции безопасности, позволяющих наиболее тесно координировать деятельность судебно-прокурорских и полицейских органов. Замечательно, что идеалистический актуализм Джентиле сходил с «позитивизмом» Э. Ферри в признании ответственными за свои поступки решительно всех, хотя и исходил из диаметрально противоположных предположений.

В силу указанных соображений итальянский фашизм в своем уголовном законодательстве, а в частности в уголовном кодексе вступил на путь эклектизма: он сохранил как принцип «моральной вины», так и принцип «социальной опасности».

Хотя комиссия Э. Ферри продолжала работать и после прихода фашизма к власти, хотя Ферри, переметнувшийся в лагерь фашистов, убеждал правительство в пригодности своего проекта для целей фашизма и в его достоинствах, по проекту Ферри по указанным выше основаниям не суждено было стать законом; Э. Ферри оставалось утешаться мыслью, что фашистский уголовный кодекс многое воспринял из его проекта и во всяком случае из взглядов и установок его школы.

Фашистский уголовный кодекс был издан в порядке особых полномочий, которые были предоставлены фашистскому правительству законодательными органами. Внося в законодательные палаты 13 января 1925 г. соответствующий закон, министр юстиции того времени Альфредо Рокко, ставший во главе работ по составлению новых кодексов (их стали впоследствии кратко называть «кодексами Рокко»), не представляя себе в то время в полном объеме характера предстоящей реформы, ибо испрашивал и получил в конце концов законом от 24 декабря 1925 г. право только на «изменение в уголовном кодексе положений, касающихся системы наказаний, последствий уголовного осуждения и приведения его в исполнение, обстоятельств, исключающих или уменьшающих ответственность, рецидива и уголовной давности, и положений, касающихся отдельных преступлений и наказаний за них, чтобы привести эти положения в соответствие с новыми требованиями экономической и социальной жизни, а также исправить статьи кодекса, которые возбуждают традиционные споры или по тем или другим основаниям представляются по форме несовершенными». Рокко во внесепном законопроекте старался, таким образом, прежде всего подчеркнуть, что он не собирается идти по стопам комиссии Моргара и проекта Ферри.

Проект фашистского кодекса в силу указанных, полученных фашистским правительством полномочий, не должен был больше проходить законодательные палаты для того, чтобы стать законом. Только специальная смещенная комиссия — палаты депутатов и сената — имела право дать свое заключение после соответствующего обсуждения.

Первоначальный проект уголовного кодекса был официально опубликован в августе 1927 г. Первоначальный проект был составлен специальным комитетом под председательством про-

фессора Артуро Рокко, представителем «технико-юридической школы», братом министра юстиции Альфредо Рокко, который назначил как комитет, так и его председателя.

Проект был разослан на заключение судов и университетов (эти заключения напечатаны в томе III «Подготовительных работ по уголовному и уголовно-процессуальному кодексу») и передан на рассмотрение министерской комиссии под председательством сенатора Аппиани, которая составила к нему объяснительную записку¹. Окончательный проект был опубликован в ноябре 1929 г. и снабжен обширной объяснительной запиской от имени Альфредо Рокко².

Окончательный проект был передан на рассмотрение парламентской комиссии (протоколы парламентской комиссии опубликованы в двух томах), подвергся ряду изменений, утвержден 19 октября 1930 г. одновременно с уголовно-процессуальным кодексом и вступил в действие с 1 июня 1931 г.

3.

Отвергнув проект Ферри 1921 г., фашистский уголовный кодекс стал, таким образом, на путь теоретического эклектизма, сохранив «моральную вину» классических буржуазных кодексов и вместе с тем введя принцип «опасного состояния».

Несмотря на то, что кодекс Рокко сохранил начало «моральной вины», мы увидим, как резко этот первый кодекс чисто фашистского типа отличается от кодексов, в основу которых положены взгляды классической школы, и в первую очередь от дофашистского итальянского уголовного кодекса 1889 г. (кодекс Цанарделли).

Беспринципность фашистского уголовного кодекса, его теоретическое убожество, его эклектизм настолько бросаются в глаза, что кодекс подвергается довольно резкой критике даже со стороны некоторых фашистских правоведов, не доводящих, конечно, этой критики до конца и во всяком случае замалчивающих, что целям фашистской террористической практики этот кодекс с его крайней, не знающей границ репрессивностью служит достаточно хорошо. Прежде всего, является ли фашистский уголовный кодекс таким же кодексом, какими были кодексы, построенные на идеях классической школы, пытавшиеся в согласии с либерально-демократическими воззрениями поднимающейся буржуазии создать «правовую определенность» и ограничить усмотрение судьи? На этот вопрос дает отрицательный ответ фашистский сенатор Мариано Амелио в своей статье «Сумерки кодексов». Амелио видит «сумерки кодексов» в том, что фашистский законодатель вводит понятие

¹ Объяснительная записка и протоколы комиссии составили содержание IV тома «подготовительных работ», который в свою очередь состоит из четырех полутомов; интересно отметить, что объяснительную записку к уголовно-процессуальному кодексу в его первоначальном проекте 1929 г. составил Альфредо Рокко единолично.

² Объяснительная записка и самый окончательный текст проекта уголовного кодекса напечатаны в V томе «Подготовительных работ», состоящем из трех полутомов.

«социальной опасности», а это понятие стирает значение твердых составов преступлений (а иногда и составов как таковых) и создает, кроме того, систему абсолютно неопределенных в своем максимальном размере санкций. Мариано Амелио пишет: «Из противостоящих издавна друг другу представителей двух правовых течений (имеется в виду классическая школа, с одной стороны, антрополого-социологическая, с другой. — А. Б.) чистые юристы выдвинули новый мотив для беспокойства, указывая, что победа антропологии и криминальной психологии означала бы конец уголовной юриспруденции». Подтачивается, по мнению Амелио, одна из колонн, поддерживающая строение уголовного права, а именно положение: «нет преступления, нет наказания без закона», и является опасение, что может пошатнуться все идеальное здание, воплощенное в кодексах. Здесь Амелио имеет в виду стремление германского фашизма широко допустить применение уголовных законов по аналогии.

Это одна сторона вопроса. Существует еще другая, которой Амелио не затрагивает: составы преступлений в фашистском уголовном кодексе так растяжимы (это особенно относится к разделу «О преступлениях против личности государства»), ряд основных положений общей части страдает такой неопределенностью, судейскому усмотрению предоставлены столь широкие рамки, что, несмотря на наличие в фашистском кодексе 734 статей (против 498 кодекса Цанарделли 1889 г.), несмотря на многословие и «страсть к регламентации», «сумерки кодексов» в отношении к фашистскому уголовному кодексу приобретают гораздо более злобный характер, чем это показано у Амелио.

В сумерках, как известно, очертания предметов становятся неясными, и наряду с закатом кодекса возникает то «второе, невидимое уголовное право, построенное целиком на понятии опасности», о котором, как мы упоминали в первом очерке, говорит Гунар Дибвад, право полицейское. Другими словами, закат кодекса тесно связан с огромной ролью, которую фашистский законодатель уделит кодексу полиции безопасности и самой полиции безопасности. Объединяют оба кодекса понятие «социальной опасности», к анализу которого мы и перейдем.

4.

Так как кодекс не удовлетворяет ни представителей классической школы и сохранившихся ее разновидностей, ни представителей антрополого-позитивной школы различных оттенков, то не трудно у каждого из конкурирующих течений найти подчас весьма меткие аргументы для критики фашистского уголовного кодекса, для вскрытия его внутренней противоречивости.

Прежде всего остановимся на понятии «социальной опасности» и на мерах «социальной защиты», которые вводит кодекс. Амелио утверждает, что с введением этого понятия наступают «сумерки кодексов». В самом деле «меры безопасности» носят полицейский характер (что не отрицают, впрочем, сами представители фашистского уголовного кодекса): для применения мер безопасности либо вовсе не требуется, чтобы человек совершил преступление (таковы все меры безопасности, ко-

торые предусмотрены полицейским кодексом), либо не требуется, чтобы он совершил наказуемое деяние, либо совершенное преступление рассматривается только как «симптом опасности».

Видели или не видели представители антрополого-социологической школы, что практическое применение их взглядов ведет к «сумеркам кодексов», то есть, проще говоря, к полицейскому произволу, потому что именно полиция широко будет пользоваться своим правом признавать человека, не совершившего преступления, но ей неудобного, социально-опасным (как это прямо разрешает ей VI раздел фашистского кодекса полиции безопасности, озаглавленный: «Положения, касающиеся лиц, опасных для общества»)? Они не могли этого не видеть, но меры безопасности применяемые полицией, обходили стыдливым молчанием. В отношении мер безопасности, применяемых судами, они делали вид, что противопоставляют при установлении «социальной опасности» судейскому произволу два обстоятельства: 1) якобы «научную» классификацию преступников, позволяющую выбрать соответствующую «меру социальной защиты», и 2) медико-судебную экспертизу, которая бы в конкретном случае разрешала вопрос о принадлежности правонарушителя к той или иной категории и в порядке «индивидуализации санкции» высказывала бы свое заключение о необходимой «мере социальной защиты». Пошел ли по этому последнему пути фашистский уголовный кодекс? Не пошел.

Замена репрессии полицейской расправой, использование понятия «опасности» как предлога для борьбы с неудобными для фашизма лицами, смывка с полицией и кодексом полиции безопасности проведены в фашистском уголовном кодексе с гораздо большей откровенностью, чем в соответствующих работах Ломброзо, Гроффалло и Ферри.

Прежде всего фашистский уголовно-процессуальный кодекс рассеял все иллюзии о роли «научной» экспертизы при определении «опасности», прямо запретив такую экспертизу. Затем фашистский уголовный кодекс подчинил установление «опасности» целой системе презумпций (то есть предположений, установленных в самом законе), как бы предостерегая от возможности вступления на скользкий путь изучения «личности» преступника.

Ряд несообразностей кодекса отмечают многие буржуазные криминалисты. Наказание, по воззрениям классической школы, в этой части воспринятым фашистским уголовным кодексом, неизбежно следует за преступлением. Сначала должно быть отбыто наказание, затем применяются меры социальной защиты.

Никакого взаимоотношения между наказанием и мерами безопасности, никакой координации между ними, никакого зачета между наказанием и мерами безопасности уголовный кодекс ни при каких условиях не допускает. В результате получается ряд вопиющих «несообразностей». Согласно ст. 109 фашистского уголовного кодекса объявление преступником привычным или профессиональным может последовать во всякое время, не только после вынесения приговора, но и после отбытия наказания. Если данное лицо признано преступником привычным или профессиональным, то к нему в обязательном порядке применяются

меры безопасности, связанные с лишением свободы. При этом ст. 109 уголовного кодекса содержит любопытную оговорку: если признание преступником привычным или профессиональным последовало после приговора, то не принимается в расчет последующее поведение осужденного. Таким образом человек может быть признан преступником привычным или профессиональным как раз в тот момент, когда своим поведением он докажет, пользуясь терминологией «позитивистов», отсутствие в нем «социальной опасности». Между тем, по ст. 133 того же уголовного кодекса, которая одинаково относится и к вопросу о выборе наказания и к вопросу о признании наличия или отсутствия «социальной опасности», в числе условий, которые суд должен принимать во внимание как при определении наказания, так наличия или отсутствия «социальной опасности», указано и «поведение преступника после совершения преступления».

Эта внутренняя несогласованность фашистского уголовного кодекса носит органический характер и вытекает из его эклектизма. Она может быть прослежена и на других примерах.

Возьмем лиц с «уменьшенной вменяемостью», которые по фашистскому уголовному кодексу подлежат и наказанию (пониженному) и мерам безопасности. И вот по ст. 148 этого кодекса, если такое лицо заболит психически во время отбывания наказания, то оно помещается в лечебное учреждение (судебный маникомий, или дом охраны и лечения), но время, проведенное там, не засчитывается в срок наказания и данное лицо немедленно по выздоровлении попадает обратно в тюрьму. По этому поводу Ансельмо Кризафулли в своей работе «Карательная юстиция нового кодекса» пишет: «По отбытии наказания такое лицо снова будет помещено в дом охраны и лечения, чтобы отбыть меру безопасности. Это столкновение наказания и меры безопасности являются заколдованным кругом. Абсурдно создавать психически-неполноценному карусель из тюрем, где ухудшается его болезнь, и из психиатрической клиники или дома лечения и охраны, где он подвергается лечению, чтобы затем снова бросить его в тюрьму, где он утрачивает благоприятные последствия, приобретенные в доме лечения. Субъект или способен испытать наказание или нуждается в лечении, но наказание и лечение исключают одно другое, и трудно постигнуть возможность лечения после применения наказания, которое сделало более бесплодным и трудным задачу социального приспособления такого осужденного».

Еще пример. Сначала отбывается наказание, а затем мера безопасности. А если болезнь такова, что данное лицо не может быть помещено в тюрьму, что оно предварительно нуждается в лечении? Ст. 220 допускает в этом случае предварительное помещение «психически-неполноценного» в дом лечения и охраны, но как только он выздоровеет, он должен немедленно приступить к отбыванию наказания. Тот же Ансельмо Кризафулли замечает: «Сначала в доме лечения и охраны данному лицу отмеривают точные дозы целебного мышьяка, чтобы затем тюрьму превратить в чашу с пикутой» (цикута, как известно, яд, который заставили принять приговоренного к смерти Сократа).

Еще пример «несообразности». Признанный неизменяемым в силу душевной болезни помещается в судебный маникомий (судебную психиатрическую больницу) на определенный твердый срок в зависимости от тяжести совершенного преступления (по наиболее тяжким преступлениям этот срок определяется в 10 лет). Если помещенный в судебный маникомий выздоровеет раньше этого срока, он продолжает оставаться в судебном маникомии, несмотря на свое выздоровление. Однако это не все. В той же статье говорится: «В случае, если лицо, помещенное в судебный маникомий, должно отбыть наказание, связанное с лишением свободы, отбывание этого наказания откладывается до того момента, пока продолжается необходимость пребывания в судебном маникомии». По этому поводу Э. Альтавилла пишет: «И подумать, что многие из этих душевнобольных имеют ясное понимание того, что они — заключенные и жестоко страдают от лишения свободы, часто по окончании болезни совершенно меняются, не сохраняя даже памяти о совершенном преступлении, вполне приспособленные к социальной жизни... Эти несчастные... для торжества юридической концепции должны отбывать удвоенный, утроенный срок заключения, могут умереть полные отчаяния в тюрьме, тогда как... могли бы вернуться к общественной жизни выздоровевшими и приспособленными».

Это — не случайные «несообразности» и противоречия, а такие, которые с полной неизбежностью вытекают из того, что кодекс не в состоянии связать исключающие друг друга принципы: «моральной вины», влекущей за собою наказание-возмездие, и «социальной опасности», влекущей за собою «меры социальной защиты».

5.

Другое противоречие, которое также бросается в глаза, сводится к тому, что объем кодекса обратно пропорционален создаваемой им «правовой определенности».

Кодекс, с одной стороны, как будто хочет все предусмотреть, кодексе входит в мельчайшие детали. Германский фашистский правовед Георг Дамм, который является сторонником «волевой теории» уголовного права и широкого применения аналогии, говорит о «законодательной страсти» итальянского фашизма и иллюстрирует эту «страсть» анализом отдельных положений фашистского уголовного кодекса. С другой стороны, создаются каучковые параграфы, одно и то же деяние легко оказывается нарушающим несколько родственных статей кодекса, «одни и тот же факт учитывается четыре или пять раз вытекающим отсюда постоянным удлинением лишения свободы», широкое усмотрение предоставляется судье при выборе наказания, меры же безопасности вообще могут стать совершенно неопределенными в их максимальном сроке.

По сравнению с дофашистским уголовным кодексом 1889 г., фашистский уголовный кодекс является по объему кодексом-гигантом: он содержит 734 статьи, из коих на общую часть приходится 240 статей, тогда как дофашистский уголовный кодекс содержал 498 статей, из коих 103 приходилось на общую часть.

Фашистский уголовный кодекс распадается на три книги: 1) общая часть, 2) о преступлениях и 3) о проступках.

Общая часть в свою очередь делится на 8 разделов: 1) об уголовном законе, 2) о наказании, 3) о преступлении, 4) о правонарушителе и лице, потерпевшем от преступления, 5) об изменении, определении и приведении в исполнение наказания, 6) о погашении преступления и наказания, 7) о гражданских санкциях и 8) об административных мерах безопасности.

Книга вторая и третья образуют особенную часть кодекса.

Книга вторая говорит о преступлениях (в отличие от проступков) и распадается на 12 разделов: 1) преступления против «личности государства», 2) против административной власти (преступления должностных лиц и преступления частных лиц против государственного аппарата), 3) против отправления правосудия, 4) против религиозного чувства и чувства почтительности к мертвым, 5) против общественного порядка, 6) против общественной безопасности, 7) против общественного доверия, 8) против народного хозяйства, промышленности и торговли, 9) против общественной нравственности и добрых нравов, 10) против целостности и здоровья рода, 11) против личности и 12) против имущества.

Книга третья состоит из двух разделов: 1) полицейские нарушения и 2) нарушения, касающиеся общественной деятельности административной власти.

6.

Пределы действия фашистского уголовного кодекса как во времени, так и в пространстве имеют свои неизбежные особенности. Меры безопасности — и это не отрицают многие фашистские правоведы — ничем не отличаются от наказания. А между тем, в отношении мер безопасности фашистский уголовный кодекс устанавливает следующее правило в ст. 200: «Меры безопасности регулируются законом, действующим во время приведения их в исполнение. Если закон того времени, когда должна была быть назначена мера безопасности, отличен от последнего, то применяется закон момента приведения меры безопасности в исполнение.

Меры безопасности применяются также к иностранцам, находящимся на территории государства. Тем не менее, применение мер безопасности к иностранцу не препятствует высылке его с территории государства, согласно кодексу полиции безопасности».

Таким образом закон, устанавливающий меры безопасности в случаях, когда они раньше не имели места, или устанавливающий меры безопасности более жесткого характера, имеет обратную силу в полном противоречии с тем, что говорится в ст.ст. 1 и 2 уголовного кодекса, где, по видимости, сохранен буржуазно-демократический принцип: «нет преступления, нет наказания без закона», и общепринятые в буржуазных кодексах правила об обратной силе уголовного закона — но, предположим, что якобы меры безопасности нужно отличать от наказания.

Что касается действия уголовного закона в пространстве, то фашистский законодатель чрезвычайно озабочен прежде всего широ-

чайшим применением выдачи (как активной, так и пассивной) и, кроме того, регулированием вопроса о преступлениях, совершенных за границей.

Ст. 9 дофашистского уголовного кодекса 1889 г. безусловно воспрещала: 1) выдачу иностранца, если речь идет о политическом преступлении или о преступлении, с ним связанным, и 2) выдачу итальянского гражданина иностранному государству. Фашистский кодекс отменил оба эти правила.

В связи с этим разрослась та часть фашистского уголовно-процессуального кодекса, которая регулирует вопрос о выдаче, устанавливая формальную процедуру этой выдачи (несколько, конечно, не гарантирующую прав и интересов выдаваемого — ср. ст.ст. 661 по 671 уголовно-процессуального кодекса 1930 г.).

Упразднив запрет выдачи по делам о политических преступлениях, установив правило, что «выдача может быть допущена или предложена также в случае совершения преступлений, не предусмотренных в международных конвенциях, если в них нет прямого запрета», фашистский уголовный кодекс устанавливает следующие правила для преступлений, совершенных за границей.

Наказывается по итальянским законам итальянский подданный или иностранец, который совершит за границей одно из следующих преступлений: 1) против «личности государства», 2) подделку государственной печати и пользование подделанной печатью, 3) подделку монет, имеющих законное хождение на территории итальянского государства, или гербовой бумаги, или кредитных билетов, 4) преступления должностных лиц, совершенные на службе итальянского государства путем злоупотребления властью или с нарушением возложенных на них по должности обязанностей, 5) любое другое преступление, в отношении которого специальные постановления закона или международные соглашения устанавливают применение итальянского уголовного закона (ст. 7 уголовного кодекса).

Для других «политических» преступлений, не указанных в ст. 7, устанавливается наказуемость по итальянским законам в случае требования министра юстиции и там, где необходимо, кроме того по частной жалобе потерпевшего. Причем политическое преступление понимается очень широко: «политическим» считается не только всякое преступление, которое нарушает политические интересы итальянского государства или граждан, но и всякое уголовное преступление, определяемое — целиком или в части — политическими мотивами (ст. 8).

Что касается общеуголовных преступлений, то итальянский гражданин, который совершит за границей преступление, за которое итальянский закон устанавливает смертную казнь, или пожизненную каторгу, или исправительный дом на срок не менее 3 лет, наказываемся, по итальянским законам, всякий раз, когда он будет обнаружен на территории итальянского государства.

Иностранец который вне случаев, указанных в ст.ст. 7 и 8 уголовного кодекса (в этих статьях перечислены политические преступления), совершит за границей в ущерб итальянскому государству или его гражданину преступление, за которое, по итальянскому за-

кону, полагается смертная казнь, или пожизненная каторга, или исправительный дом на срок не ниже года, наказывается, по итальянским законам, всякий раз, когда будет обнаружен на территории итальянского государства и если последует требование министра юстиции или частная жалоба потерпевшего.

Иностранец, совершивший преступление в ущерб иностранному государству или иностранцу, карается, по итальянским законам, по требованию министра юстиции всякий раз, когда 1) находится на территории итальянского государства, 2) если речь идет о преступлении, за которое итальянский закон устанавливает смертную казнь, или пожизненную каторгу, или исправительный дом на срок не ниже трех лет и 3) если его выдача не была допущена или не была принята правительством того государства, в котором он совершил преступление, или того государства, которому он принадлежит (ст. 10).

Согласно ст. 11 в случае, если преступление совершено на территории итальянского государства, итальянский гражданин или иностранец, хотя бы они судились за это деяние за границей, подлежат суду в Италии.

В случаях, указанных в ст.ст. 7, 8, 9 и 10 уголовного кодекса и изложенных выше, итальянский гражданин или иностранец, хотя бы он за данное деяние судился за границей, подлежит вторичному суду в Италии, если этого потребует министр юстиции (ст. 11).

Иностранный приговор по уголовному делу может получить признание: 1) для установления рецидива или другого уголовного последствия осуждения, или для признания привычности преступления, или его профессиональности, или врожденной склонности к преступлению, 2) если осуждение, по итальянскому закону, повлекло бы за собою дополнительное наказание, 3) если бы, по итальянскому закону, данное лицо, которое находится на территории Италии, в случае его осуждения или оправдания, подлежало бы применению к нему мер безопасности, 4) в отношении ряда гражданско-правовых последствий уголовного приговора. К сказанному нужно добавить широкую возможность заочного слушания дел, которую предоставляют процессуальные законы фашистской Италии.

Таким образом итальянский фашизм пытается распространить свое уголовное законодательство и на преступления, совершенные за границей как итальянскими подданными, так и иностранцами, особо неумолимо преследуя в тех случаях, когда речь идет о политических делах, если итальянский фашизм получает возможность сделать это преследование реальным. Широкие полномочия при этом предоставляются министру юстиции. Совершенно естественна, кроме того, отмена права убежища и полная готовность выдавать политических обвиняемых.

7.

В основу двучленного деления на преступления и проступки положено различие установленных за те и другие наказаний.

За преступления фашистский уголовный кодекс устанавливает следующие основные наказания (в отличие от дополнительных): 1) смертную казнь, 2) пожизненную каторгу,

3) исправительный дом, 4) штраф (который в этом случае носит название «мульта»).

За проступки устанавливаются следующие основные наказания: 1) арест, 2) штраф (который в этом случае носит название «амменда»).

Дополнительными наказаниями являются: 1) поражение политических и общественных прав, 2) запрещение заниматься определенной профессией или ремеслом, 3) общее правовое поражение в силу закона, 4) потеря способности завещать и ничтожность совершенного перед осуждением завещания, 5) потеря — постоянная или временная — отеческой или супружеской власти.

Меры безопасности, предусмотренные уголовным кодексом, делятся на личные и имущественные.

Личными мерами безопасности являются: 1) связанные с лишением свободы, 2) не связанные с лишением свободы.

Личными мерами безопасности, связанными с лишением свободы, являются: 1) помещение в сельскохозяйственную колонию или рабочий дом, 2) помещение в дом охраны и лечения, 3) помещение в судебный маникомий (психиатрическая больница), 4) помещение в судебный реформаторий.

Мерами безопасности, не связанными с лишением свободы, являются: 1) надзор, 2) запрещение проживать в одной или нескольких коммунах или в одной или нескольких провинциях, 3) запрещение посещать остерии и публичные места распития алкоголя, 4) высылка иностранцев за пределы итальянского государства.

Имущественными мерами безопасности являются: 1) залог хорошего поведения и 2) конфискация.

Меры безопасности, установленные не в уголовном кодексе, а в кодексе полиции безопасности, сводятся к следующим (и полезно их припомнить и сопоставить с карательной системой фашистского уголовного кодекса): 1) предупреждение, 2) выговор («л'аммонizione»), с установлением политического надзора, 3) отправка на родину, 4) высылка иностранцев за границу, 5) ссылка с интернированием.

Корзо Бовио, тупоголовый фашистский правовец, пытающийся доказать «монolitность» нового уголовного кодекса, захлебываясь от восторга, утверждает, что «новый кодекс дает юридическую анатомию преступления и психологическую анатомию преступника». На «психологическую анатомию преступника» мы отчасти уже останавливались и еще будем говорить ниже. Коснемся «юридической анатомии» преступления.

Разрыв кодекса с основными принципами буржуазной демократии, отражающий особенности фашизма и его идеологии, находит выражение в построении ряда институтов его общей части.

Характерны постановления кодекса о совокупности преступлений. Два обстоятельства представляют при этом интерес: 1) кодекс вводит принцип увеличения максимума санкций при совокупности преступлений и 2) так называемая идеальная совокупность преступлений приравнивается к реальной. Эти два обстоятельства открывают широкий простор для увеличения и без того, как мы увидим, драконовских наказаний.

При этом в случае совокупности двух преступлений, за которые закон устанавливает пожизненную каторгу, должна применяться смертная казнь. При совокупности преступлений, за одно из которых полагается пожизненная каторга, а за другие — срочное наказание, назначается пожизненная каторга, но с обязательным одиночным заключением на срок не ниже 6 месяцев и не более 4 лет.

8.

Сохраняя понятие «моральной вины» и вменяемости, кодекс различает лиц 1) вменяемых, 2) уменьшенно-вменяемых и 3) невменяемых.

Принцип моральной вины и вменяемости приводит к одному виду классификации преступников, начало «социальной опасности» — к другому виду классификации. Обе классификации между собою не согласованы.

Вменяемые и уменьшенно-вменяемые прежде всего подлежат наказанию по признаку моральной вины в различных ее формах, вменяемые, уменьшенно-вменяемые и невменяемые по признаку опасности могут подлежать также применению мер безопасности.

Вменяемым, по фашистскому кодексу, признается тот, кто обладает способностью «понимать и желать». Невменяемый не может подвергнуться наказанию, если только он не привел себя умышленно в состояние невменяемости с целью совершить преступление или подготовить себе извинение.

Невменяемость или «полное поражение душевных способностей» определяется в ст. 88 следующим образом: «Не является вменяемым, кто во время совершения действия находился вследствие болезни в таком душевном состоянии, что была исключена способность понимать и желать». Под уменьшенной вменяемостью кодекс понимает «частичное поражение душевных способностей», которые ст. 89 формулирует следующим образом: «Кто во время совершения действия находился вследствие болезни в таком душевном состоянии, что была значительно уменьшена, но не исключена способность понимать и желать, отвечает за совершенное преступное деяние, но наказание понижается». Ст. 90 устанавливает, что «состояния эмотивные или состояния страсти не исключают и не уменьшают вменяемости».

Это постановление приводит в восторг Корзо Бовио, который считает, что это постановление «выправит» введенную присяжными практику снисходительного отношения к преступлениям по страсти. Опьянение в такой степени, что оно исключает способность понимать и желать, если оно носит случайный характер или вызвано непредвиденными обстоятельствами (то же самое применимо к действию наркотиков), влечет за собою признание невменяемым. В противном случае оно не влияет на наказуемость, а если носило нарочитый характер с целью совершения преступления или подготовки извиняющего обстоятельства, то вызывает увеличение наказания (и это правило распространяется на действия наркотиков). Привычный пьяница, совершивший преступление в состоянии опьянения, подвергается увеличенному наказанию. Это же правило применимо и к наркоманам. Однако при хроническом отравлении алкоголем или наркотиками может быть признана и

полная невменяемость и невменяемость уменьшенная. Невменяемым или уменьшенно-вменяемым может быть признан и глухонемой.

Невменяемыми признаются несовершеннолетние до 14 лет. К ним не может быть применено наказание и их нельзя судить. Однако к ним, как мы увидим ниже, могут применяться меры безопасности. В кодексе не указано, во-вторых, с какого же возраста к детям могут применяться меры безопасности: выходит, что они могут применяться чуть ли не с момента рождения (препятствия для этого могут быть во всяком случае только фактического, а не юридического порядка); во-вторых, так как никакого судебного разбирательства не происходит (независимо от этого установление «опасности» совершенно не носит характера, хотя бы отдаленно напоминающего судебную процедуру), то мера безопасности может быть применена к достигшему 14 лет, против которого выдвинуто определенное обвинение, хотя бы он не был виноват (именно такой случай описывает Э. Альтавила: родители, привлекавшиеся вместе с несовершеннолетним, были оправданы, а сам несовершеннолетний подвергся помещению в судебный реформаторий на три года).

Несовершеннолетние от 14 до 18 лет считаются уголовно-ответственными, если суд признает их «действовавшими с разумием», но мера наказания в отношении их подлежит уменьшению.

Таковы постановления кодекса о вменяемости, связанные с принципом «моральной ответственности».

Присмотримся теперь к другому принципу, положенному в основу кодекса, к понятию «социальной опасности». Мы видели уже, что «мораль Моисея» и «метод Галилея» оказались расположенными в кодексе без какой-либо возможности синтеза.

Остановимся на том, какую роль в кодексе играет то, что американский профессор Натаниель Кантор иронически называл «метод Галилея», то есть на начале социальной опасности. Название «метод Галилея» в применении к изучению «опасного состояния» звучит тем более иронически, что фашистский законодатель преградил все пути к реальному изучению «личности преступника» и его «социальной опасности», создав в этом направлении целую систему всевозможных презумпций и, кроме того, изъяв этот вопрос из того порядка рассмотрения, в котором исследуется вопрос о виновности.

Ст. 202 уголовного кодекса гласит: «Меры безопасности могут применяться только к лицам социально-опасным, которые совершили деяние, предусмотренное законом как преступное. Уголовный закон указывает случаи, когда к социально-опасным лицам могут быть применены меры безопасности за деяние, не предусмотренное законом как преступное». Стяг эта, долженствующая разграничить применение мер безопасности, предусмотренных уголовным кодексом, от тех, которые предусмотрены кодексом полиции безопасности, провозглашает принцип, который, как мы видим, не выдержан до конца, да и не может быть до конца выдержан, ибо совершение преступления, являясь основанием для применения наказания, носит характер только симптома при разрешении вопроса об опасном состоянии.

Ст. 203 уголовного кодекса гласит: «С точки зрения уголовного закона является социально-опасным лицо, хотя бы невменяемое или не подлежащее наказанию, совершившее одно из деяний, указанных в предыдущей статье, если существует вероятность, что оно совершит новые деяния, предусмотренные законом как преступные. Характер социально-опасной личности выводится из обстоятельств, указанных в ст. 133». Вот первая и основная предпосылка «опасного состояния»: она сводится к требованию предвидеть будущее поведение правонарушителя. Это «предвидение» фашистский законодатель обставляет целой системой презумпций.

Однако прежде, чем остановиться на этой системе презумпций, посмотрим, что гласит ст. 133 уголовного кодекса, на которую сделана ссылка, и что эта ссылка означает.

Ст. 133 выполняет как бы двойную функцию и перебрасывает мост между наказанием и мерами безопасности — и вот почему. Прямое назначение ст. 133 уголовного кодекса — указать суду, какими обстоятельствами он должен руководствоваться, когда осуществляет свое дискреционное право определять наказание в пределах, предоставленных ему законом. В силу же ст. 203 того же кодекса эта же статья должна дать суду ключ к определению «опасного состояния». Таким образом одни и те же обстоятельства, как мы видели и как видим вновь, приобретают решающий характер по несколько раз и всегда во вред обвиняемому.

Ст. 133 предписывает суду определять наказание в пределах нормальной санкции, руководствуясь 1) тяжестью преступного деяния и 2) способностью виновного совершать преступные деяния.

Тяжесть преступления выводится из характера, рода, средств, предмета, времени, места и других условий совершения преступления; из размеров вреда или опасности для потерпевшего; из напряженности умысла и степени неосторожности. Способность к совершению преступных деяний устанавливается на основании мотивов преступления и характера виновного; криминального и судебного прошлого и вообще предшествующего поведения и жизни виновного; поведения виновного во время и после совершения преступного деяния; условий личной, семейной и социальной жизни виновного.

Мы уже имели случай видеть, в каком брошащемся в глаза несоответствии друг с другом находится все учение о «моральной вине» и об «опасном состоянии», о наказании и о мерах безопасности, на сочетании которых построен фашистский кодекс. Ст. 133 не составляет исключения из этого правила. Она находится в резком противоречии со ст. 109, говорящей о последствиях провозглашения правонарушителя преступником привычным, профессиональным или по склонности.

Общей предпосылкой признания данного лица социально-опасным является предвидение «будущего поведения» правонарушителя, для какового предвидения будто бы у суда имеются какие-либо средства. По существу таких средств нет, и потому фашистский законодатель создает презумпции для установления опасного состояния. Презумпции эти то носят общий характер, то есть применимы ко всем правонарушителям, то носят специальный ха-

актер, касаясь только определенной их категории.

Фашистский законодатель и не скрывает, что он вовсе не желает предоставить суду — правильное, единоличному судье по надзору или делегированному советнику апелляционного или кассационного суда — сомнительную задачу изучать «личность правонарушителя» для выяснения на основе растяжимой ст. 133 уголовного кодекса социальной опасности этого правонарушителя.

В ст. 204 он прямо говорит, что «в случаях» прямо указанных, характер социальной опасности презумируется законом».

Э. Альтавила различает четыре общих презумпции «социальной опасности»: 1) презумпция существующей опасности (пример — оправдание душевнобольного — ст. 222 уголовного кодекса) — кодекс в самом деле требует чтобы совершивший тяжкое преступление в состоянии душевной болезни обязательно был помещен в судебный маникомий (психиатрическая лечебница) на срок в десять лет, совершивший менее тяжкое преступление — на соответствующий меньший срок — помещение в судебный маникомий следует механически, в силу безусловной презумпции, не подлежащей оспариванию, независимо от того, опасен ли в действительности данный душевнобольной, а также может или не может он выздороветь, причем презумпция обнимает не только наличие социальной опасности, но и срок помещения в маникомий; 2) презумпция продолжающейся социальной опасности (например, когда осужденный отбыл ту часть наказания, которая давала бы возможность досрочного освобождения, но он не может быть освобожден, несмотря на хорошее поведение, если после отбытия наказания к нему должна быть применена мера безопасности, связанная с лишением свободы); нелепость этого правила бросается в глаза особенно тогда, когда осужденному приходится отбывать наказание в 15—20—25 лет (при совокупности преступлений исправительный дом может быть назначен на срок до 30 лет); 3) презумпция опасности несуществующей (например, в случае условного осуждения — ст. 163 уголовного кодекса), условное осуждение к взрослым применяется в чрезвычайно узких пределах, с длительным испытательным сроком, в отношении несовершеннолетних применение его несколько расширено новым декретом о суде для несовершеннолетних, изменившим в этой части ст. 163 уголовного кодекса; 4) презумпция опасности прекратившейся (например, окончание испытательного срока при условном осуждении — ст. 176 уголовного кодекса).

Это — презумпции общего характера. Презумпция специального характера действует в отношении лица в случае признания его преступником привычным.

Постановления кодекса о рецидиве служат как бы переходом к постановлениям о преступнике привычном и профессиональном. Для рецидива кодекс устанавливает увеличение наказания (в некоторых случаях оно может быть в полтора раза больше нормального, причем не следует забывать, что и «нормальное» наказание достаточно высоко).

Обратимся к неподлежащей оспариванию презумпции, устанавливающей наличие привычности в преступлении.

В силу ст. 102 «признается привычным преступником тот, кто, будучи осужден к исправительному дому в общей сложности свыше 5 лет за три преступления, не являющиеся неосторожными, одного и того же характера, совершенные в течение 10 лет и независимо одно от другого, подвергнется вновь осуждению за преступление, не являющееся неосторожным, одного и того же характера, совершенное в течение 10 лет следующих за последним из указанных преступлений».

Нужно прочесть в «Трактате по уголовному праву» В. Манчини (который наиболее открыто выбалтывает «секреты» фашистской законодательной кухни) догматический анализ приведенной только что статьи с цитатами из многочисленных решений кассационного суда, чтобы понять, какой вакханалии произвольных толкований открывают двери эта и другие статьи фашистского уголовного кодекса.

В других случаях признание привычности может быть предоставлено усмотрению суда.

Следующая категория — это преступник профессиональный, для признания которым, кроме признаков, требуемых для привычного преступника, необходимо установить еще, что преступник привычно живет, хотя бы и в части, на средства, добываемые преступными деяниями.

И наконец, последней категорией в этой «классификации» социально-опасных является преступник по склонности (по тенденции, по врожденной склонности). Ст. 108 уголовного кодекса гласит: «Признается преступником по склонности тот, кто, хотя бы он не был рецидивистом, привычным или профессиональным преступником, совершит умышленное преступление против жизни или личной неприкосновенности... и кто сам по себе и с учетом обстоятельств, указанных в части 2 ст. 133 (опять ст. 133, см. выше — А. Б.), обнаружит специальную склонность к преступлению, причина которой заключается в особенно злом характере виновного».

Раз существует такая статья — щедрая дань антропологической школе, — статья догматически неясная и фактически нереальная (ибо нет преступников по врожденной склонности), то должны быть лица, которых суд под эту статью пожелает подвести. Но часто даже кассационный суд не может скрыть своего затруднения при определении того, насколько «правильно» суд подвел данное лицо под понятие «преступника по врожденной склонности»; время от времени кассационный суд вынужден неохотно, но все же отменять приговоры в части признания данного лица преступником по склонности (ср., например, решение от 9 ноября 1934 г.)¹.

В ст. 109 далее указано, что «кроме увеличения наказания, установленного для рецидива, и специальных последствий, указанных в других постановлениях закона, признание преступником привычным или профессиональным или

преступником по склонности влечет за собою применение мер безопасности».

В отношении мер безопасности, применяемых к любому правонарушителю, который будет признан «опасным», действует следующее правило: согласно ст. 205 уголовного кодекса меры безопасности могут быть назначены судом как в обвинительном, так и в оправдательном приговоре, но они могут быть назначены и впоследствии, а именно 1) в случае обвинительного приговора во время отбывания наказания или в период уклонения осужденного от отбывания наказания, 2) в случае оправдательного приговора, когда опасное состояние лица презумируется законом и не прошел период времени, отвечающий минимальной продолжительности соответствующей меры безопасности, и 3) во всякое время в случаях, указанных в законе.

В кого метят меры безопасности? На первый взгляд может показаться, что носителями опасного состояния являются только профессиональные преступники, дефективные и душевнобольные. Это не так. Что касается мер безопасности, которые устанавливает полицейский кодекс, то мы уже знаем из первого нашего очерка, что наиболее суровые меры безопасности — ссылка на интернирование на островах «смерти и безумия» — касаются почти исключительно политических. Меры безопасности, предусмотренные уголовным кодексом, метят прежде всего в широчайшие слои населения, борются с малейшим оттенком антифашистских настроений, и только во вторую очередь направлены против профессиональных преступников и душевнобольных.

Фашистское законодательство и в частности уголовный кодекс требуют внимательной расшивки для того, чтобы открыть истинное намерение законодателя, так как последний — и в кодексе полиции безопасности, и в уголовном кодексе, и в уголовно-процессуальном, и в тюремном уставе — старается не проводить грани между преступниками политическими и уголовными.

Отметим еще некоторые особенности мер безопасности.

Меры безопасности, как правило, отбываются после отбытия наказания, причем наказание в этом случае должно быть отбыто целиком (презумпция продолжающейся опасности). Никакого зачета между наказанием и мерами безопасности не допускается, они считаются величинами несравнимыми, хотя трудно провести грань между мерами безопасности, связанными с лишением свободы, и наказанием. Для мер безопасности установлен определенный минимальный срок, но не установлен максимального, — последний зависит всецело от усмотрения судьи по надзору. Меры безопасности, не связанные с лишением свободы, легко перерастают в меры безопасности, связанные с лишением свободы, — стоит только выдвинуть обвинение в нарушении некоторых предписаний.

Устанавливая систему презумпций в целом ряде случаев при определении наличия или отсутствия социальной опасности, фашистский уголовный кодекс пытается, например, дать арифметическое выражение сравнительной степени социальной опасности преступника привычного, профессионального и по склонности: оказывается, что преступник по склонности

¹ Суд вывел «склонность к преступлению» из «неизменности мотивов преступления». К сожалению, журнал «Ривиста ди диритто пенитенциарно» № 6 1935 г. приводит решение кассационного суда в извлечении — мы не узнаем (как в других случаях) фактических обстоятельств дела, а между тем это представляло бы большой интерес.

овно в два раза опаснее преступника привычного, ибо для него минимальный срок заключения в рабочий дом или сельскохозяйственную колонию в два раза больше (посредине между ними стоит преступник профессиональный — опаснее преступника привычного, но менее опасный преступника по склонности, ср. ст. 217 уголовного кодекса). Вообще «цифровой» стороне фашистского уголовного кодекса можно было бы посвятить специальную статью, причем эти цифры были бы отнюдь не «немыми».

Система карательных учреждений итальянского фашизма — материал для самостоятельного исследования. Здесь мы должны ограничиться только некоторыми замечаниями.

Цитированный нами профессор Натаниель Кантор говорит: «Новая итальянская тюремная программа вызывает серьезные возражения с точки зрения отсутствия в ней ясности. Лежащие в основе ее принципы являются и психологически, и логически нездоровыми. Необходимо иметь в виду, что сначала отбывается наказание, а затем меры безопасности. Если не формально, то по существу правонарушитель отбывает двойное наказание: срок тюремного заключения и срок превентивного заключения. Сначала правонарушитель наказывается, подвергается моральному «очищению» и возмездию, получает номер вместо имени, должен искупить преступление, причем наказание одновременно выполняет и свою устрашающую функцию. Затем, после долгого срока заключения, который делает его социально-непригодным и который создает настроение мстительности и озлобления, правонарушитель переводится в превентивные учреждения, где он должен быть «социально-приспособлен» к жизни».

Беспринципность кодекса вызывает множественность карательных учреждений, произвол и случайность в применении карательных мер, в распределении заключенных между указанными учреждениями, полную неопределенность, тяготеющую над судьбой заключенного.

Признавая одновременно и «моральную вину» и «социальную опасность», кодекс приводит к тому, что перед судом ставятся как бы две задачи (Э. Алтавила говорит о двойной активности суда) и разрешение этих задач идет часто совершенно различными путями.

Суд должен установить, во-первых, наличие «моральной вины» и выбрать наказание, пропорциональное этой вине, и, во-вторых, решить вопрос о «социальной опасности» и «о мерах социальной защиты».

Эти два вопроса отрываются один от другого даже в порядке процессуальной процедуры.

Как разрешает суд первую задачу, об этом картина говорит Э. Ферри (а ему ли не знать работы буржуазного суда!): «В наше время подсудимый на суде является только живым манекеном, к которому судья прикрепляет номер статьи уголовного уложения...». Наказание постигает подсудимого «в тот быстротечный момент, когда он, скорее как тень, чем как живой человек, прошел перед волшебным фонарем так называемого уголовного правосудия».

Не лучше обстоит дело с установлением «опасного состояния». Это установление совершается в упрощенном порядке, чаще всего единоличным судьей по надзору, этим рупором

полиции «безопасности, причем ни о каком исследовании «личности» правонарушителя не может быть и речи.

9.

Присмотримся теперь к роли, которую играет в фашистском уголовном кодексе наказание — устрашение-возмездие.

Прежде всего кодекс вводит в систему нормальных наказаний смертную казнь, которая устанавливается в 26 статьях, в большинстве как абсолютно определенная санкция.

Дофашистский уголовный кодекс 1889 г. не знал вовсе смертной казни. Смертная казнь была отменена в Италии в течение 27 лет, 25 ноября 1926 г. исключительным законом об охране государства смертная казнь была введена фашистским правительством. Она была введена якобы временно, как якобы временно тем же исключительным законом был учрежден чрезвычайный трибунал для охраны государства. На время действия этого трибунала создавались подсудные ему составы преступления, причем в шести случаях санкцией являлась смертная казнь. Фашистский уголовный кодекс превратил смертную казнь уже не во временную меру, а в постоянную и установил ее не в 6, а в 26 статьях.

Из них 21 статья приходится на раздел I книги 2-й преступлений против «личности государства» (преступления, предусмотренные этим разделом, подсудны чрезвычайному трибуналу по охране государства, компетенция которого была, одновременно с продлением его полномочий, значительно расширена). 4 статьи приходятся на раздел VI преступлений против общественной безопасности. Наконец, из общеуголовных преступлений смертная казнь установлена в целом ряде случаев квалифицированного убийства.

Мы уже отмечали, что в случае совокупности преступлений, каждое из которых карается пожизненной каторгой, должна быть назначена смертная казнь.

Пожизненная каторга — «эргастоло» — предусматривается в 14 статьях фашистского уголовного кодекса (вместо 4 дофашистского). При совокупности преступлений, из которых каждое наказывается не менее 24 лет исправительного дома, назначается пожизненная каторга. При совокупности преступлений, из которых за одно полагается пожизненная каторга, а за другое — срочное лишение свободы, дополнительно назначается одиночное заключение на срок от 6 месяцев до 4 лет. Пожизненная каторга отбывается в тюрьмах Портолонго на острове Эльбе (для преступников привычных, профессиональных и по склонности) и Сан-Стефано, на небольшом острове близ Неаполя (для остальных).

Что собой представляют фактически эти тюрьмы, об этом мы скажем в следующем очерке.

Вторым видом лишения свободы, по новому кодексу, является исправительный дом («реклазоне»). Режим в этих домах, как мы увидим в следующем очерке, приближается к каторжному.

Исправительный дом, согласно ст. 23 уголовного кодекса, назначается от 15 дней до 24 лет, с обязательным трудом и изоляцией на ночь. При совокупности преступлений исправительный дом может быть назначен до 30 лет.

Усиливая наказание по сравнению с дофашистским кодексом там, где речь идет об исправительном доме, фашистский уголовный кодекс, кроме того, устанавливает в большинстве случаев санкцию с указанием на обязательный — часто довольно высокий — минимум. Назначая в исправительный дом, суд, кроме того, имеет право в целом ряде случаев присоединить штраф, хотя бы статья особенной части такого штрафа не предусматривала. Однако статьи особенной части сплошь и рядом наряду с исправительным домом содержат и штраф.

Штраф при «преступлениях» может быть назначен от 50 лир до 50 тыс. лир. Судье в некоторых случаях предоставляется право увеличить этот максимум в три раза. При совокупности преступлений штраф может быть увеличен до 150 тыс. лир, а в случаях, где суду предоставлено переступить максимум, штраф может доходить до 400 тыс. лир. При невозможности уплаты штраф заменяется исправительным домом из расчета один день за 50 лир, но не свыше 3 лет за преступления.

За проступки лишение свободы назначается в виде ареста (от 5 дней до 3 лет, при совокупности до 6 лет). При проступках штраф назначается в размере от 20 до 10 тыс. лир (в некоторых случаях суд имеет право повысить высший предел вдвое; при совокупности проступков штраф доходит до 30 и 80 тыс. лир).

При проступках невозможность уплаты штрафа влечет замену штрафа арестом из расчета один день за 50 лир.

К основным наказаниям присоединяются «дополнительные».

Присуждение к сколько-нибудь серьезному наказанию связано с обязательным правопоражением. Осуждение к каторге или к исправительному дому на срок свыше 5 лет соединяется с пожизненным правопоражением.

10.

Фашизм — явление позднего, разлагающегося капитализма, проявление неспособности последнего управлять старыми испытанными методами парламентаризма и демократии.

Фашизм — открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала.

Фашистский уголовный кодекс — яркий показатель кризиса и бессилия буржуазной правовой мысли, с одной стороны, свирепой, оголтелой террористической репрессивности, с другой.

Прав Д. Джерманетто, когда в брошюре, посвященной бойцам итальянской коммунистической партии — Грамши и Террачини, — он восклицает: «Почва горит под ногами итальянского фашизма!» Об этом кричат кровавые поля Испании, позорное поражение итальянских фашистов под Гвадалахаррой.

Даже в фашистской Италии почти никто больше не отзывается восторженно об уголовном кодексе, как это еще имело место при его появлении (если не считать таких новоявленных «правоведов» как Корзо Бовио). Никто больше не может замолчать глубокой беспринципности кодекса и его жестокости.

Политическое лицо кодекса раскрывается еще ярче при изучении его особенной части, которой будет посвящен следующий очерк.

Антикоммунистические законы в Греции¹

Новая греческая конституция была обнародована 2 июня 1927 г. Хотя конституция 1927 г., как и надлежит буржуазно-демократической конституции, содержит в себе главу о «публичных правах эллинов», перечисляющую всевозможные гражданские свободы, и хотя у власти с 1928 г. стояло республиканско-демократическое правительство Венизелоса, однако ни то, ни другое нисколько не помешало изданию закона 24 июля 1929 г. «Об охране социального строя и защите свобод гражданина», закона, заставившего коммунистическую партию перейти в подполье и сопровождавшегося преследованием унитарных профсоюзов.

Ст. 1 закона предусматривала наказание тюремным заключением на срок не менее шести месяцев с последующей высылкой на срок до двух лет того, кто «распространяет идеи, явно преследующие цель низвержения силою существующего социального режима или отторжения части государственной территории, или агитирует в пользу проведения их в жизнь». Тем же наказанием, согласно части 2 той же статьи, подвергается тот, кто, пользуясь забастовкой или локаутом, вызывает беспорядки или локауты.

Закон определяет чрезвычайно широкий круг лиц, ответственных за распространение идей, преследующих цель социальной революции, если эти идеи нашли себе выражение в произведении печати. Сюда, помимо автора и редактора, относятся и директор или издатель печатного органа и лица, сознательно взявшие за распространение произведения, и, наконец, типограф в случае неизвестности, кто был издателем. Все эти лица могут быть лишены права заниматься их профессией.

Между тем, что следует разуметь под произведением, содержащим в себе идеи, направленные на низвержение существующего социального режима?

Ясно, что под это растяжимое понятие легко могут быть подведены не только пропагандистские и агитационные сочинения, но и все сочинения, посвященные изложению и обоснованию идей научного социализма.

Преследуется не только пропаганда революционных идей. Наказанию, по ст. 3 закона,

¹ Материалом для настоящей статьи послужили бывшие в нашем распоряжении тексты трех греческих законов и докладных записок, опубликованных при двух из них. Для изложения и освещения тех политических условий, при которых были изданы законы, использованы статьи в «Коммунистическом интернационале»: А. Петков, Вооруженная борьба в лагере греческой буржуазии и компартии Греции (1935 г. № 15), Захариадис и Никис, Борьба и успехи народного фронта в Греции (1936 г. № 5—6), Никис, Классовые бои в Греции (1936 г. № 11—12), вступительная статья О. Эбеля к конституции Греции в сборнике «Конституции буржуазных стран», т. II, 1936 г. и корреспонденции в газетах «Правда» и «Известия» для характеристики положения заключенных в концлагери — материалы МОПР.

подвергается и тот, кто сознательно явится на собрание, созданное для «применения» (очевидно, в форме изложения или обсуждения) таких идей.

Само собой разумеется, что всякого рода организации, в деятельности которых будет усмотрена цель ниспровержения существующего социального режима, подлежат закрытию.

Ст.ст. 5 и 6 содержат в себе специальные постановления о государственных служащих вообще, об учителях и военнослужащих. Лица последних двух категорий отрешаются от службы не только в случае осуждения за пропаганду коммунистических идей, но и в случае распространения принципов, задевающих идею отечества или национальные символы.

6 марта 1933 г. венизеллисты потерпели поражение на выборах. Власть оказалась в руках народной партии Цалдариса, представлявшей интересы монархически настроенных кругов землевладельцев и домовладельцев, и национал-радикальной партии Кондилиса, за которым стояла греческая военщина. К этому блоку примкнула и часть представителей финансового и промышленного капитала.

К началу сентября 1934 г. стала вполне реальной и близкой опасностью установления военно-фашистской диктатуры. Опасность эта угрожала с двух сторон — как со стороны монархистов, так и со стороны республиканцев-венизеллистов. Не рассчитывая на возвращение к власти легальным путем, венизеллисты не отказались от участия в попытке фашистского переворота, имевшей место 1 марта 1935 г.

Венизеллисты выступили под лозунгами: защита республики от правительства, подготавливающего монархическую реставрацию, за политические свободы, попираемые правительством, против монархо-фашизма. Чтобы понять, почему эти лозунги не соблазнили широкие народные массы, надо иметь в виду, что настоящее политическое лицо венизеллистов уже было выявлено опытом прошлого. Венизеллисты и цалдаристы отличались друг от друга лишь тем, что первые представляли одну часть финансового капитала, вторые — другую часть того же финансового капитала и большинство помещичьих и монархических элементов. Если бы военный переворот, затеянный венизеллистами, удался, то это означало бы немедленное установление открытой фашистской диктатуры. Правительство Цалдариса тоже стояло за фашистскую программу мероприятий, но предпочитало постепенное осуществление ее одновременно с подготовкой реставрации монархии. При этих условиях понятно, что единый фронт рабочих и крестьян ставил себе задачей борьбу с венизеллистами так же, как и с правительством. Компартия и унитарные профсоюзы еще до путча венизеллистов призывали массы к борьбе под лозунгами: против фашистских мероприятий правительства, против военно-фашистского переворота, подготовлявшегося Ренизелосом и его кликой.

Путч не удался венизеллистам. Правительство одержало победу. После победы оно оставило в силе военное положение, введенное на другой же день после восстания, и самовольно внесло изменения в конституцию. Были преданы военному суду революционные рабочие, запрещены революционные издания, в то время как венизеллисты снова получили возможность выступать печатно. В этом сказалось

то, что правительство питало гораздо большую вражду к рабочим массам и их революционным руководителям, чем к венизеллистам, борьба с которыми лишь отражала противоречия внутри лагеря буржуазии.

Чтобы легализовать изменения конституции, правительство назначило выборы в учредительное собрание на 26 мая 1935 г.

Между тем, противоречия до крайности обострились и внутри самого правительства. Введенный в состав правительства во время борьбы с восстанием генерал Метаксас, имевший связи с германскими фашистскими деятелями, добивался установления диктатуры такой же, как в Германии. Когда его предложения не были приняты, он вышел в отставку, после чего стал развивать еще более энергичную деятельность в пользу установления диктатуры его и возглавляемых им «монархистов». Ему удалось вызвать раскол среди народной партии Цалдариса: тридцать депутатов этой партии выразили недоверие политике Цалдариса и примкнули к Метаксасу.

Однако Метаксаса опередил другой представитель греческого фашизма, упомянутый уже глава национал-радикальной партии Кондилис, державший во внешней политике курс на Италию. Совершив в октябре 1935 г. государственный переворот, он провозгласил восстановление монархии, себя объявив регентом и установив военно-фашистскую диктатуру. Восстановление монархии повлекло за собою и восстановление монархической конституции 1911 г.

Кондилис ошибся в расчете. Возвращенный в Грецию из Англии король Георг, обязанный своим призванием закулисным влиянием лондонского Сити и Форейн Оффиса (министерства иностранных дел), оказался сторонником ориентации на Англию. Эта ориентация заставила его устранить Кондилиса и искать примирения с венизеллистами. В 1936 г. был издан акт об амнистии, которым были помилованы участники мартовского венизеллистского путча. Амнистия не распространилась на заключенных в тюрьме и сосланных антифашистов. С той же целью примирения с венизеллистами были проведены парламентские выборы, причем лица, судившиеся по антикоммунистическому закону, не могли принять в них участие как лишенные избирательных прав.

Выборы, дав большинство венизеллистам, примирившимся теперь с монархией, не дали, однако, желательного для монархии примирения отдельных буржуазных партий, что создало чрезвычайные затруднения при образовании правительства. После полуторамесячного кризиса было сформировано в середине марта 1936 г. «чиновничье» правительство, в котором единственной политической фигурой был вновь вошедший в состав правительства генерал Метаксас, все более подчинявший короля своему влиянию.

Народному фронту, несмотря на обрушившийся на него террор, удалось провести в парламент 15 депутатов и собрать на 20% больше голосов, чем в 1933 г. Это было успехом, но успехом недостаточным, соответствовавшим недостаточной ширине антифашистского фронта. Преодолев некоторое сопротивление в своей среде, коммунистическая партия взяла курс на образование такого фронта всех антифашистских партий и группировок, который

действительно заслуживал бы название всенародного: в него должны были войти даже левые элементы венизелитской партии. Однако поставленная цель не была достигнута в полной мере, так как инициатива коммунистической партии не встретила поддержки со стороны вождей ряда тех организаций, которые должны были войти в народный фронт.

Еще до созыва парламента работа по расширению антифашистского фронта была возобновлена при энергичном участии только что выбранных депутатов.

С начала 1936 г. в Греции стало быстро разрастаться стачечное движение. Волна его особенно высоко поднялась в начале мая 1936 года. Стачки, возникшие 8 и 9 мая и сопутствовавшие им демонстрации, сопровождались столкновениями с полицией, при которых были убиты десятки и ранены сотни человек.

Оба профсоюзные объединения (унитарное и реформистское) назначили на 13 мая 24-часовую всеобщую забастовку протеста. Успех забастовки был полным. В ней приняли участие до полумиллиона человек. Она способствовала сближению унитарной и реформистской конфедераций, расширению и упрочению единого фронта, с которым теперь крепко связалось даже большинство либеральной партии.

С другой стороны, майские события привели к дальнейшему расколу буржуазно-помещичьего лагеря. Теперь в монархистском лагере стали все больше брать верх крайние элементы, связанные с фашистскими заговорщиками из военной лиги.

Подводя итоги майским событиям, ЦК греческой компартии констатировал: «Убийца Метаксас, — представитель самых террористических буржуазных кругов короля и фашистской военщины, — ускоряет проведение в жизнь своих мероприятий для подготовки военно-монархической фашистской диктатуры. Опасность серьезна и велика, ее угроза уже нависла над трудящимися».

Этот диагноз политического положения был как нельзя более верен. Когда кампания за освобождение из тюрем арестованных активистов народного фронта и против декрета Метаксаса о принудительном арбитраже при возникновении трудовых конфликтов привела к всеобщей забастовке греческих рабочих, объявленной в ночь на 5 августа, правительство Метаксаса с согласия короля объявило во всей стране военное положение и распустило парламент без назначения нового срока выборов. Парламентский режим уступил место режиму открытой фашистской террористической диктатуры, воплощенной в лице премьер-министра и военного министра Метаксаса.

Королевским декретом, подписанным уже 4 августа 1936 г., было объявлено о приостановлении действия ст.ст. 5, 6, 10, 11, 14, 20 и 95 конституции.

Изданию декрета сопутствовало опубликование докладной записки главы правительства Метаксаса, который относил предстоящую забастовку целиком на счет «происков» коммунистов. «Коммунизм, — говорилось в объяснительной записке, — воспользовавшись политической анархией, плодом неисчислимого недуга споров между многочисленными неорганизованными политическими партиями, а также бешеной демагогической и разлагающей кампанией огромной части прессы, поверил, что на-

стал момент свержения социального режима и разложения греческого общества».

Как всегда бывает в подобных случаях во всех капиталистических странах, введение исключительного положения и отмена политических гарантий для граждан мотивировались соображениями гуманности, желанием предупредить «большое кровопролитие».

Отмена ст.ст. 5, 6, 10, 11, 12, 14, 20 и 95 конституции 1911 г. означает что с 4 августа 1936 г. отменены: 1) запрет за исключением случаев захвата на месте преступления, ареста и заключения в тюрьму без судебного мандата и требование судебной проверки в определенный срок основательности ареста на месте преступления; 2) ограничение срока заключения по делам о политических преступлениях тремя месяцами и допущение освобождения лица, арестованного по обвинению в политическом преступлении, по представлении им залога, размер которого определяется судом; 3) свобода собраний; 4) свобода союзов, для образования которых конституцией не требуется разрешения правительства и которые, по конституции, могут быть распускаемы только по судебному решению; 5) неприкосновенность жилища, исключаящая производство обысков иначе, как в формах, установленных законом; 6) свобода печати и запрещение цензуры; требование судебного контроля конфискации произведений печати в тех случаях, когда она допускается; 7) гарантия тайны переписки; 8) подследность политических преступлений и преступлений печати, поскольку они не затрагивают частной жизни, суду присяжных.

15 сентября был опубликован новый закон «о мерах по борьбе с коммунизмом и с его последствиями».

Закон этот, отменяющий закон 24 июля 1929 г., в основном повторяет его положения, давая тем самым подтверждение, что диктатура республиканцев-венизелитов уже подготовляла правовое оформление для диктаторского режима Метаксаса, заслоняющего собою фигуру короля, которого он превратил в проводника уже не английского, а германского влияния.

Если ст. 1 закона 1929 г. предусматривала распространение идей, преследующих цель низвержения существующего социального строя или отторжения части государственной территории, то ст. 1 нового закона присоединяет к этому еще и цель надления автономией части греческой территории.

Если закон 1929 г. предусматривал коротко: «Подвергается тем же наказаниям (каким подвергаются распространители вышеуказанных идей) тот, кто, воспользовавшись забастовкой или локаутom, вызывает беспорядки или столкновения», то закон 15 сентября 1936 г., расширяя состав преступления, постановляет: «Наказываются тюремным заключением не менее 3 месяцев и высылкой от 6 месяцев до 2 лет в место, назначенное решением суда, все те, которые для достижения вышеуказанных целей вызывают объявления локаутов или подстрекают рабочих к объявлению забастовки и после этого объявления советуют прекратившим работу рабочим или кому-либо другому совершение нелегальных актов или толкают, или вызывают их на совершение таких актов».

Как и закон 1929 г., новый закон предусматривает ответственность, наряду с автором

печатного произведения, содержащего в себе состав преступления, также редактора, директора или издателя печатного органа, в котором произведение напечатано, распространителей его, а если издатель неизвестен, то и содержателя типографии. Но помимо этого новый закон содержит в себе следующее постановление: «Издатели и продавцы в книжных магазинах, владельцы книг и других печатных произведений, содержание которых явно противоречит целям настоящего закона, как относящееся к теориям, идеям и системам, о которых гласит ст. 1 настоящего закона, обязуются в 20-дневный срок со дня опубликования настоящего закона доставить и сдать эти печатные произведения полицейским властям, о чем на месте сдачи составляется протокол».

Другие статьи нового закона 1936 г. также развивают, дополняют, детализируют постановление закона 1929 г. Самое же существенное в новом законе заключается в том, что в то время, как закон 1929 г. говорил просто о высылке, новый закон добавляет: «Место концентрации высылаемых судебными решениями или комиссиями безопасности, как и способов их охраны и их использования, будут определены компетентным для этого министерством общественной безопасности в специальном министерском распоряжении».

Другими словами, новым законом предусмотрено заключение административно-высланных в концентрационных лагерях. Фактически, впрочем, такие лагеря существовали и раньше.

Немалый интерес представляет докладная записка, при которой проект закона был представлен королю на подпись. Характеризуя коммунизм, как некое чудовище «озорно» и «обло», от которого все беды пошли и которое добивается «упразднения всех моральных, национальных и религиозных принципов, аннулирования личности, индивидуальной свободы человека и так далее», записка ссылается на пример «тех стран, где коммунистическая опасность была как следует оценена» и где «были приняты надлежащие законодательные меры для ожесточенной борьбы с коммунизмом».

Записка, называя распространение коммунизма «социальной эпидемией», которая заразилась в гораздо большем масштабе другие общества, с сожалением констатирует, что коммунизм, «несмотря на вполне естественный отпор, который он должен был встретить в греческой психологии, все же оказал свое влияние и на греческое общество и в частности в некоторых районах и отраслях до такой степени, которую трудно даже себе представить».

Далее следует жалоба на «агентов иностранной пропаганды»: «Им удалось привлечь к себе большое число легкомысленных греков, среди коих много недоучившихся людей, подкупить совесть других путем находящегося в их распоряжении обильных иностранных материальных средств и местных денег и зарвать коммунистическим микробом большую часть рабочего класса».

Особую угрозу морального и политического разложения общества записка видит в том, что участники коммунистических организаций высказываются за «автономии» территорий, завоевание которых стоило бы национальных жертв».

Из всего этого вывод: «При таком положении

вещей правительство решило предотвратить трагические последствия коммунистической наглости, чему примером служит испанская трагедия». Оказывается, не фашистские интервенты, а коммунисты виноваты в той действительно потрясающей трагедии, которая выпала на долю Испании. Само собою напрашивается из только что приведенной цитаты нужное слово для характеристики той смелости, с какою составители записки возводят клевету на коммунистическую партию, которая в Испании, как и в Греции, хочет сличения своих сил с силами всех здоровых общественных организаций, готовых бороться против деспотизма, за основы демократии, против «варваризации» этих двух прекрасных стран по методу Гитлера, против превращения их в вассалов гитлеровской Германии.

Если террористические методы Метаксаса обрушились, главным образом, на коммунистов, то все же среди пострадавших от них есть много и некоммунистов, ибо всякий недовольный режимом Метаксаса уже навлекает на себя подозрение в сочувствии коммунистам. По сведениям, сообщенным корреспондентом английской газеты «Манчестер Гардиан» от 30 августа 1936 г., до 1 октября этого же года, на острова были сосланы и там подвергнуты заключению 670 человек и еще гораздо большее число лиц были оставлены в тюрьмах на материке. Среди сосланных — профессор государственного права и председатель лиги защиты прав человека Сволос вместе с его ассистентом, бывшие депутаты в парламенте от аграрной партии Софианопулос и Гавридилос, социал-демократический депутат Ласкарис, полковник Бакирдис, позволивший себе напечатать либеральную статью, и т. д.

Греческие фашисты в жестокости, которую они практикуют в борьбе со своими противниками, конкурируют со своими покровителями в Германии. Вот взятые из материалов МОПР почти без выбора два одновременных сообщения: «13 октября 1936 г. убит в охране в Пирее после длительного мучения Химек Марукикис, требовавший от него сведений о нелегальной типографии «Ризоспастикс» (печатный орган коммунистической партии), труп его выбросили на улицу Пирея»; «профессора афинского университета Цацоса, антифашиста, напоили касторкой и в наручниках отправили в ссылку».

Мы не располагаем новейшими сведениями о положении сосланных на острова, но оно не может быть лучше, чем год назад. А вот то, что в феврале—марте прошлого года сообщали сосланные на острова об условиях своего заключения 122 человека, сосланные на остров Сикинос, в воззвании к соотечественникам в Греции и за границей, которое им удалось напечатать в иностранной прессе, сообщали, что они ведут на этом острове жалкое существование: живут в настоящих вертепах, которые даже летом остаются сырыми, им не во что одеваться, они ходят босиком; их пища состоит из полтарелки вареных овощей с водой и в лучшем случае с половиною селедки; многие страдают туберкулезом; между тем, на острове нет ни врачей, ни медикаментов и даже больные не пользуются усиленным питанием. Сосланные на остров Ай-Страти писали: «Мы голы, у нас нет обуви. Для на-

ших больных нет хины. Спасите нас!». В таком же положении сосланные на остров Анафи: «Из 83 лиц нашего коллектива, писали они, 20 больны чахоткой. В каждой камере, рассчитанной на 5 человек, помещается в среднем по 10. Наша одежда вконец изнасилась. Пища несъедобна. Государство ассигнует на пищу, включая хлеб, не более 8 драхм в сутки на человека. Между тем, 8 драхм стоит одно кило хлеба».

За свою энергичную расправу со всеми противниками его политики Метаксас вместе со всеми приспешниками удостоился похвалы со стороны германского министра пропаганды Геббельса. На приеме немецких и греческих журналистов в сентябре 1936 г. он говорил: «Люди, которые с корнем вырвали большевизм в Греции, заслуживают нашей благодарности и признания. Существует категория людей, в отношении которых нет другого сред-

ства заставить их слушаться, как дать им по морде» (перевод совершенно точный.—Н. П.)¹.

Правительство Метаксаса применило тот самый метод для борьбы с недовольством внутри страны, о котором говорил товарищ Литвинев в речи, произнесенной на Чрезвычайном VIII съезде советов 28 ноября 1936 г.: «Если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устранить недовольных». Однако метод этот не всегда оказывается действительным. Несмотря на то что мерами, принятыми в силу изложенного декрета Метаксаса, пресса в Греции удушена, недовольство всех слоев населения в Греции режимом Метаксаса, по словам газеты «Морнинг-Пост», принимает такие формы, что оно заметно даже поверхностному наблюдателю.

Н. Полянский

¹ Цит. в «Einheit» 1937. № 3, стр. 21.

СОДЕРЖАНИЕ № 6

Передовая — Пятнадцать лет советской прокуратуры	1
Г. Сегал — Железнодорожная прокуратура в борьбе за социалистический транспорт	7
С. Миرون ов — Прокуратура водного транспорта в борьбе за социалистическую законность	13
С. Гол у н с к и й — Пятнадцать лет борьбы за революционную законность	16
С. Березовская — Прошлое и настоящее общего надзора	24
М. Строгов и ч — Прокуратура как орган государственного обвинения	27
В. Тадевосян — О рассмотрении жалоб трудящихся в прокуратуре	32
И. Кристин — Из воспоминаний старого прокурора	35
Л. Шейнин — Гибель Надежды Спиридоновой	38
Н-а — Женщина-прокурор	41
Б. Маньковский — Против антимарксистских теорий в уголовном праве	43
Б. Борисов — Положение на фронтах теории гражданского права	56
В. Лебединский — Общий надзор за законностью	63
Левон — Московская коллегия защитников	67
Обмен опытом	68
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	82
Практика Прокуратуры Союза по общему надзору	89
По союзным республикам	90
Актив прокуратуры	96
Всесоюзное совещание прокуроров ж.-д. транспорта	111
коренным образом улучшить работу с жалобами	134
Право, процесс и судостроительство в капиталистических странах	142

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Технический редактор Н. Журавлев

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 5/VI 1937 г.

Сдано в производство 9/VI 1937 г.

Подписано к печати 27/VI—1/VII 1937 г. 10 п. л., 25,78 авт. л. В одном бум. листе 216000 знаков

Формат 71×105/16

Ю—4 п.; № 443

Уполном. Главлита Б—20240

Заказ № 845

Тираж 20250 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

ПОЛОЖЕНИЕ О КОЛЛЕКТИВЕ АДВОКАТОВ ПРИ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ „ИНЮРКОЛЛЕГИЯ“

1. Для продолжения деятельности ликвидируемого акционерного общества «Кредит-бюро» в Москве при Московской городской коллегии защитников образуется коллектив адвокатов под наименованием «Инюрколлегия».

Коллектив имеет целью:

а) Ведение за границей гражданских дел советских граждан и организаций, а равно проживающих в СССР иностранцев, в частности дел: наследственных, по реализации имущества, по взысканию с иностранных банков, страховых обществ, транспортных и других организаций по запатентованию изобретений, по регистрации товарных знаков и др.

б) Ведение в СССР гражданских дел иностранных граждан и организаций.

в) Оказание юридической помощи путем наведения всякого рода справок, розыска документов, дачи консультаций и т. п. советским гражданам и организациям, а также проживающим в СССР иностранцам по гражданским делам за границей, а равно иностранным гражданам и организациям по их гражданским делам в СССР.

Примечание. На основе специального соглашения между бывшими акционерами «Кредит-бюро» и «Инюрколлегией» к коллективу адвокатов «Инюрколлегия» переходит весь актив и пассив ликвидируемого акционерного общества «Кредит-бюро» по балансу на 1 апреля 1937 г., а также весь портфель клиентских дел со всеми правами и обязанностями «Кредит-бюро» перед клиентами, иностранными корреспондентами и перед всеми третьими лицами.

2. Для осуществления указанных в п. 1 целей «Инюрколлегия» пользуется правами самостоятельного юридического лица. Она имеет право:

а) Заключать всякого рода сделки и договоры, вступать в заемные, вексельные и всякие другие обязательства, приобретать всякого рода имущество, в том числе недвижимое имущество за границей, управлять, заведывать и распоряжаться всякого рода имуществами, открывать на свое имя счета в банках в советской и иностранной валюте и получать с указанных счетов деньги, совершать всякого рода другие банковские операции, выдавать и получать на свое имя доверенности с правом дальнейшего передоверия.

б) Предъявлять как в СССР, так и за границей иски и отвечать по предъявленным к ней искам, равно как совершать всякие про-

цессуальные действия, в том числе кончить дела миром, заявлять на суде признания и кассы от прав, подавать кассационные и в кие другие жалобы и т. п.

в) Принимать непосредственно на себя права и обязанности администратора по наследственным имуществам как внутри СССР, и за границей, равно как давать поручительства и гарантии за администраторов по наследственным имуществам.

г) Принимать и увольнять служащих, открывать в СССР и за границей конторы и представительства, иметь уполномоченных корреспондентов и инкассаторов в пределах СССР и за границей.

д) Совершать как на территории СССР, и за границей всякие судебные и внесудебные действия и операции, необходимые для осуществления указанных в п. 1 целей.

«Инюрколлегия» имеет печать с изображением своего наименования.

3. «Инюрколлегия» отвечает перед третьими лицами всем принадлежащим ей имуществом. Члены коллектива никакой личной ответственности по обязательствам «Инюрколлегии» перед третьими лицами не несут.

4. Членами коллектива могут быть только члены Московской городской коллегии защитников.

Члены Московской городской коллегии защитников, желающие вступить в коллектив, дают об этом письменное заявление председателю коллектива, который оформляет заявление в установленном порядке.

Каждый член коллектива имеет право выйти из состава его, подав об этом письменное заявление председателю коллектива.

5. Для руководства делами «Инюрколлегии» образуется в установленном порядке бюро «Инюрколлегии» в составе председателя и заместителя председателя.

На обязанности председателя лежит:

а) Утверждение приходо-расходных смет плана работ «Инюрколлегии».

б) Составление годичного отчета, баланса счета прибылей и убытков.

в) Распоряжение имуществом коллектива.

г) Прием новых членов коллектива.

д) Установление форм и размера вознаграждения членам коллектива.

е) Ведение всех текущих дел «Инюрколлегии».

Председатель бюро полностью представляет коллектив «Инюрколлегии», без особой на то доверенности, перед всеми ведомствами, учреждениями и лицами и имеет право подписи на всех договорах, денежных документах, распоряжениях, чеках, доверенностях и передовых, судебно-состязательных бумагах, корреспонденции и вообще на всех исходящих от «Инюрколлегии» бумагах.

Количество подписей, необходимых для действительности тех или иных документов, устанавливается председателем.

6. Для проверки и утверждения годичного отчета, баланса и счета прибылей и убытков образуется в установленном порядке ревизионная комиссия в составе трех лиц.

7. Все вопросы, касающиеся организации «Инюрколлегии», порядка ее работы, прав и обязанностей членов коллектива и внутренних взаимоотношений в нем определяются утвержденным Наркомюстом СССР типовым уставом коллективов, поскольку иное не вытекает из настоящего положения.

Утверждено секретариатом ЦСП СССР 4 июня 1937 г. в соответствии со ст. ст. 2, 4 и 5 раздела V Устава ЦСП СССР («Собрание законов СССР», II отд. 1935 г., № 4 ст. 25).

ПОЛОЖЕНИЕ

ОБ УПРАВЛЕНИИ ПО ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

I. Общие положения

1. Управление по охране авторских прав является организацией Союза советских писателей СССР, имеющей задачей обслуживание авторов художественно-литературных, драматических, музыкально-драматических, кино-драматических, эстрадных и иных произведений путем сбора в их пользу причитающегося им авторского гонорара как законом обусловленной зарплаты за публичное исполнение их произведений.

2. Для осуществления указанной в ст. 1 задачи Управление по охране авторских прав:

А) ведет систематический каталог всех публично исполняемых произведений, авторские права на которые охраняются действующим законодательством;

Б) ведет систематическую регистрацию авторов — клиентов Управления;

В) создает на территории Советского союза сеть уполномоченных, являющихся представителями Управления на местах;

Г) с утверждения Правления Союза советских писателей СССР открывает в союзных республиках и крупных театральных центрах республиканские, краевые и областные отделения, действующие на основе положений, утверждаемых Правлением Союза советских писателей СССР;

Д) взимает со всех зрелищных предприятий, культурно-просветительных и иных учреждений и организаций СССР установленные законодательством об авторском праве:

а) авторский гонорар за публичное исполнение произведений советских авторов драматических и музыкальных произведений в пользу авторов этих произведений или их наследников;

б) авторский гонорар за публичное испол-

нение национализированных произведений в доход государства;

в) установленные постановлением СНК СССР от 28 июля 1934 г. отчисления в литературный фонд СССР в пользу литературного фонда СССР.

Примечание. Взимание отчислений в литературный фонд СССР осуществляется на основании и в порядке заключаемых с правлением литературного фонда СССР договоров;

г) осуществляет руководство и контроль за организационной, оперативной и финансовой деятельностью своих отделений и уполномоченных;

д) открывает в Госбанке СССР и его местных конторах и агентствах текущие счета, простые и специальные;

е) публикует материалы оперативного, конструктивного и отчетного характера, относящиеся к деятельности Управления;

ж) оказывает юридическую помощь авторам по вопросам, вытекающим из публичного исполнения их произведений.

II. Органы управления

3. Высшим руководящим органом Управления по охране авторских прав является Правление Союза советских писателей СССР, выполняющее следующие задачи по руководству Управлением:

а) рассмотрение и утверждение годовых и квартальных планов и смет Управления, а также его годовых и квартальных отчетов;

б) рассмотрение и утверждение структуры и штатов Управления и его местных органов;

в) установление размеров отчислений в пользу Управления с сумм, взимаемых им в

порядке ст. 2 настоящего Положения, на содержание аппарата Управления, его отделений и уполномоченных;

г) рассмотрение и утверждение всех вопросов об организации отделений Управления на местах;

д) рассмотрение представлений Управления об изменении и дополнении законодательства об авторском праве и внесение их в правительственные органы;

е) рассмотрение жалоб на действия Управления.

4. Непосредственное руководство текущей организационной, административной, оперативной и финансовой деятельностью Управления осуществляется директором Управления, действующим на основании настоящего Положения, законоположений по авторскому праву, нотариально выданной Союзом советских писателей доверенности и указаний Правления Союза советских писателей СССР.

В частности, директор Управления выполняет следующие задачи:

а) принимает и увольняет служащих и рабочих Управления, а также управляющих отделениями и уполномоченных Управления на местах.

Примечание. Назначение главного бухгалтера и заместителя директора Управления производится директором Управления с предварительного утверждения выдвижаемых им кандидатур Правлением ССП СССР.

б) распоряжается, в пределах утвержденной приходно-расходной сметы, всеми кредитами и средствами Управления;

в) устанавливает размер вознаграждения уполномоченным Управления за осуществляемую ими работу;

г) рассматривает жалобы на действия отделений и уполномоченных Управления.

5. Директор Управления назначается Правлением Союза советских писателей СССР и подотчетен ему в своей деятельности.

6. Директор Управления несет единоличную ответственность за всю организационную, административную, оперативную и финансовую работу Управления и его отделений и уполномоченных на местах.

III. Ревизия деятельности Управления

7. Всесторонняя ревизия деятельности Управления и его отделений, наблюдение за правильным хранением и расходованием средств осуществляется ревизионной комиссией Союза советских писателей СССР и НКФ СССР.

8. Ревизионная комиссия производит ревизию Управления не реже одного раза в год, с представлением своих заключений Правлению Союза советских писателей СССР.

IV. Средства Управления

9. Средства Управления состоят из:

а) установленных отчислений с сумм, поступающих в Управление в порядке ст. 2 настоящего положения;

б) процентов по текущим счетам;

в) специальных ассигнований правительств и Союза советских писателей СССР.

V. Место нахождения Управления, печать

10. Управление по охране авторских прав ССП СССР находится в г. Москве и распространяет свою деятельность на всю территорию Союза ССР, подчиняя себе все местные республиканские, краевые и областные управления.

11. Управление по охране авторских прав имеет печать со следующей надписью: «Союз советских писателей СССР» — «Управление по охране авторских прав».

ших больных нет хины. Спасите нас!». В таком же положении сосланные на остров Анафи: «Из 83 лиц нашего коллектива, писали они, 20 больны чахоткой. В каждой камере, рассчитанной на 5 человек, помещается в среднем по 10. Наша одежда вконец износилась. Пища несъедобна. Государство ассигнует на пищу, включая хлеб, не более 8 драхм в сутки на человека. Между тем, 8 драхм стоит одно кило хлеба».

За свою энергичную расправу со всеми противниками его политики Метаксас вместе со всеми приспешниками удостоился похвалы со стороны германского министра пропаганды Геббельса. На приеме немецких и греческих журналистов в сентябре 1936 г. он говорил: «Люди, которые с корнем вырвали большевизм в Греции, заслуживают нашей благодарности и признания. Существует категория людей, в отношении которых нет другого сред-

ства заставить их слушаться, как дать им по морде» (перевод совершенно точный.—Н. П.)¹.

Правительство Метаксаса применило тот самый метод для борьбы с недовольством внутри страны, о котором говорил товарищ Литвинев в речи, произнесенной на Чрезвычайном VIII съезде советов 28 ноября 1936 г.: «Если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устранить недовольных». Однако метод этот не всегда оказывается действительным. Несмотря на то что мерами, принятыми в силу изложенного декрета Метаксаса, пресса в Греции удушена, недовольство всех слоев населения в Греции режимом Метаксаса, по словам газеты «Морнинг-Пост», принимает такие формы, что оно заметно даже поверхностному наблюдателю.

Н. Полянский

¹ Цит. в «Einheit» 1937, № 3, стр. 21.

СОДЕРЖАНИЕ № 6

Передовая — Пятнадцать лет советской прокуратуры	1
Г. Сегал — Железнодорожная прокуратура в борьбе за социалистический транспорт	7
С. Ми ро н о в — Прокуратура водного транспорта в борьбе за социалистическую законность	13
С. Г о л у н с к и й — Пятнадцать лет борьбы за революционную законность	16
С. Б е р е з о в с к а я — Прошлое и настоящее общего надзора	24
М. С т р о г о в и ч — Прокуратура как орган государственного обвинения	27
В. Т а д е в о с я н — О рассмотрении жалоб трудящихся в прокуратуре	32
И. К р и с т и н — Из воспоминаний старого прокурора	35
Л. Ш е й н и н — Гибель Надежды Спиридоновой	38
Н-а — Женщина-прокурор	41
Б. М а н ь к о в с к и й — Против антимарксистских теорий в уголовном праве	43
Б. Б о р и с о в — Положение на фронтах теории гражданского права	56
В. Л е б е д и н с к и й — Общий надзор за законностью	63
Л е в о н — Московская коллегия защитников	67
Обмен опытом	68
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	82
Практика Прокуратуры Союза по общему надзору	89
По союзным республикам	90
Актив прокуратуры	96
Всесоюзное совещание прокуроров ж.-д. транспорта	111
коренным образом улучшить работу с жалобами	134
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	142

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Технический редактор Н. Журавлев

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 5/VI 1937 г.

Сдано в производство 9/VI 1937 г.

Подписано к печати 27/VI—1/VII 1937 г. 10 п. л., 25,78 авт. лист. В одном бум. листе 216000 знаков

Формат 71×105/16

Ю—4 п.; № 443

Уполном. Главлита Б—20240

Заказ № 845

Тираж 20250 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

ПОЛОЖЕНИЕ О КОЛЛЕКТИВЕ АДВОКАТОВ ПРИ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ „ИНЮРКОЛЛЕГИЯ“

1. Для продолжения деятельности ликвидируемого акционерного общества «Кредит-бюро» в Москве при Московской городской коллегии защитников образуется коллектив адвокатов под наименованием «Инюрколлегия».

Коллектив имеет целью:

а) Ведение за границей гражданских дел советских граждан и организаций, а равно проживающих в СССР иностранцев, в частности дел: наследственных, по реализации имущества, по взысканию с иностранных банков, страховых обществ, транспортных и других организаций по запатентованию изобретений, по регистрации товарных знаков и др.

б) Ведение в СССР гражданских дел иностранных граждан и организаций.

в) Оказание юридической помощи путем наведения всякого рода справок, розыска документов, дачи консультаций и т. п. советским гражданам и организациям, а также проживающим в СССР иностранцам по гражданским делам за границей, а равно иностранным гражданам и организациям по их гражданским делам в СССР.

Примечание. На основе специального соглашения между бывшими акционерами «Кредит-бюро» и «Инюрколлегией» к коллективу адвокатов «Инюрколлегия» переходит весь актив и пассив ликвидируемого акционерного общества «Кредит-бюро» по балансу на 1 апреля 1937 г., а также весь портфель клиентских дел со всеми правами и обязанностями «Кредит-бюро» перед клиентами, иностранными корреспондентами и перед всеми третьими лицами.

2. Для осуществления указанных в п. 1 целей «Инюрколлегия» пользуется правами самостоятельного юридического лица. Она имеет право:

а) Заключать всякого рода сделки и договоры, вступать в заемные, вексельные и всякие другие обязательства, приобретать всякого рода имущество, в том числе недвижимое имущество за границей, управлять, заведывать и распоряжаться всякого рода имуществами, открывать на свое имя счета в банках в советской и иностранной валюте и получать с указанных счетов деньги, совершать всякого рода другие банковские операции, выдавать и получать на свое имя доверенности с правом дальнейшего поручения.

б) Предъявлять как в СССР, так и за границей иски и отвечать по предъявленным к ней искам, равно как совершать всякие про-

цессуальные действия, в том числе кончать дела миром, заявлять на суде признания и отказы от прав, подавать кассационные и всякие другие жалобы и т. п.

в) Принимать непосредственно на себя права и обязанности администратора по наследственным имуществам как внутри СССР, так и за границей, равно как давать поручительства и гарантии за администраторов по наследственным имуществам.

г) Принимать и увольнять служащих, открывать в СССР и за границей конторы и представительства, иметь уполномоченных корреспондентов и инкассаторов в пределах СССР и за границей.

д) Совершать как на территории СССР, так и за границей всякие судебные и внесудебные действия и операции, необходимые для осуществления указанных в п. 1 целей.

«Инюрколлегия» имеет печать с изображением своего наименования.

3. «Инюрколлегия» отвечает перед третьими лицами всем принадлежащим ей имуществом.

Члены коллектива никакой личной ответственности по обязательствам «Инюрколлегии» перед третьими лицами не несут.

4. Членами коллектива могут быть только члены Московской городской коллегии защитников.

Члены Московской городской коллегии защитников, желающие вступить в коллектив, подают об этом письменное заявление председателю коллектива, который оформляет это заявление в установленном порядке.

Каждый член коллектива имеет право выйти из состава его, подав об этом письменное заявление председателю коллектива.

5. Для руководства делами «Инюрколлегии» образуется в установленном порядке бюро «Инюрколлегии» в составе председателя и заместителя председателя.

На обязанности председателя лежит:

а) Утверждение приходов-расходных смет и плана работ «Инюрколлегии».

б) Составление годовичного отчета, баланса и счета прибылей и убытков.

в) Распоряжение имуществом коллектива.

г) Прием новых членов коллектива.

д) Установление форм и размера вознаграждения членам коллектива.

е) Ведение всех текущих дел «Инюрколлегии».

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 463 (четырееста шестьдесят третьим)

**ТОРГОВАЯ БАЗА МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
«СОЮЗПРОДМАГ»,**

находящаяся в ведении Московского областного отдела Союзпродмага НКВТ СССР.

На том же основании Московским городским финансовым отделом зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц под № 459 (четырееста пятьдесят девятым) **Московское областное отделение Союзпродмага НКВТ СССР**, находящееся в ведении Союзпродмага НКВТ СССР.

24

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц 5 января 1937 г. под № 754 (семьсот пятьдесят четвертым)

**ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ТРЕСТА «СОЮЗВЗРЫВПРОМ» (ПЭУСВП),**

находящееся в ведении Всесоюзн. государств. треста «Союзвзрывпром».

Адрес: Москва, Б. Черкасский пер., д. 4, тел. К 1-34-74 и К 4-36-14.

25

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 10 декабря 1936 г. под № 722 (семьсот двадцать вторым)

**МОСКОВСКАЯ СБЫТОВАЯ КОНТОРА ГЛАВСТАНКОИНСТРУМЕНТА
НКТП СССР,**

находящаяся в ведении Главстанкоинструмента НКТП СССР.

Адрес: Москва, ул. Кирова, д. 24, тел. К 4-16-49, К 4-56-79.

26

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 7 января 1937 г. под № 756 (семьсот пятьдесят шестым)

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАЗА МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СНАБЖЕНИЯ
ГЛАВМЯСО**

Адрес: Москва, Б. Комсомольский пер., д. 6, тел. К 0-24-80, доб. 67, расчетн. счет № 55195 в горуправлении МОК Госбанка.

27

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 14 мая 1937 г. под № 996 (девятьсот девяносто шестым)

**КОНТОРА ДОРОЖНЫХ РАБОТ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА
г. МОСКВЫ,**

находящаяся в ведении президиума Железнодорожного райсовета.

Адрес: Москва, Верхне-Красносельская ул., д. 38/19, тел. Е 3-44-22.

28

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации («Собрание законов и распоряжений правительства СССР» 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 14 мая 1937 г. под № 995 (девятьсот девяносто пятым)

РАЙОННАЯ РЕМОНТНАЯ КОНТОРА,

находящаяся в ведении жилуправления Ленинградского райсовета г. Москвы.

Адрес конторы: Москва, ул. Горького, д. 104, тел. Д 1-24-43. Таковая контора никаких претензий к бывшей Ремонтной конторе Белорусского подрайжилсоюза со дня сего опубликования на себя не принимает.

29